

ЛЮЦИАН КЛИМОВИЧ

**ИСЛАМ
В
ЦАРСКОЙ
РОССИИ**

КАЗАНЬ

Издательство «ИМАН»

2003/1423

ЛЮЦИАН КЛИМОВИЧ

**ИСЛАМ
ВЦАРСКОЙ
РОССИИ**

КАЗАНЬ

Издательство «ИМАН»

2003/1423

Печатается по изданию Л. Климович “Ислам в царской России” - М. 1936

Ответственный за выпуск

Валиулла Ягъкуб,
первый заместитель муфтия Республики Татарстан

Научный редактор

Наиль Гариф (Н.К. Гарипов),
научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан

Работа т. Климовича посвящена истории ислама у народов СССР до Февральской революции. В ряде монографических очерков, основанных в значительной части на новом материале, рассмотрены вопросы об исламе как орудии внутренней и внешней политики российского империализма, о происхождении и классовой сущности мусульманского сектантства, о классовых позициях реформистских течений в исламе, о роли мусульманских религиозных организаций во время мировой войны. Книга рассчитана на подготовленного читателя.

Подписано к печати 9.01.2003 Заказ № .
Тираж 200 экз. Объем 20 п.л. Формат 60х90 / 16.
© Издательство “Иман” г. Казань, ул. Насыри, 27.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ИСЛАМА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ислам как мировая религия оказал огромное влияние на исторические судьбы многих народов, в значительной мере определив их культурную самобытность, в том числе и татарского народа. Возрождение национального самосознания татар в конце XX века способствовали росту научных исследований, посвященных различным проблемам религиозной сферы. В современных условиях перед отечественной наукой поставлены новые задачи и возникли новые перспективы в освещении этих важнейших для духовной жизни вопросов, что обусловлено определенным состоянием российского общества, которое находится в поиске новых путей дальнейшего развития. В наше время для всего общества стало более чем актуальным обращение к собственному историческому прошлому. Татарский народ также как и другие народы приступил к активному поиску и изучению утраченного культурного наследия.

Наиболее актуальным в этих условиях является вопрос объективного освещения истории мусульманского общества, исламской культуры в Поволжье. Для этого необходимо более глубокое и основательное изучение проблем, связанных с деятельностью различных органов управления мусульманской общиной. В последние 70 лет исследования в данной области были ограничены по идеологическим соображениям. Практически после 1917 года по истории религиозной структуры мусульман Поволжья и Оренбургского Магометанского Духовного собрания (в дальнейшем ОМДС, Муфтият, Духовное собрание или управление) вплоть до начала 1990 г. не было объективных собственно научных исследований.

Вначале 1990-х гг., в условиях демократизации развитие межконфессиональных отношений российского общества стала актуальной. Появилось большое количество работ, в которых были предприняты попытки исследования опыта и особенностей исторического развития российских мусульман. Но, несмотря на значительные успехи в области изучения исторического пути мусульман России, который наметился за последние десять лет, еще многие аспекты данной темы остались вне поля зрения исследователей.

Особый интерес представляет изучение деятельности Оренбургского Магометанского Духовного собрания, как единственной управленческой структуры мусульман Европейской части России в XVIII - XX вв.. Актуальность изучения данной проблемы обусловлена и тем, что становление и функционирование ОМДС тесно связано и с важнейшими этапами истории татарского народа. Возникновению данной структуры предшествовал многовековой исторический опыт татар в области строительства системы государственного регулирования духовной жизни.

Проблема изученности развития религиозной структуры мусульман тесно связана не столько с недостаточным вниманием к ней, сколько с ее комплексным характером. Контакты различных типов культур, эволюция особенной культуры России были в центре интеллектуальных дебатов XIX века, отраженных в споре западников и славянофилов. Появление этих идейных направлений в 30-40-е годы XIX века свидетельствовало о социокультурных коллизиях модернизирующегося общества «В нашу эпоху нет более острой темы и для познания, и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, об их различии и взаимоотношении».¹

Исследование проблемы формирования религиозной структуры мусульман начинается во второй половине XIX в.. Оно связано с работой востоковедов Казанского университета. Одним из первых кто обратил внимание на особенности религиозной структуры мусульман Поволжья, был Карл Фукс. В "Известиях Общества археологии, истории и этнографии" при Казанском университете публиковались статьи и материалы о быте татар. Другой исследователь, уделявший в своих работах значительное место этой проблеме - Е. Малов, рассматривает статические материалы по строительству татарских мечетей. Общество естествоиспытателей, основанное в 1869 г. при Казанском университете организовало этнографические и

¹Бердяев Н.А. Смысл истории. - М., 1990. - С. 162.

антропологические экспедиции, а результаты исследований были обобщены и выходили в издаваемом университетом "Вестнике". Из татарских учёных практически впервые Ш.Марджани довольно подробно исследовал историю возникновения и деятельность ОМДС. В этом отношении большой научный интерес представляет работа Ш.Марджани "Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар" (Источники по истории Казани и Булгара), где он впервые дает оценку работе этого учреждения, рассматривает место и роль муфтията в жизни татар-мусульман Поволжья. Необходимо отметить, что Ш.Марджани зачастую критически оценивает деятельность ОМДС, возможно в этом свою роль сыграли его некоторые субъективные взгляды.

Статьи Каюма Насыри, где отражена история, культура татарского народа являются ценным материалом по изучению истории религиозной структуры мусульман края. К столетию ОМДС секретарем муфтията М.И.Уметбаевым, была подготовлена брошюра, где впервые были опубликованы полные биографии всех муфтиев и список членов собрания, раскрыты в общих чертах история создания ОМДС, приведены документы, регламентирующие его деятельность. Большой вклад в изучение религиозной структуры мусульман Поволжья и Приуралья внесли православные миссионеры, которые в процессе выработки новых методов христианизации, много внимания обращали и проблемам общественно-политической жизни татар. Правда, при этом нужно иметь в виду, что уровень исторической науки XIX в., степень изученности темы, состояние источниковой базы обусловили этнографический и описательный характер исследований по данной теме.

Кардинальные изменения в общественной жизни татар в начале XX века ознаменовали новый этап в исследованиях проблем религиозной структуры мусульман Поволжья. Среди наиболее значимых сочинений этого периода необходимо указать труды известного татарского богослова Р. Фахретдинова, который религиозную структуру знал изнутри. За годы работы в ОМДС Р.Фахретдинов систематизировал его архивы. В своём био-библиографическом труде "Асар", он приводит биографии муфтиев. При этом он, как и Ш. Марджани, в основном, разносторонне, но в целом критически оценивает их деятельность. Несмотря на то, что работе присущи некоторые субъективные оценки деятельности различных религиозных деятелей, она является ценным источником для изучения истории ОМДС и принципов его функционирования.

После октябрьской революции в оценке истории религиозных отношений в России исследователи исходили из принципов господствующей идеологии, что, в конечном счете, привело к исчезновению серьёзных религиоведческих исследований. Правда, ещё в 1920-е гг. появились труды с богатыми фактическими материалами. Среди них можно назвать работы Дж. Валиди, Г. Губайдуллина, Х. Атласи, А. Аршаруни, Х. Габидуллина и М.Г. Худякова.

М. Худяков, например, в своем исследовании рассматривает религиозную структуру Казанского ханства, которая накануне падения государства имела довольно разветвлённую систему. О развитии мусульманской идеологии и религиозных структур пишет в своей работе Дж.Валидов, довольно подробно останавливаясь на характеристике мусульманского духовенства, он по сути дела, определил их роль в организации системы религиозного образования. Особого внимания заслуживает книга А.Аршаруни и Х. Габидуллина "Очерки пантюркизма и панисламизма в России", где основное внимание уделяется идеологическим аспектам, на фоне которого развивалась религиозная структура мусульман в начале XX в.. Также можно выделить исследование Л.Климовича "Ислам в царской России" , которое рассматривает развитие ислама и его религиозных институтов на территории России.

Наступил период политического давления под предлогом борьбы с "национализмами". В стороне от поля изучения оставались проблемы этнической идентичности и сознания, межэтнических отношений. С утверждением практики идеологического управления наукой история народов схематизируется, из сферы анализа выпадают целые "неудобные" периоды, в табу превращается тема этноконфессиональных параметров и особенностей этнических общностей России.

Наиль Гариф (Н.К. Гарипов)

ЛЮЦИАН КЛИМОВИЧ

ИСЛАМ
В ЦАРСКОЙ РОССИИ
ОЧЕРКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - 1936

ОТ АВТОРА

Задача предлагаемого труда - показать реакционную роль ислама на примере ряда событий из истории России и ее колоний, кончая свержением русского самодержавия 28 февраля 1917 г.

История ислама у народов СССР до сих пор еще мало изучена. Это затрудняло разработку исследуемой темы и вызвало необходимость рассмотрения ее в более Широком, чем обычно, историческом аспекте. Из-за этого, например, пришлось подробно остановиться на таких проблемах, как отношение русского военно-феодалного империализма к мусульманским религиозным организациям в различных районах и в разные периоды; реакционная роль мусульманского духовенства в национально-освободительной борьбе; причины возникновения мусульманского сектантства в условиях русского самодержавия; социальный характер джадидизма в царской России и эмирской Бухаре; позиции религиозных организаций в тылу и на фронте мировой войны 1914-1919 гг. и т. п.

Рассматривая эту книгу как предварительную работу в области изучения истории ислама у народов СССР, мы надеемся, что и в таком виде она явится небесполезным пособием к дальнейшей разработке этой темы, несомненно имеющей большое научное и политическое значение. Непосредственным продолжением этой работы явится труд "Ислам в СССР". В нем нами освещается контрреволюционное значение ислама в истории тех же народов, начиная с Февральской революции 1917 г. до настоящего времени.

Для удобства читателя подстрочные примечания сокращены до минимума и почти целиком отнесены в конец книги. Транскрипция собственных имен, географических названий и иноязычных терминов везде, за исключением документально-исторических текстов и названий, по возможности, унифицирована.

3 июня 1935 г. Москва.

ВВЕДЕНИЕ

Ислам, мусульманская церковь, "мусульманские" учреждения и разного рода исламские толки и секты не представляют какого-либо исключительного явления в ряду других религий и религиозных организаций. Ислам возник и развился как идеология и организация господствующих классов, и, как и "все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации", исламские организации являются "органами буржуазной реакции, служащими защите эксплуатации и одурманению рабочего класса"¹. Этот вывод полностью подтверждается как прошлым, так и настоящим ислама и его разнообразных организаций.

Возникший как идеология зарождавшегося феодального строя в Аравии VII в., ислам своим учением освятил частнособственнические отношения, эксплуатацию большинства меньшинством. Интересам этого меньшинства в "священной" книге ислама, коране, служит требование безусловного подчинения верующих не только аллаху и его посланнику Мухаммеду, но также и всем имеющим власть² на земле. В ожидании райских наград трудящимся предлагалось безропотно переносить несчастья, якобы "посылаемые аллахом". Блаженства рая были обещаны лишь "терпеливым". Эксплуатация человека человеком была представлена как "божественная" необходимость.

К половине VIII в. ислам окончательно утвердился как государственная религия, освящающая феодальную власть аббасидских халифов (Багдад), вылившись в подробно разработанную религиозную систему. Судебные учреждения целиком руководствовались правоустановлениями, исходившими из текста "священных" книг ислама и разработанными мусульманскими церковниками в интересах феодальной власти. Вся личная, семейная и общественная жизнь мусульманина была подробно регламентирована и подвергалась неизменному контролю со стороны "святых отцов" ислама, являвшихся верными агентами господствовавших классов. Со времени проникновения европейского капитала в исламские страны и превращения их в колонии капиталистических держав, реакционная роль ислама получает дальнейшее развитие. Завоеватели-капиталисты, объединившись с местными эксплуататорскими классами, использовали ислам в своих обоюдных интересах. Религиозные организации ислама стали играть роль проводников и верных агентов захватнических интересов империализма.

Такова была роль мусульманского духовенства, состоявшего на службе у правительств помещиков и капиталистов Англии, царской России, Голландии, Франции, Италии, Германии. и других стран.

Современное положение ряда зарубежных исламских стран таково, что главенство в них мусульманских религиозных организаций является синонимом торжества реакции. В некоторых из этих стран положение в последнее время изменилось лишь в том отношении, что там мусульманские религиозные организации поставлены на службу пришедшей к власти буржуазии. Для лучшего выполнения поставленных перед ней задач исламская церковь там несколько реорганизована.

Эксплуататорская сущность ислама и неизменная реакционность и контрреволюционность действий мусульманских организаций, к сожалению, еще не для всех ясны. До сих пор можно встретить на этот счет даже обратное мнение. Например, в советской исторической литературе нередко протаскивались идеи об исламе как о гонимой, угнетавшейся "православным" самодержавием религии. Говорилось что мусульманские организации в истории национально-освободительных движений в колониальных странах якобы сыграли некогда (или даже сейчас играют) положительную, революционную роль и т.д. и т.п. Такие же взгляды развивают еще и теперь муллы и разные другие последыши разгромленной национальной контрреволюции, очутившейся, в результате победоносного завершения Страной Советов гражданской войны, в белоэмигрантских болотах Варшавы, Берлина, Парижа, Стамбула и Харбина.

Тщательное изучение истории ислама устанавливает, что эти взгляды так же ложны, как и утверждения некоторых буржуазных исламоведов, что ислам возник как

"движение социалистического порядка"³. Такие взгляды предвзяты и определены классовыми интересами их буржуазных авторов. Сравнительно широкому распространению этих ложных взглядов способствовало то, что ряд национально-освободительных движений имел яркую "мусульманскую" окраску. Сталкиваясь с этим фактом, исследователи огульно объявляли эту окраску, внешнее оперение совершенно не религиозных по существу движений их основной движущей силой. Таким образом, ислам в глазах этих исследователей и становился революционным.

Исторический анализ ислама полностью подтверждает указание Ф. Энгельса, сделанное им в 1895 г., о характерной особенности "религиозных восстаний магометанского мира". "Все это, - говорит в отношении их Энгельс, - религиозно перелицованные движения, вытекающие из экономических причин; но даже в случае победы они оставляют нетронутыми старые экономические условия. Все остается по-старому, и коллизия становится периодической"⁴.

Так было, например, с сектантскими движениями, известными под именами ваххабизма, сенусизма, махдизма и др., возникшими в период проникновения европейского капитала в исламские страны. Опиравшиеся на рост массового недовольства крестьян и ремесленников, движения эти использовались в своих классовых интересах наиболее консервативными феодальными группами соответствующих исламских стран. Лозунг развившегося в половине XVIII в. в Аравии ваххабизма - "священная война за чистоту первоначального ислама" - прямо отвечал подобным интересам его руководителей-эмира Дерайи Мухаммеда ибн-Сауда и других феодалов. То же имело место в Индии, где к 20-м годам XIX в. антибританские настроения выливаются в широкое социальное движение, проходившее среди мусульман под ваххабитскими знаменами. Правда, ваххабитские лозунги здесь были направлены к отстаиванию былой политической и экономической независимости страны. Но, поскольку руководство борьбой за эту независимость находилось в руках феодально-клерикальных кругов, о достижении действительной независимости не могло быть и речи. Ряд аналогичных примеров дает основание заключить, что даже в случае успешного развития этой борьбы феодально-клерикальные круги на том или другом этапе этой борьбы обязательно сталкивались бы с английским империализмом. Сделали бы они это для того, чтобы иметь для себя поддержку английского империализма против трудящихся своей страны.

Выступившие в 30-х годах XIX в. под ваххабитскими же лозунгами сенуситы также защищали интересы феодалов. Совершенно в иной плоскости стоит, конечно, вопрос о том, что объективно своей поддержкой движения нубийских кочевников, направленного против колонизаторской системы и фискального гнета чиновников египетского хедива и стоявшей за ним Англии, сенуситы сыграли некоторую положительную роль.

Реакционный характер имели сектантские движения ваххабитствующих в Китае (в основном в провинции Ганьсу, с конца XVIII в.), ваисовцев в Казанской губернии (см. ниже главу VI) и др. "Наше оружие - наши молитвы" - этот лозунг ваисовцев отлично характеризует степень их "революционности".

Столь же реакционны были и другие секты ислама. Так, возникший в конце первой половины XIX в. в Иране бабизм отражал и защищал интересы нарождавшейся туземной буржуазии. Баб, глава бабидов, выражая интересы торгового капитала, учил, что необходимо развивать пути сообщения, телеграф, печать, вводить новые методы преподавания и т. д. Продолжал рекомендовать эти нововведения и бехаизм, пришедший на смену бабизму. По "Священной книге" (Китабе-акдес) бехаистов, "суть служения богу" заключается в "занятии... ремеслом, промышленностью"⁵. Можно брать "проценты золотом и серебром", но "рабочие не должны больше возмущаться и бунтовать... не должны выходить на забастовки и не должны требовать бесстыдной заработной платы" (Абдул-Беха).

Возникшее в конце 1912 г. на о. Яве "националистическое движение под знаменем ислама", о котором В. И. Ленин писал в 1913 г. в статье "Пробуждение Азии"⁶, также было направлено его руководителями по ложному пути. В первом параграфе образованной тогда организации "Сарекат-ислам" прямо говорилось, что эта

организация ставит своей целью "достижение братских отношений... единодушия и взаимной помощи между мусульманами средствами, не противоречащими законам страны", т. е. мирящимися с существованием классового неравенства и с господством голландского, империализма в Индонезии. Поэтому было вполне естественно, что имевшиеся в Сарекат-исламе революционные элементы вынуждены были из него выйти, образовав самостоятельную организацию - "Сарекат-раят".

Мусульманская церковь в национальных движениях играла всегда в конечном итоге предательскую, реакционную роль, идя на сговор с врагами подлинной независимости стран. Социальный характер религиозных организаций ислама обуславливал то, что эти организации обслуживали и обслуживают правящие классы не только "мусульманских", но и "христианских" (самодержавная Россия, Англия, Голландия, Франция, Италия, Германия и др.), "буддийских" и иных государств. Панисламистские и им подобные организации не представляли в этом никакого исключения. Пропаганда ислама, как и всякой иной религии, являясь проповедью "одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете"⁷, лила (как льет и сейчас) воду на мельницу эксплуататоров в интересах как внешней, так и внутренней их политики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСЛАМ - ОРУДИЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УГНЕТАТЕЛЕЙ В ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ (XI-XVIII вв.)

Найденные в пределах СССР (и в Скандинавии) клады восточных монет, относящихся к периоду от VIII до начала XI вв., свидетельствуют о сравнительно развитых торговых сношениях России со странами Востока уже в то время. Наряду с этим Россия, как и вообще Восточная Европа, издавна испытывала культурные и религиозные влияния со стороны как Византии и "католического" Запада, так и "мусульманского" Востока. Последнее было столь значительным, что вопрос о том, какое же из этих влияний одержит верх, долго оставался открытым. На этом, вероятно, основана известная легенда о посольствах, отправленных киевским князем Владимиром для испытания и выбора веры.

У персидского писателя начала XIII в. Мухаммеда ал-Ауфи в "Сборнике анекдотов и собрании блестящих рассказов", как очевидное отражение названных влияний, содержится аналогичная легенда. Однако возникла она, вероятно, независимо от рассказа несторовских летописей о посольствах Владимира "Святого". Ауфи говорит о, "русах", т. е. русских, что "они постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добывать себе пропитание - меч".

С принятием христианства эти русы якобы были вынуждены "вложить те мечи в ножны". А "так как они не знали другого способа добывать себе пропитание... то их дела пришли в расстройство, и жить стало им трудно. Поэтому они почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами; их побудило к этому желание получить право вести войну за веру. Они отправили послов к хорезм-шаху; послов было четверо, из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего, титул Буладмира (т. е. Владимир; Ауфи ошибочно считает это имя титулом.- Л. К.)... После этого они все сделались мусульманами".

Таким образом, получив "право" на ведение войн, - "они, - по рассказу Ауфи, - совершают походы в отдаленные земли, постоянно странствуют по морю на судах, нападают на каждое встречное судно и грабят его"¹.

Этот рассказ Ауфи очень характерен. Изложенная им легенда подчеркивает политическое значение ислама. Ислам здесь рассматривается как политическое оружие, выгодное завоевателям. Оснований к такой характеристике ислама и в XIII в. было много. Очевидно, благодаря этому и академик В. В. Бартольд считал возможным, что эта "мусульманская - легенда является отголоском похода на Константинополь Владимира Ярославича (1043г.)"².

После принятия Россией христианства от греков интерес к исламу не падал. В московский период в числе обширной переводной (с западноевропейских языков) литературы были и книги о Мухаммеде и об исламе. Широко общались "православные" власти и с представителями "мусульманских" государств. Еще в конце XVI в. в Москве был хивинский царевич Махмет-Кул (Мухаммед-Кули), который даже принял участие в походе Бориса Годунова против татар (в 1598 г.). Племянник Махмет-Кула, хивинский царевич Афган-султан (умер в Касимове в 1648 г.), "к большой чести и повышению государева имени" поступил на русскую службу. Известно также, что еще до взятия Казани Иоанном Грозным (1552 г.) среди татарских феодалов была довольно большая группа московской ориентации, экономически связанная с Московским царством.

Распространенная до сих пор в литературе и тщательно поддерживаемая мусульманским духовенством версия о преследовании русским самодержавием ислама как религии является ложной. Не имеет оснований она и для того периода, когда русский царизм силою меча покорил татар, узбеков и ряд других народностей, исповадовавших ислам. До завоевания их Россией, где христианская православная церковь была государственной, ислам являлся господствовавшей религией феодальных государств этих народов. Царизм, подчинив эти народы, естественно, боролся против их старого управленческого института. Борясь с этим, он не мог не выступать и против их религиозных организаций. Этим объясняется тот факт, что самодержавная Россия боролась с неугодной ей организацией мусульманского духовенства, особенно в первое время после подчинения тех народов, которые исповедовали ислам.

Но борьба эта не имела характера борьбы против мусульманской религии и ее представителей, а была борьбой против старого мусульманского управленческого аппарата, не желавшего примириться с русским господством. Так, духовные феодалы Казанского ханства, возглавлявшиеся шерифом и сейидами, т. е. лицами, имеющими якобы "пророческое" происхождение, во время падения Казани защищались до последнего момента. Во время взятия Казани, - как говорит первый историк Казани М. Рыбушкин, - "близ царского терема ожидали русских Кульшериф, сеиты³ и знатнейшие муллы татарские, но не с покорностью, а с оружием - и все были побиты"⁴. В разрушении самостоятельности Казанского ханства эти высшие слои духовенства видели утрату своего бывшего могущества и падение доходов с их приходов. Новая власть не могла не пошатнуть и их политического влияния.

Даже погромный указ царя Феодора Иоанновича, данный по доносу архиепископа Гермогена (впоследствии патриарха), гласивший: "мечети же татарские все пометати и татарам мечети однолично не ставити и конечно татарские извести", - не ставил себе целью "угнетение ислама" как религии, его задачей было лишь окончательно подорвать остатки татарского феодального сепаратизма, идеологическим выразителем, которого в своем большинстве все еще являлось мусульманское духовенство. Мечети же в то время являлись опорными пунктами для агитации против русских завоевателей со стороны этих групп мусульманского духовенства. Поэтому разрушение их на основании правительственных указов характера борьбы против ислама как религии не носило.

Другое дело, конечно, действия некоторых из православных миссионеров, как например известного главы казанской новокрещенской конторы (1740-1764 гг.) Луки Конашевича, которого даже Екатерина II сравнивала со средневековым инквизитором.

Для нас в данном случае важна основная линия царизма в отношении к исламу как религии. Эта линия с первых же шагов русского самодержавия выражается в стремлении, поставить себе ислам на службу.

Подчинив господствовавшие феодальные классы завоеванных Россией народов, царизм привлечением на свою сторону ислама хотел получить в свои руки идеологическое оружие этих классов. Ислам, - как и всякая религия, - был одним из видов "духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством"⁵.

Получив ислам в свои руки, самодержавие могло иметь меч о двух остриях: и против непокорных ему феодалов, и против эксплуатируемых ими масс.

Эти задачи русскому самодержавию, безусловно, в большой мере удалось разрешить. История здесь почти повторилась. Завоеватели не раз и ранее в истории народов СССР использовали религию своих врагов. Например, так было во время нашествия Тахтмышы в 1382 г. Тогда, по словам историка М. Н. Покровского, "против всех западных (военных. - Л. К.) новшеств татары нашли старое и испытанное русское средство. В войске Тахтмышы оказалось двое русских князей, зятьев Дмитрия Ивановича, которые взялись поцеловать крест перед москвичами, что татары не сделают последним никакого вреда, если они сдадут город. Москвичи поверили княжескому слову, отворили ворота - и город был разграблен, а жители перебиты или уведены в плен"⁶.

Такое использование православия ханской властью не являлось новшеством.

Известно, что после так называемого татарского нашествия, когда "высший политический центр Руси переместился в Орду... юридически правовое положение церкви определялось... ханским ярлыком. В этих грамотах, данных "неверными" царями, [привилегии русской церкви были закреплены так определенно и так широко, как еще ни разу не было при благоверных российских князьях: недаром на семь ордынских ярлыков ссылались еще митрополиты XVI в., защищая права церкви от захватов светской власти. Первый же из этих ярлыков, относящийся еще к XIII столетию, всего 30, самое большее 40 годами позже разгрома, даровал православному духовенству не только самую широкую свободу исповедания, но и целый ряд "свобод" чисто гражданского характера. "Попы, чернецы и все богадельные люди" были освобождены как от татарской дани, так и от всех других поборов: "не надобе им дань, и тамга, и поплужное, ни ям, ни подводы, ни война, ни корм; во всех пошлинах не надобе им ни которая царева пошлина...". Привилегия распространялась и на всех церковных людей вообще, т. е. и на мирских людей, состоявших в услужении церкви: "а что церковные люди: мастера, сокольницы, пардусницы (звероловы) или которые слуги и работницы и кто ни будет из людей, тех да не замают ни за что ни на работу, ни на сторожу". Одновременно за церковью были закреплены все недвижимые имущества, находившиеся в данный момент в ее руках: "...земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, летовища...". В ярлыке, данном Петру митрополиту ханом Узбеком, к этому присоединилась еще полная автономия церковного суда во всех делах, касающихся "церковных людей" в самом широком смысле слова: "а знает митрополит в правду, и право судит и управляет люди своя в правду, в чем ни буди: и в разбои, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах ведает сам митрополит един или кому прикажет"⁷.

Ханские грамоты, таким образом, устанавливали, и закрепляли за церковью самые большие привилегии, какими только она могла пользоваться в средние века где бы то ни было в Европе. "Причины такого милостивого отношения "неверных" (сначала язычников, позже - с Узбека -магометан) завоевателей России к православной вере, ее представителям и даже ко всем, кто ей так или иначе служил, указаны в ярлыках вполне точно... "Чингиз царь и первые цари, отцы наши, - говорит, например, ярлык, данный Алексею митрополиту (около 1357 г.), - жаловали церковных людей, кои за них молилися... Так молвя, написали есмя: какова дань не будет, ни пошлина, ино того тем ни видеть, ни слышать не надобе, чтобы во упокое бога молили и молитву воздавали... И мы... есмя Алексея митрополита пожаловали. Как сядет на своем столе и молитву воздаст за нас и за наше племя..." "Молитва", конечно, предполагалась публичная, официальная - а не частная, про себя... Что было важно хану - это, чтобы его в России формально признавали государем, признавали те, чей голос имел вес и авторитет в глазах массы. И татары прекрасно понимали ту элементарную истину, что оружием можно завоевать страну, но, держаться в ней при помощи одного оружия нельзя. Что церковь предоставляла в их распоряжение свое влияние на верующих, этого нельзя было не оценить, и естественно было наградить - за это церковь привилегиями. А что эти последние стесняли власть местных светских правителей, это, конечно, Орде могло быть только приятно. Союз православной церкви и татарского хана на первых порах был одинаково выгоден для обеих сторон... (Татары) получали в свое распоряжение крупнейшую полицейскую силу, позволявшую заменить мечом

духовным меч вещественный, который неудобно же было извлекать из ножен слишком часто"⁸.

Этот экскурс в историю наглядно показывает, что отношения между православием (а тем самым и российским самодержавием) и мусульманством уже с самых давних времен были вполне дружественными. Как во времена ханских завоеваний на службу ханам была поставлена христианская православная церковь, так впоследствии ислам в лице своих главнейших организаций стал служить русскому самодержавию (а тем самым - и православию).

Уже во времена Минина и Пожарского русская власть опиралась не только на русских служилых людей, но, и на служилых татар и мурз. На Земском соборе 1613 г. мы встречаем, поэтому и представителей татарских феодалов. В утвержденной тогда грамоте находится семь "рукоположений" мурз и князей татарских, подписавших ее не только за себя, но и за своих "юлдашей", т. е. товарищей, среди которых были представители и из бывшего, Казанского ханства. Когда крестьянское революционное движение несколько улеглось, татарские мурзы в своих официальных документах, написанных на татарском языке, называли царя Романова "белым ханом" или "падишахом" и ставили имена царей наряду с именами бога и Мухаммеда.

Эксплуататоры разных народов и религий всегда солидарно выступали в защите интересов друг друга против трудящихся. Во времена стрелецкого бунта царевна Софья опиралась на служилое сословие, в рядах которого были и татары. Подобный факт имел место и в самом начале XVIII в., когда территория современной Татарской республики была ареной борьбы между правительственными войсками и восставшими против русской колонизации башкирами, к которым примкнули "инородческие" крестьяне. "Был затем, - говорит об этом татарская летопись, -1119 год (хиджры, т. е. 1708 г. христианского летосчисления. - Л. К.), как воевали башкиры и русские ходили под предводительством именовавшегося Сеид Аристовым, под конец башкиры вошли в среду казанских людей и подчинили этот народ себе. Жгли много деревень и монастыри, и, полоня много русских женщин и девиц, набеги совершали казанский народ и башкирцы вместе".

В этом сообщении об антикрепостническом восстании башкир и "казанского народа" для нас особенно интересно следующее: служилые татары и казанская татарская буржуазия, возглавляемые Ишбулатом-муллой, дали сражение восставшим башкирам и "инородческим" крестьянам и, разбив последних, освободили Казань от повстанцев⁹. Итак, уже в первые годы XVIII столетия виднейшие представители мусульманского духовенства возглавляли армию феодалов-крепостников и торговых людей, защищая интересы российского самодержавия.

И именно здесь, при подавлении выступивших в 1707- 1708 гг, против своих угнетателей татар и башкир, выпукло проявилась реакционная роль мусульманского духовенства. Это восстание татар и башкир было частью развернувшегося на Дону на пороге XVIII в. булавинского восстания, бывшего "мощной крестьянской войной, переплетенной с колониальной революцией угнетенных народностей (башкир, татар, мари и пр.)"¹⁰. Вышеупомянутый мулла Ишбулат боролся против этих революционных событий. Ту же роль тогда сыграли "лучшие", знатные люди (в их числе мусульманское духовенство) и в Елабуге. Они не задумались предать интересы своего народа, например, когда жестоко подавлявший восстание в Поволжье Хованский в конце марта 1708 г. подошел к Елабуге. То же случилось и в июне того же 1708 г., когда, кроваво усмиряя восставших башкир, десяти тысячный отряд подкупленных царизмом калмыков и войска русских ратных людей под начальством Бахметьева перешли реку Ик. Начались переговоры знатных башкир с царским стольником. Глава восстания мулла Исмаил и "батыри" просили простить их вины: "А если мы теперь с калмыцкими и русскими войсками бились, то виноваты и коран целовать станем, что изменять не будем и весь полон отдадим"¹¹.

Время царствования Петра I связано с широкими планами развития торговых взаимоотношений с странами Востока и, в первую очередь, с странами распространения ислама. Характерно, что одновременно с этим Петр I считает необходимым изучение ислама. Говоря так, мы имеем в виду работы б. молдавского

господаря Дмитрия Кантемира, долго жившего в Турции. Перейдя в Россию, Дмитрий Кантемир уже в княжеском звании, служа Петру I, написал ряд книг по "истории магометанства". Из них нам особенно интересен труд Дм. Кантемира - "Книга Систима, или состояние мохаммединския религии". Как отмечено на титульном, листе этого труда он "напечатан повелением его величества Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. В типографии царствующего Санкт-Питербурха. Лета 1722, декабря в 22 день".

Задачу своей книги Кантемир определяет так: "Уповаю, яко он (читатель) не токмо вышеименованного философа (Порфирия. - Л. К.) сентенцию (что "закон мухаммеданский есть закон свинский". - Л. К.) подтвердит, но курановым лжеплетениям с истинны постановлениями, равно противу себя положенным бывшим со пророком божественным твердо постановит, повествования нечестивых были блудословия, басни, изобретения поврежденного мозга и плод глупейшего разума" ¹².

Но как показывает дальнейшее рассмотрение труда князя Дм. Кантемира, ислам интересовал его совершенно не потому что он якобы "изобретение поврежденного мозга и плод глупейшего разума". Князь Дм. Кантемир с поощрений Петра I изучал ислам потому, что тот являлся политической силой. И не только у Дмитрия Кантемира, но и у более поздних авторов, в книгах, изданных хотя бы и "во увеселение меланхоликов", интерес к исламу определялся именно этим. Так, "Предуведомление" к изданной с такими "целями" ("во увеселение меланхоликов") "иждивением Н. Новикова и компании в Москве" в 1783 году брошюре "Ахукамукхама талым набы" (или "книга богословии Магометовой"), повторив отзывы Кантемира об исламе и его "святостях", сообщало, что "смешные бредни, которые суть рассеяны в оном ложном разговоре (Мухаммеда с "евреином Абдиею Ибенем Салоном". - Л. К.), превосходят чудностью все удивительнейшие вещи, которые могут когда-либо, пригрезиться спящему сумасброднейшему человеку. Читатель усмотрит сам, коликими шутками наполнен сей закон Магометов, который, не имея никакого основания, кроме суеты и лжи, владение свое однако простерл нераждением христианских народов и худым согласиём между их начальниками в пространнейшие и лучшие части света" ¹³.

Именно последнее, подчеркнутое нами, и определяло собою интерес к исламу. Ведь не нужно забывать, что крупнейшая "мусульманская" держава того времени, Турция, не выпуская из своих рук ключ к проходу в Средиземноморье (Константинополь), а оттуда и в другие страны, сохраняла еще большую силу в южных областях России. Недаром состоявший при Академии наук профессор арабского языка Керв 1733 г. подал проект учреждения особой восточной академии, в котором ссылался на составленные им раньше планы завоевания Турции и Средней Азии ¹⁴. Все это являлось политикой, защищавшей экономические интересы эксплуататорских классов России. Не напрасно Петр I, давая поручение татарскому мурзе Тевкелеву, главному переводчику в его "персидском походе", принять меры к присоединению киргизов к России, требовал осуществления этого, "несмотря на великие издержки, хотя бы до миллиона". Приняв во внимание то, что деньги в конце первой четверти XVIII в. (когда это имело место) стояли выше современного курса золотого рубля не менее, чем в два десятка раз, становится еще более ясным, что вопрос этот имел совершенно не шуточное значение.

Действительно, разве ислам в то время не являлся фактором внутренней политики? Он играл подобную роль, например, в разжигании вражды между башкирами и казаками еще в середине XVIII в., когда ислам не успел еще достаточно укрепиться среди этих народов. Об этом говорят правительственные инструкции властям только что образованной Оренбургской губернии. "Употреблять один народ против другого, сберегая русское войско", - предлагает одна из таких инструкций, данная первому начальнику Казахского края Кириллову. Результаты их исполнения известны. Это произведенный руками казахов при первом оренбургском губернаторе Неплюеве в пятидесятых годах XVIII в. страшный погром башкирского народа, от которого Башкирия долго не могла оправиться. Одновременно с использованием ислама царское правительство делало попытки распространения среди мусульман православия. Но после неблагоприятных для правительства результатов именного указа от 11 сентября

1740 г. Казанской новокрещенской конторе, развязавшего руки самым озверелым поборникам православного миссионерства, самодержавие значительно охладело к политике обращений мусульман в православие. Для него стало, совершенно ясно, что поддерживать ислам может быть выгоднее, чем распространять среди исповедующих его народов православие. Поэтому, когда в 1755 г. было разрешено основание в небольшом расстоянии к северу от Оренбурга так называемого Сеитовского посада (у татар - Каргала) для 200 семейств, освобожденных от податей и повинностей, то там, по словам современника П. И. Рычкова, была построена "мечеть, которой больше и лучше, как сказывают, во всей Казанской губернии ныне нет". Центром мусульманского богословия Сеитовский посад оставался и долгое время спустя.

Погромная деятельность разгулявшихся (особенно в царствование императрицы Елизаветы) православных миссионеров, однако, сказывалась долго. Разрушение огромного количества мечетей в эпоху Елизаветы Петровны, гонение на духовенство, выселение татар-крестьян со старых мест жительства, тройные налоги, которые платило татарское крестьянство за счет крещеных инородцев, освобождаемых от налогов, - все это подорвало экономическое благосостояние мулл и временно настроило некоторые группы их оппозиционно по отношению к правительству. Мусульманское духовенство у татар, как и всякое духовенство, не представляет однородной массы: оно дифференцировано. Среди него имелись муллы из мурз, владевшие огромными поместьями, но были и экономически маломощные ахунды, которые в качестве агентов царского правительства служили для связи России с Средней Азией или Башкирией. Они-то всегда и всецело действовали на стороне правительства. "Например, депутат и ахунд Абдулла Муслимов, из рода князя Давуша, как передает историк, Фахруддинов (во время Пугачевского восстания.- Л. К.), вел агитацию против "бунтовщиков" и сам активно боролся с ними"¹⁵. Идеи народного восстания против угнетателей в то время были весьма популярны. Народы Средней Азии (казахи, киргизы) тогда же отразили их - в ряде легенд. Герой их, народный вождь, наделен, согласно легендам, даже сверхъестественной силой. Так, по словам одной легенды, когда один хивинец, считая этого героя, народного вождя, за дьявольское наваждение, хотел проклясть его, пользуясь кораном, то пал замертво с искривленным ртом и только тогда оправился, когда через три дня испросил у него (характерно - не у аллаха!) прощения¹⁶.

Заключенные между Россией Екатерины II и Османской империей (Турция) Кучук-Кайнарджинский трактат 1774 г., Изъяснительная конвенция 1779 г. и другие сопутствовавшие им события привели, как известно, к окончательному захвату ("присоединению") Крыма Россией в 1783 г. Поскольку вопросы религии играли довольно значительную политическую роль как в Кучук-Кайнарджинском трактате 1774 г., так и в последовавшей Изъяснительной конвенции 1779 г., где они получили отражение в притязаниях Османской империи, русское правительство было заинтересовано в том, чтобы что-либо им противопоставить. Это обстоятельство¹⁷, наряду с вышеизложенным, явилось причиной издания в 1785 г. грамоты о веротерпимости, текст которой в XIX в. вышел в основные законы. Предпосылки к этому, собственно, заключались уже и в манифесте Екатерины II от 17 марта 1775 г. "О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с Портою Османскою" (особенно §§ 38, 39, 40 и др.).

Мусульманское духовенство к этому времени уже окончательно и в целом определилось как агентура самодержавия. Характерен в этом отношении, например, следующий указ Екатерины II на имя уфимского губернатора от 26 ноября 1785 г. (с татарского перевода):

"Назначение мулл, - говорится в нем, - для различных племен киргиз вполне соответствует и помогает делу осуществления наших ранее данных распоряжений. Постарайтесь назначить - этих мулл из казанских татар, чтобы они были крайне надежными и преданными людьми. Перед отправкой на место службы надо очень серьезно проинструктировать их в том, чтобы они воспитывали киргиз в духе подчинения нашему царствующему дому и предупредили те беспорядки, которые постоянно возникают на этих наших границах, обеспечьте их необходимыми

средствами на путевые расходы, особо выделяющихся - особыми на этот предмет вознаграждениями"¹⁸.

Вслед за этим, в 1786 г., после утверждения устава народных училищ, барону Игельстрому, наместнику Симбирскому и Уфимскому, поручается озаботиться о введении таких училищ в казахских степях. Было предписано печатать учебные книги на казахском языке, а в качестве преподавателей, за отсутствием подходящих кандидатов среди русских и казахов, назначать казанских мулл. Одновременно императрица Екатерина II на государственные средства строит ряд мечетей среди кочевников-казахов и издает для них коран (см. гл. III). Этим самодержавие надеялось способствовать переводу киргиз на оседлость, в чем оно было заинтересовано.

Чтобы лучше руководить деятельностью этой своей новой агентуры - мусульманского духовенства, правительство Екатерины II именным повелением от 22 сентября 1788 г. учреждает "Оренбургское магометанское духовное собрание" в г. Уфе.

Текст этого "повеления", данного Екатериной II "генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Симбирского и Уфимского, барону Игельстрому", гласит:

"Высочайшее повеление императрицы Екатерины II об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания. Приняв за благо представление ваше, чтобы муллы и прочие духовные чины магометанского закона между народами, оный в империи вашей исповедующими, определялись не иначе, как по учинении им надлежащего испытания и с утверждением наместнического правления, повелеваем вам произвести сие в действо и в следствие того учредить в Уфе духовное собрание магометанского закона, которое, имея в ведомстве своем всех духовных чинов Того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврической области, где особое есть духовное управление, в случае надобности определять их куда-либо вновь, сии люди были испытываемы и не иначе определяемы, как когда признаны будут достойны ми; со стороны же наших генерал-губернаторов, правящих ту должность, в отсутствии же их-губернаторов, наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежны и доброго поведения. В духовном собрании помянутом председательствовать первому ахуну Мухамет Джан Гусейну, коего мы всемилостивейше жалуем муфтием (т. е. "духовным" чином, равным примерно христианскому митрополиту. - Л. Я.), с производением ему жалования по 1 500 рублей на год, и с ним заседать 2 или 3 муллам из казанских татар, в верности к нам и в добропорядочном поведении их испытанным, с жалованием по 120 рублей на год; о чем представляем вам снести с генерал-губернаторами и правящими их должность тех губерний, в коих народы магометанской веры обитают"¹⁹.

Чтобы сделать муфтия совершенно "своим" человеком и дать ему наибольшую силу над подвластным ему населением, Екатерина II превратила, его и его потомство в крупных собственников. Именной указ Екатерины II, от 26 января 1793 г., так говорит об этом:

"Рассмотрев поднесенный нам от Сената доклад, последовавший по прошению магометанского закона муфтия Мухамет Джана Гусейнова, всемилостивейше позволяем ему покупать порожня земли у башкирцев на законном основании, и заселять оныя покупаемыми за границею иноверцами, присвоая ему и потомству его право продавать оные..."²⁰

Так Екатерина II, защищая свои захватнические интересы, уже первого муфтия превращала в помещика-крепостника. Ведь даже лица православного духовенства единолично не пользовались такими правами.

Все это, конечно, делалось в политических целях. Этим самодержавие старалось облегчить подчинение себе тех народов, которые исповедывали ислам. Таким образом, создавалось внутреннее внеэкономическое оружие завоевания этих стран. И оно, имело успех. Из недавно найденных старых татарских летописей, например, видно, что если еще в XVII и первой половине XVIII в. русские, в том числе и "начальствующие" лица, называются не иначе как "урысын кафыр", т. е. "русский неверный", то со второй

половины XVIII в. эти же летописи уже повествуют о жизни царствующей фамилии, "православных" царей и т. д. в вполне лояльном духе. Со времени Екатерины II во вновь выстроенных (после их массового разрушения на основе указа 1740 г., см. выше) мечетях провозглашается "многая лета" царствующим персонам и т. д. и т. п.

Итак, учреждая государственно надежное Духовное собрание мусульман, Екатерина II обеспечивала "Обслуживание" подвластных ей народов России, исповедывавших ислам, преданными ей кадрами мусульманского духовенства.. Это было особенно важно потому, что ислам по своим "священным" законоположениям какого-либо "рукоположения", "посвящения" и тому подобных форм назначения духовенства не знает. Конечно, это одно не могло вполне гарантировать, тем более на первых порах, русского господства над исповедующими ислам народами, правительственную благонадежность всего мусульманского духовенства. Но все же с введением подобного учреждения, к которому вскоре был прибавлен институт указных правительственных мулл, "беспокойство" российского самодержавия на этот счет нашло выгодное для себя разрешение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО - АГЕНТУРА РУССКОГО ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (XIX-XX вв.)

Отношение царского правительства к мусульманскому духовенству продолжало развиваться и в дальнейшем в плоскости дружеского сотрудничества. Колонизаторы Российской империи хорошо поняли и твердо усвоили то, что ислам, как религия, служит им на пользу.

Документы говорят о том, что самодержавие в подвластных ему территориях не только устанавливало и руководило деятельностью мусульманского духовенства, но и заботилось о том, чтобы сама верующая масса была ревностна в исполнении "обязанностей" своей религии, ислама. Так, один из документов того времени гласит:

"По указу его императорского величества, самодержца всероссийского, все мусульмане России должны выполнять все требования своей религии, строго выполняя ее догматы.

Вероотступников наказывать следующими тремя способами: первый раз - розгами, второй раз - палками и третий раз - нагайками.

Сенатор Павел Богданов

Секретарь Даниил Медведев

Нач. Канцелярии Иван Черкасов

1833 года".

В том же 1833 г. был сделан татарский перевод этого указа, скрепленный подписью муфтия Сулейманова¹.

Примерно то же повторяет объявление, составленное на турецком языке от имени губернатора Туркестанской области генерала Черняева и подписанное им 19 июня 1865 г. В нем "населению предписывается, под страхом обычных наказаний, строго соблюдать все предписания ислама"².

Такие указы и объявления явились результатом длительной проверки деятельности мусульманского духовенства со стороны чиновников русского самодержавия. Благодаря этому эти документы представляют для нас особую ценность. Они дают нам возможность оценить по достоинству значение мусульманской религии и церкви для "православного" самодержавия. В историческом аспекте это становится особенно, ясным. Вот несколько иллюстраций.

Завоевание Кавказа велось российским самодержавием испытанными мерами. "Разногласие между горцами облегчит наше предприятие", - писала Екатерина II генералу де-Медему, "на это дело и денег не жалеть"³. Муллы вскоре же были взяты на учет. В приказаниях чиновников самодержавия по Карачаю неизменно указывалось:

* Он получил 750 руб. и 180 червонцев.

"приставу с эфендием продолжать приводить к присяге весь карачаевский народ"⁴.

Особенно характерным было использование мусульманского духовенства самодержавием в качестве орудия против национально-освободительных и антифеодальных движений на Восточном Кавказе в первую половину XIX в. Дело в том, что обычно историками, особенно церковными, эти движения, как например связанное с именем Шамиля, толковались как исключительные проявления "мусульманского фанатизма". В работах этих историков обычно не допускалось и мысли о возможности использования мусульманского духовенства русским военно-феодальным империализмом в его борьбе против этих "мусульманских" движений. Наоборот, каждый новый чалмоносец рассматривался в этой литературе как антирусский агитатор, турецкий или персидский эмиссар и т. д.

Материалы, официально опубликованные чиновниками российского самодержавия, не дают никаких оснований делать вывод о мусульманском духовенстве как выразителе интересов боровшихся за свою независимость народов Кавказа. Движение этих народов носило ярко выраженный национально-освободительный и антифеодальный характер и направляло свои удары как против иноземных угнетателей, так и против своих эксплуататоров-"земляков". Роль мусульманского духовенства выражалась здесь в том, что оно старалось исключить классовое содержание из той борьбы, которую вели трудящиеся Кавказа. Эта политика мулл ввела в обман некоторых исследователей, которые под влиянием поповской литературы склонны не замечать классовой борьбы внутри национального движения "мусульманских" народов. Так, существует тенденция усматривать в национально-освободительном движении имама Мансура некий "межклассовый мир". В действительности тут никакого "межклассового объединения" не было. Феодалы и родовая верхушка стремились овладеть в целях его обезвреживания тем движением недовольства масс, которое было направлено как против русского самодержавия, так и против их самих. Имам Мансур, возглавивший движение, вызванное недовольством масс, в силу своей эксплуататорской природы приложил все старания к тому, чтобы направить возглавленное им под религиозными лозунгами освободительное движение в колею интересов туземных феодалов. Такова же в основном была роль и других имамов в этой героической борьбе народов Кавказа⁵.

Как реагировала на эту борьбу царская Россия? Ограничилась ли она жестоким усмирением кавказцев огнем и мечом и широким разглашением при помощи своих наемных писак версии о "мусульманском фанатизме" как якобы главной причине освободительной и антифеодальной борьбы народов Восточного Кавказа? Только ли военные и "литературные" меры были здесь ею приняты?

Документы истории завоевания российским самодержавием народов Восточного Кавказа и кровавого усмирения им освободительной и антифеодальной борьбы этих народов дают на это вполне определенный ответ: мусульманское духовенство, в лице своих "лучших" представителей и тайно и явно выполняло роль шпионов русского военно-феодального империализма. Вот, например, официальное свидетельство об этом одного из историков движения Шамиля, опубликованное в 1899 г.:

"Не рассчитывая силою оружия сокрушить значение имама (Шамиля. - Л. К.), барон Розен испросил дозволение послать в Дагестан и Чечню знаменитого в то время в Казанской губернии проповедника, эфенди Тазадин-Мустафина, в качестве путешественника, но с целью красноречием этого муллы обратить горцев на путь истинный, подчинить их русскому правительству и истребить или выдать нам живьем Шамиля. Розен... предложил почтенному эфенди отправиться к непокорным нам племенам Восточного Кавказа, силою проповеди отторгнуть их от Шамиля и подчинить их российскому правительству. Эфенди согласился и 29-го июня (1836 г. - Л. К.) выехал из Тифлиса. 30-го он прибыл в Закаталы к начальнику округа генералу кн. Севарсемидзе, а 1-го июля отправился исполнять возложенную на него миссию, начав с ханства елисуйского, которым в то время владел майор Даниель-султан... Путешествие эфенди по ханствам аварскому, казикумухскому, кюринскому, мехтулимскому, шамхальству тарковскому и пристаству кумыкскому совершилось вполне благополучно. Проповеди его слушались с подобающим благоговением, ибо ханства эти управлялись подвластными нам ханами и находились на окраинах

Дагестана, а потому, при содействии их, эфенди безбоязненно исполнял свою миссию; но в центр Дагестана он не рискнул ехать... Попытка Тазадин-Мустафина проникнуть в Чечню тоже не увенчалась успехом. Ташав-хаджи (везирь Шамиля. - Л. К.) написал ему довольно длинное письмо, в котором, назвав его шпионом русского правительства, советовал не показываться в пределах Чечни во избежание личной опасности...

Миновав Чечню, где и в самом деле могло ему крепко не поздоровиться, Тазадин-Мустафин побывал у мирных кумыков и затем, добравшись до ближайшей почтовой станции на Тереке, возвратился в Тифлис, но уже не как эфенди, а как шейх-ул-ислам и даже муфтий, как величали его горцы в подвластных нам ханствах. Так и подписывался он в донесениях своих барону Розену, который в отношении своем к министру внутренних дел от 23 июля назвал Тазадин-Мустафина шейх-ул-исламом и муфтием и... просил об утверждении его в названном достоинстве. Просьба Розена была уважена, и Тазадин-Мустафин вернулся в Тифлис с громким титулом шейх-ул-ислама и муфтия и с полными карманами денег*... и ничего не израсходовав на свой путь... Но милость Розена на этом не остановилась. Вновь пожалованного шейх-ул-ислама и муфтия он, по желанию сего последнего, представил к чину капитана, в который тот и был произведен"⁶.

Это свидетельство историка, безусловно, не требует особых комментариев. Однако, уместно спросить, - а что, только ли подобные мулле-шпиону Тазадину Мустафину "варяги" из Казанской губернии выполняли такие поручения? Не было ли подобных собственно "кавказских" примеров?

Были и такие. И были они как во времена Тазадина Мустафина, так и многократно впоследствии. Вот, например, один он получил 750 руб. и 180 червонцев. Факт, которого не мог скрыть даже официальный биограф "усмирителя" Кавказа, царского генерала А. П. Ермолова. Факт относится ко времени управления Ермолова Грузией: "Ермолов, убежденный в неизбежности близкой войны с персианами и желая упрочить спокойствие и порядок между невежественными и фанатическими жителями Дагестана, прибыл сюда в 1823 году. Он провел в ауле Казаниши всю зиму, с 1823 на 1824 год, где имел при посредничестве умного и вполне преданного нам шамхала Тарковского ночные свидания с Саидом-эфенди, ученым наставником значительнейших туземных мулл, пользовавшихся в горах огромным влиянием. Во время этих свиданий, о коих не знали многие из самых приближенных к Ермолову лиц, ему удалось склонить Саида-эфенди употреблять в нашу пользу свое влияние в горах и принять на себя наблюдение за своими единоверцами: этому ученому мужу была обещана значительная сумма денег, которая выплачивалась до 1827 года"⁷.

Шпионы эти - мусульманское духовенство - вели активную деятельность, непосредственно, контролировавшуюся чиновниками российского военно-феодалного империализма. Кадры таких мулл были многочисленны. Они неизменно находились на учете у самодержавия.

Например, "военно-окружной в Дагестане начальник генерал-майор Каханов представил" барону Розену, как писал последний в своем письме от 10 марта 1832 г. за № 176 графу Чернышеву, следующие известия:

"3) Сейт (т. е. "сейид", так называемый "потомок пророка". - Л. К.), кадий араканский, ревностно старается вооружить общество против Кази-Муллы (как одного из вождей национально-освободительного движения горских народов Кавказа. - Л. К.), особенно же усугубил он к сему свои усилия, получив уведомление о всемилостивейше пожалованной ему пенсии.

4) Чимринский старшина Магмет (Мухаммед. - Л. К.) обещал также действовать против Кази-Муллы с преданными ему койсобоулинцами, намереваясь объединенно с шамхалом Тарковским, Ахмед-ханом мехтулинским и сейт кадием араканским разорить дома сего мятежника, взять в плен его и его семью истребить"⁸.

В эпоху восстания горских народов в 1877 г. мусульманское духовенство, об руку с туземными помещиками и нарождающейся буржуазией, выступает с открытой проповедью безусловного подчинения горцев власти русского самодержца. Влиятельные группы мусульманского духовенства в разгар восстания 1877 г.

произносили, например, такие проповеди:

"Да будет проклят тот, кто... поднимает руку против сильного". "Силен падишах (царь. - Л. К.) России, силен поставленный им правитель нам, и да будет проклят безумец, дерзающий поднять руку против него" ⁹.

Эти факты свидетельствуют о том, что над созданием "тюрьмы народов" - Российской империи - немало потрудились и мусульманское духовенство. И конечно, всякое действие последнего, недостаточно четко отражавшее политику самодержавия, резко осуждалось царскими сатрапами. Вот один из таких фактов, связанный с деятельностью того же А. П. Ермолова.

Биограф этого царского генерала, Н. Погодин, приводит следующее замечание Д. В. Давыдова:

"Известившись в 1824 году об явном ослушании одного из дагестанских мулл, Ермолов приказал Аслан-хану Кюринскому захватить виновного и переслать его в Тифлис. Невзирая на то, что этот хан привык, подобно прочим туземным властителям, к беспрекословному повиновению воле Ермолова... он... медлил приведением в исполнение его приказа. Вскоре Ермолов, не знавший об этом обстоятельстве, подтвердил свое повеление хану, который... захватил виновного и принял уже все меры к немедленному отправлению его в Тифлис" ¹⁰.

Какого бы то ни было гонения на ислам или его духовенство здесь не было. Это просто был один из фактов подтягивания чиновниками русского самодержавия своей агентуры в чалме. К исламу А. П. Ермолов, подобно многим другим колонизаторам русского военно-феодалного империализма, относился лишь как к одному из орудий угнетения трудящихся масс, которое можно выгодно использовать в своих интересах. В деятельности Ермолова было много эпизодов, подтверждавших это. Так, в "Материалах" к его биографии находим, например, такое свидетельство об этом Д. В. Давыдова:

"Посетив однажды Шушу и увидав близ великолепного дворца безнравственного Мехти-Кули, хана Карабахского, маленькую некрасивую мечеть, приходившую в упадок, Ермолов грозно сказал ему: "Я требую, чтобы к моему будущему приезду на место этой развалившейся мечети была выстроена другая, которая бы соответствовала великолепию вашего дворца". Эти слова, сказанные на татарском языке, произвели чрезвычайно благоприятное (для колонизаторов русского самодержавия. - Л. К.) впечатление на туземное население, которое еще более усилилось вследствие построения самим Ермоловым мечетей в некоторых аулах" ^{10а}.

В 1831 г. было издано положение о, таврическом (крымском) мусульманском духовенстве, в котором были регламентированы подлежащие его ведению дела. Рассмотрение этих дел говорит о том, что они были вполне аналогичны поручениям, выполнявшимся мусульманским духовенством на Восточном Кавказе. Руководители мусульманского духовенства здесь выдвигают даже "встречные" - царской жандармерии - планы. Так, уже через два года после издания этого положения глава мусульманского духовенства Крыма муфтий Джалил-эфенди по своей инициативе, поощряемый таврическим губернатором и министром внутренних дел, командировал муллу Османа по Крыму для отобрания от мусульманского духовенства и населения "вредных для них и общего спокойствия книг и рукописей, преимущественно религиозного содержания, не согласных с законами и правилами благоразумия". Все отобранные рукописи и книги по распоряжению муфтия были затем сожжены.

Объяснял муфтий этот свой верноподданнический шаг министру внутренних дел в особо секретном письме от 17 апреля 1833 г. за № 420 так:

"Из донесения Таврического магометанского духовного правления от 10 апреля за № 382, - писал муфтий, - ваше превосходительство усмотреть изволили о предположении правления командировать кады-эскера (духовно-судебный чин. - Л. К.) Османа-эфендия по всей Таврической губ. для отыскания книг, в коя записывались вакуфы (множественное число от арабского слова "вакф" - приостановка, как называются принадлежащие преимущественно религиозным организациям освобожденные от налогов благотворительные имущества, как-то земля, дома, разного рода торговые предприятия и т. п. - Л. К.), а также для составления списка духовным

лицам, находящимся на должностях, и дознания: наблюдают ли они за мечетями с должным радением. Поручения сии сделаны, кады - эскер у единственно для сокрытия между мурзами и духовенством и простыми татарами прямой цели Магометанского правления, для исполнения коей командирруется, кады - эскер. Об исполнении же порученности, возложенной на него, я поставлю непременно долгим вам донести".

Подчеркнутое нами особенно характерно. Как видим, о действительных целях установленного самодержавием "магометанского правления" его глава не решает даже поставить в известность широкие круги мусульманского духовенства, мурзачества и конечно, "простых татар". Функции эти были жандармскими. Выполнить их муфтию Джалил-эфенди, при содействии его помощников, по видимому, удалось. Во всяком случае за такие "подвиги" крымский муфтий был награжден большой золотой медалью с портретом императора и с надписью "за усердие"¹¹.

Недаром еще и раньше, при первых проявлениях недовольства татарского крестьянства, по словам историка "смутивших Екатерину и правителей Крыма", принимались всяческие меры к привлечению на сторону правительства влиятельных лиц из мурз и духовенства. Вызываются муфтии, кади-аскеры (кады-эскеры) и важнейшие мурзы на совещания по вопросу выявления и предотвращения всякого рода недовольств со стороны притесняемого и сгоняемого с земли татарского крестьянства¹².

Царская колония Туркестан также дает много подобных примеров. И здесь мусульманское духовенство, в основном играло на руку царской политике, которая, как указывал В. И. Ленин, как в мирное, так и в военное время состояла "в порабощении наций, а не в освобождении их"¹³.

Российская монархия, которая представляла собой "самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами в Европе и в Азии"¹⁴, скоро нашла в колонизованных ею территориях Средней Азии союзника в лице многочисленного мусульманского духовенства. "Триумфальное шествие" российского капитализма на костях трудящихся в Среднюю Азию приветствовалось обширными слоями "служителей аллаха". Причины же стремительного захвата русским военно-феодальным империализмом Средней Азии - были вполне земными.

В центральной России "крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д."¹⁵ Наблюдая этот процесс, Ф. Энгельс, еще 6 марта 1862 г. писал К. Марксу, что "если Россия будет и впредь двигаться в Азии тем же бурным темпом, как и за последние десять лет, пока ей не удастся сконцентрировать все свои efforts (усилия) на Индии, то мировому рынку Джона Булля (т. е. английского капитализма. - Л. К.) придет конец, и этот конец будет еще ускорен протекционистской политикой Соединенных Штатов, от которой последние теперь, наверное, не так легко откажутся..."¹⁶.

Какое значение для русского капитализма имело присоединение к России Средней Азии и других колоний?

"Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории, - пишет В. И. Ленин в "Развитии капитализма в России", - задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что, капитализм легко может развиваться вширь. Напр., одновременное существование самых передовых форм промышленности и полу-средневековых форм земледелия представляет из себя, несомненно, противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале Пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути

* Известно также, что самаркандский кази-калян Кемаль-ад-дин при взятии Самарканда получил от Кауфмана серебряную медаль.

для земледельческого капитализма в России. Но, возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собою разумеется, что такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем"¹⁷. Ибо "капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство, капитализма, - писал В. И. Ленин в 90-х годах XIX в., - с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России"¹⁸.

Завоевание капиталистической Россией колоний в Средней Азии и др. местах не было прогрессивным и для последних. "Иностранный империализм, - говорит В. И. Ленин, - насильно привитый восточным народам, безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие". "Возможность угнетать и грабить чужие народы, - подчеркивает В. И. Ленин в другом месте, - укрепляет экономически и застой, ибо вместо развития производительных сил, источником доходов является нередко полуфеодалская эксплуатация "инородцев"¹⁹. Именно этому укреплению экономического застоя, продолжению культивирования наихудших рабских форм эксплуатации человека человеком и способствовало мусульманское духовенство, в ряду других представителей прежнего социального строя - феодалов и торгово-ростовщической буржуазии приветствовавшее завоевателей.

Вот примеры. Взятие русскими войсками Кокана, как в разговорной речи ранее именовался г. Коканд, было отмечено в Самарканде этими "представителями" снаряжением специальной делегации для поздравления с "радостными успехами" генерал-губернатора Туркестанского края генерала К. П. фон-Кауфмана. Во главе этой "верноподданнической" делегации был поставлен самаркандский кадий, т. е. шариатский судья. Поднесенный по этому поводу "поздравительный адрес" генералу К. П. фон-Кауфману ярко подчеркивает классовую природу этих "представителей жителей Самарканда", как именovala его авторов русская повременная печать, широко его опубликовавшая.

Документ этот прямо показывает, что, разговоры о "пользе", якобы приносимой народу русскими завоевателями, являются лишь неуклюжей ширмой для эксплуататорского лица его авторов. В действительности не о "пользе народной", а лишь о своем тугом кармане заботятся эти "представители" во главе с их "духовным" лицом - кадием. Здесь ясно сказано, что они благодарят и приветствуют русскую колонизаторскую власть потому, что, пока они имеют "вооруженные русские войска" "защитниками", они "совершенно обеспечены со своими богатствами и будут жить в постоянном спокойствии, ничего и никого не страшась". Однако предоставим слово самому документу:

"1292 год (по мусульманскому летосчислению. - Л. К.). Его высокопревосходительству, большую славу имеющему, известному всем своею справедливостью, нашему милостивому покровителю, Туркестанскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Константину Петровичу фон-Кауфману,

Поздравительный адрес от жителей Самарканда.

Мы получили радостное известие о деле под Махрамом, где вы сами лично командовали славными русскими войсками, и о взятии вами Кокана. Это известие доставило нам большую радость, а потому мы посылаем к вам, в Колам, из нашей среды доверенных лиц, и во главе их - самаркандского казия (кадий. - Л.-К.), муллу Мир-Низам-эд-дин-ходжу, чтобы передать вашему высокопревосходительству от нашего имени поздравление и искреннюю признательность за то, что вы постоянно заботитесь о пользе народа, о водворении спокойствия, и процветании городов. Справедливым покорением Кокана вы еще раз доказали соседним жителям, что люди, делающие обиды и притеснения находящимся под высоким покровительством белого царя, подвергаются наказанию. Мы, преданные вам жители, убеждены, что, пока мы имеем, благодаря всевышнего бога, вас нашим милостивым покровителем и вооруженные русские войска нашими защитниками, мы совершенно обеспечены со

своими богатствами и будем жить в полном спокойствии, ничего и никого не страшась.

Великий белый царь вас и все ваше храброе войско милостиво наградил вполне заслуженными высокими наградами. Мы, ваши слуги, никогда не забудем вашу заботливость о спокойствии народа; всегда, когда нам угрожает опасность, вы оберегаете нас...

Во всякое время мы молим всевышнего о вашем здоровье, и дай бог, для пользы службы его императорского величества, белого царя, и для пользы народа вам и всему вашему семейству много лет здоровья и успеха во всех ваших предприятиях.

Просим вас довести наши верноподданнические чувства и искреннюю нашу признательность его императорскому величеству, нашему белому царю. Город Самарканд. Рамазана 18 дня, 1292 года (6 октября 1875 года)".

На подлинном адресе приложены 62 печати туземных властей и "почетных жителей" Самарканда²⁰.

И это произошло лишь через 7 лет после взятия русскими войсками г. Самарканда (2 мая, 1868 г.), падение которого было равнозначим захвату "священного" мусульманского государства - Бухары. Ибо, взяв Самарканд, русские завладели верховьями реки Зеравшан, которая орошала территорию Бухарского ханства. По воле русских завоевателей в любой момент Бухара могла быть оставлена без жизненно необходимой водной артерии. Царские генералы это прекрасно понимали. "Сохранив Самарканд за собою,-цинично писал, например, генерал Терентьев,- мы всегда можем оставить Бухару без хлеба и воды, обречь ее на голод и жажду, а это давало бы нам возможность регулировать страсти фанатического населения путем спасительной диеты"²¹.

Несмотря на это, духовенство здесь, в основном, держало сторону сильнейшего. В Центральном государственном музее УзССР, находящемся в старинном медресе мирзы Улуг-бека (XIV в.) на Регистане в г. Самарканде, и сейчас можно видеть вещественные доказательства этого. Так, там находится замок от ворот Самарканда, преподнесенный генералу* фон-Кауфману администрацией и духовенством города в знак покорности 2 мая 1868 г. (т. е. в день взятия Самарканда русскими)²². В свете этого становится ясным, почему, в ответ на "вызывающее" поведение мулл в Самарканде, "начальник бухарских войск Осман, беглый русский казак, выступил против них с оружием; при этом, по словам Терентьева, было убито 62 человека из мулл" ²³.

В том же Центральном государственном музее УзССР выставлен подлинник документа, представляющий речь, произнесенную 2 мая 1893 г. самаркандским кадием от имени "всех сословий туземного населения по случаю 25-летия со Дня взятия Самарканда", которая ясно свидетельствует о неизменности верноподданнической политики мусульманского духовенства по отношению к царизму. Документ этот, скрепленный 54 печатями, на которых находятся имена представителей мусульманского духовенства, гласит следующее:

"Ваше сиятельство, граф!

В 1868 году 2 мая Самарканд и долина Заревшана с многочисленным населением волею божией покорились великому русскому царю, и с тех пор сегодня исполнилось ровно 25 лет. На первых же порах владычества могущественного белого царя население Самарканда вздохнуло свободно (!) и зажило мирной жизнью; в течение четверти века мы... были вполне обеспечены от насилия и обиды внешних врагов, пользовались полным спокойствием, послужившим впоследствии толчком для населения к развитию в стране торговли, промышленности и культуры... Великий государь беспредельной милостью своей даровал нам полную свободу религии и сохранил за нами шариат, обычаи и народный быт, унаследованные нами от предков. От милостивого внимания великого монарха и его представителей не ускользали и памятники древности: мечети, медресе и святыни наши в Самарканде, находившиеся во времена мусульманского управления в полном запущении, исправлены и приведены в возможный порядок.

Сознавая сердечно великое к нам благодеяние всемилостивейшего государя нашего, мы, от мала до велика, искренне признательные подданные - самаркандское население, считая сей знаменательный день 25-летия за счастливый для себя случай,

просим ваше сиятельство подвергнуть ко стопам его императорского величества наше верноподданническое чувство и чувство беспредельной преданности нашей к престолу и всемилостивейшему великому монарху. В благодарение за дарование нам милости мы, верноподданные, возносим господу-богу теплую молитву о здравии, долголетьи и счастии государя императора, государыни императрицы, наследника цесаревича и августейшей их семьи. Аминь. О, повелитель миров!"²⁴.

Факты этого порядка в Средней Азии, относились не только к мусульманскому духовенству Самарканда. Это была повсеместная основная линия поведения "служителей аллаха". Имеется много фактов, подтверждающих это.

Например, на русском и турецком языках широко распространялось следующее "Наградное свидетельство ген.-ад. Крыжановского":

"Свидетельство.

Предъявитель сего Туркестанской области гор. Ташкента шейх-ул-ислам за усердие и преданность правительству награждается от меня серебряною, внутри вызолоченною сахарницею.

В удостоверение чего и дано ему сие свидетельство за подписью моею и приложением герба моего и печати.

Г. Ташкент. Сентября 26 дня 1865 года.

Оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского военного округа ген.-адъютант Крыжановский"²⁵.

В 1886 г. по случаю празднования годовщины взятия Ташкента (15 июня) кадий Мухиддин обратился к генералу Розенбаху с речью о том, что и для туземцев с этой годовщиной якобы сопряжены радостные чувства:

"С занятием города за нами признаны наша религия, ислам, оставлен народный суд по шариату; всюду полное спокойствие и попечение о народе властей; нам также даровано городское самоуправление. Вследствие всего этого мы проводим жизнь свободно и спокойно, а торговля, промышленность и земледелие получили большое развитие".

Еще больше прославлял русскую власть тот же кадий, когда в одном и том же месяце, в июне 1888 г., произошло освящение православного храма и открытие мечети ходжи Ахрара, вновь отстроенной при русских. Кадий видел в этом совпадении наглядное доказательство одинакового отношения правительства к двум религиям и выразил по этому случаю якобы от имени туземного населения благодарность государю, генерал-губернатору Гродекову и начальнику города Путинцеву²⁶.

Такова была основная линия поведения мусульманского духовенства в завоеванном российской монархией Туркестане. Этой линии не противоречили отдельные выступления мусульманского духовенства против завоевателей, имевшие место, например, тотчас же после захвата русскими войсками тех или иных мест Туркестана. Это подчеркивало лишь ту тесную связь, которую мусульманское духовенство имело с господствующими классами завоеванных Россией феодальных государств. Старые "хлеб-соль" еще не успели забыться. Те слои мусульманского духовенства, которые были связаны с крупным феодальным землевладением, сами владея землей и водой, боялись с установлением русской власти потерять свое привилегированное положение. Это - особенно проявлялось в поведении мулл в первые моменты власти русского самодержавия в Туркестане.

Так, после взятия царскими войсками Самарканда, во время 8-дневной осады туземцами крепости с русским отрядом, молитвенные здания ислама использовались против завоевателей как наиболее удобные боевые точки. Соответственно поступало и русское командование.

После возвращения главного отряда русских войск во главе с Кауфманом и поражения туземцев полковник Н. Н. Назаров, - писал известный художник Верещагин, - "потешился и с лихвою заплатил городу за все беспокойства, ему причиненные в продолжение памятных 8 дней осады"²⁷; особенно выместил он злобу на мечети Ширдари (т. е. медресе Шир-дор, находящемся на Регистане, напротив крепости, б. цитадели эмира, где расположился отряд осажденных русских войск. - Л. К.), с минарета которой так метко стреляли из фальконетов по нашим больным,

раненым и по артиллерийскому парку. "Всех перебил в проклятой мечети", хвастал он потом. Так как у меня был в этой мечети знакомый мулла... то я расспросил подробно, одного из офицеров, участвовавших в войне с Назаровым, много ли и какого народа нашли они в мечети, "Нет, не много, - отвечал он, - все разбежались, подлецы! Только один старикашка-мулла попался; поверите ли, как кошка убежал от нас на самый верх минарета".

- Ну?!

- Ну, конечно, сбросили его штыками оттуда"²⁸.

Но и эти муллы, владевшие, как например в медресе Шир-дор (ом. гл. IV), огромным количеством вакфных владений, являвшиеся крупнейшими собственниками, уже в то время двурушничали, стремясь завоевать себе нового покровителя в лице русского царизма. Об этом рассказывает тот же Верещагин.

Еще до описанной осады, во время пребывания в Самарканде главного отряда русских войск во главе с Кауфманом, "каждый день, - пишет Верещагин, - я ездил с одним казаком по базару и по всем городским переулкам и закоулкам... Когда мне вздумалось раз (после возвращения отряда Пистолькорса, "на плечах" которого "неприятель снова... подошел к Самарканду". - Л. К.)... свернуть с большой базарной дороги узенькими, кривыми улицами, на одном из поворотов открылся большой двор мечети, полный народа, между которым ораторствовал человек в красной одежде - очевидно, посланец бухарского эмира. В довершение всего я встретил моего приятеля, старшего муллу мечети Ширдари, идущего по базару и жестами и голосом возбуждающего народ,

- Здравствуй, мулла, - сказал я ему; он очень сконфузился, но вежливо ответил и волею-неволею перед всеми должен был пожать протянутую ему руку"²⁹.

Этот вежливый обмен рукопожатиями нельзя рассматривать как простое проявление осторожности. Если бы мулла Шир-дора завязал сношения с Верещагиным как представителем завоевателей лишь из страха перед русским, ему едва ли бы нужно было поддерживать эти отношения и в то время, когда Самарканд кишел агитаторами эмира бухарского и войска последнего стояли у ворот города. Действия муллы объяснялись другим. Этот "духовный жандарм" сразу делал ставку на обе стороны, на обоих господ, так, чтобы при любом исходе борьбы эксплуататоров ему не остаться в проигрыше. И это вовсе не была единоличная программа действий муллы из Шир-дора. Так поступали очень многие представители мусульманского духовенства до окончательного установления власти русского самодержавия в завоеванных местах. После этого, как мы уже видели, позиции мусульманского духовенства вполне определяются. Его кадры становятся в ряды верных сатрапов русского самодержавия.

Беспристрастное рассмотрение подлинной документации с несомненностью это устанавливает. Неизменные во всей русской и западноевропейской литературе толкования различных "восстаний" против власти русского самодержавия в Туркестане как проявлений "мусульманского фанатизма", возглавлявшегося якобы мусульманским духовенством, конечно, резко этому противоречат. Причина проста и очевидна: те авторы, которые говорят о "мусульманском фанатизме", извращают действительный ход событий в описываемых ими восстаниях. Например, так обстояло дело с восстанием в г. Ташкенте 24 июня 1892 г.

Изучение первоисточников, вопреки мнению о религиозном фанатизме мусульман как ведущей причине восстания, показывает, что в основе его лежали экономические моменты. Ташкентское восстание 1892 г. было одной из ранних попыток ремесленной массы городов Средней Азии бороться против того экономического тупика, в который колонизаторы русского капитализма поставили мелкое производство среднеазиатского ремесленника и кустаря.

В начале 90-х годов XIX в. в связи с экономическим кризисом в России, вызвавшим удешевление русских фабрикатов, противоречие между русским колониальным господством в Туркестане и интересами развития местной кустарной промышленности особенно обострилось. Положение ремесленных масс Туркестана становилось отчаянным. С русским господством налоги не упали. Напротив, они взимались в большем размере, чем при ханах. Произвол и взяточничество

администрации, усиливавшие тяжесть налогового бремени, также несколько не снизились со времени падения ханской власти. "При таком положении вещей, - как верно отметил историк,- достаточно было даже какого-либо незначительного добавочного повода, чтобы почва заколебалась"³⁰. Таким поводом в Ташкенте явилась холерная эпидемия 1892 г.

Сколько-нибудь радикальных мер борьбы с этой эпидемией колонизаторами русского самодержавия применено не было. "За неимением достаточного числа врачей и фельдшеров, - свидетельствует выше упоминавшийся генерал-лейтенант Терентьев, - осмотр производился даже оспенниками; за множеством умерших осмотр происходил (в условиях знойного ташкентского лета. - Л. К.) нередко на третий и четвертый день; тела быстро разлагались на жаре, распространяя зловоние". Более того, как указывает Терентьев, "туземцы уверяют даже, что в число санитаров записались большей частью молодые не служащие русские, разные писцы и т. п.

Надевши офицерские кокарды, эти господа являлись с полицейскими к туземцам и с магическим словом, "пушт" (предупреждение, чтобы женщины закрывались) проникали на женскую половину под предлогом наблюдения за чистотою и здесь позволяли себе разные вольности с дамами и девицами в присутствии отцов и матерей.

Такое же безобразие творилось и с кладбищами. "12 старых кладбищ, - пишет Терентьев, - находившихся в черте города, были закрыты. Вместо четырех, обещанных правилами, открыто было только одно; возить тела умерших, по шариату, нельзя, надо непременно нести на руках, а это для отдаленных от единственного кладбища частей большого города (особенно при раскиданности Ташкента на обширной территории. - Л. К.) было крайне затруднительно; наконец, немые трупы хоронить (согласно законам ислама.- Л. К.) было также нельзя, а мыть позволялось только на кладбище, но так как осмотр запаздывал, то самый обряд омовения разлагающегося трупа делался невозможным; провожать покойников толпой также воспрещалось"³¹.

Все это не могло не возмутить широких масс местного узбекского населения, экономически и политически подавленных колонизаторами. Росли слухи об умышленном отравлении русскими воды в арыках, т. е. оросительных каналах, проведенных в Ташкенте по всем улицам, о злостном отравлении больных русскими докторами, о рубке покойникам голов, вырывании трупов из могил и т. п. Местная русская администрация, однако, долго никак не реагировала на это недовольство населения. Начальник города полковник Путинцев брал взятки и увяз в интригах, возникших здесь в связи с борьбой разных групп за пост старшего аксакала (туземного старшины города Ташкента). Новый аксакал Мухаммед-Якуб-Карим-Бердыев, сильно поизрасходовавшийся на взятки, был занят теперь возвращением "израсходованного". В результате, как следует из дел канцелярии туркестанского генерал-губернатора за 1892 г., лишь после выбора населением специальной депутации к властям города для изложения своего недовольства новый аксакал Мухаммед-Якуб дал от имени местных властей обещание "поговорить с народом на праздниках".

Пришлось выступить самому начальнику города. На наступившем 23 июня празднике курбан-байраме полковник Путинцев в главной мечети г. Ташкента перед десятитысячной толпой, хорошо владея местным языком, для важности стал говорить через переводчика о ложности слухов, ходящих в народе. После него, как свидетельствуют те же дела канцелярии туркестанского генерал-губернатора, выступил старейший из ташкентских кадиев Шериф-ходжа. По прочтении молитвы о здравии императора он произнес речь о том, что надо "верить русскому начальству". Все это, было заслушано, по утверждению упомянутых "дел", "почтительно и с должным вниманием"³². Однако уже на другой день, 24 июня 1892 г., развернулось восстание. Повод к нему создают сами же "хозяева" города. Не мирясь с новым аксакалом, приверженцы его предшественника используют факт тайных похорон трех человек, умерших не от холеры, в махалля (кварталах) Зебак и Яман-кары, Миршабы (полицейские), собрав народ, грозят жителям махалля Зебак, что тайно похороненные будут вырыты из могил.

Так была брошена искра.

М.В.Д.
Оренбургское
Магометанское
Духовное собрание
22 мая 1900 г. № 3014
г. Уфа

Толпа недовольных начала организовываться. 70-летний старик Азим Водован пошел звать ишана Азизляра (Хадыханова), т. е. "духовное" лицо, уже при жизни мусульманами почитавшееся за "святого", итти с народом с жалобой к властям. Азизляр пытался увильнуть от этой неприятной для него миссии. Только после настойчивых требований, когда старик

Водован стал открыто упрекать ишана, что он "от людей и халаты берет и лучшие кушания принимает, а помочь народу в трудное время отказывается", Азизляр, видимо, боясь потерять свой авторитет, согласился. Однако активной роли в восстании он так и не играл. Когда толпа подошла к дому старшего аксакала, из которого, как оказалось, он уже уехал, ишан Азизляр, как говорят документы, лишь "выразил сожаление, все же остальные стали громко ругать Мухаммед-Якуба". Когда же восставшие проникли в управление начальника города, ишан Азизляр, видимо, счел свою миссию "вождя по принуждению" оконченной. Он остался на улице и, как говорит дело № 23 туркестанского военного округа, "отделился от толпы; не было заметно, чтобы ишан во время беспорядков проявил себя". Оправдан он и судом по Делу о восстании и, как и раньше, оставался крупным собственником (см. гл. V). Об участии в восстании другого ишана, Абдул-Касым-ходжи, видимо, привлеченного к нему тем же способом, что и Азизляр, трудно что-нибудь сказать. Он постарался скрыться еще до начала событий. Не лучше была роль и местного кадия.

М.В.Д.
Уфимского
Губернского
Правления
Отделение 1-е
Стол 1-й
18 августа 1893 г.
№ 3391
г. Уфа.

Как свидетельствует дело канцелярии туркестанского генерал-губернатора № 45, этот духовно-судейский чиновник был настолько напуган событиями, что "с родственником своим по крышам и другим переулкам убежал в русскую часть города и скрылся в саду при доме генерал-губернатора".

Кстати, "храбрее" оказалось православное духовенство. Оно, буквально поняло призыв озверевшего военного губернатора Гродекова к "православным людям", прибежавшим к управлению: "братцы, русские, бейте сартов (узбеков. - Л. К.) чем попало". Так, в кровавом усмирении восставших принял участие священник Золотов, по описанию 25-го дела туркестанского военного округа, собственноручно ударивший палкой обвиняемого участника восстания Ша-Ислам-Ша-Рахимова.

Таково было участие духовенства в ташкентском восстании 1892 г. Ясно, оно здесь выступало в рядах усмирителей, стараясь "мирно" разрешить назревшие противоречия, т. е. уговорить восставших полностью и безотчетно отдаться в руки насильников. Но, несмотря на это, фабрикуя в своих интересах "дело" об этом восстании, великодержавные шовинисты, как свидетельствует 45-е дело канцелярии туркестанского генерал-губернатора, сочинили версию о том, что, например, вышеупоминавшийся ишан Азизляр якобы "лично предводительствовал мятежной, нафанатизированной его внушением толпой".

История деятельности мусульманского духовенства во времена господства российского самодержавия на территории Татарской и Башкирской республик пестрит подобными же фактами. Взаимоотношения мусульманского духовенства и чиновников русского царизма здесь тоже вполне мирные. Ряд документов, приведенных нами в первой главе, подтверждает это. Не противоречат этому и факты несколько более позднего времени. В секретных делах канцелярии быв. уфимского губернатора, например, мы находим свидетельства о предательской роли мусульманского духовенства по отношению к широким трудящимся массам башкир и татар в 1877 - 78 гг. Тогда, как известно, была русско-турецкая война. Еще накануне ее в своем отношении от 29 декабря 1876 г. полковник жандармского управления сообщал уфимскому губернатору, что "в случае объявления Россией войны Турции башкиры и татары хотят составить партию для правильного возмущения и выразить свое противодействие правительству поджогами, грабежами и убийствами русского населения".

Магометанское духовное собрание не осталось в стороне от этих "мятежных слухов". По этому поводу муфтий, глава этого собрания, в письме к генерал-губернатору даже жалуется, что будто бы кое-кто из правительственных чиновников имеет подозрение в потворстве с его стороны таким умонастроениям татар и башкир. Он решительно отбрасывает такие мысли об участии его и им руководимого духовного собрания в сих "гнусных противоправительственных делах". Наоборот, - пишет муфтий, - "долгом почитаю доложить вашему превосходительству, что до сего времени я с своей стороны среди магометанского населения ближайших лет решительно не замечаю настроения умов, хотя сколько-нибудь оправдывающего приведенные выше нелепые слухи"³³.

Это была неправда. Таковые "настроения умов" были. И в событиях, которые развивались в то время среди башкирского и татарского населения Российской империи, мусульманское духовенство выступало в привычной для религиозников роли "примирителей". Движение это исходило из среды широких масс трудового крестьянства и было вызвано, помимо общего крайне тяжелого экономического и бесправного правового положения, недородом 1877 и 1878 гг., повлекшим за собой голод. В это время мы не раз видим, например в Б. Менгерской, Б. Атнинской и Мамсинской волостях Казанского уезда, где произошло поголовное восстание против русских властей, как муллы пытались "уговаривать" восставших. Однако, раскусив уже к тому времени прислужническую роль мусульманского духовенства по отношению к самодержавной власти, население таких мулл попросту избивало. По словам губернатора Скарятина, "в первой из названных волостей (Больше-Менгерской) были нанесены угрозы исправнику, избит приходский мулла, помогавший ему в увещании крестьян к послушанию, и полицейский стражник, муллу защищавший".

Как сообщает губернатор, во время этого восстания "татары высказывались и о том, чтобы муфтий не назначался от правительства, а избирался бы магометанским населением". Губернатор вспомнил эти обиды, нанесенные его православному правительству, во время зверского усмирения этого восстания.

"Губернатор Скарятин, - говорит историк Н. Н. Фирсов, - с полицейскими чинами войском явился в селение Большие Менгеры и произвел здесь жестокую расправу над толпой крестьян от 11- до 80-летнего возраста, численностью в 1 000 человек, вызванных из Атнинской и Мамсинской волостей. Он велел этой толпе стать на колени и, окружив ее войском, "стал прохаживаться", среди нее, "кого рвал за бороду, кому наносил удары в грудь" и пр. Потом перепорол 800 человек.

Пощады не было никому; "от ударов пали жертвами старцы и дети", говорит прошение-жалоба (потерпевших крестьян министру внутренних дел. - Л. К.). Избивая, губернатор твердил: "Вот вам Мухаммед, вот вам коран, вот вам за непринятие §§.-" (инструкции о страховании строений от огня, которая явилась поводом к восстанию. - Л. К.). Для кормления приведенных солдат было отобрано у татар много скота, отчего "многие окончательно разорились"³⁴.

Губернатор Скарятин издевался над Мухаммедом и кораном не потому, что местное мусульманское духовенство плохо исполняло миссию агента российского самодержавия. Напротив, роль мусульманского духовенства для русского царизма в этих событиях была незаменима. Информировавшая о событиях Петербург телеграмма, посланная представителем казанской жандармерии генерал-майором Житковым, говорила об этом так:

"Военного и полицейского телеграфов в С.-Петербурге.

Станция Штаба Корпусов Жандармов.

..... Телеграмма № 719. 46 слов.

Подана на ст. Казань, 6 декабря 1878 г. 5 ч. 10 м. попол. Получена... 6 ч. 5 м. попол. Г. ШЕФУ ЖАНДАРМОВ.

Губернатор сегодня возвратился из Казанского уезда, буянившие татары, сознавая свою вину, немедленно усмирились, к военной силе не было надобности прибегать. Духовенство магометанское не замешано, вело себя преданно и благоразумно, сами муллы указывали на подстрекателей беспорядка. Судебный следователь производит следствие.

Генерал-майор ЖИТКОВ"³⁵.

В революции 1905 г. мусульманское духовенство также выступает на стороне палачей рабочих и крестьян. Еще накануне революции, в декабре 1904 г., мусульманское духовенство подает "его величеству" докладную записку, в которой заверяет, что "верноподданность ислама во всем человечестве славится под наименованием абсолютной. Наша религия, охватывающая собой как внутреннюю, так и внешнюю жизнь человека, возлагает на нас важнейшие задачи: пророк наш, сказавший, что царь - тень бога на земле, т. е. земной царь представляет тень царя небесного, обязывает нас безусловной покорностью к небесному царю и той же самой покорностью по отношению к земному царю, являющемуся тенью царя небесного". Из этого делается следующий вывод: "...задачи, возложенные на нас согласно установлению ислама, оберегая нас от уклонений в сторону либерализма, укрепили нас в пределах полного повиновения властям государства и его законам"³⁶.

И действительно, события оправдали эти заверения мусульманского духовенства русскому самодержцу. При этом, очевидно, для большей уверенности в своем "духовном воинстве", уфимский муфтий даже взял с подчиненных ему мулл подписку, что они не будут состоять членами партий, которые стоят левее платформы помещиков и фабрикантов-октябристов. В случае слушания муфтий грозил им снятием с них сана муллы. Все это сказалось затем не раз. Так, когда на третий день октябрьских событий 1905 г. в Казани губернатором при помощи полиции была подготовлена контрреволюционная черносотенная демонстрация с царскими портретами, иконами и хоругвями, мусульманское духовенство, вкупе с другими реакционерами, под предводительством одного из своих столпов Галимджана Баруди (впоследствии, в 1917 г., был избран муфтием), в составе 14 мулл, фабриканта Сайдашёва и других монархистов, присоединилось к этой манифестации и совместно с русскими православными попами и прочими черносотенцами обошло Кремль.

Православные "Известия по Казанской епархии" в статье "22-е октября 1905 года в Казани" описали это совместное контрреволюционное выступление попов и мулл.

Во время речи губернатора, который, обращаясь к православному духовенству, говорил, что, оно "ныне порадовало государя своей верноподданнической преданностью", из Кремля показалась новая патриотическая процессия, организованная татарской буржуазией и муллами.

"То в строгом и чинном порядке следовали представители благоразумного (читай: черносотенного. - Л. К.) мусульманского населения, пришедшие заявить о своей полной солидарности с русским (тоже в его черносотенной части, - Л. К.) населением в деле проявления верноподданнических патриотических чувств! Сначала, предводительствуемые муллами, шли попарно почетные, убеленные сединами старцы и несли портрет государя, флаги национальных цветов и знамена с патриотическими надписями; за ними следовали солидарные с ними серьезные мужи. Шествие замыкали молодые юноши с ясными, радостными взорами, бросавшие сочувственные взгляды и улыбки русскому населению.

На всем пути следования из Забулачной части города они пели своеобразным мотивом мусульманские религиозные песнопения и останавливались для краткой молитвы не только перед мечетями, но и пред храмами христианскими".

Крупный фабрикант и торговец Сайдашев на площади выступил от имени этой демонстрации.

"Его единоплеменники и единоверцы, - говорил он на русском языке, по передаче тех же "Известий по Казанской епархии", - непоколебимы в своей твердой преданности законному русскому государю, и никакие революционные происки не в состоянии ослабить эту преданность. Россия-их дорогое отечество; в нем они спокойно могут исповедать свою религию, особенно со времени полного укрепления начал веротерпимости (17 апреля 1905 г.), и заниматься своим честным трудом. Большого и лучшего они не пожелают и поэтому вполне присоединяются к молитве русских за державного монарха, от всей души радуясь тому, что снова в городе восстановлено

* По-татарски обычно - гайде-фитр, или ураза-байрам.

повиновение законным, от его величества поставленным властям"³⁷.

Такие открытые контрреволюционные выступления помещиков и капиталистов совместно с мусульманским духовенством тогда же имели место и в ряде других пунктов распространения ислама в России. Все в работе мулл было направлено против революции. Желая сдержать революционный подъем широких трудящихся масс, в мечетях, с высоты минбаров (т. е. мусульманских амвонов), муллы произносили проповеди такого содержания:

"Мусульмане! Кругом идет смута. Участие в этой смуте есть деяние против ислама, остерегайтесь!"

Боязнь революции проявлялась в рядах мусульманского духовенства очень сильно. Поэтому тотчас после революции 1905 г. мусульманское духовенство разворачивает широкий "крестовый поход" против всего нового, против всего, что было направлено к свержению власти эксплуататоров. С многочисленными примерами этого нам еще предстоит ознакомиться в дальнейшем. Однако уже и приведенное, как нам кажется, дает полное право заключить, что мусульманское духовенство на подвластной царской России территорией в лице своих основных, руководящих слоев выполняло роль ее агентуры, иногда "работая" непосредственно по заданиям жандармского отделения.

Был даже спор, кто выше - мулла или урядник и становой? Так, вопрос этот поднимала в 1912 г. газета "Вакт" ("Время"), № 932, "Вопросы к читателю". Газета обсуждала: "имеют ли право урядники требовать к себе на квартиру имамов без официальной повестки по маловажным делам и в случае неявки составлять на них акт, или они обязаны сами являться к имамам, а также... должны ли имамы лично являться к становому раз в год для обмена старых метрик на новые..." При этом автор второго запроса откровенно пояснял: "верно, урядник-государственный служащий, у него имеется присвоенный ему чин и уважение, но ведь и имамы считаются государственными служащими, надлежит блюсти также звание и уважение, присвоенное им". И обсуждалось это страстными защитниками высоты государственного мундира мулл на протяжении ряда номеров "Вакта"³⁸.

Оснований к такому спору, как мы видели, было очень много. На протяжении нескольких столетий руководящие кадры мусульманского духовенства вполне сжились с господством русского самодержавия. Они являлись агентурой русского военно-феодалного империализма, и это хорошо понимали даже те народности, которые самодержавие завоевывало. Так, еще в 1830 г. к русскому императору в Петербург явилась депутация казахов Средней орды, подавшая в Азиатский департамент прошение, где между прочим просила "укреплений и деревянных домов не строить, пашенне пахать, мечетей и школ не заводить, ахунов и указных мулл не определять"³⁹.

Политика самодержавия по всемерному использованию в своих интересах ислама и привела, как мы отмечали в начале, этой главы, к изданию документов, подобных указу сенатора П. Богданова и объявлению генерала Черняева. Теперь нам остается лишь указать, что идеями таких указов и объявлений пронизывалась вся деятельность мусульманского духовенства в самодержавной России. Самодержавие, заботясь о своей агентуре, окружало мусульманское духовенство особым вниманием, предоставив ему всякого рода льготы. Классовый характер всех этих мероприятий был очевиден: основные кадры мусульманского духовенства принадлежали к кулацким и феодально-крепостническим слоям (см. главу V).

В 1860 г. в Закавказье члены высшего мусульманского сословия получают право носить звание офицера. На Кавказе, как мы видели, это звание муллам предоставлялось и раньше. В 1880 г. муфтием Тевкелевым было разъяснено, что муллы не частные, а государственные люди, почему они во время своих служебных поездок "имеют право обращаться за требованиями о подводах к земству".

Впоследствии министерством внутренних дел это право мулл было расширено. Например, 22 мая 1900 г. Оренбургское магометанское духовное собрание в г. Уфе циркулярно за № 3014 издает следующее уведомление, впоследствии им обнародованное для общего сведения:

"ИМАМАМ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Пермское губернское правление, отношением от 30 апреля сего года за № 1803, уведомило, что им дано знать полицейским управлениям Пермской губернии, для должного в потребном случае распоряжения, что магометанские муллы при вызове их присутственными местами и должностными лицами для исполнения религиозных треб, должны быть удовлетворены прогонными деньгами, на основании 979 и 988 ст. ст. Уст. Угол. Судопр., а именно: по три копейки на версту при следовании по всем грунтовым дорогам, без назначения числа лошадей, а по железной дороге платой за проезд в оба пути в местах низшего класса и, сверх того, суточными деньгами по 25 копеек в сутки за каждый день отлучки из места жительства (отношение государственного контролера от 28 марта 1878 года за № 1795 - министерству внутренних дел, приложение № 166 к правилам о назначении денежных выдач по ведомству министерства внутренних дел, издан. 1887 года, ч. II, ст. 847).

Об этом распоряжении Пермского губернского правления Магометанское духовное собрание дает знать имамам Пермской губернии. Подлинный подписали:

Член Тангатаров;

И. д. Секретаря Ахтямов,

Столоначальник Терегулов"⁴⁰.

Почтовая переписка мулл была приравнена к казенной корреспонденции.

Официальное отношение об этом гласило так:

"ОРЕНБУРГСКОМУ МАГОМЕТАНСКОМУ ДУХОВНОМУ СОБРАНИЮ

Господин министр внутренних дел предложением от 14 июля 1893 года, за № 2512, уведомил г. губернатора, что он признал возможным вменить полицейским управлениям и волостным правлениям, как пользующимся бесплатной пересылкой служебной корреспонденции по почте, в обязанность принимать и отправлять по принадлежности корреспонденцию мулл, адресованную на имя должностных лиц и правительственных учреждений.

Сообщив вместе с сим о содержании изложенного предложения г. министра внутренних дел по распоряжении губернского и уездных по крестьянским делам присутствий, а равно уездным исправникам губернии, губернское правление о вышеизложенном дает знать магометанскому собранию к сведению.

Подлинное подписали:

Советник Архангельский.

Старший делопроизводитель Д. Берг".

Требуя исполнения религиозных обрядов от населения, исповедующего ислам, власти, поскольку это клонилось к одурачиванию и ограблению трудящихся масс, создавали все необходимые для этого условия. Например, в официальной части "Уфимских губернских ведомостей" от 9 ноября 1900 т. за № 243, в примечаниях к § I объявлений и извещений канцелярии уфимского губернского по земским и городским делам присутствия, находим следующую публикацию:

"По примеру столичных и других городов России, где имеет оседлость мусульманское население, в дни магометанского праздника "курбан-байрам" разрешается убой баранов и не на бойне, а на дворах магометан..."

То же было и в следующие годы, не исключая времени империалистической войны 1914-18 гг.

"В день праздника курбан-хаита (т. е. праздника жертвоприношения.- Л. К.), - указывалось по Туркестанскому краю в 1916 г., - в Ташкенте и в других городах края разрешено производить убой вне бойни..."⁴¹.

В интересах наиболее выгодного строительства и месторасположения мечетей была введена специальная глава в государственном строительном уставе "О построении магометанских мечетей". Статьи 264 и 265 этой главы (раздел третий, глава вторая) гласили:

"Новые мечети, надлежащими духовными и гражданскими начальствами признанные необходимыми и обеспеченные в содержании, строятся по плану и фасаду, в 1844 году высочайше для них утвержденным..."

При построении мечетей в селениях наблюдается, чтоб они сооружаемы были на

площадях; а где оных нет, там в расстоянии не менее двадцати сажень от строений. 1829 мая 31 (2902)" ⁴².

Интересна политическая подкладка той срочности, с которой разрешался этот вопрос.

В 1828 г. пензенский гражданский губернатор сделал в министерство внутренних дел донесение о том, что "в некоторых магометанских деревнях Саранского уезда самопроизвольно начато татарами строение мечетей посреди улиц..." Особенно возмущало губернатора то, что "здания сии строятся безобразно", тогда как он "полагал нужным" строить их в "приличном виде".

В министерстве внутренних дел с губернатором согласились. "По сему случаю, - сообщает официальный "Журнал министерства внутренних дел", - министр внутренних дел сносился с Главным управлением делами иностранных исповеданий..." Там также соглашались с мнением пензенского губернатора. Исходя из этого мнения, "исправляющий должность главноуправляющего духовными делами уведомил министерство внутренних дел, что магометане не имеют права строить оные произвольно... и что на мечети может быть распространен высочайший указ 13 февраля 1817 года об устройстве деревень, коим не позволяется заводить церквей иначе, как на площадях..."

Но, и на этом дело не кончилось.

Как сообщал тот же официальный орган, "поручено было строительному комитету министерства внутренних дел... составить общий для оных (мечетей. - Л. К.) образцовый план и фасад. Комитет... составил... представив при этом свое заключение, что для помещения мечетей всегда лучше назначать места на площадях, а где площадей нет, там производить оные не менее как в десяти саженях от прочих строений".

Министр внутренних дел, "имев счастье преподнести проект сей на высочайшее усмотрение государя императора", испрашивал притом, чтобы он был утвержден не только для Пензенской губернии, а для "повсеместного" применения. "17 генваря сего 1829 года г. статс-секретарь Муравьев сообщил министру внутренних дел, что государь император высочайше соизволил утвердить означенный план и фасад, как общий образцовый для мечетей в России". Причины такой спешки с созданием и утверждением образцового плана и фасада на постройку мечетей разболтала сама же редакция "Журнала министерства внутренних дел".

В то время Россия находилась в обостренных отношениях с Турцией. Естественно было русскому самодержавию бояться, что, исповедывавшее ислам население, особенно южных окраин России, еще недавно находившееся под главенством "Благословенной Порты", может проявить неугодное для русского правительства поведение. Надо было чем-либо парировать происки турецких эмиссаров, опиравшихся на недовольство населения. Ведь они в известной мере тоже играли на религиозных чувствах, разжигая мусульманский фанатизм против "христианской" власти. Для этого надо было исключить возможность всяких подозрений. Нужно было обратить внимание, - как говорил "Журнал министерства внутренних дел", - на то, что "в то самое время, когда грозные силы российского монарха разили полчища могущественнейшего владыки магометанского, державная рука его утверждала созидание молитвенных домов для мирных магометан, обитателей великой его империи" ⁴³.

Итак, заботливость самодержавия о внешнем оформлении мечетей была продиктована соображениями не только внутреннего, но и международного характера. Исходя из этих соображений, самодержавие, предоставив ряд льгот организациям ислама, требовало точности в работе мулл.

Самовольство мусульманского духовенства, как и всякой иной группы чиновников российского самодержавия, могло лишь расстроить общую черносотенную "игру". Назвался груздем - полезай в кузов. Стал чиновником - будь им во всем. Так и было. Даже положение "о порядке увольнения в отпуска и кратковременные отлучки магометанского духовенства" давалось министерством внутренних дел. Официальное отношение Оренбургского магометанского духовного собрания, по предложению

департамента иностранных исповеданий министерства внутренних дел от 5 сентября 1900 г. (№ 682), постановляло 30 сентября 1900 г., № 5783, об этом так:

"В дополнение циркуляра духовного собрания от 12 марта 1896 г. за № 1631 и согласно постановлению своему на 30 сентября 1900 г. дать знать ахундам и имамам округа Оренбургского магометанского духовного собрания указами к сведению и руководству, что приходские муллы могут пользоваться кратковременными не более двух недель отлучками в местности, лежащие вне пределов их прихода, без особого разрешения Полицейского управления с тем, однако, чтобы о всякой такой отлучке они немедленно доносили местному полицейскому управлению".

Делалось это для того, чтобы не оставлять на долгое время верующих того или иного прихода без надзора муллы.

Специальные указы, издававшиеся высшим мусульманским духовенством России, от имени "его императорского величества самодержца всероссийского" обращали внимание "состоящих при мечетях духовных лиц" на особую важность одновременного исполнения муллами различных приходов тех или иных богослужебных процедур. Особенно обращалось внимание на необходимость "одновременного вступления как в уразу, так и, в исполнение праздничных богомолений гайде-фитра и гайде-курбана" (Указ Оренбургского магометанского духовного собрания от 23 апреля 1884 г. за № 1151). Произвольность же в сроке начала уразы, т. е. поста месяца рамадана, могла быть легко допущена, поскольку муллы, не имея на руках точного мусульманского лунного (хиджрского) календаря, определяли наступление нового месяца по луне. Так же вычисляли муллы дни начала праздника розговенья* после поста месяца рамадана и праздника жертвоприношения (гайде-курбан, или курбан-байрам).

Высшие мусульманские учреждения царской России требовали точного соблюдения установленных ими сроков наступления постов и праздников ислама по политическим мотивам. Мусульманский праздник или пост рассматривался высшими органами ислама как время возможной политической кампании, когда мусульманская церковь могла быть призвана российским самодержавием к помощи ему по проведению того или иного мероприятия. Мулла, вступавший в объявленную кампанию не в общеустановленный срок, мог помешать успешному проведению намеченного задания. Поэтому мулл, не соблюдавших своевременно постов и праздников ислама, органы русского самодержавия призывали к порядку, объявляя им строгие выговоры через полицейские управления.

Вот пример в журнале Оренбургского духовного собрания от 14 октября 1902 г., стр. № 2 (дело № 137, 1902 г., по 1 столу) читаем:

"Слушали: О совершении ахундом 1 мечети дер. Асяновой ...Шахабудиновым гайде курбана с отступлением от правил шариата".

После длительного разбирательства постановили:

"В виду вышеизложенного магометанское духовное собрание определяет: ахунду Шахабудинову за то, что он во 1) пренебрег изданным и разосланным по приходам циркулярным требованием духовного собрания от 23 апреля 1884 года за № 1151, во 2) принял совершенно неосновательные доводы за доказательство в разрешении шариатского вопроса (о переносе дня праздника гайде-курбана в связи с наблюдением луны и соблюдением уразы. - Л. К.) и в 3) за то, что он... совершил гайде курбан ранее времени его наступления, т. е. 6 марта 1902 года, - в среду (а надо было 7 марта, в четверг. - Л. К.), объявить строгий выговор через Бирское уездное полицейское управление, о чем дать знать всем имамам, принесшим жалобу на ахунда Шахабудинова...

Оренбургский муфтий хаджи Мухаммед Яр Султанов.

Члены:

Фахруddинов

Капкаев

Тангатов".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО - ПОСОБНИК ПОЛИТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО УГНЕТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Во времена российского самодержавия мусульманское духовенство пользовалось разнообразными средствами агитации и пропаганды. Церковные амвоны (минбар в мечети), судебная кафедра, печать, каллиграфия - были в его руках. Царизм почти никогда не ставил преград этому. Причина понятна: все эти мусульманские установления являлись органами защиты интересов помещиков и капиталистов против трудящихся масс угнетаемого ими населения. Деятельность мусульманского духовенства была направлена по этой же линии.

Официальное отношение Оренбургского магометанского духовного собрания приходским имамам округа сего собрания от 28 мая 1892 г., за № 2460, "ввиду... предложения г. министра внутренних дел", излагало функции приходских имамов так:

"4) Служебные обязанности приходских имамов заключаются: а) в представительстве во время богослужений в мечети, б) в преподавании прихожанам необходимых религиозных познаний, в) в постоянном неустанном произношении прихожанам проповедей о необходимости мира и согласия между всеми мусульманами, произнося таковые проповеди в самых благородных и мягких выражениях, г) в умении быть по отношению к лицам, стоящим так или иначе ниже их самих, милостивыми и снисходительными, в умении склонять низшую братию почитать старших, д) в умении ценить религиозное родство мусульман и общечеловеческие права и дорожить ими, равно и в умении склонять к тому же массу населения".

Что значили эти указания муллам о "необходимости мира и согласия между всеми мусульманами", об "умении склонять низшую братию почитать старших" и "умении склонять, массу населения... ценить религиозное родство мусульман" и т. п. в 1892 г.?

В этот год, как известно, все Зауралье было охвачено голодом, причем особенно пострадала Башкирия, где и в "нормальные" годы основные массы населения голодали каждую зиму. В 1892 г. их положение было столь отчаянным, что иногда крестьяне-бедняки башкиры вынуждены были даже становиться на путь уголовщины, видя в тюремном пайке единственное средство от голодной смерти. Яркий пример этого с большой художественной силой был тогда же дан Д. Маминым-Сибиряком в его очерке "Счастливый Аблай".

В этом очерке Матрена Мошкина рассказывает судебному присутствию о причинах, в силу которых пострадавшие-свидетели не хотят признаться суду, что крестьянин башкир Аблай украл у них лошадей.

Прокурор спросил Матрену:

"А кто вас научил, Матрена Мошкина, показывать теперь совсем другое, чем у следователя?"

- Кому учить-то... - смутилась баба. - Вестимо; дедушка Тимофей... Крепко наказывал. Ты, грит, дура, не перепутай... Аблайка-то, грит, хочет на всю зиму на казенные хлеба в острог попасть, а мы, грит, его не пустим. Пусть, грит, лучше сам на воле с голоду подохнет... Уж ежели наши крестьяне голодают, так башкиришкам-то без смерти смерть".

В таких условиях, которые в своем исследовании "Развитие капитализма в России" В. И. Ленин, как увидим ниже, сравнивал с положением немецких колоний в Африке, указанные "ввиду... предложения министра внутренних дел" обязанности мусульманского духовенства являлись функциями предательства интересов трудящихся масс. И это особенно потому, что классовое расслоение в то время в башкирской и татарской деревне было уже глубоким. На стороне помещиков и кулаков находилось и мусульманское духовенство. Защищать их, как оплот русского самодержавия в его колониях, муллы и были призваны. Муллы вели также запись актов гражданского состояния. На основании переписки с правительственными органами в 1894 г. были изданы (20 февраля за № 372 и 24 июня за № 1842) два "указа его императорского величества самодержца всероссийского, из Оренбургского магометанского духовного

собрания", в которых давались на этот счет подробные указания.

О том же говорило отношение департамента духовных дел иностранных исповеданий (за подписью министра внутренних дел егермейстера Сипягина и директора департамента Доосолова) Оренбургскому магометанскому духовному собранию от 14 марта 1900 г. за № 4483. В нем, указывалось, что "магометанскому духовенству принадлежит право рассматривать и решать по правилам своей веры дела магометан, как-то; о порядке богослужения, об обрядах, об исправлении духовных треб и о заключении и расторжении браков, о спорах по завещаниям и при разделе наследства, дела о неповиновении детей родителям и о супружеской неверности..."

При этом неизменно подчеркивалась государственная важность работы мулл. Ислам получал прямую государственную защиту.

"...Когда духовное собрание, - писали дальше министр Сипягин и директор департамента Мосолов, - возбуждает преследование против подчиненных ему лиц магометанского духовенства собственно за нарушение обязанностей их духовного звания и лишь для наложения взыскания в пределах предоставления духовному собранию ст. 1424 власти, то духовное собрание может поручить органам местной полиции производство необходимых дознаний и расследования..."

Примеры применения этих прав Оренбургским магометанским духовным собранием мы уже видели (см. главу II). То же повторялось и в ряде других случаев. И все это, как и вообще исполнение всех вышеотмеченных функций мусульманским духовенством, не составляло контраста с его проповедями. Слово и дело не шли врозь. Подлинные образчики многочисленных проповедей, мусульманского духовенства во время власти русского самодержавия, которые нам сохранили архивы и библиотеки, ярко свидетельствуют об этом. О том же говорят и воспоминания тех, кто на себе испытал тяжесть "самых благородных и мягких выражений" мусульманского духовенства.

Вот, например, "духовно-религиозное наставление" главы учрежденного Екатериной II духовного собрания в г. Уфе, муфтия Абу-Салима Абдуррахимова, обнаруженное в 1836г. и обращенное им ко всем мусульманам:

"Копия

В воспоминание Его!

Вы, мои единоверцы! Обращаю к вам мое пастырское нравоучительное слово и советую вам быть беззаветно покорными всевышнему аллаху, следовать по указанному им пути, исполнять возложенные на вас обязанности, творить добро, избегать зла, быть покорными государю императору Николаю Павловичу и повиноваться всем от него исходящим повелениям служить царю и отечеству верой и правдой, согласно принятой присяге и верноподданническому долгу, не щадя живота. За сим объявляю вам мои единоверцы, что его превосходительство Оренбургский гражданский губернатор действительный статский советник О. Л. Дебу во 2-й день июня месяца сего года, за № 5089, сообщив мне, что многие магометане уклоняются от государственной службы и, боясь рекрутского набора, чинят членовредительство в разных его видах, совершая этим самым преступные действия, просит меня предложить духовным лицам округа вверенного мне Оренбургского магометанского духовного собрания принять зависящие от них меры к искоренению среди магометанского населения, в особенности среди отбывающих рекрутскую повинность ясашных (т. е. оброчных, податных. - Л. К.) крестьян, такого противошариатного и противозаконного деяния, как членовредительство, действуя на народ возможно частыми увещаниями и проповедями духовно-религиозного содержания; причем они главным образом должны стараться внушить населению и утвердить магометан в мысли, что долг каждого верноподданного служить своему истинному, природному государю императору верно и нелицемерно и всеми зависящими от них способами

*В тексте догаляка обычно указывается, что его надо носить при себе. С этой целью листок складывают в виде небольшого треугольника и, плотно зашив его в кожу, на тесемочке надевают на себя; на коже часто пишутся различные «святые слова». Особая плотность при зашивании догаляка в кожу, по поверию мусульман, нужна для того, чтобы не осквернить заключенных в нем «священных» выражений, например, дурным запахом во время отправления правоверным своих естественных потребностей и т. п.

стараться к пользе службы его императорского величества, ревниво оберегая интересы государства от посягательств врагов.

На основании изложенного предлагаю ахунам и имамам округа вверенного мне Оренбургского магометанского духовного собрания при каждом удобном случае и возможно чаще прочитывать это наставление прихожанам и внушать, что каждый правоверный мусульманин обязан повиноваться властям и законам, противозаконных деяний не творить, быть покорным судьбе, во всем терпеливым и уповать на всемогущего аллаха и, не боясь превратностей судьбы, с охотой и готовностью идти на службу государства и для избежания рекрутского набора ни к каким способам членовредительства не прибегать, помня, что членовредительство есть один из величайших грехов, навлекающих гнев и кару Божию, как это видно из книги "Хадими"; внушить прихожанам и утвердить их в мысли, что всякий мусульманин должен быть доволен судьбой, должен терпеливо и безропотно переносить посылаемые Аллахом несчастья и быть благодарным Аллаху за все блага и удовольствия жизни, которые он ему посылает, помня, что противные сему деяния причислены к великим грехам и влекут гнев Божий и кару, как это видно из книги "Шархи-Гаориф".

Напоминаю вам, мои единоверцы, что в одном из стихов св. Корана говорится о том, что нужно быть покорным Аллаху, пророку и властям, а пророк Мухаммед сказал: "Повинуйтесь властям и будьте покорны, каких бы трудов и лишений ни стоило вам исполнение этого долга".

Как видим, это религиозно-духовное наставление мусульманского "митрополита" было направлено к разрешению вполне земных интересов самодержавия. Этому служили и специально назначенные дни, "в которые, - как говорит официальный документ, - совершаются возношения о здравии и благоденствии государя императора и августейшего его дома". В числе их были новый год и одиннадцать дней: тезоименитств, рождений, коронавания, 17 октября ("избавления в бозе почившего государя императора Александра Александровича и всей августейшей его семьи от опасности при крушении железнодорожного поезда") и т. д. Кроме того, эти "возношения" предписывалось совершать в первый день месяца шавваля мусульманского лунного года (хиджры), когда по исламу справляется праздник розговенья (фитр-байрам, или гайде-фитр), а также в десятый день месяца зу-л-хиджжа, во время праздника жертвоприношений (курбан-байрама, или гайде-курбана).

Всевозможные официальные юридические и иные государственные акты, как, например, исламская присяга на верность самодержавию, были пронизаны самыми реакционными принципами. Так, официальный текст "Клятвенного обещания" гласил:

"Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим богом, пред святым его ал-кораном, в том, что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемогущейшему великому государю императору Николаю Александровичу, самодержцу всероссийскому, и законному его императорского величества всероссийского престола наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и имущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, притом по крайней мере стараться споспешествовать все что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на меня чин, как по сей (генеральной), так и по особой определенной и от времени до времени его императорского величества именем от представленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному его императорского величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я

пред богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне господь душевно и телесно да поможет. Би-ллаги, ва-ллаги, та-ллаги (формула религиозной клятвы. - Л. К.). В заключение же сей моей клятвы целую слова святого ал-корана. Аминь".

Приведение к такой присяге требовало соответствующей подготовки. По указанию официального документа, "мулла для приведения кого-либо к присяге обязан вразумить его краткими, но ясными словами, что присягу принимать должно не только языком, но и сердцем, что она есть дело важнейшее перед всевышним, что закон повелевает данную присягу соблюдать свято, ненарушимо и что клятвопреступник навлекает на себя страшный гнев божий" (из отношения, циркулярно препровожденного Оренбургским магометанским духовным собранием для руководства имамам 13 сентября 1897 г. за № 4922).

Большое внимание обращалось при приведении к этой присяге на создание, соответствующей "верноподданнической" обстановки. Изданные в законодательном порядке (приложение к статье 210, ч. 2, т. 16, изд. 1892 г.) "Правила о приведении лиц магометанского исповедания к присяге" строго это регламентировали.

"1) Лица, приводимые к присяге, - говорилось в этих Правилах, - должны сперва совершить предписанное законом омовение, потом в присутствии муллы, держа с почтением правую руку на коране, произносить со вниманием и благоговением слова присяги, по данной форме, устремив взор во все время на священную книгу. Буде же приводимое к присяге лицо читать не умеет, то мулла, прочитав и объяснив ему содержание присяги, должен произнести внятно и медленно упомянутую присягу и вместе с тем заставить присягающее лицо повторить оную за ним слово за слово, вслух и внятно.

2) Самый коран, в знак благоговения, должен быть положен на пелену из чистой шелковой материи и поставлен на налой или столик вышиною, по крайней мере, в аршин".

Всеми этими мероприятиями царизм стремился опутать при помощи мусульманского духовенства широкие трудящиеся массы, исповедующие ислам, по внешности религиозной, а по существу политической паутиной. Нужно было создать наиболее безопасные условия для власти помещиков и капиталистов.

И действительно, мусульманское духовенство, действовало каждый раз по заданиям царизма. Так например, когда в 90-х гг. XIX в. действия некоторых рачителей православия вызвали широкое недовольство обращаемого ими в христианскую веру "инородческого" населения, муллы были призваны самодержавием к оказанию помощи в умиротворении мусульман. Глава Оренбургского магометанского духовного Собрания, в качестве меры к исправлению ошибок православных миссионеров, распространил, например, такое отношение:

"АХУНДАМ И СОСТОЯЩИМ ПРИ МЕЧЕТЯХ ИМАМАМ ОТ ОРЕНБУРГСКОГО МУФТИЯ.

До моего сведения дошло, что в народе и даже между муллами ходят слухи, что, будто бы, магометан будут крестить в русскую веру. Слухи эти нелепы и вздорны, потому что правительство не имеет никакого намерения крестить нас, а напротив, разрешает нам свободно исповедывать ислам, открыто и без стеснения исполнять обряды нашей веры и строить мечети для богомоления...

Священный ал-коран повелевает нам учить и наставлять несведущих и неразумных. Поэтому предлагаю вам разъяснять, где только возможно, что насильственно крестить магометан никто не будет, потому что нет на это закона и что ислам, как прежде, так и теперь и на будущее время все прирожденные магометане могут исповедывать в России вполне свободно, как это установлено законом.

Оренбургский муфтий хаджи Мухаммед Яр Султанов. 1894 года апреля 12 дня, № 32".

Такой проповедью муфтий пытался ввести в заблуждение мусульман царской России, скрыть от них цели и действия православных русификаторов и миссионеров. Между тем, руководимое обер-прокурором Синода (К. П. Победоносцевым (1880-1905 гг.)), православное духовенство, проводя политику русификации угнетенных народов

царской России, провоцировало кровавые погромы.

Для обеспечения благонадежности призванных в царскую армию мусульман в каждом военном округе была введена должность штатного муллы. О характере деятельности этих армейских мулл сохранилось много документов. Вот, например, два таких документа, обнародованных в 1826 г., т.е. вскоре же после неудачного выступления декабристов, когда самодержавие зверски, сокрушало "крамолу" в рядах армии. Составлены эти документы - воззвание и молитва - нам уже известным муфтием Абу-Салимом Абдуррахимовым. Текст их был предварительно представлен для утверждения в главный штаб царской армии. Здесь он был одобрен и приказом генерал-фельдцейхмейстера от 22 марта 1827 г. за № 93 разослан всем военным муллам для чтения солдатам, исповедующим ислам.

Воззвание и приложенная к нему молитва, составленные по случаю коронования Николая I, гласят:

Воззвание:

"Во имя всемогущего и милосердного бога. Любезные братья по вере. Бог славы, бог всемогущий по своей премудрости и святой воле основал на земле для порядка мира и блага людей, халифов и султанов. Он создал царей, князей и проницательных правоверцев, дабы блюсти за родом человеческим... Если же бог вверил одному только человеку попечение о прочих его рабах, то сие устроено по его милосердию и неизреченной премудрости. Облекши царей могуществом, водворил он мир на земле и постановил справедливые законы для карания буйных (очевидно, намек на участь декабристов. - Л. К.), кои утешаются только неистовством и злодеяниями. Единый бог, коего воля непреложна и вечна, может творить владык по словам корана: "ты даешь царство, кому благоволишь". Августа 22 дня 1826 года, милостию и волею всевышнего бога, владыка знаменитый и сильный, государь сердобольный и отец всех подданных, его величество великий император Николай Павлович воссел на императорский престол и возложил на чело свое венец, украшенный драгоценными камнями. В ознаменование благодарения всемогущему за сей дар он излил многочисленные милости; он даровал чины и достоинства своим правителям, полководцам и государственным сановникам, отличившимся заслугами своими... Соединим же наши молитвы: с молитвами благополучных его подданных. Вознесем благодарение наше ко всевышнему; прольем мольбы о сохранении навеки могущества православного его царства; будем просить денно и нощно всемогущего о ниспослании на главу сего августейшего и всемилостивейшего государя священного благословения от всевышнего.

Вы, мусульмане, в особенности кои наслаждаетесь спокойствием под сенью могущественного его покровительства, в защите от всякой тревоги и в полной свободе исполняете законы вашей веры,- да вознесутся умиленные обеты ваши ко всевышнему и призывайте всемогущий его покров на сего знаменитого императора, да будет жизнь и драгоценное его здравие крепки, яко сила и могущество его государства; да многократны его победы, да будет новый блеск славе его царствования; да премудростию высокого ума его при помощи господа бога процветут города и области его владычества; да предохранят их августейшая его особа, при благодати божией, от всякого мятежа и других бедствий; да дарует бог по милости своей на многие лета блаженную и мирную жизнь августейшей его супруге, детям и всему императорскому дому его, князьям его государства, всем его правителям, полководцам и верноподданным. Аминь".

Далее, приложенная к воззванию молитва гласила:

"Боже! Покровительствуй его величество, императора Николая Павловича, да царствует августейший дом его в грядущих веках; да лучи славы его сияют до последнего дня. Боже! Защити его от всякие беды и скорби; даруй мусульманам милость сохранить надолго жизнь его; внуши ему милосердие к князьям, улемам и всем подданным.

О, ты, который внимлешь молитве прибегающих к тебе! Тебя мы умоляем! Аминь"².

Текст этих документов столь ясен, что, полагаем, всякие комментарии излишни. Остается только добавить, что отвечавшая интересам царизма деятельность

мусульманского духовенства проводилась им, параллельно с рядом мероприятий русского самодержавия, направленных к удушению национального самосознания покоренных им народов, исповедывавших ислам. В этом отношении очень показательна командировка крымского муллы Османа с целью отобрания "вредных... для общего спокойствия книг и рукописей" (см. гл. II). Проводилось это довольно последовательно и жестко во всех областях. Даже в инструкции ректору Казанского университета от 17 января 1820 г. в отношении кафедры восточных языков говорилось, что "профессор обязан показать, как поэзия мусульманских народов поверхностна и отличается одним лишь блеском мысли и смелостью выражений, что красноречие несвойственно правлениям Магометанским, и никогда у арабов не процветало. Представить это профессор должен с целью показать, что в арабской мудрости нет ничего особенного; что почерпнута она от греков и есть не что иное, как философия Аристотеля, пламенным воображением арабов искаженная. Религии мусульман и их преданий профессор должен коснуться лишь слегка; а также о коране и отношении его к судопроизводству; пуше же всего налечь на стихотворения, которые нужны для того, чтобы в истории их показать те баснословные предания, на коих она основана, и вообще ограничиться преподаванием языков арабского и персидского в том единственном отношении, в каком они могут быть полезны России по ее торговым и политическим сношениям"³.

Неверно было бы полагать, что запрещение подробного разбора ислама исходило из боязни его пропаганды. Нет, приказывая так, правительство боялось, что даже при всех принимаемых им мерах отбора на кафедры университетов "верноподданных" профессоров со стороны последних может быть допущено не только миссионерское зубоскальство о "буесловии Мухаммедовом", но и научная критика ислама. Последней же эксплуататоры боятся всегда, ибо "критика религии - предпосылка всякой другой критики" (К. Маркс).

Ислама же самодержавие не только не боялось, но, учитывая его эксплуататорскую сущность, старалось, как мы видели, рядом своих действий его поддержать. Этим, безусловно, объясняется и факт разрешения печатания мусульманских религиозных книг, что было сделано правительством в указе от 15 декабря 1800 г. в ответ на петицию казанских, оренбургских и других татар, исповедующих ислам. На основании этого указа для печатания религиозных книг в Казань из Петербурга была даже переведена Восточная типография. Работа этой казенной типографии (на основании договора с Абдул-Азимом Бурнашевым и при цензоре Абдар-реззакове) началась в 1802 г. В течение трех первых лет в ней было напечатано 14 300 экземпляров книг. Почти все они были религиозные. Так, было издано 2000 экземпляров корана большого формата, и полного, 1 000 экземпляров корана по частям, 3000 - Стуани китаби, 3000 - Субат-ул-гаджизин (Твердость слабых; сочинение среднеазиатского мистика Алла Яра), 1200 - Пиргули китаби (Книга святых роз), 1 100 Иман шорти (Условия веры) и много других богословских книг.

Для начала XIX в. как тиражи, так и обороты этого издательства были очень велики. Так, если принять во внимание сообщение Дорна, что коран продавался на Нижегородской ярмарке по 25 руб. экземпляр, то продажная стоимость изданного только за отмеченный период корана (большого формата и полного) равнялась 50 000 руб. И в следующие годы цифры тиражей растут. Так, в одном 1806 г. типографией (на основании нового договора с купцом Юсуфом Апанаевым и при цензоре Ибрагиме Хальфине) было издано:

- 1) 19 000 экз. Иман шорти,
- 2) 3 000 экз. хафтиаков, т. е. седьмых частей корана,
- 3) 1 000 экз. Пиргули китаби,
- 4) 1 200 экз. Стуани китаби,
- 5) 1 200 экз. Субат-ул-гаджизин,
- 6) 1 500 экз. полного корана.

Далее, в 1833 г. одного полного корана было издано 6 000 экземпляров, продажная стоимость которых равнялась 150 000 руб. С 1843 по 1852 г. в числе разных религиозных книг в этой же типографии было издано полного корана 23 600 экземпляра.

Более того: с 1853 г. татарская буржуазия с разрешения правительства начинает издавать, кроме религиозно-философских книг, различного рода молитвенники. Это так называемые догаляки, содержащие в себе наряду с различного рода фантастическими историями всякие талисманы, заговоры и т.п.* В течение 10 лет (1855-1864 гг.) в одной только типографии Казанского университета было выпущено 128 000 экземпляров подобных изданий. По имеющемуся подсчету за период с 1853 по 1859 гг., т. е. за семь лет, в начавших тогда функционировать частных татарских типографиях было издано 82 300 экземпляров корана, 169900 экз. частей его (хафтиак), 77500 Иман шорти⁴. Этот книжный товар, как и всевозможные религиозные издания плакатного характера стал важным объектом торговли: казанско-татарские издания распространялись в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. Завоз религиозных плакатов был столь велик, что даже в 1934 г. ими еще довольно обильно украшались внутренние стены среднеазиатских мечетей (например почти повсеместно в Узбекистане).

Вопросы эти выходят за пределы настоящей работы; однако уже и то, что здесь приведено, говорит о том, что самодержавие не только не боялось допускать пропаганду ислама, но и способствовало ей. Официальное указание члена Особого совещания по делам веры Вл. Череванского в "Записке по делам веры мусульман-суннитов", что еще "в царствование императрицы Екатерины II был отпечатан коран на казенный счет для бесплатной раздачи его киргиз-кайсацкому народу"⁵, исключает всякие сомнения на этот счет. Этим и объяснялось то, что "Биржевые ведомости" в. 1873 г. не могли ничего возразить по существу брошенного английской газетой "Pall-Mall" обвинения о поддержке Россией религиозных организаций ислама⁶. Рыльце самодержавия было в пуху и этого нельзя было скрыть...

Даже наиболее оппозиционно настроенные к исламу православно-миссионерские и близкие к ним круги, любившие обсуждать возможность не только еврейских, но и татарских погромов, в основном не выступали против этой политики самодержавия. Они лишь, как, например, в 1896 г. редакция "Среднеазиатского вестника", считали необходимым "обратить внимание на тот вред, какой может происходить от самостоятельного, никем не сдерживаемого развития печати у покоренных народностей..." Существовала боязнь, что "мусульманское невежество, охватившее всех поклонников пророка, не только обусловливается религией, но даже и требуемое ею, стоит к просвещению и христианству ребром. Оно... лишает всякой надежды на скорое и полное ассимилирование мусульман с нами..." и т.д. и т.п.⁷. И царские чиновники были намерены рассеять опасения, возникшие у них в связи с вполне реальными признаками пробуждения национального самосознания у целого ряда покоренных самодержавием народов, путем совершенного обезличивания прессы этих народов, ее полного подчинения великодержавному "православному" контролю.

Требования тщательного контроля над издаваемой для "туземцев" литературой стали особенно настойчивыми в период 1905-1917 гг. Тогда был выдвинут даже проект создания государственной монополии на религиозные издания по исламу путем их полной передачи в руки муфтиатов. Осуществлено это, правда, не было. Даже ставленник царской охраны оренбургский муфтий Мухаммед Сафа Баязитов не сумел провести этого. Донос уфимского епископа Андрея (Ухтомского) на имя директора департамента духовных дел Н. П. Харламова по поводу организации татарской типографии для печатания религиозной литературы по исламу сообщал о бессилии муфтия Баязитова противостоять деятельности националистов из бюро мусульманской фракции Государственной думы⁸.

Все эти усилия агентов русского самодержавия преследовали цели создания условий, исключавших возможность каких бы то ни было проявлений "государственной неблагонадежности" в среде мусульман. О "просвещении" же здесь обычно говорилось лишь ради красного словца. Колонизаторы никогда о нем серьезно! не заботились. В 1911 г. на седьмом дворянском съезде Туркестана по этому вопросу было вынесено вполне четкое решение:

"Школа государственная, - говорится в нем, - должна быть русской, правительственная школа не может иметь инородческого характера, нам, дворянам, надлежит сказать, что школа должна быть русская. Россия - для русских".

"...Что касается до образования туземцев, - писал в 1896 г., т. е. одновременно с вышецитированным примечанием редакции "Среднеазиатского вестника", главный историк "народного просвещения" в Туркестане С. М. Граменицкий, - то пока, время не обнаружит большой потребности с их стороны в этом образовании, нет возможности распространять его в массе туземного населения"⁹.

По подсчетам академика В. В. Бартольда в Туркестане "число воспитанников-туземцев в правительственных школах с годами иногда не увеличивалось, а уменьшалось. В ташкентских гимназиях, мужской и женской, это число достигло высшего предела к 1 января 1883 г. - 20 мальчиков из 286 (7%) и 10 девочек из 333 (3%); к 1 января 1896 г. воспитанников-туземцев было всего 10 мальчиков из 327 (3%) и 8 девочек из 377 (2%); по сведениям 1909 г., воспитанников-мусульман было около 2% в мужской гимназии и около 1% в женской. Почти столь же незначителен был прилив воспитанников-туземцев в гимназиях, учрежденных впоследствии в областях Ферганской и Самаркандской; в Новом Маргелане (Скобелеве, теперь Фергана) в мужской гимназии к 1 января 1905 г. было 6 мусульман из 209 (3%), к 1 января 1912 г. 7 и 229 (также 3%), в женской 1 из 229 (менее 1/2%) и 5 из 365 (менее 1,5%)"¹⁰.

Та же картина была и на Кавказе. "Мусульманское" население составляло, даже согласно официальным данным, по Кавказскому учебному округу примерно 1/4 населения, тогда как до 1908 г. из общего числа 2 386 начальных училищ школ, в которых обучались мусульмане, было всего 275"¹¹.

Со времени открытия русско-туземных училищ дело школьного обучения покоренных народов русской колонии Туркестана не продвинулось вперед. За двадцать лет существования русско-туземных школ в Туркестане (1886 - 1905 гг.) число их достигло всего лишь 83. В дальнейшем число этих школ почти не увеличивалось; например, к 1911 г. их было всего 89. Не высоко стояла в русско-туземных школах постановка учебного дела. Как признавался один из чиновников русского самодержавия в Туркестане М. М. Вирский, "ни одна из русско-туземных и чисто русских школ в (Самаркандской. - Л. К.) области не выпустила из своих стен ни одного туземца, умеющего правильно читать, не говоря - писать по-русски"^{11a}. Зато преподавание ислама в этих школах процветало. Генерал-губернатором Розенбахом, при котором фактически начали функционировать эти учебные заведения, 30 сентября 1886 г. был издан циркуляр, "для успеха русско-мусульманской школы" признававший "необходимым, чтобы в ней преподавался туземцам закон их веры их же муллой".

Это мероприятие лишь подчеркивало неизменность колониальной политики самодержавия. Как вынужден в отношении царского Туркестана отметить (правда, наряду с другими "причинами") и акад. В. В. Бартольд, - "...успехи русской школы и вообще русской культуры затруднялись опасением, как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей, в ущерб обрусению. В русско-туземных училищах во второе десятилетие их существования твердо проводился принцип, по которому занятия в русском классе должны были вестись исключительно на русском языке и только при помощи русского языка детьми должны приобретаться "необходимые знания и развитие"; в туземном классе не должно было быть никаких других занятий, кроме обучения "туземной грамоте и основам мусульманского вероучения под руководством туземного муллы"¹².

Это была политика "черносотенного национализма", политика "подавления национальностей" (Ленин).

Ярко разъясняет эту политику в отношении "народного просвещения" известный русификатор, "ученый" миссионер Казанской духовной академии Н. И. Ильминский (1842-1891) в своей дружеской переписке с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым.

В 1885 г. он пишет, что ему хотелось бы, чтобы татарин, даже получивший русское образование, оставался полным ничтожеством, чтобы "в русском разговоре" он "путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника и т. п.". И как раз для этих целей палачам тюрьмы народов - царской России - нужно было мусульманское

духовенство. Тот же "наместник" Победоносцева в Казани, Ильминский, говорит об этом в своих письмах.

"...Поручить исправление должности, - пишет он своему черносотенному главе, - временно, например, Максютову, давно он служит судьей (то есть членом) духовного собрания, весь занят торговыми делами (это его право на должность муфтия). Он, по-видимому, пороха не выдумает. А есть там, в третьем (1883) году назначенный по выбору казанцев в члены духовного собрания какой-то мулла (Авхади или Ягуди), он, по слухам, крайний фанатик. Но, в случае крайности, фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже - человек университетского образования"¹³.

Исходя из политики угнетения завоеванных народов, направляя ее "своим острием против большинства народов России, составляющих большинство ее населения"¹⁴, русское самодержавие взяло курс на сохранение и поощрение религиозных школ ислама - мектебе и медресе.

Завоевая новые территории, российский военно-феодальный империализм ничего не имел против насаждения религиозных школ ислама даже там, где их раньше не было. Так, это можно было наблюдать в Чарджуйском, Керкинском и Ташаузском округах, силой русского оружия включенных в состав Бухарского и Хивинского ханств.

"Здесь, - говорит местный исследователь т. Сэв, - царское правительство прямо опрокинуло ту преграду, которая до того времени мешала религиозному воздействию (среднеазиатских центров ислама. - Л. К.) на туркмен. Оно решительно, силой штыка, подчинило туркмен бухарскому эмиру и хивинскому хану и вовлекло их в орбиту действия духовных центров мусульманской религии". Конкретно, если например "взять быв. Асхабадский уезд, представляющий собой район, больше всего подвергшийся воздействию царской политики, то мы увидим следующее: до прихода русских здесь существовало 5 медресе--в аулах Аннау, Кеши, Багир, Эрик-Кала и Дурун. При царском правительстве до 1910 г. количество этих медресе увеличилось вдвое путем открытия 5 новых - в аулах Корджо, Безмен, Геок-Тепе, Казанджик и Караган. Значительно выросло за этот период также количество низших школ"¹⁵, т. е. мектебов, этих верных проводников ислама в толщу широких масс трудящегося населения.

Пример этот не был исключением. В том же царском Туркестане, "в Мервском округе, в 1893 г. было три молитвенных дома, а в 1911 г. их стало 233"¹⁶. Еще до этого увеличение числа мусульманских религиозных организаций произошло в киргизской степи, где окончательное оформление и укрепление ислама относится ко времени русской колонизации. Ведь, суммируя данные XVI в., историк Сайфи должен был указать, что "киргизы - не кафиры, не мусульмане". Распространение среди них ислама началось лишь в XVIII в., после захвата их земель калмыками и вызванного этим бегства киргиз в Ферганскую долину. Не прекратилось оно и по возвращении киргиз на свои старые земли, в пределы Тянь-Шаня, и именно самодержавие способствовало этому.

"Энергия проповеди ислама среди кочевников ишанами из Бухары, Самарканда, Коканда и Ташкента, - говорит губернатор Гродеков в предисловии к труду "Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области",-усилилась со времени умиротворения (читай: завоевания.- Л. К.) нами Средней Азии"¹⁷.

Поощрение религиозных школ ислама, однако, не вело население к сколько-нибудь заметной ликвидации хотя бы азбучной неграмотности. Мнения о том, что якобы все мусульмане проходят хотя бы начальную школу (мектеб) при мечети не верны. Вот примеры.

В Чапулукской волости, Ходжентского уезда, б. Самаркандской области, по официальным отчетам за 1903 г., к началу 1904 г. в селениях Шура-Лайли, Сибистан, Даргаз и Дархум школ вовсе не было. В остальных 9 селениях этой волости при мечетях было 9 школ с 175 учащимися при 9 муллах-преподавателях. "Учащиеся - исключительно мальчики в возрасте от 8-16 лет... 1 учащийся приходится на 3,24 дворов в таджикской части волости (Бишкентское сельское общество в 308 дворов, а учащихся 95) я на 9,0 дворов в киргизской части (Иске-Аучинское, Маргумское и Мадынганское сельское общество в 722 двора, а учащихся 80)". Всего по волостям,

при числе населения обоего пола 6 690 человек, учащихся было 175, т. е. 2,9%.

"Таким образом, - заключал исследователь, - четыре селения волости в 2062 жителей обоего пола остаются... совсем без школ и, по отдаленности от селений, где школы имеются, совершенно лишены возможности обучать детей грамоте"¹⁸.

В Яны-Курганской волости, Джизакского уезда, Самаркандской области, "из числа детей учебного возраста мужского пола от 7 до 14 лет зарегистрировано 993 души, или 9,4% общего состава населения, а женского пола от 7 до 12 лет - 625 душ, или 5,9%. Так как ни женских школ, ни домашних учительниц (атун) по волости не существует, то естественно, что все девочки остаются неграмотными.

Из указанного выше состава мальчиков учебного возраста в 1907 г. обучалось в 46 школах-мектебах при сельских мечетях 321 ученик (32,31%). По сравнению с общим составом мужского населения - 5,4%. Учащими (дамуллами) в каждой школе по одному были имамы приходских мечетей... в среднем приходилось около 7 учеников на школу"¹⁹.

При таком положении, как верно отмечал исследователь Чапкуллуksкой волости, - "о распространении грамотности и говорить нечего: в волости при поземельно-податных работах необходимо было избрать от каждого селения по шести уполномоченных... Выбирались люди наиболее... зажиточные, и между тем не в каждом селении оказалось то одному грамотному для несения этой важной общественной службы...

Сельские старшины все неграмотны. Волостной управитель с трудом может написать несколько слов на родном языке... Народные судьи, и те в большинстве случаев с трудом подписывают свою фамилию... Должностные лица туземной администрации чаще всего только прикладывают свои печати к написанному писарем тексту служебных бумаг"²⁰.

Внутреннее содержание религиозных школ ислама, так же как и численность учащихся в них вполне оправдывали такое положение.

"Занимающиеся обучением детей приходские имамы, - писал б. военный губернатор Самаркандской области Н. С. Лыкошин, - в большинстве случаев сами малограмотны, все они умеют читать только те книги, которые в свое время были ими пройдены в... первоначальной школе; что же касается письма на родном языке, то редко кто из них сумеет грамотно изложить свои мысли. Очевидно, что такой учитель может и ученику передать никак не больше того, что известно ему самому"²¹.

Каково же было преподавание этих малограмотных мулл-учителей? Вот подлинная картина этого:

1. **МЕКТЕБ**, низшая религиозная школа. Единственный ее педагог - дамулла, т. е. мулла, одновременно занимающийся "преподаванием". Отдавая в школу ученика, его отец или какой-либо другой родственник приносит дамулле блюдо палау (плова) или какое-либо другое угощение и, передавая в руки дамуллы мальчика, говорит примерно следующее: "Господин! мы поручаем нашего ребенка вам. Учите его, бейте. Если даже и убьете - мы не будем иметь на вас претензии. Мясо ваше - кости наши".

С первого же урока дамулла, взяв за руку ученика, заставляет его "повторять за собой слова первой суры (главы.- Л. К.) корана. Затем переходят к азбуке... Механически, без знания арабского языка, коран прочитывается от корки до корки... Далее, - например, в мектебах б. Ферганской области - всегда следовало чтение (...механическое) книги чар-китаб, содержащей в себе изложение правил омовения, молитв, поста и пр., написанной на персидском языке, которого ученики-узбеки тоже не понимали".

И так "обучение в школе продолжается от 2 до 5 лет..."²².

2. **МЕДРЕСЕ** - высшая религиозная школа. Проходили ее лишь немногие из окончивших мектебы. Преподаватели здесь также принадлежали к мусульманскому духовенству, и предметы - та же средневековая схоластика. Проходится она на "латыни" стран распространения ислама - классическом арабском языке.

"Ильм-и-фераиз, заключающий в себе как наследственное право, так равно и краткий курс математики, - по словам знатоков дореволюционного быта Ферганы В. и М. Наливкиных, - изучается особо, желающими только и сравнительно редко...

Ученики делятся на три разряда:

- 1) адна (низший),
- 2) аусат (средний) и
- 3) ала (высший).

Адна проходят обыкновенно книги: Капия, Шарх-мулла, Шамсия и Мухтасар-ул-викайэт, оставаясь в этом разряде около 3 лет.

Аусат изучают Акаид и Таузи около 3-4 лет. Ала изучают:

Мулла-Джалиль, Мушкат-и-шариф, Хидая и - шариф и пр., оставаясь при медресе различное число лет, иногда до получения места мударриса, муфтия или аглама, а иногда, что совсем не редкость, до конца своей жизни, посвящая всю последнюю на изучение богословия, которое вместе с мусульманским правом и философией являет собою содержание всех перечисленных выше книг"²³.

Питомцы таких "школ" были, конечно, удобны для самодержавин. Говоря словами Ильминского, даже при встрече со своим волостным старшиной или столоначальником они могли лишь "путаться и краснеть". А это и было нужно правительству великорусских шовинистов. "Россия для русских",- писали они. Покоренным ими народам предлагалось довольствоваться даже в их "высших" школах плодами самого мрачного средневековья.

Действительно, непосвященный в существо того или иного из названных выше предметов не в состоянии даже предположить, в чем именно заключается этот предмет. И это относится не только к содержанию специально "религиозных" дисциплин, но и таких вводившихся в некоторые медресе предметов, как, например, "география", "всеобщая история", "медицина" и т. п.

Так, лучшим - сочинением по географии в медресе б. Туркестанского края считалось "Маглюмат-ул-афак" (на персидском языке). Говорится в нем, например, о том, что четыре стихии - огонь, ветер, вода и земля - находятся: огонь - между сферою луны и ветра, ветер - между сферами огня и воды, вода - между сферами ветра и земли, земля - окружена всеми остальными стихиями. Так как небес семь, а также семь планетных систем, семь поясов, или частей, света и семь морей, то и род человеческий делится на семь рас: на китайцев, тюрков, европейцев, арабов, персов, индусов и негров. Также здесь можно узнать, что на некоей горе Сарандиб имеется отпечаток ноги Адама. На Индийском море есть остров, а на острове дворец. Всякий, кто войдет в этот дворец, якобы лишается чувств и умирает. На острове этом обитают люди с собачьими головами. Такие сведения "подтверждаются" и иллюстрациями этого "учебного пособия"²⁴.

Не выше стояли сведения медицинских и иных книг, в большом числе (как, например, на персидском языке по медицине) ввозившихся из Бомбея и других центров мусульманских изданий. Таким, например, являлось руководство по излечению внутренних болезней "Шифа - и - клюб" ("Излечение сердец"). Начинаясь, как и всякое мусульманское издание, со слов "во имя бога, милостивого, милосердного" (бисми-л-лахи-р-рахмани-р-рахим), она первым долгом останавливается на доказательствах "божественного происхождения медицины". Затем следуют "способы лечения разных болезней".

Вот некоторые из рекомендуемых в этой книге рецептов:

"Глава 1. ...Головная боль. Цветы мальвы и цветы колючки вскипятить в воде и натирать этим настоем ноги ниже колена, пребывая в спокойствии...

Глава 5. ...Ушная боль. Если она происходит от разлития желчи, то признаки болезни: желтизна лица и глаз. Средство - настой из фиалки...

Глава 8. ...Растрескивание губ. Если оно происходит от желчи, то признаки болезни: горечь во рту, сухие губы, жесткий язык. Средство - давать слабительное (для уменьшения желчи) и мазать губы мазью из шафрана...

Глава 9. ...Опухоль десен. Признаки болезни: если она происходит от крови, то десны постоянно болят, и во рту образуются трещины покровов; если от желчи, то горечь во рту; если от мокроты, то опухоль мягка и цветом белая. Средство: если болезнь происходит от первой причины, то следует пустить кровь, а если от других (причин), то принимать слабительное, соответствующее этим причинам.

Глава 11. ...Если в груди заведутся черви, то полоскать глотку смесью 10 золотников сахара, вскипяченного в чайной чашке воды, и 5 зол. соли, тоже вскипяченной в таком же количестве воды...

Глава 12. ...Язвы на легких. Признаки болезни: постоянный жар, при кашле - отделяется гной; если этот гной отделить от слюны и бросить в огонь, он издает дурной запах, а в воде тонет. Средство: пить ослиное молоко и примешивать к пище сок ячменя.

Глава 25. ...Полная импотенция мужчины. Происходит от того, что аб-мани из жидкого обращается в твердое. Средство: примешивать к пище тмин и инбирь и есть мясо цыпленка...

Глава 26. ...От неплодия - есть язык зайца..."²⁵.

Результаты такого обучения были, конечно, самые печальные. Даже в условиях самодержавия они иногда подвергались осмеянию, особенно в художественной литературе и живописи (карикатурах журналов "Мулла Наср-эд-дин", "Ялт-Юлт" и др.). В художественной литературе, например, печальные последствия 12-летнего обучения в медресе красочно описаны в вышедшем в 1914 г. на татарском языке рассказе Чекалы Тарифа Гайнуллина "Яхья суфий" (суфий- от арабского слова "суф", грубая шерстяная материя, шерсть, - название мистика, аскета, "монаха" ислама).

В течение 12 лет обучения в медресе внимание Яхьи было целиком сосредоточено на таких книгах, как "Аджаиб-ул-махлюкат" (Чудеса творения), "Фатх-ул-мульк" (Завоевание царств) и т. п., повествующих о разных "чудесных" историях и сообщающих подробные сведения о заговорах, заклинаниях, присухах, отсухах и т. п. На основании этих книг сложилось все мировоззрение Яхьи. Идет дождь, это, по мнению Яхьи, сеют воду решетом на небе; появляется радуга - Яхья убежден, что это отражение на небе драгоценных камней, из которых построены дворцы джиннов, обитающих за волшебною горою Каф, и т. д. Все новое, все достижения науки и техники Яхья считал за выдумки бесов, шайтанов и видел в них один из признаков скорого пришествия Даджала (антихриста ислама). В результате, занявшись лечением людей и в действительности лишь уродуя и калеча их (главным "лекарством" его была палка), Яхья попадает на скамью подсудимых²⁶.

Этот рассказ очень характерен в том смысле, что является протестом против старых методов обучения в мусульманских школах. В Башкирии в "Избах урока" сознание мальчиков и девочек коверкали всякими "божественными" небылицами жены мулл (абстай), чтобы потом передать своих учеников в столь же невежественные руки своих мужей и иных улемов в мектебе и медресе. По данным анкеты, проведенной в 1915-16 гг. инспектором народных училищ б. Закаспийской области И. А. Беляевым, наиболее распространенными учебниками в мектебе были коран и различные выдержки из него. Обучение было направлено к тому, "чтобы научиться и впоследствии своих детей научить правильно призывать и восхвалять имя бога и его пророка". Даже арифметика не была признана за науку и потому в мектебе не преподавалась. Все "образование" сводилось к тому, чтобы научить читать (но не понимать) коран и ему подобные книги, написанные на арабском и персидском языках, т. е. на языках, которые в обыденной речи Закаспийских степей не были распространены²⁷. Та же картина была и в Крыму и других местах распространения ислама в царской России.

Однако религиозные школы ислама не ограничивались тем, что сеяли невежество.

Преподавание в религиозных мусульманских школах полностью сочеталось с воспитанием в учащихся духа покорности и раболепства перед властью эксплуататоров. Классовая сущность ислама такова, что иначе и не могло быть. Подлинные документы свидетельствуют об этом.

Вот, например, одна из специальных молитв, поданная "его превосходительству господину попечителю Казанского учебного округа от преподавателя магометанского вероучения Казанской татарской школы Таиба Гильмановича Яхьина".

Отпечатанная золотом на великолепном бристолевском картоне и вложенная в

* Одна бухарская теньга равнялась 20 копейкам серебром.

красивую папку, она имеет такой заголовок:

"Мусульманская молитва за царя и царствующий дом".

Крайне показательный текст ее, напечатанный на двух языках, гласит:

"Измена присяге, данной на верность его величеству государю по нашему шариату не допускается. Слова всевышнего: "Не нарушайте верность, раз уже укрепленную" (текст корана).

МОЛИТВА

Во имя бога, милостивого, милосердного.

Самодержавнейшего, могущественнейшего и великого государя нашего, всемилостивейшего императора Николая Александровича, даруя ему долголетие, да хранит всевышний бог от всех бед земных, небесных, злключений ежедневных и возмущений, да сделает здоровье и спокойствие его постоянным. И будет угодна всевышнему богу молитва служителя его. Аминь!"

Далее в таких же выражениях следует текст молитвы за жену, мать, детей, брата и сестер Николая II.

Обращаясь к богу, молитва просит его сделать Николая II "покровителем... шариата", не допускающим к мусульманам "обидчиков" и т. п. "злых обстоятельств", т. е., говоря другими словами, просит его предотвратить возможность повторения революции 1905 г.²⁸.

Верноподданническая программа мусульманских религиозных школ была характерной для ислама не только в царской России. Всюду, во всех странах его распространения в этих школах проводилась политика воспитания учащихся в духе подчинения насильникам. Поэтому эксплуататоры поддерживали мектебе и медресе, принимая меры к увеличению их числа. Так, вассал русского самодержавия эмир бухарский сейид Мир-Алим в меморандуме от 15 апреля 1911 г. писал: "12 мухаррема 1329 г. хиджры (т. е. в 1911 г.) я взошел на престол моего отца. В течение целого года я был занят организацией своего государства... Я велел построить школы и мечети и покровительствовал преподаванию наук. Возле Арка (цитадели. - Л. К.) Бухары в местности, называемой Бала-и-хаузия, я велел построить мечеть, которая носит мое имя, а возле базарной башни Бухары - медресе - высшую духовную школу"²⁹.

О том же заботились и капиталисты царской России. Например, владельцы стекольных фабрик в б. Царевококшайском уезде, Маркинской области, Казанской губернии, А. Сайдашев и К°, на которых работало в 1897 г. до 2 000 рабочих, в прошении на "высочайшее имя" сообщали:

"Для того же, чтобы рабочие и их семьи могли отправлять свои религиозные обязанности и давать воспитание детям, товарищество, несмотря на то, что во главе его стоят мусульмане, возобновило и поддерживало и поддерживает православный храм, о чем известно высокопреосвященнейшему Палладию митрополиту Санкт-Петербургскому и Казанскому епархиальному начальству. Далее товарищество предоставило помещение для трех школ: православных - церковноприходской и земской, и мусульманской. Вообще товарищество дает бедному рабочему люду, тысячам семейств и кусок хлеба, и честный (читай: каторжный. - Л. К.) труд и всячески удовлетворяло их физические и духовные потребности, чтобы масса безземельного и бездомного люда на фабриках товарищества находила себе оседлость... и молилась за царя"³⁰.

Исходя из реакционности программы медресе и мектебе, миссионерствующие чиновники русского самодержавия предлагали не чинить препятствий к развитию сети этих мусульманских школ. Член Особого совещания по делам веры Вл. Череванский в нам уже известной "Записке по делам веры мусульман-суннитов" писал:

"При всем недоверии к достоинству мусульманской школы все же не следует надеяться, что репрессии или стеснения приведут ее к улучшению. Ввиду последнего положения казалось бы целесообразным:

* Танап - от арабского "танаб" - веревка, среднеазиатская мера земельной площади. В различных местах была различна - от 1/10 до 1/4 десятины (626-2500 кв. м).

а) разрешить открытие медресе и мектебе без всякого стеснения со стороны русских властей".

При этом характерно, что Череванский тут же приводит, видимо, особенно ему импонировавшее замечание "уполномоченного одного из обществ Уфимской губернии", говорящее: "по преданию, дошедшему от пророка Мухаммеда, всякое нововведение есть противообычие, всякое противообычие есть заблуждение, а всякое заблуждение ведет в огонь адский". Значение этого замечания для Череванского, как официального правительственного чиновника, разъяснено им же несколькими страницами выше. Здесь, отметив отсталость, ненаучность тех сведений, которые дает учащимся религиозная школа ислама, он все же писал:

"Было бы грубою ошибкою требовать, чтобы мусульманство, оставив заветы, ведущие их к замкнутости и косности, вступило какими-нибудь официальными мерами на путь мирового прогресса. Если случится нечто подобное, то его следует ожидать - и то не в скором времени - только от камертона со стороны передовых людей мусульманства... До той же поры правительству остается относиться равнодушно ко всему учению мусульманства, кроме обстоятельств, когда оно выступает: а) с религиозным фанатизмом или б) с антиправительственными тенденциями"³¹.

Если, откинуть в этом проекте Череванского миссионерский пункт о "фанатизме", наличие которого, как мы видели из цитированного письма Ильминского Победоносцеву, сатрапами русского самодержавия признавалось "лучшим", чем, например, появление образованных по-русски татар, то линия царизма в этом вопросе будет вполне ясна. И характерно, что эта линия вполне совпадает с взглядами наиболее консервативных слоев мусульманского духовенства царской России.

Если самодержавие предъявляло в отношении образования мусульманского духовенства те или иные требования, то они всегда диктовались целями создания условий для наилучшего одурачивания трудящихся. Ибо, по единогласному суждению царских чиновников, муллы являлись лучшими проводниками в массы интересов помещиков и капиталистов. Сельская "паства, - свидетельствовала в 1898 г. особая комиссия, назначенная по распоряжению туркестанского генерал-губернатора С. М. Духовского для определения роли религиозных организаций ислама, духовенства и т. п., - доверяет своему имаму и дамулле безусловно... Он (имам и дамулла. - Л. К.) и главный врач ...врачевать может ...отчитыванием или по тем рецептам, которые рекомендуются в медицинских книгах. У него можно, достать и писанные тумары (талисманы. - Л. Я.), предохраняющие от всяких болезней и напастей. Вообще, находясь в постоянном общении со своей паствой, кишлачный (сельский. - Л. Я.) имам по необходимости не может ограничивать свою деятельность узкими рамками своей должности и поставлен в очень благоприятные условия, чтобы так или иначе влиять на народ..."³².

Исходя из аналогичного положения мусульманского духовенства среди татар, башкир и других угнетавшихся самодержавием народностей, 16 июня 1888 г. русское правительство издало закон об образовательном цензе для лиц мусульманского духовенства (аналогичный закон издан также 11 октября 1890 г., он вошел в Свод законов в виде приложения к ст. 1416 Устава иностранных исповеданий).

"Наконец, - писал казанский губернатор, подводя первые итоги этого закона во всеподданнейшем отчете за 1891 г., - ...закон 16 июля 1888 г. об образовательном цензе для духовных лиц магометанского исповедания начинает давать благоприятные результаты. Со времени введения этого законоположения, т. е. с 1 января 1891 г., из местных татар 35 человек выдержали установленным порядком испытание по русскому языку, и из них 9 заняли духовные магометанские должности. Затем из числа учащихся в медресах г. Казаки не менее 1/2 стали заниматься русской грамотой и языком"³³.

Причина этой удовлетворенности казанского губернатора была понятна. Откровенно о ней рассказал от имени видного миссионера, профессора Казанской духовной академии М. А. Машанова, тайный советник А. Будилович на заседаниях высочайше учрежденного "Особого совещания для согласования действующих узаконений с именным высочайшим указом 17 апреля 1905 г. по делам

веры". В журнале № 6, в записи о заседаниях Особого совещания 20 и 24 апреля 1906 г. об этом читаем:

"...По удостоверению названного представителя министерства народного просвещения (тайного советника А. Будиловича. - Л. К.) и профессор Машанов признает знание русского языка безусловно необходимым для магометанских хатыпов, или проповедников, считая что они должны быть "верно ознакомлены с общественными явлениями которые неизбежно отражаются в проповедях, например во время эпидемических болезней, войны и для успокоения умов во время проведения разных государственных мер, хотя и не трогающих религии - ислама, но могущих смутить невежественных мусульман"³⁴.

Под "невежественными мусульманами" черносотенный "ученый" миссионер Машанов подразумевал широкие трудящиеся массы, среди которых ислам был распространен. Мусульманское духовенство, выполняя среди этих масс жандармские функции, должно было, по мнению чиновников русского самодержавия, быть хотя бы элементарно, грамотным по-русски. Замечания казанского губернатора по поводу "благоприятных результатов закона об образовательном цензе" для лиц мусульманского духовенства, таким образом, были, выражением радости полководца, армия которого пополнилась квалифицированными вояками. И радость эта была обоюдной.

Сросшиеся с русским самодержавием круги мусульманского духовенства оставались верными царизму и в пору развития джадидизма и панисламистской и пантюркской идеологий (см. главы VII, VIII и IX).

Ряд документов дает нам яркую картину этого. Названные основные круги мусульманского духовенства допускали ненависть и раздор в своих мусульманских рядах, но только не разрыв дружественных отношений с "неверной" для них властью православного самодержца.

Вот что писала влиятельная руководящая группа мусульманского духовенства на имя министра внутренних дел Столыпина (1906-1911) в прошении (на татарском языке), поступившем к нему 20 июля 1908 г.:

"Вашей великой особе, высокочтимому и высокостепенному министру внутренних дел г. Столыпину мы даем знать об обстоятельствах, происходящих между нами, мусульманами, и о нашей жизни. Вашу великую особу мы просим принять в уважение и во внимание то, что мы, мусульманские муллы, пишем исполненные истинного патриотизма, и просим оказать любезность в своем отношении к нам".

Авторы этого послания - 12 указных имамов сообщают "великой особе", черносотенцу, министру Столыпину, о том, "как завелись смуты" и какими путями ведут "дело социалисты и откуда они явились между татарами".

"Мы, мусульманско-татарский народ, - пишут имамы, - с давних времен составляли общество, которое чистосердечно относилось как к своему великому государю, так и к правительственным лицам. Мы, имамы, совершали молитвы и в каждую пятничную молитву желали долгого благоденствия как своему великому государю, так и его верноподданным и высокому российскому правительству. Как было нам не молиться, когда нам от нашего великого государя дарована во всех отношениях великая свобода. Для доставления указных имамов, для построения мечети и медресе и для наблюдения над нашими религиозными делами он учредил духовное собрание. Для всех мусульман, в отношении разрешения религиозных вопросов, дана свобода и изданы законы, а также предоставлено свободное исповедывание. Льгот мусульманам в мусульманских государствах, по сравнению с льготами великой России, нисколько не больше..."

Желая оправдать эти великие "льготы", 12 указных мулл заявляют, что:

"...мы, имамы, объясняем про эти льготы своим прихожанам и в своих мечетях произносим проповеди и увещания о повиновении и подчинении правительству, как велят нам коран и шариат... Мы сдерживали односельчан-мусульман от дурных дел, и до сего дня прихожане очень слушались нас, потому что и наш коран, и наша исламская вера повелевают повиноваться богу, пророку его, правительству, слугам государя и начальству, по великим словам корана (IV, 62): "Повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику его и тем из вас, которые имеют власть". Что мы хорошо знаем свою религию, известно всякому. По нашей вере исламской грешить против

царя нельзя, нельзя и не повиноваться ему. Да и вашей великой особе, - продолжают имамы, - хорошо известно, что... общество татар-мусульман состоит из лиц невероломных и чистосердечных и что до настоящего дня с их стороны не появилось ни смуты, ни неурядиц. Вот мы, мусульманские имамы, и считаем своим долгом открыть вашей великой особе и выяснить по правде, как велит наша вера исламская, современное наше положение"³⁵.

Обрисовывая это "современное положение", 12 крупнейших представителей мусульманского духовенства всей своей черносотенной силой обрушиваются на каждую прогрессивную мысль, на каждое действие, могущее показаться подкопом под старые феодальные формы государственности и быта. И в данном случае имамы были только вполне последовательны. Приведенным в своем обращении стихом из корана авторы этого послания прямо подчеркнули, что в руках мусульманского духовенства ислам является оружием, своим острием направленным против всего революционного.

В данном случае характерно, что это прошение 12 имамов было подано Столыпину после 1905 г., в годы черной реакции. Указанные круги мусульманского духовенства носились тогда с манифестом Николая II от 17 октября 1905 г. Так, в Казани, в типографии торгового дома "Братья Каримовы", в 1907 г. был издан на русском и татарском языках "Высочайший манифест 17 октября 1905 г. и Положение комитета министров 17 апреля 1905 г., относящиеся к иноверцам и мусульманам, с разъяснениями". В последних особенно подчеркивались слова Николая II: "призываем всех верных сынов России выполнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле"³⁶.

Осуществлением этих пожеланий кровавого венценосца было занято все указное мусульманское "воинство". Например, муфтий Мухаммед Яр Султанов, выходец из среды крупных феодалов Башкирии, 24 ноября 1905 г., "препровождая тюркский текст манифеста" о конституции, разослал всему подчиненному ему мусульманскому духовенству от имени Оренбургского магометанского духовного собрания "духовные наставления". "Прочтите манифест, - говорилось в них, - в мечети после намаза (т. е. молитвы.- Л. К.) "юма", точно разъясните населению прихода и молитесь о здравии его величества царя и его уважаемой семьи".

И дальше муфтий прославлял предоставленную в манифесте населению тюрьмы народов - царской России - "свободу". Имея в виду вызванные революцией 1905 г. аграрные волнения, муфтий резко выступал против всякого революционного действия.

"Ходят слухи о том, - отмечал муфтий Султанов, - что есть лица. которые, злоумышленно придавая иное значение 1-му пункту манифеста, подстрекают мусульман к тому, чтобы наносить ущерб имуществу: земле и воде и т. п. собственности богачей, т. е. совершить деяния, запрещенные шариатом и законом".

Муфтий, конечно, не допускал этого.

"Пусть мусульмане, - наставлял он, - исходя из неправильного понимания манифеста, изданного в наших (читай: эксплуататоров.- Л. К.) собственных интересах, не думают, что манифест можно использовать для совершения злодеяний. Пусть не смеют наносить повреждения имуществу, душе и телу, земле и лесам своих товарищей, соседей и других, кто бы они ни были. Пусть не верят утверждению тех, которые подстрекают в этом направлении.

Пусть каждый старается удерживать своих близких друзей-товарищей, словом, пусть мусульмане стараются сдерживать друг друга. Правительство будет вынуждено сдерживать силою оружия тех, которые не сдерживаются"³⁷.

Действия мусульманского духовенства во время и после революции 1905 г. (см. гл. II и VIII) полностью подтвердили эти черносотенные "наставления".

Обращенные к верующим слова их были направлены к защите насильников. Например, считавшийся "прогрессивным" мулла Галимджан Баруди, как мы видели, шедший во главе мусульманского духовенства и фабрикантов - участников демонстрации черносотенцев в Казани в 1905 г., - в 1906 г. выпустил брошюру "Основы ислама", смысл которой сводился к призыву верующих не поднимать руки на эксплуататоров, ибо они тоже мусульмане"³⁸.

В целях наилучшего привития массам верующих идеи непротivления насильникам, ибо они их "братья-мусульмане", мусульманским духовенством совместно с буржуазией были созданы даже специальные "мусульманские общества".

Таким было, например, "Мусульманское общество в Оренбурге", разрешенное "к действию" с 16 июня 1906 г. губернатором генерал-майором фон-Таубе³⁹.

Отразились до- и послереволюционные события (1905 г.) и на вопросе школьном. Так, академик В. В. Бартольд о годах реакции после революции 1905 г. отмечал, что в это время "старая мусульманская школа и вообще старозаветный ислам, не только обнаружили больше жизненных сил... но нашли себе союзников среди русских, на почве принципов консерватизма". По мнению акад. Бартольда, этот "союз русского консерватизма со старозаветным исламом совершенно изменил прежнее отношение к старой мусульманской школе. В 1876 г. казалось, что "русскому влиянию на востоке представляется задача важная и возвышенная: разбить умственные оковы магометанства и приобщить туземцев к жизни человечества"; в 1907 г. мусульманская школа сопоставлялась с древнею русско-христианскою; курс медресе признавался "очень серьезным, соображенным с действительными потребностями народной жизни" и подлежавшим только постепенному и осторожному дополнению в смысле внесения "элементов современного знания", а не коренной домке"⁴⁰.

Это объединение сил реакции касалось всех областей. Даже православные миссионеры "братались" с мусульманскими попами. В ногу с черносотенной печатью миссионеров органы кадимистской (ортодоксальной, старометодной) мусульманской прессы особенно усилили гонение на джадидскую (новометодную) печать и культуру. Богатый оренбургский мулла Вали Хусаинов, получивший религиозно-схоластическое образование в Кашгаре и Мекке, приступил к изданию специального нового еженедельного реакционного журнала "Дин ва ма'йшат" ("Вера и жизнь"), первый номер которого вышел 31 декабря 1906 г.

К достоинствам человеческой культуры журнал этот относился, например, так:

"Всем известно, - писал "Дин ва ма'йшат", - что в наше время такие безнравственные и пустые забавы, как театры и литературные вечера, получили распространение среди татар..."

"Некоторые татарские газеты, как, например, астраханская "Идэль" (№ 339), осмеливаются выставлять в качестве благих и богоугодных дел такие безусловно запрещенные нашей религией развлечения, как театр и музыку".

"Пророк наш Мухаммед еще 1 300 лет назад предрекал, что такие деяния могут послужить причинами к ужасным бедствиям: провалу земли, падению с неба камней, превращению людей в животных или в неодушевленные предметы" (№ от 8 апреля 1911 г.)⁴¹.

Конечно, не приписываемые пророку аллаха Мухаммеду "предрекания" беспокоили кадимистские круги мусульманского духовенства. Как и помещики и капиталисты, они видели в проникновении этих достижений культуры вредную "новость", которая могла революционно воздействовать на массы. Это же как для мусульманского духовенства, так и для русского правительства помещиков и капиталистов было нежелательно. Они боялись, как бы эти нововведения, подняв общий культурный уровень широких трудящихся масс, не явились в их руках орудием, ломающим старые, овеванные "святостью" веков устои заскорузлого, пропитанного религией быта. Этот быт, эта форма общежития, являлся одним из необходимых условий для утверждения господства угнетателей. А мусульманское духовенство находилось далеко не в последних рядах эксплуататоров. Этим в известной мере объяснялась верная служба его самодержавию.

* Батман - мера веса и площади (высева). В разных районах Гиссарского вилайета Восточной Бухары (Таджикистан) колебался в пределах от 183 кг 400 г до 209 кг 700 г. Установление размера батмана зависело от местного бека.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИСЛАМА И РУССКИЙ ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Как мы уже говорили, мусульманское духовенство было тесно связано с господствующими эксплуататорскими классами тех феодальных государственных образований, которые были завоеваны русским самодержавием. Руководящие круги мусульманского духовенства принадлежали к крупнейшим феодалам своих стран.

Свидетельств этому очень много. Например, об этом говорят сохранившиеся до последнего времени названия ряда селений. Так, находящиеся вблизи г. Казани деревни Куль-Сейтово, Малые и Большие Дербышки, вероятно, принадлежали известному по Николаевской летописи Куль-шерифу, который, как мы отмечали в главе I, погиб при взятии Казани войсками Грозного. Владел он этими селениями с помощью зависимых от него людей, именовавшихся его учениками-мюридами, дервишами. Названия татарских деревень "Сейтово", "Мулла-или" или "Мулла-но" также говорят об их бывшей принадлежности "духовным" феодалам.

Это же наблюдается и в других местах распространения ислама, завоеванных впоследствии русским военно-феодальным империализмом, как, например, на Кавказе и в Средней Азии, включая сюда и Бухарское и Хивинское ханства, официально считавшиеся "самостоятельными" вплоть до Октябрьской революции.

Мусульманское духовенство часто обладало здесь большой политической и экономической силой. Например, в XI в. в Туркестане мусульманское духовенство выступает на стороне турецкой военно-феодальной аристократии. В 1095 г. в угоду последней муллы вынесли приговор, обвинявший в ереси низложенного турецкими предводителями Самаркандского хана Ахмеда, чем способствовали его казни. В Бухаре в начале XIII в. власть находилась в руках так называемых садров, являвшихся одновременно представителями высших слоев мусульманского духовенства и земельной аристократии. Кошмарный режим этих "духовных" властителей, нещадно эксплуатировавших принадлежавшие им вакфные имущества, куда входили и ремесленные заведения с зависимыми ремесленниками, привел даже к антиправительственному восстанию последних. Восстание охватило г. Бухару и его окрестности и окончилось временной победой вождя восставших ремесленника Сивджара.

Власть бухарских эмиров, как мы уже замечали, неизменно опиралась на религиозные организации ислама. Даже представители русского самодержавия смотрели на бухарского эмира, как на "главу магометанского мира в Средней Азии". Генерал-губернатор Туркестанского края Романовский называл его "главой мусульманского, духовенства"¹. Поддерживали это и официальные документы эмира, а также его присяжные историки. Так, об этом говорится в приложении к рукописи "Субхан-кули-наме", излагающей историю мангытской династии бухарских эмиров. Там, например, мы читаем: "главнейшими результатами его (Ма'сума, известного под именем Шах-Мурад-бия, правившего в конце XVIII в. - Л. К.) царствования были: появление в вере новой жизни, а шариату был придан безмерный блеск..."². При преемнике Шах-Мурада эмире Хайдере (1800-1826 гг.) 500 мулл получали от 100 до 300 тенег* в месяц, а должностным лицам из рода Мангыт выдавалось от 30 до 100 тенег в праздник окончания мусульманского поста месяца рамадана. Муллы, в свою очередь, оплачивали предъявлявшиеся им политические (и экономические, см. ниже) векселя. Иногда они возбуждали вопрос о престолонаследнике. Так, идея о провозглашении ханом Мухаммед-Рахима была возбуждена осенью 1756 г. бухарским духовенством: а при осуществлении этого был восстановлен обряд вознесения нового хана на белом войлоке, - причем он был поднят уже не только беками четырех главных узбекских родов (как раньше, при Аштарханидах), но и сейидами, кадиями и ходжами³. В упомянутой рукописной истории Мангытов рассказывается также, что при взятии

Бухары эмиром Насруллою эмир Омар был взят под покровительство ишана Шериф-ходжи-Мавляви и вывезен им из Арка ⁴.

Официальный представитель мусульманского духовенства при бухарском эмире "ясоул-и-улямо" (т. е. "состоящий для поручений к улемам" или "посыльный улемов") исполнял разнообразные ответственные государственные задания. Поручались ему даже дела финансово-инспекторского и казначейского порядка. Так, в служебной записке эмира Музаффара (1865-1885) читаем:

"Он в данное время "убежище войны", Фахр-уд-дин-ходжа "токсаба" (т. е. седьмой чин - в восходящем порядке - быв. бухарского военного сословия, с титулом "убежища войны". - Л. К.)... доставил к (высочайшему) докладу следующее: "мой переезд сюда из Шахрисябза совершился на (наемной) арбе; надеюсь (на высочайшую милость - получить) истраченную мною сумму по ее найму". Оказав милость, мы повелели: "пусть "верный" сейид-Мирек "ясоул-и-улямо" причитающуюся ему сумму по докладу, взяв, выдаст. 1284 (года = 1867 - 1868 г. - Л. К.)"⁵.

Торговые операции бухарского эмира также проводились при помощи этого же представителя мусульманского духовенства Бухары.

"В почитаемом месяце реджебе 1284 года (в октябре-ноябре 1867 г.), - читаем в свидетельствующей об этом запродажной записи от имени эмира Музаффара, - было следующее. По повелению его величества... тени всевышнего бога на земле, защитника церкви, божественного шариата и веры и имама мусульман... сейид-Мирек "ясаул-и-улямо", явился в судебное установление... Бухары и ...сделал следующее... заявление; "по уполномочию его величества и имея на то право, я продал на основании всех необходимых правил шариата... Абдул-Вахиду, сыну Хусейн-бая, всецело и полностью полтанапа* и 3/8 хараджной (т. е. казенной, "черной". - Л. К.) земли, оставшейся без владельца..."

Эта близость мусульманского духовенства к высшей государственной власти способствовала его обогащению. Масса документов свидетельствует об этом. Вот, например, грамота бухарского хана Имам-Кули (1661-1642 гг.), жалующая одному ишану города Ташкента окрестные земли (амляки) в пожизненное пользование:

"Он пребогатый (таково) слово наше Абул-гази Имам-Кули-Бахадур-хана: да будет ведомо правителям, податным чиновникам, служащим водного надзора, старшинам, (всем) подданным (нашим) и (в частности) жителям Ташкентской области (да сохранится она от несчастий и бедствий), - что мы препоручили, убрать хлеб с амляков убежища святости, заключительного вывода святых, Ариф-хана-шейха. Вновь предписано, что местность Манджир (находится в 4-5 верстах от Ташкента, около арыка Боз-су. - Л. К.), как она была за покойным Мухаммед-Баки-бием из (доли) 0,1 и 0,2 (урожая), мельковая земля "Бюлюк-Баги" с сидящим на ней населением земли по (арыку) Джун-и-хан (ныне Хан-арык. - Л. К.) с проживающим на них городским населением (пользующимся ими из) 0,1 и 0,2 (урожая), излишек мельковых земель, сдаваемых в аренду из 0,1 и 0,2 (урожая), с их арендаторами; мельковая земля "Харсанг" (используемая населением из) 0,1 и 0,2 (урожая); мельковая земля "Джунгар" с пользующимися ею жителями из 0,1 и 0,2 (доли урожая); мельковая земля "Бугалин" и мельк Мухаммед-Баки-бия из Кара-Камышских земель, (используемые) из 0,1 и 0,2 (доли урожая), - все признаются утвержденными за упомянутым "убежищем святости" и переданными ему, и пусть не беспокоят его (вышеупомянутые представители служилого сословия) в отношении обычных податей, прямых и косвенных налогов, всякого рода поборов вообще и (в частности) сборов на содержание служащих по ирригации, пусть ничто не обращают (на эти земли) и не взимают с них никаких налогов, считая их свободными и исключенными (из обложения). Арендаторы и население упомянутых амляков в своем пользовании ими из 0,1 и 0,2 (урожая), в прямых (с них) налогах и косвенных, всяких поборах и сборах на содержание служащих по ирригации фактически и в действительности ответственны перед упомянутым "убежищем святости" и противно приказам его пусть не поступают. Признавая это (своею) обязанностью, да не огорчают они ("убежище святости") и да не провинятся (перед нами)".

В правом углу грамоты "миндалевидная" печать, на которой значится: "Имам-Кули-

Бахадур-хан".

Отсюда видно, что это "духовное" лицо, шейх Ариф-хан, во-первых, владело амляковыми, т. е. обычно, обременительными в податном отношении, землями; урожай с них Имам-Кули-хан распорядился убрать для шейха за счет казны. Во-вторых, хан жалует этого ишана еще новыми, землями или, вернее, доходами с них, ранее поступавшими в казну. Шейх наделяется рядом феодальных прерогатив.

Такие льготы характерны не только для ишанов, этих "убежищ святости", само наименование которых подчеркивает их высокое положение в классовом феодальном обществе. Шейх-ул-ислам, который в Бухаре, как и в других среднеазиатских ханствах, не пользовался той большой властью и авторитетом, какие принадлежали ему, например, в султанской Турции, являлся крупнейшим феодалом. Хан предоставлял ему ряд льгот, приносивших большие доходы. Фирман Кулябского владетеля (впоследствии - бухарское бекство) Захир-ад-дин-Санджар-Мухаммед-и-Сани-Бахадур-хана, назначавший шейх-ул-исламом Мир-Мухаджир-ходжу, гласил:

"Так как достоинства истинной преданности (хану. - Л. К.), и истинность богомоления убежища сейидского (т. е. пророческого. - Л. К.) происхождения Мир-Мухаджир-ходжи (вполне) проявились-то по этой причине... мы препоручили ему священную по достоинству и великую по степени должность шейх-ул-ислама Кулябской области (впоследствии - бухарское бекство. - Л. К.), считая (его) в утвержденной должности с месяца раби-ус-сани, года собаки. Соответственно сего приказания, которому надлежит повиноваться, (всем) благородным людям необходимо признавать вышеупомянутого в этой должности и оказывать ему почет, уважение, доброе отношение и честь, как следует, и не выходить из его слов (т. е. не идти против них. - Л. К.) и всего того, что он признает за благо, лишь бы (все это) было причиной нашего счастья и благополучия населения. Соответственным образом мы отказываемся от податей вообще, от налогов на содержание лиц водного надзора и от сборов за выпас стад (доселе поступавших с земель упомянутого Мир-Мухаджир-ходжи), так как издревле это (освобождение) являлось прерогативой (всех) прежних шейх-ул-исламов, и пусть... не противоречат и не противодействуют (сему). Когда (этот фирман) скрепится благороднейшею и славнейшею (нашей) печатью, да верят ему". На печати - "Санджар-Мухаммед-Бахадур-хан".

Второй фирман того же властителя еще больше укреплял права этого шейх-ул-ислама. Вот его перевод:

"Фирман Захир-ад-дин-Санджар-Мухаммед-и-Сани-Бахадур-хана.

Так как с древних времен земли Туту (?) принадлежали к саду Мир-Мухаджир-ходжи, как об этом говорит августейшее повеление убежища божьего милосердия (хана. - Л. К.), то мы также повелели, чтобы упомянутые земли признавались собственными и бесспорными (землями) убежища сейидского достоинства и (в отношении их) поступалось по прежнему постановлению и впредь ни у кого бы не стало (по этому поводу) сожалений и возражений... Особенно да не разговаривают (по отношению этих земель) те некоторые люди, которые до этого неоднократно вмешивались в них, и да не проявляют они дерзости и властолюбия (своего), потому что мы проявили (свою) милость с нелицемерной молитвой. (Писано в) 1113 году (1701-02)". На печати - "Санджар-Мухаммед-Бахадур-хан".

Назначенный ханом шейх-ул-ислам, освобождаясь от уплаты различных налогов и податей, приобретал право их взимания с эксплуатировавшегося им населения. Арендаторы отныне должны были вносить шейх-ул-исламу не только причитающуюся с них аренду, но и все, что с них следовало в казну по договору с землевладельцем. Документ говорит об этом так:

"Так как земли Туту издревле являются наследственным имуществом убежища сейидского достоинства, Мир-Мухаджир-ходжи... то... в настоящее время (т. е. после назначения ханом Мир-Мухаджир-ходжи шейх-ул-исламом. - Л. К.)... мы пожаловали (ему) вышеназванные земли, границы и пределы которых известны из законного письменного акта. Необходимо поэтому признавать исполщиков этих земель зависимыми от вышеупомянутого и ответственными перед ним в плате за свои земли, согласно прежних постановлений, и чтобы никто ни под каким видом (в подобное

распоряжение) не вмешивался. По сей причине считая все это утвержденным, пусть не противоречат и не уклоняются от сего повеления и не преступают (его). Года 1115/1703-04". На печати: "Мухаммед-Нияз-бий-ибн-и-Буры-бий-аталык".

Аналогичные права предоставлялись религиозным организациям ислама, как, например, ханкахам и т. п. монастырского типа заведениям, общежитиям дервишей различных орденов или местам их зикров (радений), соборы и проповедей, в большинстве обращенным впоследствии в мечети. При этом давались эти льготы даже в том случае, если земля, на которой находились эти религиозные учреждения, принадлежала частному лицу. Вот один из свидетельствующих об этом документов, снабженных печатями Бек-Мурад-бия-бен-Шах-Мурад-бия и Хабибуллы:

"Так как искони земли "ханкаха" Туту, в области Кулябской, были наследственными господина убежища сейидского звания, Мирзы-шах-ходжа и на них в этом смысле имеются распоряжения и акты прежних ханов, то необходимо и теперь, чтобы... "арбабы", "кетхуды" (т. е. сборщики податей, сельские старосты и т. п. лица.- Л. К.) и лица, учитывающие доходы, считали их освобожденными от всех правительственных обложений и податей и ничего бы (с них) не требовали. По этой причине, считая (это) утвержденным, пусть (против сего) не возражают. (Года) 1134/1721-22".

Все это способствовало, сосредоточению в руках мусульманского духовенства огромных богатств. Не говоря о специальных церковных имуществах ислама, так называемых вакфах, доходы с которых фактически почти целиком поглощались мусульманским духовенством, его представители обладали обширными личными владениями. Ярко проследить это можно, например, по сбору аминаны (по-бухарски: "оминона"), т. е. непредусмотренного шариатом налога, который взимали для увеличения своего бюджета бухарские эмиры. Главными плательщиками аминаны, наряду с купечеством и высшими сановниками, являлись муллы. Прошение бухарского шейх-ул-ислама сейида Хавенд-ходжи, времен эмира Музаффера, указывая на периодичность взимания этого налога, подчеркивает, что с лиц "духовного" звания, как крупных собственников, аминана взималась в больший суммах. Читаем:

"О, ласкающий раба, служебное обращение вечного богомольца и нелицеприятного искателя (высочайшего) благоволения, сейид Хавенд-ходжи, шейх-ул-ислама, к его величеству (эмиру), государю моему и владыке. - С надеждою на принятие (нижеизложенного) и на милость (вашу) докладываю: убежище вселенной, высочайшее повеление вашему богомольцу, ишан-раису, заключалось в том, чтобы он получил с джуйбарских ходжей (т. е. с так называемых потомков бухарского шейха Ходжи-Мухаммед-Ислама, пользовавшихся большим влиянием.- Л. К.) 10000 тенег, следуемых в помощь армии, и сдал их в высочайшую казну... Ныне ишан-раис говорит сему богомольцу (т. е. мне): "я эти деньги получу с вас самого... а вы сами, потребовав (упомянутую сумму) от ваших родственников, (потом) получите (ее с них)... Во времена его величества покойного эмира (т. е. эмира Насруллы, правившего в 1827-1860 гг. - Л. Я.) такого же рода поручение было дано "ясоул-и-улямо", который, явившись в Джуйбар, получал... с покойного Абдул-Азиза "великого ходжи" 4 400 тенег, с покойного ишана Абдул-Гафур-ходжи 1 100 тенег, с покойного ишана Абдул-Рахима 1 100 тенег, с ишана Мухаммед-Амин-ходжи "шейх-ул-ислама" 900 тенег, с ишана Атаулла-ходжи 300 тенег, с покойного ишана Мухаммед-Хаким-ходжи "великого ходжи" 990 тенег, с ишана Махмуд-ходжи "шейх-ул-ислама" 300 тенег, с ишана Улуг-ходжи 300 тенег, с меня, богомольца, 300 тенег, с Абул-Фейз-ходжи "судура" (третий - в восходящем порядке - сан, жаловавшийся эмирами духовным лицам, улемам. - Л. К.) 300 тенег, с Мансур-ходжи 100 тенег и с Баки-ходжи 100 тенег, (каковые деньги) он сдавал в высочайшую казну. О, убежище надежды! В данное время некоторые из этих богомольцев умерли (и потому) повеление моего владыки таково ли, чтобы я собрал для передачи назначенные 10000 тенег с наследников названных лиц или же, распределив (эту сумму) между всеми большими и малыми ходжами, собрал ее сообразно положению каждого?..

Каково бы ни было милостивое повеление моего владыки в отношении Ишан-ходжа-и-Калона, меня, богомольца, и Абди-ходжи, сына упомянутого покойного

"великого ходжи", из числа обложенных налогом в 10 000 тенег, я, молясь, приму его с полнейшей покорностью. О, боже, да будет здоров его величество, его воля во всем! С надеждой поэтому (на милостивое распоряжение) я сделал (это) нижайшее заявление"...

Громадны были и размеры вакфных имуществ, пользовавшихся рядом исключительных льгот. Это были имущества, посвященные (например, подаренные) для какой-либо религиозно-"благотворительной" цели. Они могут представлять собою любую реально существующую движимую и недвижимую собственность, с тем лишь условием, чтобы она была способна приносить доход. Последний должен поступать обладателю этого имущества, т. е. той или иной религиозной организации.

Вакфы находятся в особом правовом положении по сравнению с другими видами имущества. Именно, обращаемое в вакф имущество не может быть отчуждаемо. Оно не подлежит ни продаже, ни залогу или какому-либо иному виду гражданского оборота. Отмена недопустима, ибо вакф не может быть ограничен каким-либо сроком, он должен быть постоянным, на "вечные времена". Можно лишь в специально оговоренном акте обусловить изменение его цели после определенного в этом договоре срока. Обратное возвращение вакфа бывшему собственнику допустимо только в случае прекращения существования того учреждения, в пользу которого установлен этот вакф, или в случае невозможности достижения той цели, ради которой вакф создавался. На практике такого обращения во все времена почти не было.

Вакфы освобождаются от всех государственных налогов и повинностей. Они не могут быть конфискованы, не подлежат захвату и защищены от всяких иных посягательств.

Последнее обстоятельство не раз вело к корыстному использованию права вакфов. Землевладельцы входили в договорные условия с представителями церкви, составляли так называемый "дарственный" вакфный документ (вакф-наме), формально передававший церковникам их частные имущества. В действительности же эти частные собственники-землевладельцы продолжали лично владеть этими "дарованными" церкви имуществами, лишь платя известный налог-взятку церковникам ислама.

Нотариальный документ, отчуждавший то или иное имущество в вакф, имел более или менее установленную форму. В нем, например, говорилось:

"2 зу-л-хиджжа 1333 г. (11 сентября. 1915 г. - Л. К.) в судебное установление тумана Комот явилась... Кутбийя-бегим, дочь хаджи-Насруллы... и... сделала такого рода признание: "Я учредила вакф и пожертвовала в пользу мечети в местности "Ходжабек", называемой "мечеть хаджи-Насруллы", правильно, по шариату, из исключительно принадлежащего (мне) имущества и из наилучших (моих) земель, свободных от чьих бы то ни было притязаний и от всего того, что нарушает дозволенность вакфа, и все необходимое в нем, со всем относящимся к сему, со всеми правами и преимуществами и с водой для орошения, всецело и полностью, приблизительно два с половиной танапа земли свободной от налогов; она находится в местности Шекер-Кент Упомянутого тумана... Вышеуказанная мечеть построена из дерева и глины и по милости (высшей) славы не нуждается в возобновлении". И упомянутая вакфодательница поставила условием, чтобы законным мутаваллием (т. е. попечителем) этого вакфа был Мирза-Абдул-Хайи, сын Мирзы Пулада, (который из доходов вакфа. - Л. К.) ежегодно, под видом арендной платы, отчислял бы в доходы вакфа сто двадцать тенег, из коих шестьдесят тенег употреблял бы на поддержание и ремонт названной мечети, а другие шестьдесят тенег выдавал бы без всякой законной отговорки имаму этой мечети, который по пятницам и понедельникам, после вечерней молитвы, будет читать два-три стиха из "Слова всеведующего владыки" (т. е. из корана), посвящая их во-первых, добропожеланиям и молитвам в бозе почивающему князю посланников и печати пророков (т. е. посланнику аллаха Мухаммеду. - Л. К.)... и во-вторых - душам жертвовальницы, ее отцов и дедов.

...Господин "убежище шариата и звания садр" (т. е. судья), который был осведомлен в отношении мест противоречивых и разногласных (встречающихся) у ученых

* Конечно кроме явно подложных. (Примечание Гепнера).

религии... постановил нижеследующее заключительное решение: во-первых, о законности сего вакфа и, во-вторых, о необходимости его, почему этот вакф стал истинным, законным, остающимся в силе, вечным, записанным в книгу и постоянно существующим до того момента, когда наследует аллах землю и (все) то, что на ней... Кто же изменит этот вакф после того, как услышит о нем, то наказание за это (падет) на тех, которые изменили его. И было это (совершено) в присутствии правоверных..."

На оттиске приложенной печати, в центре ее значится: "Кази-Мулла-Мухамед-Ариф-ходжа "судур"-бен-Мулла-Мухаммед-ходжа-Бака "садр-шейх-ул-ислам", а вокруг - "О единый, о крепкий (аллах), действительно раскаялся (этот) немощный раб в совершенном по его мысли!"

Приписка: "Да не будет скрыто, что вышеупомянутая вакфодательница Кутбийя-бегим, покончив с этим вакфом... и сделав его законно управляемым, поставила условием, чтобы мутаваллий этого вакфа, пока она жива, распоряжался доходами с него, как он хочет, а после ее смерти упомянутый мутаваллий Абдул-Хайи... пусть расходует часть... (доходов вакфа. - Л. К.) на необходимые по нему издержки".

Под этим та же печать.

В системе землевладения стран распространения ислама вакфные имущества до последнего времени занимали видное место. Они были распространены и в завоеванных царизмом районах. Так, по данным Пославского, в одной лишь Бухаре от 123 до 130 тысяч десятин земли были под вакфами. В городе Бухаре 70-80% лавок на базаре (и земли под ними) принадлежали вакфам. Размеры отдельных вакфов были столь велики, что иногда соответствовали особым административным единицам. Таким был, например, лянгарский вакф в горах к востоку от Гузара, описанный в 1889 г. полковником Белявским. "Вакфом этим управлял мутаваллий из потомков святого по назначению эмира (фактически управление обыкновенно переходило от отца к сыну), на правах бека, имея в своем распоряжении двух амлякдаров (сборщиков податей. - Л.К.). Мутаваллий собирал доходы в пользу мечети и мазара (могилы "святого", мавзолея. - Л. К.), себя и своих сородичей; для населения он был в одно и то же время "светским администратором и ишаном"⁶.

Картина эта была характерна и для Восточной Бухары, находившейся на положении колонии бухарского эмира. В отличие от районов Западной Бухары, где вакф, как мы видели из приведенного, документа, мог учреждаться частными лицами из мильков (т. е. частновладельческих земель), здесь вакф устанавливался только эмирами. Например, эмир Музаффар-эд-дин во второй половине XIX в. отдал в вакф в районе Дюшамбе (ныне Сталинабад) землю "оби" (т. е. поливную) следующих кишлаков (селений): Кара-Миришкар, Алачабоф, Куш-Тепе-пойон, Куш-Тепе-боло, половину кишлака Фалакон, Сабзикор, Алка-Джар-пойон, Алка-Джар-боло, Мавлоно и т. д.

В окрестностях Каратага с восточной и западной стороны города было отведено под вакф 400 батманов* "ляльми" (т. е. богарной, неполивной земли), а в кишлаке Чузи (в десяти верстах от Каратага) - 60 батманов "оби".

В районе Файзабада, в кишлаках Хозиса и Хатали, было отведено под вакф свыше 500 батманов "оби"; в кишлаке Чукурак (Каратагский район) уже при сейиде Алимхане - 200 батманов "оби" и т. д.

"В общем, - замечает обследовавший Таджикистан т. Б. Карп, - по всей ТаджССР по самым ориентировочным и явно преуменьшенным подсчетам, духовенство пользовалось налогами и поборами с 33 403 десятин земли, 674 танапов сада, арендной платой с 100 мельниц, 1 706 построек (главным образом торговых) и т. д.

Имамы сельских мечетей, как правило, получали от беков "танхо" (т. е. право получать подати и налоги с различного рода владений. - Л. К.)..., Духовенство всеми правдами и неправдами завладело лучшими землями и угодьями, лучшими торговыми помещениями, банями, караван-сараями, базарами и эксплуатировало их в свою пользу.

Богатые владетельные муллы имели собственное хозяйство, значительные площади земли, которые обрабатывались, так же как и у сипо (военно-чиновниче сословие. - Л. К.), батраками и издольщиками⁷.

В Хивинском ханстве около 50 % всей земельной площади находилось под вакфами.

Всякое посягательство на вакфное имущество каралось особенно сурово. Характерно об этом сообщение астронома Шварца, посетившего совместно с генералом Матвеевым Бухару в 1884 г. В это время эмир приказал резать ножом вора, укравшего большую сумму у богатого купца. Когда же вор заявил, что расхищал вакфные имущества, наказание это было усилено: вор был сброшен с большого минарета г. Бухары⁸. Частная собственность церкви была, таким образом, отмечена, как особо "священная"!

Встретившись с фактом политической и экономической мощности мусульманского духовенства в тех феодальных государствах, которые самодержавие завоевало, царизм не раз был поставлен перед дилеммой: поддерживать ли этих представителей и пособников свергнутых правителей с тем, чтобы склонить их на свою сторону, сделать своими подручными или наоборот - лишить их всякой поддержки, насильственно отняв их богатые имущественные владения и до крайнего минимума сократив их проповедническую деятельность? Разрешение этого вопроса не всегда было стереотипным. Различные правительственные учреждения, как, например, "святейший" синод и министерства внутренних и иностранных дел, часто выступали с прямо противоположными предложениями по этому вопросу. Разногласия существовала и между прямыми проводниками политики царизма в покоренных областях, как, например, между отдельными туркестанскими генерал-губернаторами, политика которых в отношении религиозных организаций ислама и мусульманского духовенства часто испытывала большие колебания.

Объяснялись эти колебания, конечно, не личными симпатиями или антипатиями генерал-губернаторов к мусульманству, как до последних лет изображалось некоторыми историками, а практическими требованиями момента. Однако общее направление политики самодержавия в этой области было вполне определено: самодержавие находилось в тесном контакте с мусульманским духовенством.

Рассмотрим это главным образом на примере политики русского самодержавия в отношении среднеазиатских вакфов. Обладая наибольшей мощностью, эти вакфы и по своему количеству стояли на первом месте в русских владениях. В отношении к ним наиболее ярко выявилась политика русского царизма в вопросе об имуществах мусульманской церкви.

Вследствие непосредственной связанности мусульманского духовенства с властью свергнутых самодержавием феодальных государей вопросы ислама вставали перед русским правительством тотчас же по завоевании исламских стран. Русское правительство стремилось к наискорейшему разрешению вопроса о средствах и формах использования в своих интересах мусульманского духовенства. Пример пояснит нам это.

"Всего через несколько десятков дней после взятия Самарканда русскими войсками, - пишет исключительный знаток Самарканда покойный В. Л. Вяткин, - было сделано распоряжение собрать "осторожно под рукою и без огласки по возможности полные и точные сведения о всех мельковых (частновладельческих. - Л. К.) и вакфных землях и представить списки их". Сведения эти необходимы были новой власти, между прочим, для выяснения вопроса о том, какие земли в момент прихода русских пользовались правом обеления, т. е. освобождения от податей"⁹.

Основная же причина регистрации этих имуществ - выявление опоры свергнутой власти, т. е. той силы, которую русский военно-феодальный империализм намеревался использовать в своих интересах. Отсюда понятна и поспешность русских властей в этой работе.

"Вскоре, - продолжает Вяткин, - после этого распоряжения начальника округа г.-м. Абрамова от 11 июня 1868 г. за № 29, найдено было возможным подчинить общему сбору податей только земли мельковые (частновладельческие), но меру эту распространить на земли вакфные в то время найдено было неудобным, "потому, что земли эти имеют другое назначение". Поэтому предложено было земли вакфные от

всякого сбора в казну освободить, а предоставить самим вакфным установлениям пользоваться этими сборами. Исключение должны составить земли вакфные, документы на которые окажутся подложными (приказ г.-м. Абрамова 22 августа 1868 года, № 160)".

Было здесь даже разъяснено, что "вакфы, принадлежащие не духовным учреждениям, а частным лицам, должны считаться не мильками (т. е. облагаемыми частными владениями.- Л. К.), а вакфами и потому они сбору податей в казну не подлежат"¹⁰.

Таким образом, русские власти представили вакфообладателям те же права, какие они имели в период ханской власти. Между тем размеры вакфных имуществ в б. Самаркандской области были очень большими.

"По Самаркандскому отделу, - говорит Вяткин о 1869 г., - в ведомость занесено 142 вакфных установления, имеющих 59 991 танап культурной земли и получающих 34621 руб. 40 коп. поземельных сборов. В казну с тех пор же вакфных земель, кроме того, поступает 2 691 рубль. Принадлежащих вакфным установлениям лавок зарегистрировано 210, мельниц 7, толчеи (т. е., очевидно, крупорушки. - Л. К.) 4, караван-сараев 7. По Катта-Курганскому отделу оказалось вакфных земель 14 683 танапа с вакфным поземельным сбором в размере 60 798 тенег".

Об этом же говорят и детальные сведения чиновника-ориенталиста А. А. Куна (впоследствии главный инспектор училищ Туркестанского края), в 1869 и 1870 гг. по поручению начальника Зеравшанского округа приводившего в известность данные о вакфах.

В апреле 1870 г. Кун представил русским властям особую записку по вакфам. Отвечая в ней на порученный ему первый вопрос "о количестве вакфных имуществ у каждого вакфного установления и размере дохода, получаемого с них", он насчитывает лишь в одном Самарканде имеющих вакфы медресе 17 и мечетей 44. Из них "располагающими самым большим вакфным имуществом оказались медресе Тилдя-кари и Шир-дор, имеющие общее вакфное владение - 11610 танапов земли и 8 лавок, приносящих годового дохода около 38 000 тенег (7 600 руб.). В распоряжении остальных 16 медресе показано: 382 лавки, 4,5 караван-сарая, 6,5 мельниц, 2 толчеи, 2 тима (крытых рядов лавок), 160 мест для продажи с лотков, 2 базарных ряда и 13383 танапа земли. Имущество это приносит годового дохода около 31 203 тенег (6240 руб.), причем он колеблется для отдельных медресе от 150 до 7 030 тенег. Доход, приносимый 44 вакфообладающими мечетями, простирается до 13578 тенег. Таким образом общая сумма вакфной доходности всех самаркандских мечетей и медресе определена была исследованием г. Куна в 82777 тенег (16555 руб.)"¹¹.

Об обширности вакфных имуществ в Самаркандской области говорят и более поздние данные. Так, например, приложенный к всеподданнейшему отчету военного губернатора Самаркандской области "Обзор" за 1898 г. отмечал, что "вакфных документов представлено в Областное правление в 1887 г. ... 1758. Из них по Самаркандскому уезду... 188, по Катта-Курганскому 280 и по Ходжентскому 1 290... Причем оказалось, что по документам Самаркандского уезда значится 1 204 вакфных имущества, по документам Катта-Курганского уезда 496 имуществ и по документам Ходжентского уезда 2 543 имущества"¹².

Та же картина была и в других местах царского Туркестана. Так, согласно опубликованных в 1895 г. в "Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области" таблиц по исследованию вакфов А. Москальцева, в Ташкентском уезде было 47 религиозных организаций (часто состоявших из ряда мечетей, мазаров и т. п. учреждений), владевших вакфами. Земельная площадь, принадлежавшая этим вакфам, была очень обширна, и владельцы их получали большие доходы¹³.

Вот некоторые данные из этих таблиц.

* Род учебно-монастырского заведения, ср. "ханках'а" {тоже "ханэгах"). Вообще же в Туркестане ханака обычно означает мечеть, пристроенную к внутренней стороне замкнутой четырехугольной стены медресе.

** Приставка, по-персидски означающая средину и носимая ишаном в знак его якобы "священного" происхождения.

Состоявшие из восьми рисовых участков вакфные имущества одиннадцати мечетей Теляузской волости Ташкентского уезда приносили мечети Топар в кишлаке Теляу в среднем 535 руб. 68 коп. валового ежегодного дохода. Из них "по уплате и по разделе с арендатором ("святые отцы" предпочитали не возиться сами со своими землями, а отдавать их в аренду. - Л. К.) на долю мечети приходится 241 р. 05 к." доходу в год. Мечеть Кош-и-баба в том же кишлаке Теляу со своих двух участков рисового поля, трех лавок и караван-сарая (постоялого двора), сдавая их в аренду, имела валового доходу 227 р. 40 к. "По уплате податей и по разделе чистого дохода с арендаторами, мечеть получает 102 р. 33 к.". Четыре участка рисового поля и участок земли с садом - вакф мечети Кайрагач-лик Ата селения Сар-Яйлык Янги-Абадского сельского общества (Худжанской волости того же уезда), сдаваемые ею в аренду "исполну", "за вычетом податей и по разделе с арендатором" давали 115 р. 54 к. дохода в год. Мечеть кишлака Дукент Аблыкской волости (того же уезда) с принадлежавших ей четырех участков земли и одной мельницы имела 115-120 р. дохода в год. Находившийся в г. Ташкенте вакф медресе Барак-хана, состоявший из двухэтажного караван-сарая и четырнадцати прилегающих к нему лавок, приносил "святым отцам" 1 400 р. ежегодного дохода. Вакф Кары-хане в квартале Мазар-Хана г. Ташкента, состоявший из сдававшихся в аренду 2 участков земли и 14 лавок, давал ее владельцам 288 р. доходу в год. Сдававшийся в аренду и состоявший из кирпичной бани, лавки, участка земли и сарая, вакф мечети и ханаки (род учебно-монастырского заведения в исламе) квартала Тирс-Арык Бишагачской части г. Ташкента давал мечети 558 руб. доходу в год. Каменная баня, входившая в состав вакфных имений мечети квартала Арпапая в г. Ташкенте, давала этой мечети до 300-350 р. ежегодного дохода. Вакф мечети и медресе квартала Тохта-Пуль в г. Ташкенте, сдававшийся в аренду и состоявший из разного рода имущества, давал дохода от аренды 360 р. в год. Вакф мазаров (усыпальниц) Юнус-хана, шейха Омар-баба, Кальдегач-бия и "святого" шейха Антаура в ауле Карабаш Ниязбекской волости и в Шейхантаурской части г. Ташкента, состоявший из 59 лавок, сада и 3 земельных участков, давал им 435 руб. ежегодного дохода¹⁴.

5 060 десятин, принадлежавших мазару Ша-эмир-фукара-вали в Букинской волости Ташкентского уезда, обложенные 10% государственным поземельным налогом в сумме 152 р. 45 к., по вычете его приносили ежегодно святошам этой усыпальницы 1 372 р. 05 к. Сообщавшая об этом "Ведомость о результатах поземельно-податных работ в Ташкентском уезде" не предусматривала при этом повышения государственного поземельного налога с этих земель, тогда как по отношению к землям сельских обществ это повышение было намечено в размере 300 и более процентов¹⁵.

Сведения, полученные к 1 июля 1887 г. от "мусульманских учреждений, владеющих вакфными имуществами" (на основании ст. 6 правил о введении поземельно податного устройства в Туркестанском крае; прилож. к ст. 255 положения об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 г.), дали примерно такие же показатели и в отношении Ферганской области. "В Ферганской области, - писал в "Туркестанских ведомостях" скрывшийся за инициалами "С. Г. -р." и. д. начальника вр. поземельно податного отделения при Ферганском областном правлении С. А. Гепнер, - оказалось всего 3 238 учреждений (представивших документы на право владения вакфами. - Л. К.), из... которых первенствующее место занимают мечети в числе 2 429, затем медресе и низшие школы (около 300) и наконец различные учреждения религиозного или благотворительного характера"¹⁶.

Цифры эти были приблизительны и скорее преуменьшены, чем преувеличены. "Всех возможных документов, - оговаривался цитируемый чиновник, - представлено в Ферганское областное правление 5744..."¹⁷.

Конкретизация этих данных по уездам Ферганской области полностью "раскрывала карты". Вакфных имуществ, как это ни старались скрыть агенты самодержавия, оказалось много. Среди них были вакфы, названные русскими чиновниками ненаселенными, и вакфы, наименованные населенными. "Вакфы ненаселенные, - разъяснялось в официальном издании, - т. е. такие, на которые право собственности принадлежит вакфному учреждению и из которых доход извлекается попечениями

самого учреждения (личным трудом распорядителя вакфа или через дольщиков, арендаторов)"¹⁸.

В одном Андижанском уезде, Ферганской области, ненаселенных вакфных владений было 149. Составляли они площадь в 2 550,7 десятин. Сумма исчисленного с них поземельного налога равнялась 7 920 руб. 85 коп.¹⁹ В Маргеланском уезде оказалось, что таких "вакфных владений всего 136, принадлежащих 66 учреждениям; общая площадь их 10473 дес., т. е. в среднем по 77 десятин на владение или по 159 дес. на учреждение; поземельный налог исчислен в сумме всего 13 941 руб.; валовой доход равняется 139 410 руб., а чистый - 41 823 руб. За уплатой поземельного налога, в пользу 66 учреждений остается 27 882 руб., или в среднем по 423 руб. на каждое учреждение"²⁰.

Цифры населенных вакфов были еще более внушительны. При этом под ними понимались "такие земли, право собственности на которые принадлежит сидящему на

*"Долг не мог уплатить я в них населению, вакфное
срок, же учреждение претендует
И мулла на меня налег. только на право взимания
И теперь нам пища не впрок, с этого населения тех
- сборов, которые некогда
Будто траура день настал! (до учреждения вакфа. -
Ты мне гниль продаешь свою, Л. К.) поступали в казну
Чтоб мою истребить семью. хана и этим последним
Пред тобой без защиты стою. пожертвованы в пользу
Час большой неправды настал! того или другого вакфного
"Если вещь одолжил ты в дом, учреждения"²¹.*

В Андижанском уезде, который, как и Маргеланский, по числу и размеру вакфов значительно уступал Кокандскому уезду, площадь населенных вакфных дач была равна 21 270 десятинам и 169 сажням, а исчисленный с них поземельный налог выражался в сумме 43166 руб. 96 коп.²². Двенадцать учреждений, владевших ненаселенными вакфными имуществами в Маргеланском уезде, имели согласно представленным ими документам 12058 десятин, обложенных налогом в 15486 руб.²³.

Большими материальными богатствами религиозные организации ислама обладали и в других районах самодержавной России.

Например, в Закавказье, как отмечали Кавказские календари на 1885 и 1886 гг., шиитская соборная мечеть в Тифлисе "имеет Вакфные лавки, дающие дохода до 4000 р. в год". Такая же шиитская соборная мечеть в б. Елисаветополе (Ганджа, ныне Кировабад) имела "медресе и вакфные имения, приносящие дохода более 4 тысяч руб.". Суннитская соборная мечеть (джа'ми) в гор. Шемахе обладала, по сообщению календаря, "обширным двором, медресе, садом и вакфными лавками с доходом в 1000 р. Пол джами устлан множеством (до 200) ковров, весьма ценных". Там же в Шемахе была очень богатая шиитская "тезе-масджид (новая мечеть)... построенная в 1870 г. на средства купца хаджи Мамед-Ризы, пожертвовавшего до 100 тысяч руб."²⁴. Еще в Шуше две соборные шиитские мечети имели "очень богатые вакфы". "Большими вакфными владениями" обладала мечеть Кязым-бек в Баку. "Мечеть в 7 верстах от Елисаветополя" владела "значительными вакфными землями и чрезвычайно дорогими приношениями частных лиц"²⁵. Та же картина была в Крыму.

В 5 уездах Крыма вплоть до Октябрьской революции под вакфами было 87 614 десятин 287 кв. сажень земли. Кроме того, им принадлежало около 500 домов и лавок и больше 300 десятин земли в городах. Эти владения давали очень большие доходы. Так, по сообщению передовой статьи газеты "Тарджуман" от 4 мая 1914 г., обладающее "вакфом в 4 500 десятин богатой земли" Зинджерли медресе имеет ежегодно, "как говорят (отчетов нет), до сорока тысяч .рублей дохода"²⁶. Общая сумма от капитала крымских вакфов в 1914 г. превышала 800 тысяч рублей²⁷. Распоряжалась всем этим учрежденная царским правительством в 1885 г. особая временная вакфная комиссия.

Вопрос о создании специального учреждения, в ведомстве которого бы находились

вакфные имущества, не был окончательно решен самодержавием вплоть до его падения. Решающее слово при разрешении вакфных вопросов в царском Туркестане оставалось за генерал-губернатором, каждый раз сообразовавшимся с требованиями текущего политического момента. Такой порядок установился еще в 70-х годах XIX в. Управлением генерал-губернатора совершаются и всякие акты с вакфами, вплоть до отдельных случаев их конфискации. Так, в 80-х годах XIX в. при губернаторе Черняеве "был случай отнятия вакфа у одного из ташкентских медресе и передачи его русскому благотворительному обществу"²⁸. Ряд таких "сокращений" вакфных имуществ отмечают вышеприведенные таблицы А. Москальцева и "Материалы" С. А. Гепнера. Однако конфискации вакфов как общей меры никогда проведено не было.

Проект 1873 г. признавал церковные и частновладельческие вакфы, предлагая утвердить те из них, которые находятся в непосредственном пользовании их держателя. Остальные земли "должны были быть признаны государственной собственностью и утверждены за населением, в пользовании которого, они находились". Положением 1886 г. освобождаются от государственного поземельного налога только вакфные ненаселенные земли, весь доход которых назначен в пользу мечетей или школ, или же для надобностей общественного призрения. "Положением были подтверждены начала, установленные проектом 1873 г.: населенные вакфные земли остались во владении тех сельских обществ, которые фактически ими пользовались; налог с них, - говорит академик В. В. Бартольд, - взимался правительством и, уже правительство передавало мечетям, школам и другим учреждениям те суммы в размере всего бывшего хараджного и танапного сбора (т. е. поземельных податей. - Л. К.) или той части его, которая была определена признанной вакфной грамотой, на которые они имели право. Разумеется, таким порядком открывался широкий простор для злоупотреблений и споров"²⁹.

Таким образом, линия "ограничения" вакфных имуществ фактически сводилась к их поддержке. Различного рода проекты по изменению и ограничению вакфного права в царской России ни в какой степени не противоречили этому. Наоборот, главные из таких проектов неизменно клонили дело к всемерному расширению права вакфов. Таковыми были, например, предположения уже упоминавшегося нами С. А. Гепнера. И это несмотря на то, что отдавая должное православному миссионерству, этот чиновник писал, что "вакф... предназначен для поддержания мусульманства, а это последнее... безусловно враждебно к христианству и всему строю жизни, выработавшемуся на основаниях христианской этики и европейской науки..."³⁰, Но так говорилось только для "широкой читающей публики".

Реально ни "христианская этика", ни "европейская наука" не играли тут никакой роли. Воспитанные на "христианской этике" колонизаторы распоясывались здесь по-звериному. После завоевания Туркестана русским самодержавием вокруг вакфов довольно долго шла грязная и довольно шумная возня. Обе стороны - завоеватели и местное мусульманское духовенство - никак не могли поделить "кость", являвшуюся результатом жестокой эксплуатации трудящихся.

Существо этих опоров заключалось в следующем. Вакфовладельцы стремились к окончательному утверждению русским правительством за ними тех прав, которые были им предоставлены в первые годы завоевания Россией Туркестана. Самодержавие же не шло на это. И понятно почему.

В первые годы после завоевания Туркестана русские чиновники в целях привлечения на свою сторону основных кадров мусульманского духовенства в большинстве случаев не только не суживали, но даже расширяли его права и, в частности, вакфные (см. выше приказ г.-м. Абрамова от 22 августа 1868 г. и др.). Впоследствии же, убедившись в том, что основные кадры мусульманского духовенства полностью стоят на стороне русского правительства, сатрапы самодержавия решили несколько сократить аппетиты своей чалмоносной агентуры. Держа ее в определенных рамках (даже и в материальном отношении), самодержавие стремилось создать условия к установлению наиболее совершенного контроля за всей деятельностью мусульманского духовенства. Это было необходимо ему в целях исправления, контроля и регулирования действий мусульманского духовенства. Мера эта к тому же

вызывалась тем, что самодержавие не закрывало глаза на наличие отдельных фактов использования мусульманским духовенством предоставленных ему прерогатив в интересах враждебных России сепаратистских тенденций некоторых феодальных группировок.

Отсюда хорошо понятно почему, как отмечал Гепнер, - "...вакфные учреждения по отношению к населенным вакфам претендуют на признание за ними права собирать с населения, сидящего на этих землях, хараджный (подушный - Л. К.) и танапный (поземельный. - Л. К.) (иногда и другие) сборы, производившиеся ханским правительством...; по распоряжению бывшего Туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Черняева, в 1882 г. претензия эта получила удовлетворение в полном объеме: вакфные учреждения получили право взимать по своему усмотрению - сборы с населенных вакфных земель, причем право это обыкновенно сдавали в аренду какому-нибудь третьему лицу, которое, выплатив учреждению условленную арендную сумму, потом взыскивало эту сумму, конечно, с хорошим барышом, с населения"³¹.

Ничего больше мусульманское духовенство и не хотело. Но в 1894-95 гг. это распоряжение Черняева было изменено. Налоги для передачи вакфам стало взимать русское правительство (см. выше цитату из В. В. Бартольда) при посредстве своих чиновников. "В настоящее время... - пишет Гепнер, - с населенных вакфных земель взыскивается общим порядком оброчная подать (поземельный налог в тех местностях, где закончены поземельно-податные работы) и затем выдается распорядителям вакфных учреждений из казначейства..."

Отсюда и шли "недовольства" мусульманского духовенства. Рыбку удить в мутной воде муллы предпочитали самостоятельно. И особенно потому, что при взимании сборов к рукам царских чиновников "прилипала" немалая толика собираемых налогов. "Сумма поземельного налога,- отмечает Гепнер,-...выдаваемого из казначейства в учреждения (вакфные.- Л. Я.), конечно, ниже тех сборов, которые взыскивались самим учреждением непосредственно... И потом все посредники по взиманию сборов оставались не при чем..."³².

Однако, несмотря на все вышеозначенные соображения, возражения мусульманского духовенства не остались гласом вопиющего в пустыне. Не находили ответа у русского самодержавия лишь интересы трудящихся масс. "Прошения и жалобы" мусульманского духовенства против сужения его "вакфных" доходов дошли до "государя императора". Раздались и среди царских чиновников голоса, призывавшие к "осторожности". Между тем, жиреть на обильно политых потом и кровью трудящихся "вакфных пирогах" хотелось всем. В результате, дело двигалось медленно, взвешивалось все "за и против". Обжегшись на молоке, на отмене заката, дули на вакфную "воду".

Закат - это был налог, взимавшийся в размере 1/40 оборотного капитала торговцев и 1/10 валового урожая крестьянина. Его классовая природа бросалась в глаза: с скудного заработка бедняка-крестьянина брался в четыре раза больший процент (10), чем с обширных доходов богатого купца (2,5%)³³. Замененный в отношении купечества распоряжением туркестанского генерал-губернатора фон-Кауфмана в 1874 г. промысловым сбором, т. е. пошлинами на право торговли и промыслов, он оказался "невыгодным и для правительства; в 1875 г. в казну поступило от промыслового сбора только 46% поступлений от закатоного сбора за предшествующий год; кроме того отмена заката была принята населением не так равнодушно, как отмена (льгот. - Л. К.) мельков (т. е. пожалованных частных владений. - Л. К.) и вакфов"³⁴. Поэтому в 1901 г. в "Туркестанских ведомостях" С. А. Гепнер и мог предложить "признание действительности всех вакфных документов и всех* устанавливаемых ими прав".

"Решив, - заявлял он, - вышеизложенным способом вакфный вопрос, правительство... только доведет до конца принцип, выставленный в ст. 255 действующего положения (об управлении Туркестанским краем. - Л. К.), по которому за всяким оставлено то, чем он владел при занятии края русскими".

* На одну меньше числа мулл, так как в Тулушке жители молятся в частном доме. (Примечание Н. А. Бобровникова).

Предложение о признании льгот, которыми владело мусульманское духовенство до завоевания Туркестана русским самодержавием, чиновник Гепнер делал с открытым расчетом на "взаимные услуги". Он стремился этим обеспечить надежность мусульманского духовенства, как "духовной" жандармерии русского военно-феодалного империализма в его колониях. Для этого сатрапам русского самодержавия не жалко было и денег.

Расчет был верный. "Ввиду невозможности отличить подлинные (вакфные. - Л. К.) документы от сомнительных,- Гепнер предлагал... - признавать все документы (кроме случаев явной подложности) дарующими права льготы".

Это "удовлетворение всех сколько-нибудь основательных претензий всех вакфных учреждений в Ферганской области, - согласно его расчетам, - обойдется казне, в виде недобора поземельного налога, в сумме 129 809 руб. в год".

Принимая даже во внимание, что сумма эта, при точном определении, может возрасти до 150000 руб.³⁵ Гепнер считает, что ни в коем случае не следует отказываться от этой субсидии мусульманскому духовенству. Эту субсидию автор проекта считал вполне гарантированным векселем, "соответствующим как местным, так и общегосударственным интересам; принцип, - говорил он дальше, - по которому каждому должно быть оставлено свое (богатому - богатство, бедному - нищенство. - Л. К.)... настолько важен, что нарушать этот принцип ради 150 000 руб. лишнего дохода государственного казначейства или ради опасения, что эти 150000 пойдут на антиправительственные цели, - ...не представляется достаточных оснований" ³⁶.

С.А. Гепнер исходил из интересов российского самодержавия. В жертву этим интересам он приносил финансовые соображения. Предложенное С. А. Гепнером определение, по которому "вакфным признается движимое и недвижимое имущество, безвозмездно уступленное в собственность мусульманского религиозного, учебного или благотворительного учреждения или же для надобностей общественной пользы",- недалеко отстояло от действительного положения вакфов в условиях царского Туркестана. Следует лишь помнить, что упомянутые здесь "учебные или благотворительные учреждения", а также "надобности общественной пользы" неизменно были представлены различными агитпропами мракобесия, обслуживавшими нужды великодержавных и туземных (местных) эксплуататоров. То, что и впоследствии, вплоть до падения русского самодержавия, доход с вакфов в царских колониях был не намного ниже их прибылей в "самостоятельных государствах ислама", лишний раз подчеркивает это. Так, если в "независимой" Бухаре в 1914 г. 200 медресе со своим вакфным имуществом ежегодно имели 4 276 000 тенег, то тогда же в царском Коканде 39 медресе со своих вакфных владений получили 50 000 руб. дохода. Приняв во внимание, что бухарская теньга равнялась 20 коп., ясно, что медресе "благородной" Бухары имели доходы, близкие к прибылям таких же мракобесных заведений г. Коканда.

О вакфных имуществах в Крыму "Новороссийский телеграф" еще в 1891 г. писал, что "муллы сделались почти полноправными помещиками и вакфы в конце-концов стали de facto землями, принадлежащими лично магометанскому духовенству... Муллы гнетут население, облагают его в свою пользу податями, превышающими всякие государственные и общественные повинности... Благодаря существованию массы безземельных... крымские муллы и катины (очевидно, хатыпы.- Л. К.) стали помещиками не только над землей, но и над людьми, притом помещиками жестокими, бесчеловечными. Население ропщет, а муллы жиреют..."³⁷.

Положение материальной базы религиозных организаций ислама при самодержавии было, таким образом, достаточно прочным; самодержавие создавало все возможности для широкого развертывания реакционной деятельности этих учреждений. Как в "независимых" исламских странах, так и в подвластных русскому самодержавию "мусульманских" территориях "священные" места ислама являлись в то же время особенно бойкими рынками, где устраивались даже периодические ярмарки. "Зиарет хам тиджарет" - поклониться святому месту, да и поторговать, - гласит старая узбекская поговорка, отражая действительное положение вещей в исламских странах.

Отправлявшиеся на богомолье эксплуататоры занимались там не только

распространением "духовной сивухи", но и реализацией своих товаров. Это бросалось в глаза даже многим буржуазным исследователям. Так, Н.Ф. Петровский в 1906 г., описывая паломничество к мазару основанной еще в XIV в. мечети ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане (ныне входит в Казахстан) писал, что "на поклонение ("зиарет") в хазрети-Туркестан стекается ежегодно очень значительное число поклонников, из которых многие люди сравнительно достаточные и даже богатые". Вспомнив вышеприведенную поговорку, Петровский дальше отмечал, что "у мазара хазрета (т. е. "святого". - Л. К.) должны вращаться немалые суммы. Кроме того, каждый паломник обязательно режет барана и делает шейху приношение; люди состоятельные лично или через посланных жертвуют (делают "хадия") деньгами, лошадьми, верблюдами; мелкота дает приношение ("худой") халатом, лепешками, свечами, деньгами и т. д."³⁸.

Это же происходит и у мазара шейха Баха-уд-дина Накшбенда в селении его имени близ Бухары, у мазара "святого" Шах-и-Мардана, в селении его имени, в горах, в 54 километрах от г. Ферганы (до 1907 г. Новый Маргелан, затем Скобелев), у мазара "святого" Занга-аты под Ташкентом (в селении его имени) и во многих других, столь же "священных" местах.

Разлагающее влияние этих мест массового шантажирования трудящихся высоко ценилось эксплуататорами. Одним лишь шейхам мазара "святого" Баха-уд-дина бухарские эмиры ежегодно жертвовали до 7 000 рублей. Спекулируя своей набожностью, они при этом не только заезжали туда при своих выездах и возвращениях в столицу, но иногда, как эмир Насрулла-Бахадур-хан, совершали туда даже еженедельное "пешее" хождение. Паломничество мусульман в Шахимардан (буквально "Шах-и-Мардан", т. е. "царь людей") ежегодно привлекало в течение нескольких месяцев (особенно в июне, июле и августе) до 15000 человек. Пилигримы шли в это сравнительно отдаленное место юго-восточного края Ферганской долины, в горы Алайского хребта, на высоту 3500 метров над уровнем моря! Здесь, в Шахимарданском ущелье, над кишлаком, в месте наиболее эффектно, и сейчас можно видеть красивую мечеть и, налево от нее, мазар "святого" Шах-и-Мардана. В обширном дворе мечети до сих пор сохранились помещения, предназначенные для особенно знатных, хорошо плативших паломников. Обосновавшиеся здесь ходжи имели до 80000-100000 рублей ежегодного дохода.

Постоянные жертвенные приношения с "даровым" пловом для всех присутствующих, устраиваемые паломниками, разлагали окрестное население этих исключительно плодородных мест. Так, даже население находящегося примерно в 25 километрах от Шахимардана селения Вуадиль (ныне Алты-Арыкский район УзССР), как рассказывали пишущему эти строки во время его посещения этих мест 18 и 19 июня 1934 г. рабочие текстильной фабрики г. Ферганы, - вело паразитическое существование. Кормясь подачками приезжавших на моления баев, жители Шахимардана и Вуадиль превращались в буквальных тунеядцев, совершенно забрасывавших обработку своих пашен, огородов и фруктовых садов. Давало себя знать это очень долго. Ведь еще в 1925 г. эти места посещало до 8 000 паломников, в числе которых преобладали различного рода больные, калеки и т. п.

Из этого "святого" места вышли курбаши (главари) контрреволюционного басмачества Куршимат, Алла Яр, Мадамин-бек и другие. Ходжи давали им "спасительные" тумары (талисманы) и сочиняли кулацкие контрреволюционные песни.

ГРУППА	Количество скота на семью	Средний состав семьи	На 100 муж. проц. женщ.
1	Без скота	3,43	68,6
2	Меньше 1 гол.	3,83	79
3	От 1-3	4,22	79,3
4	3-8	4,99	80,3
5	8-15	5,26	85,1
6	15-25	5,77	88,6
7	25-50	6,22	97,7
8	50-100	6,35	115,4
9	100-200	7,4	118,8
10	свыше 200	7,92	156,8

Они же, "святые" ходжи, коварно предали здесь окруженный полчищем басмачей кавалерийский отряд 2-й кавбригады. 18 марта 1929 г. по заранее выработанному плану тех же ходж здесь был зверски растерзан толпой фанатиков во главе с кулаками и ходжами учитель Хамза Хаким-заде, проводивший антирелигиозную работу большого культурного значения. Теперь в кишлаке Шахимардане есть библиотека-читальня с антирелигиозной литературой. Ниши внутреннего двора мечети и вход в мазар "святого" Шах-и-Мардана ныне лишь чернеют копотью когда-то горевших тысяч светильников. С организацией колхоза в Шахимардане его население (как и в Вуадиле) ведет интенсивную трудовую жизнь. Склоны гор белеют теперь хлопком, а не чалмами мулл. На место рассадника мракобесия, основанного в память родственников посланника аллаха Мухамеда, 1 июля 1934 г. здесь, в исключительно живописном месте, открыт построенный правительством советского Узбекистана санаторий.

То же можно сказать и о мазаре "святого" Занга-аты, ученика Хаким-аты, в свою очередь являвшегося учеником нам известного ходжи Ахмеда Ясави³⁹. Мазар этот, как и расположенная невдалеке от него, с правой стороны, могила жены "святого" Анвар-биби, некогда собирал до 10000 паломников. Они приезжали не только из близлежащих к Ташкенту мест, но и из Самарканда и других отдаленных пунктов. Осенью во время созревания дынь (сентябрь) в Занга-Ате устраивались массовые саили, т. е. большие "народные" гулянья. Многочисленные пустующие ныне помещения двора мечети Занга-аты кишели паломниками. Здесь же велась торговля. Максум-Домла (ум. 1923 г.), заведовавший мазаром этого ходжи, как мне передавали при посещении Занга-Аты 18 мая 1934 г., был крупным баем, владевшим большим количеством окрестных земель. Ныне на них расположен коопхоз Ташкентской швейной фабрики "Красная заря".

Описание этих "святых" мест можно было бы значительно увеличить. В одном лишь Туркестане их было едва ли не больше сотни. Сильное распространение они имели также в б. Уфимской, б. Казанской и др. губерниях, на Кавказе и т. д.

Издававшиеся царскими агентами путеводители, календари и т. п. публикации всемерно расписывали эти очаги мракобесия, зазывая верующих посещать их. Описанием таких "замечательных" мест, например, были заняты издававшиеся по распоряжению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе при кавказском статистическом комитете Кавказские календари и другие публикации. Причина понятна. Укрепление мощи религиозных организаций ислама являлось укреплением агентуры самодержавия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО КАК ЭКСПЛУАТАТОР

Русское правительство утверждало те права мусульманского духовенства, которые последнее уже имело в завоеванных царизмом странах. Как мы видели в главе I, уже Екатерина II придерживалась этой политики, способствуя укреплению авторитета мулл. Ее именной указ от 26 января 1793 г. разрешал муфтию Хусейнову и потомству его "покупать порожня земли у башкирцев и заселять оныя единоверцами, покупаемыми за границу"¹. То же было и в царских колониях русского самодержавия на Кавказе. Царский указ гласил: "Согласно высочайшему повелению 16 февраля 1871 г. были наделены земельными участками семнадцать лиц из карачаевских таубиев, кадиев (т. е. горских князей и судей, руководствовавшихся адатами и шариатом.- Л. К.) окружного словесного суда и старшин аулов... Всего этим лицам отведено в потомственную собственность вне территории Карачая 4279 десятин"².

Муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания, подобно шейх-ул-исламу и улемам Бухарского ханства, давал различные "юридические" заключения. При этом, если это было в угоду угнетателям, он не стеснялся попирать своим барским сапогом законы "священного" шариата. Так, есть предание, что первый муфтий мусульман внутренней России на запрос сына известного проводника захватнической политики царской России в XVIII веке, помещика генерала Тевкелева, о том, "можно

ли с точки зрения "шариата", чтобы дворовые девки-мусульманки могли ходить с открытой грудью", ответил, что "можно", ибо эти девки суть рабыни, которые исключены из общего правила"³.

Усилившаяся в ряде районов Средней Азии со времени завоевания их русским военно-феодальным империализмом пропаганда ислама (см. гл. II) сопровождалась укреплением "моральных" и экономических позиций мусульманских мракобесов. Особенно это относилось к разряду так называемых "мистиков", которых верующие называли суфиями, дервишами, ишанами или пирами. Даже сведения, имеющиеся в литературе царской колонии Туркестана, не скрывают разительности этого факта (см., например, в гл. III заявление генерала Гродекова). Ишаны эксплуатировали народные массы, при посредстве самых варварских способов "духовного" и экономического принуждения и благодумствовали под крыльями двухглавого орла.

Не представляя собой какой-нибудь замкнутой касты, они все же были внутренне организованы. Об этом говорит, например, тот факт, что выезды ишанов в районы их деятельности почти неизменно совершались ими в строгой очередности. "Ишан ауга чикты" (ишан поехал на охоту), - говорили о таких поездках ишана.

В средствах одурачивания верующих ишаны, как верно заметил еще полковник И. А. Бржизцкий, - "не стеснялись". Так, например, они "показывают глупые фокусы, вроде истечения капель воды из лезвия ножа, для чего за ухо кладется напитанная водой вата и приставляется к этому уху нож; отрубает члены у легковверных мюридов, изгоняют злых духов врачеванием от всех болезней... лечат успешно (!) бесплодных жен..." и т. д. и т. п. При этом в силу крайней отсталости населения колоний русского самодержавия ишанам даже столь грубые приемы легко сходили с рук. "Приготовление плова,- отмечал, например, Бржизцкий,- якобы без огня, благодаря особому устройству топки, как это делал в 1896 г. ишан Мадали в Андижане, привлекло не мало туземного люда к его лагерю"⁴.

Кроме надувательства верующих масс, ишаны подвергали трудящихся экономическому грабежу в различных формах. Делалось это часто под маркой "общественной благотворительности". Так, за счет своих мюридов (учеников-последователей. - Л. К.) ишаны предпринимали постройку мостов, переправ и т. п. сооружений. Эти их действия не встречали противодействия со стороны русских властей.

Ишаны являлись крупнейшими кулаками и феодалами. Многочисленные факты это подтверждают. Об этом, например, говорят материалы об ишанах Ташкентского уезда, собранные Н. Лыкошиным⁶. При ознакомлении с этими материалами следует иметь в виду следующие два момента:

1) "Всех ишанов можно подразделить на две большие категории: "джагрийе" и "хуфийе". Первые... предаются молитвенным упражнениям громко, гласно, вторые же более сосредоточенны и славят бога... тайно, молча... Те и другие могут принадлежать к различным дервишеским орденам, учение которых вместе с посвящением передают своим последователям. Между ишанами Ташкента наибольшее число последователей имеют ордена "накшбендийе" и "кадрийе".

2) Нижеприводимые "сведения о состоятельности получены путем личного опроса ишанов; всякий... (из них.- Л. К.) старался всегда скрыть свою имущественную обеспеченность и показывать свои средства значительно ниже действительных; тем не менее цифра ежегодно уплачиваемых налогов, увеличенная в 10 раз, может дать хотя бы относительное понятие о средствах ишанов".

Вот несколько наиболее характерных карт из этого обследования 54 ишанов Ташкента:

1) "Мухиддин-хан ишан Мухаммед Садык Мухаммед Аваз Халифаев.

Шейхантаурской части (г. Ташкента. - Л. К.), махалля (т. е. квартала. - Л. К.) Иля. 46 лет. Кадрийе-джагрийе (т. е. принадлежит к дервишескому ордену "кадрийе" и держится громкого молитвословия - "джагрийе". - Л. К.)... Мюридов (т. е. ближайших учеников - последователей.- Л. К.) считается до 1000 человек: в Ташкенте 400, в Ташкентском уезде -100 чел., в Намангане - 200, в Аулие-Ата-100... Хальфа (т. е. ученики-агенты. - Л. К.) в Ташкенте: 1) Кукчинсией части махалля Чагатай Мулла-

Ариф Кувандык Суфиев, 2) Шейхантаурской части махалля Миргенча Адиль-хан ишан тюрка ходжа Казиев. В Ташкенте же есть хальфа покойного отца Мухиддин-хана (бывшего тоже ишаном. - Л. К.), житель Бишагачской части махалля Ляк-Ляк, Азизляр ходжа Якуб Ходжинов... В городе Оше есть хальфа Мухаммед Раим, в Маргелане есть ханака* и хальфа Мухаммед Разык... в Чуе - ханака и хальфа Мухаммед Раим... В Намангане Мухиддин-хану и принадлежит дом... есть ханака и там же им поставленный хальфа Акрам-хан-тура его родственник. В Аулие-Ата отцом Мухиддин-хана поставлен хальфа Сайд Алим-ходжа... Молитвенные собрания под руководством Мухиддин-хана происходят еженедельно... Хальфа (т. е. круг, цепь, которую составляют дервиши во время радения. - Л. К.) - человек 40-50, с непосвященными до 200. Средства к жизни от земледелия, платит налогов до 400 руб. в год (следовательно, валового дохода имеет минимум 4 000 руб. в год. - Л. К.), пожертвования принимает. В 1893 г. (Мухид-дин-хан.-Л. К.) совершил хаджж (т. е. "святое" паломничество в Мекку и Медину. - Л. К.)... Вернулся верхом через Афганистан. Навстречу выехали до 400 туземцев в Занга-Ата, а в городе (Ташкенте.- Л. К.) встречало 2-3 тысячи народа. Целую неделю ишана посещали мюриды и знакомые".

2) "Хазрет - миан ** Салих ишан хазрет ходжа Ишанов.

Шейхантаурской части, махалля Кашгар, 62 лет, ордена накшбендийе-хуфийе. Мюридов... по словам самого ишана, у него нет; туземцы же насчитывают до 100 чел... Со средствами, податей платит до 200 р. в год, земледelec"...

3)"Кутб-ад-дин-хан ишан Мухаммед Разыков.

Шейхантаурской части, махалля Иля. 39 лет. Ордена кадрийе-джагрийе. Мюридов в Ташкенте до 200 человек, в Ташкентском уезде до 60... Со средствами, занимается земледелием, податей платит 170 руб. в год. Джагр в собственной ханака по четвергам вечером. В хальфа участвует 15-100 человек.

4) "Мударрис мулла Абдул Меджид Юнус-хан Ишанов.

Сибзарской части, махалля Парчабоб. 80 лет. Накшбендийе-хуфийе. Обладая значительными средствами, занимается земледелием. Мюридов в Ташкенте насчитывают до 400 человек. Всего поставил до 15 хальфа, главнейшие в Ташкенте... Многие мюриды живут в Ташкентском уезде, - в кишлаках Занга-Ата и Карамурт и в кишлаке Сайрам Чимкентского уезда. Абдул Меджид... в настоящее время (90-е годы XIX в. - Л. К.)... самый значительный ишан в Ташкенте. Он имеет родословную от главы ордена... За свои недвижимые имущества ишан уплачивает в казну до 100 руб. ежегодно. Молитвенные собрания таваджуг (т. е., очевидно, таваджух - "святое" общение ишана со своими последователями. - Л. К.) происходят еженедельно... Ишан состоит мударрисом (т. е. преподавателем, "профессором". - Л. К.) в медресе Муиму-барак..."

5) "Сайд Шараф-уд-дин ишан Сайд Арифов (по прозвищу Кадрийе).

Бишагачской части махалля Арпапая. 65 лет, ордена кадрийе-джагрийе. Уроженец Пешавара. Занимается земледелием. Платит податей до 90 руб. в год, имеет дом в Перовске... В Перовске (его мюридов. - Л. К.) 50 человек, в Туркестане (городе. - Л. К.) 15 человек... Мюриды в Перовске - киргизы".

6) "Мулла Шараф-уд-дин Максум Ахмед Максумов.

Бишагачской части, махалля Арпапая, 52 лет. Ордена накшбендийе-хуфийе. Мюридов в Ташкенте 300, в Ташкентском уезде 200... Сам мулла Шараф-уд-дин поставил хальфа в Ташкенте... в Нижнем Новгороде... От отца остались (хальфа: пять чел. в разных частях г. Ташкента, один в г. Коканде, один в Ургуте и один в Бухаре.- Л. К.)... Ишан состоятелен, платит до 150 руб. в год"...

7) "Имам Зайн-уд-дин-хан Хадыханов (по прозвищу Азизляр ишан).

Бишагачской части, махалля Яланг-кари, 65 лет. Ордена султанйе и кадрийе-джагрийе. В Ташкенте до 600 мюридов, в уезде 100... Поставлены ишаном хальфа: 1) Исабек в Сайраме, Чимкентского уезда; 2) Яхья-ходжа в Ташкенте... 3) Ахмед-шейх хальфа в Занга-Ата Ташкентского уезда. Зикры (радения.- Л. К.) совершаются в мечети Яланг-кари по пятницам... собирается 200-100 человек. Состоятелен, (налогов. - Л. К.) платит 100 руб.".

Последний ишан, Азизляр, по словам великодержавников, как мы видели в гл. II,

играл активную роль в восстании в Ташкенте в 1892 г. Это "участие" не уменьшило материальных богатств Азизляра. Самодержавию выгодно было лишь кричать о том, что "ишан виноват", чтобы скрыть от широких масс трудящихся истинные причины этого (как и других) восстания. Ишанам же подставлять ножку оно не собиралось. Наоборот, как ясно и из приведенного, самодержавие давало ишанам, возможность широко развешивать их деятельность. Почти у каждого ишана существовала целая сеть своих агентов. Связь между ними была хорошо налажена, что создавало возможность быстрого и организованного одурачивания широких кругов населения. Русское правительство не шло против ишанов, хорошо понимая, что, имея на службе такой разветвленный аппарат, оно может сравнительно легко держать в подчинении покоренное население. Ни разу царизм не покушался на материальные богатства ишанов.

Усиленное проникновение русского капитализма, разорение и обнищание широких трудящихся масс царского Туркестана давали представителям мусульманского духовенства лишь новые источники быстрого обогащения. Бывший рабочий ж.-д. Красновосточных мастерских г. Ташкента (а ныне зам. председателя ЦИК Советов Узбекистана) т. Д. И. Манжара пишет в своих воспоминаниях, что на хлопкоочистительных заводах капиталистов "обвешивали дехкан при сдаче ими хлопка, путали сорта, превращали первый сорт хлопка во второй и третий, бракуя первые сорта, в результате чего дехканин уезжал с завода совершенно обобраным, оставшись в долгу у заводчика". А в итоге, "для того, чтобы не умереть с голоду, дехканин вынужден был брать аванс под урожай хлопка будущего года и в большинстве случаев разорялся окончательно, превращаясь в бедняка, причем часть его земли фактически попадала в лапы владельца завода, а другая часть - баю и мулле"⁸.

Свободу действий мусульманскому духовенству русское самодержавие представляло, как мы уже отчасти знаем, не только в Туркестане. Например, муллам в царской России так же, как и в "независимых" мусульманских странах, разрешалось вести торгово-промышленные дела. Оренбургское магометанское духовное собрание вынесло по этому вопросу такое постановление:

Копия

ЖУРНАЛ

ПРИСУТСТВИЯ ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ

на 11 августа 1903 года, ст. № 16. По 3 столу.

О праве духовенства заниматься торговлей. Слушали: Имам Казанской губернии, Лаишевского уезда, дер. Нижней Тикерменево, Галиуллы Сунгатуллин рапортом от 15 июля сего года, за № 9, просит разъяснить ему могут ли состоящие на должности имамы, хатыпы и муэззины вести торгово-промышленные дела, или же они за производства торговли и промыслов подлежат по закону ответственности.

Приказали: Дать знать имаму Сунгатуллину, что занятие торгово-промышленными делами духовным лицам мусульманского вероисповедания не воспрещается, со взятием установленных свидетельств и с тем, чтобы от этого не было упущений по службе, за которые духовные лица подлежат ответственности по: 1424 ст. XI т. I ч.

Подлинный за надлежащими подписями".

И муллы в самодержавной России торгово-промышленными делами занимались. Стяжательство их отмечено народной мудростью. "При "на" - откроет глаза мулла, при "дай" - нарушит он законы аллаха", - говорит туркменская поговорка. Против них направляли свои поэтические стрелы лучшие из народных поэтов. Так, еще в царское время в Дагестане громко звучала песнь Сулеймана Стальского (из аула Аш-Ага-Сталь), выражавшая протест против мулл и судей, ростовщиков и спекулянтов. В "Песне о мулле Рамазане из Векемера" Сулейман пел:

Об этом эксплуататорском лице мулл следует всегда помнить Дело в том, что почти неизменно во всей дореволюционной литературе, посвященной вопросам жизни мусульманского духовенства, о нем говорится как об обездоленном сословии. Так, даже внесенное за подписью 39 членов Государственной думы 3 декабря 1913 года "Законодательное предложение об учреждении особого духовного управления (муфтиата) для мусульман Северного Кавказа" отмечает не только "низкий уровень умственного развития самих мулл и кадиев", но и "полную их экономическую необеспеченность и правовую приниженность"¹⁰.

Во время голода в Поволжье в 1912 г. в мусульманской повременной печати поднимается целый вой по поводу бедственного положения мулл. Например, в № 963 ежедневной казанской газеты "Бяну-л-хакк" ("Изъяснение истины"), январе 1912 г., было напечатано обращение "Касательно мусульманских дел", в котором автор предлагал учредить (по совету в "Вакте" Ф. Муртазина) особое общество вспомоществования мусульманскому духовенству в г. Уфе. Тогда же в № 901 газеты "Вакт" была напечатана статья "Вопрос о помощи нуждающимся имамам", где во имя благополучия мусульманского духовенства предлагалось забыть раздоры между лагерями новометодников и старометодников (джадидов и кадимистов). Дело это признавалось "национальным долгом, хотя бы некоторые имамы и были врагами цивилизации и просвещения". "Организациями, писалось в этой статье, - оказывающими наибольшую пользу в деле соединения воедино членов несамостоятельных наций и в деле поддержания между ними согласия являются религиозные учреждения".

Встревожен был ударом голода по своей агентуре - мусульманскому духовенству - и царизм. На нужды мулл самодержавие отпустило 50 000 рублей. Распределить эту ссуду среди мулл было поручено магометанскому духовному собранию в г. Уфе. Сообщавшая об этом газета "Вакт" в 1912 г. (№ 931), однако, с негодованием отмечала, что Оренбургское магометанское духовное собрание "уклонилось" от взятия на себя этой миссии. Как следует из статьи "Вопрос о распределении денег имамам и муэззинам" в № 941 "Вакта" за 1912 г., духовное собрание постановило: "распределить 50-тысячную правительственную ссуду через земских начальников".

Заботы о мусульманском духовенстве проявила даже православно-миссионерская печать.

Но соответствовали ли действительности все эти возгласы о "голодающем" мусульманском духовенстве? Они ли - муллы - были наиболее обездоленными?

Конечно, спору нет, что положение угнетенных самодержавием народов было кошмарным. В. И. Ленин еще в конце XIX в., указывая на "Очерки из жизни дикой Башкирии" Ремезова, писал, что это - "живое описание того, как "колонизаторы" сводили корабельные леса и превращали "очищенные" от "диких" башкир поля в "пшеничные фабрики"...- такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке"". Либеральный земский статистик, в свое время участник "Казанского, заговора" 1863 г., К. В. Лаврский, производивший в 1883 г. обследование татарских деревень, в своем труде "Татарская беднота" писал, что "наиболее нуждающейся частью крестьянского населения Казанской губернии являются, как всем известно, татары"...

"В селениях татарских, - писалось в Трудах статистико-экономической экспедиции, снаряженной Казанским губернским земством в 1883 г., хозяйственный упадок принял уже острые формы. Упадок этот выражается, с одной стороны, в значительности цифры дворов безлошадных и бескоровных, в очень незначительном количестве скота,

приходящемся по расчету на один двор... в значительном проценте дворов, бросивших хозяйство; наконец, о хозяйственном упадке свидетельствует и огромная сумма долгов и недоимок, накопившихся за населением татарских деревень"¹². "Недоимок за ними, если считать вместе с продовольственными долгами, такая масса, что если бы даже продать весь скот, все избы и весь домашний скарб недоимщиков, то не покрылось бы и половины их долгов".

За год до голода 1912 г. газета "Баку" 9 февраля 1911 г. (№ 31) в корреспонденции "Торговля татарками" сообщала, что в деревне Берлибаши Казанской губернии приезжие купцы-персиане покупают девушек-татарок. "Нынешнюю зиму, - отмечает газета, - ..."цена" на девушек понизилась: прежде за молодых платили до 100 руб., а теперь же дают 30, самое большее - 50 руб. И за эту цену находятся продавцы". "Секрет" этого понижения газете был хорошо известен. "Хотя татары..., - говорила корреспонденция, - и сознают, что не на хорошее житье обречены покупаемые персианам, и девушки, но безвыходная нужда заставляет некоторых из них идти на постыдную сделку"¹³.

Но входило ли мусульманское духовенство в число этих обездоленных масс?

Данные той же статистической экспедиции, снаряженной Казанским губернским земством в 1883 г., решительно отрицают это. Они рисуют нам мусульманское духовенство в татарской деревне, как состоящее из крупнейших кулаков и ростовщиков.

Например, по данным этой экспедиции у татар, "крестьян бывших государственных" Сатышевского района (б. Мамадышский уезд), где имелось 67 домохозяйств, совершенно не имеющих жилых изб, 53 хозяйства безземельных, 513 - безлошадных (32%) и 1 100 хозяйств, покупающих хлеб, - 23 домохозяйства указных мулл, 2 - неуказных и 5 домохозяйств азанчей (т. е. муэззинов), находившиеся в 23 селениях. Всего: 30 домохозяйств 64 избы.

Итак, на каждое среднее домохозяйство мусульманского духовенства приходилось 2,13 избы. При этих 30 домах находилось: 29 клетей и 15 амбаров; 26 домов были огорожены досчатыми заборами. Во дворах при этих домах имелось: 32 лошади у 27 дворов, т. е. по 1,07 на каждый из 30 - 46 коров.

Далее, производивший это обследование статистик Н. А. Бобровников пишет:

"Если сравнить эти цифры с цифрами любой из ... групп (населения. - Л. К.), то нетрудно убедиться, что эти 30 домов (мусульманского духовенства. - Л. К.) стоят в общем выше среднего дома каждого из них. Из этих 30 домов 6 принадлежит к местным надельным крестьянам и имеют, как таковые, все вместе 17 душевых наделов, т. е. 3,1 души на каждый. 10 домов не имеют земли вовсе, и остальные 14 получили землю от деревень даром; все вместе:

8 1/2 душ или по 0,60 души на хозяйство;

85 десятин или по 6,01 десятины на хозяйство.

Но существующая, таким образом, разница между этими домохозяйствами в количестве земли не имеет решающего влияния на определение экономического уровня, экономического положения мулл, так как главный источник их доходов - не урожай их собственной земли, а десятина (ушер, гошер. - Л. К.); даваемая же муллам земля дается им от мира, так сказать, сверх десятины за особое усердие и благочестие... Незначительность роли, которую играет доход от надельной земли для обеспечения духовенства, показывает и то обстоятельство, что 6 надельных дворов частью даже не пользуются своими наделами, отдавая их в аренду, иногда даже только за подати. Некоторые же из них - именно 14 - нашли для себя выгодным арендовать у крестьян своего прихода значительное количество земель (78 1/2 десятин) на продолжительные сроки и на весьма выгодных условиях"¹⁴.

Описывая эти 23 селения б. Мамадышского уезда (Сатыевской и прилегающей к ней волостей), Н. А. Бобровников дает ряд интересных фактов о таких "арендах". Так, он приводит "договор подобного рода, списанный... из книги приговоров Сатышевского волостного правления...", в котором говорится:

"22 января 1882 г. крестьяне деревни... собравшись на сход для обсуждения своих дел, имели между прочим суждение о том, что на обществе нашем осталась недоимка

за минувший 1880 год до 688 рублей, не уплаченных самыми бедными крестьянами, которые недоимки ни в каком случае, как нам достоверно известно, уплатить не могут. Наш указной мулла, бывший случайно на сходе, предложил нам, что он желает взять от общества в аренду неразделенную общественную землю с произрастающим на ней лесом в количестве 50 десятин хозяйственной меры на двенадцать лет, с тем чтобы по истечении их ему было предоставлено пользование землею еще на три года, и что он предлагает за первый год 401 руб., а за следующие по 2 руб. Все повинности за срочное время принимает на себя".

Однако, как отмечает статистик Бобровников, "подати за эту землю", которые должны платить крестьяне, "по 87,5 коп. за десятину в 15 лет составят 865 руб. 75 коп.". Таким образом, кабальность этого, "приговора" для крестьян, как отмечает и наш либеральный статистик, не требует дальнейших комментариев, она очевидна.

Получаемый же мulloами "религиозный" налог (закат, ушер - "десятина") составлял столь большие суммы, что духовенство даже перед земскими статистиками скрывало его действительные размеры.

Из обследованных Н. А. Бобровниковым 23 домохозяйств мулл "лишь в десяти домах, - как, он пишет, - я отметил на картах заявленный мне доход от десятины. Общая сумма его равна 2 100 рублям, что дает да каждое из заявивших домохозяйств по 210 рублей. Эту сумму я считаю minimum дохода от десятины".

"Действительно, - продолжает Бобровников, - по мусульманским законам каждый должен платить мечети десятый сноп, десятого ягненка, десятый рой, десятую птицу и пр. Кроме того, каждый мусульманин дарит и угощает мulloу при рождении ребенка, свадьбе, смерти и пр.

Само собою понятно, что жалобы мулл (при расспросах их статистиком о доходах. - Л. К.) на упадок благочестия вполне справедливы - в том смысле, что десятину в буквальном смысле слова платят весьма немногие, но что они еще платили и платится весьма хорошо, можно видеть из рассмотрения почти каждой отдельной карты.

Например. Семейство из 5 лиц; держит постоянного работника. Хозяйство при 4 головах крупной скотины, 4 жеребятках, теленке, головах мелкого скота прикупило сена на 25 руб. Земли дом имеет десятины, за обработку которых заплачено было 15 рублей. Хлеба разного дом продал 200 пудов.

Ясно, что семейство кормилось и кормило свой скот от десятин целый год, - 200 же пудов проданного хлеба представляют остаток.

Другая карта. Дом при семействе в 4 человека и двух головах крупного скота, не имея вовсе земли, заявил, что продал 200 пудов.

Третья карта. Семейство из 6 лиц, при двух головах крупного 9 мелкого скота, имея одну десятину земли, продал 100 пудов хлеба.

Почти все карты, - заключает статистик, - на которых оказалось возможным отметить показания по этим вопросам, представляют нечто аналогичное".

Отмечая этот паразитарный характер домохозяйств мусульманского духовенства, Н. А. Бобровников тут же отмечает, что "при вычислении стоимости содержания духовенства надо принять во внимание и стоимость содержания самих мечетей, которых в 23 деревнях находится 24*". Содержание их - "обязательный расход того же населения, которое несет и все прочие платежи, точно так же как оплачивает труд еще нескольких лиц, служащих при мечетях сторожами, или азанчами"¹⁵.

Кроме вышеуказанного, мусульманское духовенство Казанской губернии, так же как и других районов (см. песнь Сулеймана Стальского на стр. 126), занималось ростовщичеством. Процент брался мародерский - до 60. Говорят об этом, например, Труды той же статистической экспедиции Казанского губ. земства. Так, в "Заметке об условиях частного кредита в Алькеевской волости, Тетюшского уезда", составленной Е. А. Смирновым, читаем:

"В текущем (1883. - Л. К.) году атабаевцы сделали много хлебных займов, главным образом на обсеменение овсом. Кредитовались, во-первых, у своего муллы, затем у своих окрестных кулаков. Почти все займы сопровождались залогами.

Она отнесена к осени. Овес обошелся от 55 до 75 к. за пуд, в среднем по 70 к., что составляет переплату приблизительно 30%, или 60% годовых. Кроме займов

хлебом встречаются - гораздо реже - и займы деньгами и под заклад. (Берущийся процент - мародерский, есть случай, когда за 4 месяца он равнялся 25: за 12 руб., взятых в апреле, надо было отдать 15 в августе)"¹⁶.

Этот паразитарный характер мусульманского духовенства не могли скрыть и "Сведения о положении татарского населения Саратовской губернии и влиянии на это население магометанского духовенства", составленные Кошкиным - чиновником особых поручений при саратовском губернаторе (в августе 1885 г. посланы обер-прокурору "святейшего" синода и в 1889 г., в копии, - министру внутренних дел И. Н. Дурново). Так, этот верноподданнический документ свидетельствовал:

"Держа посредством своего влияния татарское население в состоянии умственного и нравственного застоя, магометанское духовенство эксплуатирует бедную часть татар взносом десятины, т. е. десятого снопа, десятого роя, десятого барана, десятой птицы и т. д., кроме угощений и подарков при наименовании ребенка, обрезании, свадьбе, разводе, похоронах и проч., а на праздник курбан-байрам за чтение при резке (жертвенной. - Л. К.) скотины молитвы и корана мулла получает шкуру животного. Затем многие общества дарят муллам земли для запашки, которую они производят посредством нанятых работников или большею частью через задолженных им односельчан, так как некоторые муллы, разживаясь, начинают ссужать бедняков деньгами и хлебом, но не иначе, как под заклад и через подставных лиц.

В домах мулл и азанчей в деревнях Старой Кулаткине и Средней Терешке - Хвалынского, в Кунчерове, Демкине и Могилах - Кузнецкого и в Усть Узе - Петровского уезда видна полная достатка жизнь их: хорошее помещение с клетью для приема гостей, тесовые заборы и ворота, конюшни, хлева, сараи и бани - все, как у состоятельных татар, - с обильными хозяйственными вещами и живым инвентарем, с наемными работниками и проч. в противоположность скудности всего этого у прочей массы населения.

Трудно определить без подворной переписи и при малоправдоподобных ответах мулл, сколько стоит содержание духовенства татарскому населению, но, приняв во внимание устройство мечетей, школ, содержание с отоплением, десятину, оплату труда азанчей, сторожей при мечетях, мударрисов (учителей в школах) и т. п., можно предположить, что каждая мечеть с ее штатом обойдется от 500 до 1 000 рублей в год. Посему надо полагать, что по Хвалынскому уезду, имеющему мечети, ежегодно расходуется 50 тыс. руб., а по Кузнецкому, в коем 52 мечети, до 40 тысяч рублей. Как поступают эти суммы - непосредственно ли со всего населения или только с состоятельной части его безразлично, так как и в последнем случае, хотя косвенно, расход ляжет на ту же бедную массу, эксплуатируемую богатыми торгующими татарами.

Некоторые из последних хорошо понимают, как много значит для поддержания их выгодного положения... влияние мулл. В сих видах они строят мечети и школы на свой счет, а равно помогают в материальном отношении муллам и их влиянию..."¹⁷.

Давая специальные пятидесятитысячные ссуды на нужды мулл, царское правительство находило для трудового крестьянства лишь кнут и нагайку. В результате, особенно во время стихийных бедствий, трудовое крестьянство было обречено на гибель от голода и болезней...

Говоря так, мы не сгушаем красок.

Работавший в одном из частных медицинских кружков во время голода 1888 - 89гг. в Мензелинском уезде б. Уфимской губернии А. И. Балашов оставил нам яркие зарисовки этого. Положение было таким, что "мяса кругом на сотню верст, бывало, не достанешь". В Варяшбаше... "до врача 30 верст, а лошадей нет больше чем у половины обывателей, да и у тех, которые имели лошадей, лошади были такие, что их самих нужно было возить.

Просить лошадей у богатых не имеет смысла, так как они, все равно не дадут, а если дадут, так потом с ними не рассчитаешься: у татар (конечно, как и у других народов - Л. К.) каждый богач - кулак-вампир, который не упустит ни одного удобного случая нажить копейку, выжав её с кровью из закабаленного батрака.

И предпочитают эти люди умирать, слепнуть и гнить, чем искать проблематической

пользы у совершенно чуждых им людей".

Вырвавшимся из деревень было не лучше. "Выживет непроглядная нужда какого-нибудь Ахмеда, - писал Балашов, - из его родного медвежьего угла, бросит сразу в бойкую приволжскую среду, и он очутится в еще худшем положении, чем дома. Не умея связать двух русских слов, не зная никакого ремесла и промотав еще дома свои силы в борьбе с нищетой и лишениями, он не способен перенести и десятой доли той работы, которую с большим трудом справляют даже такие атлеты, как всем известные поволжские и камские крючники. Задавит его работа, искалечит и больным заставит возвратиться домой. Редкий, редкий выдерживает".

Что же делало правительство, как относились к этому капиталисты и помещики, власть имущее "общество"?

Они ограничивались подачками зачерствелых корок со своего барского стола. Действительной помощи не было. Лучшие из этого общества, лично повидавшие ужасы жизни трудовых масс угнетенных царизмом народов, хорошо понимали это. "В самом деле, - восклицал Балашов, - (разве рациональна наша помощь с кормежкой? Что сделает временная кормежка для улучшения быта обнищавшего края? Новый неурожай, и опять то же, опять голод. Разве это помощь? Такая помощь... напоминает подушку с кислородом, которую приставляют ко рту задыхающегося чахоточного больного. Больной все равно скоро умрет: у него почти нет легких, и подушка с кислородом даст ему не больше 10 - 15 лишних минут жизни"¹⁸.

Трудящиеся Башкирии и Татарии, однако, не умерли. Свергнув ненавистную власть помещиков и капиталистов, они победоносно, в первых рядах всего трудового населения СССР под руководством партии большевиков, строят бесклассовое социалистическое общество.

Однако остатки умирающих в СССР эксплуататорских классов не прекратили своей контрреволюционной деятельности.

В прошлом, в материальном и моральном насилии над трудящимися, помощником русского самодержавия выступало мусульманское духовенство. Эта роль мусульманского духовенства обусловила помощь муллам со стороны правительства помещиков и капиталистов. Как мы уже знаем, мусульманское духовенство получало звонкой монетой за свою верную службу царизму. Официальные же органы ислама издавали специальные инструкции, направленные к тому, чтобы максимально использовать доверчивость широких "правоверных" масс. Даже сироты не пользовались у мулл какими-нибудь льготами. "Шкура" сдиралась и с мертвых. Казахская пословица: "Где травы много, скот жиреет, где покойников много, мулла жиреет"¹⁹, в художественной форме отразила подлинную жизнь.

5 августа 1892 г. Оренбургское магометанское духовное собрание, заслушав отношение казанского сиротского суда от 20 июля 1892 г. о том, "следует ли выдавать за каждого умершего магометанина фидию (выкуп, откуп "грехов" умершего. - Л. К.) и в каком размере", приказало:

"Уведомить казанский сиротский суд, на отношение его за № 1986 что фидия выдается обязательно за каждого умершего магометанина если умершим было сделано при жизни на этот предмет завещание и если размер завещанной фидии не превышал 0,5 всего имущества умершего. Размер фидии за каждый неисполненный намаз (молитву. - Л. К.) или уразу (пост.- Л. К.) определяется по три четверти фунта пшеницы или ее стоимости"...

Особенное внимание муллам предлагалось обращать на взимание возможно большей суммы с бракосочетающихся. Духовное собрание в г. Уфе 11 июня 1911 г. за № 345 издало об этом даже целую инструкцию. В ней циркулярно указывалось что "приходским имамам надлежит при совершении браков напоминать брачующимся сторонам или их представителям о возможности добровольного, жертвования, сверх установленной брачной пошлыны в 25 копеек".

Если принять во внимание, что у целого ряда народов, исповедующих ислам, с жениха взимался еще специальный выкуп за невесту, калым, для сбора которого неимущему жениху приходилось иногда несколько лет батрачить, тяжесть этого циркуляра для широких масс населения будет понятна. Ведь "добровольность"

дополнительных подношений мулле в действительности обычно выливалась в настойчивые требования обременительных для трудящихся сумм. В итоге многие из неимущих слоев населения часто вообще не имели возможности жениться.

Мнение, что у каждого мусульманина - целый гарем жен, - неверно. Количество "законных" жен (разрешенное шариатом в числе до четырех) неизменно зависело от классового положения брачующихся. Любопытны в этом отношении (хотя и очень приблизительны) следующие данные численного соотношения мужчин и женщин в зависимости от их экономического положения, опубликованные в 1910 г. в ташкентском журнале "Средняя Азия"²⁰.

Итак, как мы видим, бедняки в большом проценте не имели не только четырех, но даже и одной жены! Обиравшие же их муллы, как вынуждены были подчеркивать даже официальные органы, часто имели много жен и вели разгульную жизнь. Но беднякам на это жаловаться не позволялось. А если бедняки и жаловались, то - безрезультатно: против господ мулл они были бессильны. Слезливо повествовал об этом некий Хамидулла Бикметов на страницах газеты крымского помещика Исмаил-бея Гаспринского "Тарджуман" (Переводчик) 31 мая 1884 г. Описанная в его корреспонденции карьера муллы Сейдалиева типична для киргизской и казахской степи XIX в. Возвышение мулл здесь обычно шло обрисованным Бикметовым путем, лишь с той разницей, что муллы там были большей частью не киргизского, как Сейдалиев, а татарского происхождения.

Вот эта история. В г. Каракалинск, как говорит корреспонденция "Тарджумана", привели Сейдалиева "несогласия между влиятельными горожанами". При этом он появился здесь в 1850 г. с претензией на "сейидство" (происхождение от пророка и первых имамов ислама), хотя, конечно, никаких данных к тому не имел. Он начал с того, что посещал пьяные компании... потешая их игрой на скрипке; затем затерся в уездное управление переводчиком и посредником между чиновниками и киргизами... Ему удалось добиться от киргиз... приговора об избрании его муллой. С этим приговором мулла Ибрагим Сейдалиев отправился в Уфу в Духовное собрание на испытание и экзамен, для получения места муллы.

Достигнув тут желаемого, он... сделался крупным помещиком... и... предался казенным подрядам, и почтосодержательству... Избирается ли в округе управитель, производится о чем следствие, возникает ли дело о лжеприсяге, возникает ли наглый донос, - повсюду в той или другой форме фигурирует имя этого знаменитого муллы"²¹.

А вот еще один из примеров "благочестивой" жизни мулл, о котором сообщил покойный председатель ЦИК Советов Азербайджана т. Агамали-оглы:

"В Нахичевани, - вспоминал он, - когда-то жил хаджи Салах Ага Ахундов, который, кроме основных (четырех. - Л. К.) жен, имел еще 60 "сигэ" (временных жен)... Он всех своих жен заразил триппером, так как, по уверениям знахаря, только ласки молодых женщин могли спасти его от... ужасной болезни, причина которой - нечаянное грехопадение в Тифлисе. Этот Ахундов - духовный глава, пользовался повсеместным уважением и считался человеком намуса (т. е. "святой" чести.- Л. К.)"²².

Таких примеров - масса. Каждый из них по-своему характерен для карьеры мусульманского духовенства. "Святые" решения мулл достигали вершин цинизма. Правительство им потворствовало. По утверждению официальных органов ислама, виновными в неблагочестивом образе жизни "блюстителей благочестия" оказывались не они сами, а их "пасомые". Последним предлагалось за это расплачиваться собственной шкурой. Так, "указ его императорского величества, из Оренбургского магометанского духовного собрания, имаму Тамбовской губернии, Темниковского уезда, деревни Молошной горы, Нигматулле Ашимову гласил:

Амри-магруф "По указу его императорского величества, в Оренбургском магометанском духовном собрании слушали: доклад его высокостепенства... Оренбургского муфтия... о том, что до сведения его дошло: некоторые, из духовных лиц округа духовного собрания в нарушение правил шариата ведут жизнь безнравственно и не вполне исполняют свои духовные обязанности, а некоторых приходов прихожане не имеют... попечения о приличном содержании мечетей и духовенства, через что сие последнее невольно впадает в различные проступки по

должности; кроме сего, из дел духовного собрания видно, что в весьма частых случаях поступают жалобы духовных лиц один на другого, возбуждаемые междоусобными их ссорами по ведению метрик и по требоисправлениям, единственно от неуравнительного к ним отношения прихожан и доставления средств содержания, которое заключается в доходах по отправлению треб, отчего возникают беспорядки, в особенности по ведению метрик... а также в большом числе возникают дела по жалобам прихожан на приходских своих мулл об их нерадивом исполнении духовных обязанностей и о безнравственной их жизни. Приказали: Ввиду всего вышеизложенного, для восстановления должного порядка во всех приходах округа духовного собрания... предписать вам немедленно объехать в течение не более трех месяцев уезды Тамбовский, Шатский, Борисоглебский, и Темниковский... При поездках своих имеете обращаться с требованиями о подводах к земству. Об исполнении сего поручения, с представлением сего циркуляра, Собранию донести. Июля 8 дня 1880 года.

Подлинное подписали:

Оренбургский муфтий - С. Тевкелев.

Старший заседатель - Яруллин.

Секретарь - Попов.

И. д. Столоначальника-Еникеев".

Неодинаковое отношение прихожан к муллам объяснялось просто. Находясь в тяжелом материальном положении, "правоверные", в своей массе, обращались к тому имаму, который брал дешевле. Обращаться же к кому-либо из них они были вынуждены хотя бы потому, что все акты гражданского состояния велись непосредственно мусульманским духовенством. О таком отношении прихожан к муллам откровенно говорил и туркестанский генерал-губернатор в своем ответе по поводу "намеченного Комитетом министров" учреждения для Туркестанского края "особого правления по делам веры". Генерал-губернатор писал, что смена населением имамов "вызывается очень часто тем соображением, что новый имам соглашается брать дешевле за исполнение своих обязанностей, чем его предшественник"²³.

Эти факты интересны также в том отношении, что показывают, насколько низменным было лицо мусульманского духовенства. Некоторые, в том числе и православные миссионеры, иногда изображали мулл как каких-то стойких "борцов за веру", готовых "положить свой живот" за торжество шариата. Факты опровергают эти взгляды. Документы самой же мусульманской церкви говорят о корыстолюбии мусульманского духовенства. В этом отношении нет никакой разницы между мусульманским и каким-угодно другим - христианским, буддийским и т. п. - духовенством. Как агент класса эксплуататоров, оно для своей выгоды занимает духовные посты. Если муллы находят, что это их не совсем устраивает, они, подобно коммерсанту, меняют свою деятельность. Отсутствие "рукоположения" у мусульманского духовенства этому всегда особенно благоприятствует.

Вот один из официальных документов, свидетельствующих об этом:

"Копия

Указ его императорского величества самодержца всероссийского, из Оренбургского магометанского духовного собрания имаму...

Амри-магруф и Нахи-мункир. По указу его императорского величества в Оренбургском магометанском духовном собрании слушали словесное предложение его высокостепенства, господина Оренбургского муфтия о том, что прихожане в некоторых приходах вовсе не исполняют выражаемых ими в приговорах обязательств относительно исправного содержания мечетей и обеспечения в средствах к существованию состоящих при них духовных лиц, вследствие чего имамы и муэззины принуждены бывают или заняться торговлею вне приходов, или отправляться на заработки, оставляя вопрос об их служебных обязанностях совершенно в стороне... Все старания Собрания (призвать этих мулл к порядку - Л. К.) не достигают цели, именно вследствие враждебного, неприязненного отношения приходских имамов друг к другу, так как каждый из них ищет случая подгадить другому и случай этот, как кажется, находят в нарушении правил ведения метрических книг, стараясь свалить вину один

на другого и чернить в глазах начальства. Приказали: Указом предложить имаму Афтаху Исхакову объехать все магометанские приходы 3-го полицейского стана Троицкого уезда и внушить как приходским имамам, так и прихожанам религиозные правила о нравственности, добрых началах (Амри-магруф) и правила воздержания от безнравственных поступков (Нахи-мункир), направить их добрыми советами и увещеваниями на путь истины, внушить им, что первое условие подъема нравственности заключается в сплоченности, мире, согласии, умении любить друг друга, почитать и слушаться старших... Прихожанам, в свою очередь, внушить, чтобы они согласно приговорам их содержали мечети в исправности - тепло, чисто, а приходских имамов обеспечивали бы в средствах к приличному существованию доброхотными их даяниями, установленными шариатом, чтобы доброхотные приношения по возможности уравнивали между обоими имами, если в приходе двое мулл, чтобы старались делать приношения возможно обильнее, дабы предотвратить от их духовных чинов возможность оставления ими приходов и служебных их обязанностей... чтобы с имамами обращались почтительно и чтобы воспитывали детей и обучали как по-татарски, так и по-русски (т. е. проводили политику великорусских шовинистов.-Л. К.)... Разъезды по данному поручению имам Исхаков имеет совершать на земских лошадях...

Сентября 18 дня 1881 года. № 3099.

Подлинный подписали:

Оренбургский муфтий - Тевкелев.

Старший заседатель - Яруллин.

Секретарь - Попов.

Столоначальник - Еникеев".

Итак, здесь снова все сводилось к призывам наибольшего обеспечения мулл со стороны прихожан, т. е. к новому официальному грабежу последних. И в этом, как и во всем остальном, мусульманская церковь и ее духовенство показывали свое действительное хищническое лицо эксплуататора. Они имели тесную связь с господствующими эксплуататорскими классами и до, и после завоевания русским самодержавием тех районов, в которых ислам распространен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЕКТАНТСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ИСЛАМЕ ПРИ САМОДЕРЖАВИИ И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ

"Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, - а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России".
В. И. Ленин.

..."Царская Россия, - говорит И. В. Сталин, - была очагом всякого рода гнета - и капиталистического, и колониального, и военного, - взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма - с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов - Турции, Персии, Китая - с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть "военно-феодальный империализм"!. Царизм

* Это "кроме" объясняется тем, что, согласно учению Гинануддина Ваисова, поземельную подать можно вносить в казначейство в размере 8 копеек за десятину. Больше вносить не следует якобы потому, что ваисовцы являются владельцами болгарской земли, которую им оставил во владение Иоанн Грозный. Предки современных ваисовцев будто бы оказали Грозному при взятии Казани помощь, за что он им пожаловал "грамоту (в настоящее время пропавшую), в которой было обещано, что земли болгар останутся в их вечном пользовании, и платить им нужно только поземельный налог в размере 8 копеек с десятины". Сумма эта - 8 копеек - не составляла и десятой доли той платы, которую взимал с крестьян царизм, например, в Казанской губернии.

был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат"².

"Отмена крепостного права, - писал В. И. Ленин об акте 19 февраля 1861 г. в России, - была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян "освобождали" в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти "освободители" так повели дело, что крестьяне вышли "на свободу" ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам...

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало после "освобождения" такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу...

На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся "начальства" крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кое-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих"³.

Росли крестьянские массовые движения. Присущи им были «и сила и слабость, и мощь и ограниченность». Появился ..."ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из заграницы, разрушающий все "устои" деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис - все бедствия "эпохи первоначального накопления", обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном"⁴.

..."Крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе... почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения"⁵.

Все это касалось крестьянских масс и тех районов царской России, в которых был распространен ислам. Угнетение этих масс, как "инородцев", национально-колониальная политика самодержавия особенно усугубляли тяжесть их положения. "Этот мир - неверному рай, правоверному ад" - вот та формула, к которой пришло, например, трудовое татарское крестьянство в результате многовекового нахождения в двойном рабстве и угнетении ("собственные помещики" и русский царизм). Массовое крестьянское недовольство стало проявляться все чаще и чаще, облекаясь иногда и в религиозные формы. Усвоив от мулл учение ислама о джихаде, делящее весь мир на дар-ул-аман или дар-ул-ислам (страну веры или покорности) и дар-ул-харб (страну неверия, "войны"), между которыми должно существовать состояние войны, крестьянские и ремесленнические массы мусульман России, ставя вопрос о законности их подчинения русским, придают ему религиозный оттенок. В плоскости требований ортодоксального ислама такой вопрос, например, в конце XIX в. ставили перед прессой ислама мусульмане города Томска. Отвечавший на него крымский помещик Исмаил-бей Гаспринский, редактор газеты "Тарджуман" обошел существо этого вопроса. В № 4 "Тарджумана" от 31 января 1888 г. он по этому поводу лишь бессвязно лепетал, что "в силу основных начал ислама, где бы и при каких бы обстоятельствах ни было, мусульманин должен стараться быть честным, добрым и работающим человеком - это дает ему право на жизнь и спокойствие во всех частях мира, и, наоборот, дурные качества и лень не дадут ему ничего и на священнейших землях".

Причина такого отвиливания Гаспринского от поставленного вопроса понятна. Как

представитель эксплуататорских классов, тесно связанных с русским самодержавием, он боялся всякого противоправительственного выступления. Между тем крестьянин не хотел больше мириться с властью насильников. Не имея еще достаточно организованных сил к решительному устранению этого зла, он создает себе иллюзии о "божественном спасителе". Растут идеи избавления от варварского гнета самодержавия через вмешательство сверхъестественных сил.

В корреспонденции "С Кавказа" в № 64 за 1883 г. "С.-Петербургских ведомостей" сообщается, что на Кавказе ожидают пришествия на землю избавителя мусульман от ига неверных, т. е. махди, который и всех немусульман заставит принять ислам. Такие ожидания, как отмечала корреспонденция, поддерживались сановными туземцами и распространялись муллами, и кадиями, а газетные известия о появлении махди в Судане "подливали огонь в пламя народных ожиданий, и мусульмане напряженно следили за событиями, совпадающими (согласно толкованию теологов ислама. Л. К.) с учением мусульманских книг".

В 1884 г., по сообщению тех же "С.-Петербургских ведомостей", № 156, по Арской волости Казанской губернии расхаживали какие-то люди, мусульмане, возвещавшие учение ислама в первоначальной "чистоте", свободное от наростов времени. "У этих проповедников были в руках какие-то листы и газеты на татарском языке... Когда сельские власти решили арестовать их, они произвели беспорядок..."

"В Туркестанском крае, - пишет М. П. Остроумов, - также были в это время проповедники, возбуждавшие смущение в умах мусульман именем махди... из одного города, например, такого проповедника русские власти в 1886 г. своевременно выпроводили к бухарской границе под стражей, чтобы не дать ему возможность смущать туземное население, которое по дороге оказывало... проповеднику большое внимание. Нам рассказывали мусульмане же, что отправлявшиеся в Мекку и Медину мусульманские богомольцы - русские подданные - стремились по пути увидеть и поклониться махди, уже действовавшему в Судане..."

В неурожайный, голодный 1888 г., осенью, в г. Уфе властями были задержаны два башкира - А. Чувашев, и Ф. Абдалов. Спрошенные о цели прибытия в г. Уфу, башкиры объяснили, что они приехали к муфтию, чтобы заявить ему и всему мусульманскому миру, что один из них, Чувашев, - "пророк махди", а другой, Абдалов, - "его апостол". Они говорили, что скоро настанет светопреставление, пред которым якобы, согласно указанию шариата, в России должен родиться махди.

Дошедшие до нас сведения об А. Чувашеве и Ф. Абдалове крайне отрывочны. Судившая их уфимская судебная палата свела дело с помощью муфтия Мухаммед Яра Султанова к объявлению Чувашева и Абдалова психически больными, страдающими умопомешательством. Рассуждениями об этом и наполнена посвященная им заметка в "Оренбургском листке" № 42 от 15 октября 1889 г. В действительности, это дело обстояло несколько иначе. Даже из сообщений "Оренбургского листка" и молчаливо к ним присоединившегося Остроумова⁷ можно заключить, что выступление А. Чувашева и Ф. Абдалова имело под собой серьезную почву.

Какую цель себе ставили Чувашев и Абдалов? Чувашевым была подана на имя Оренбургского магометанского духовного собрания в г. Уфе бумага следующего содержания:

"Новый открытый выпуск - Пермский посол, оный же считается Магдием (т.е. махди - мессией ислама. - Л. К.) - святой муж башкир Чувашев, его товарищ святой апостол ислама; мы оба объявляемся первоначально от Романовской России из Оренбургского края, через Оренбургское магометанское духовное собрание".

Подчеркнутое нами характерно.

Почему Чувашев и Абдалов "объявляются первоначально от Романовской России"? Потому, отвечал Чувашев суду, что он - "махди для того, чтобы учить народ, как жить по закону". Зачем же это нужно? Потому, рассказывал суду Абдалов, что "род людской погряз в грехе" и "скоро настанет светопреставление". Абдалов говорил, что он искренно верит в то, что Чувашев заменяет теперь махди. "Чувашев, - говорит Остроумов, - публично заявил, что по временам слышит голос с небес, который твердил ему, что он последний из святых, перед кончиною мира. Года же три перед

этим голос этот будто бы известил его о предстоящем голоде в Уфимской губ."

Итак, "объявились первоначально от Романовской России" эти "апостолы" из деревень Каяновой и Бакаевой одноименных волостей, Пермской губернии и уезда, потому что жить было невозможно "по шариату". Что же этому мешало? "Однажды, - рассказывали на суде свидетели одnodеревенцы Абдалова, - он позволил себе таскать по базару в своей деревне на веревке самовар, бутылку и трубку, крича, что от них грех".

В последнем, безусловно, заключался социальный смысл выступления этих "апостолов". Они являлись выразителями того "ужаса патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из заграницы, разрушающий все "устои" деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис", - как говорил в цитированной выше работе В. И. Ленин. Почему Абдалов объявил, что "грех" происходит от самовара, бутылки и трубки, а не, например, от старого, дедовского кумгана, глиняного жбана с кумышкой и "тыквы" с насом? Да только потому, что самовар, бутылка водки и трубка с махоркой явились первыми видимыми ласточками проникновения капитала в деревни угнетенных самодержавием народов. Объявляя их, причиной "греховности" народа, Абдалов в религиозной форме выразил протест башкирского крестьянства против тех ужасов, которые нес им капитализм.

В сообщениях о таких выступлениях муллы упоминаются довольно часто как их участники. Как мы видели выше, рассказы о грядущем махди на Кавказе, как "избавители от ига неверных", "поддерживались сановными туземцами и распространялись муллами и кадиями". Чувашев и Абдалов, в свою очередь, были намерены "объявиться... через Оренбургское магометанское духовное собрание".

Эти сообщения вполне правдоподобны. Во-первых, долгое время, особенно в окраинных районах царской России (Кавказ, Средняя Азия), существовали довольно многочисленные группы мусульманского духовенства, не порывавшие своей связи с теми слоями туземных (местных) эксплуататорских классов, которые лелеяли еще надежды на восстановление своей феодальной независимости. Поддерживая идеи об "избавлении от ига неверных", эти слои мусульманского духовенства стремились, таким образом, использовать оппозиционные, национально-освободительные настроения трудового крестьянства в своих интересах. Во-вторых, это имело место вследствие того, что последствия развития капитализма, кроме широких, масс крестьянства (и ремесленничества), задела и некоторые слои мусульманского духовенства. Ведь, как мы уже говорили, мусульманское духовенство было социально неоднородно. В отношении Казанской губернии это подчеркивалось, например, уже в цитированных выше Трудах статистической экспедиции Казанского губернского земства 1883 г. Статистик Н. А. Бобровников прямо отмечал, что не все "служители аллаха" принадлежат к одному "обществу". Между низшим и высшим духовенством большая разница.

"Вознаграждение,- говорит Н. А. Бобровников, - получаемое азанчами, несомненно, ниже вознаграждения мулл. Поэтому азанчи всегда принадлежат к местному обществу и рассматривают доход от мечети как подспорье, между тем как муллы живут почти исключительно на доходы от десятины и для закрепления ее за собою при помощи указа совершают поездки в Уфу, входя для этого в значительные издержки"⁸.

Однако факты, подобные обращению Чувашева и Абдалова к муфтию и в Оренбургское магометанское духовное собрание, имели иной характер. Они, очевидно, были порождены желанием найти организацию, через которую можно было бы сделать наиболее популярным свое "учение". Неизвестен лишь результат этого обращения; неизвестно также и что стало с Чувашевым и Абдаловым впоследствии, после суда над ними. Ведь суд все же вынужден был их оправдать. И это несмотря на старания муфтия М. Ш. Султанова, который не пожелал разговаривать с Чувашевым и Абдаловым во время их первого свидания с ним на квартире, а затем во время суда над ними всячески старался их "утопить". Можно сомневаться, чтобы башкирские "апостолы" сохранили лояльность по отношению к этим мусульманским чиновникам

и учреждениям.

Мусульманское духовенство являлось агентом царизма, и это сращение аппарата мусульманской церкви с самодержавием не могло быть долго скрытым от трудовых крестьянских и ремесленнических масс. Шила в мешке не утаишь. Поэтому нам пришлось сталкиваться с фактом, что, борясь против своих и чужеземных эксплуататоров, трудящиеся массы угнетенных народов царской России одновременно выступали против мусульманского духовенства. Так было во время голода 1877-78 гг. в Казанской губернии (см. гл. II) и в целом ряде других случаев. То же имело место и тогда, когда политический протест трудовой части угнетенных самодержавием народов находил свое выражение в религиозной форме. Особенно интересна в этом отношении ваисовщина, сектантское движение, первый раз организационно оформленное в 1862 г. в Казани.

В этом году, как гласят документы ваисовцев, в Казани был основан "Всего мира государственный молитвенный дом мяктаб-гирфан, т. е. мусульманская академия и автономное духовное управление и канцелярия сотрудника всего мира духовного отца сардара староверского о-ва мусульман ваисовского, божьего полка". Об открытии этого "дома" его учредитель якобы поставил в известность императора Александра II⁹.

Секта ваисовцев просуществовала вплоть до падения самодержавия в России, и учение ее нам значительно более ясно, чем проповедь вышеуказанных Чувашева и Абдалова. От ваисовцев до нас дошел целый ряд печатных изданий и рукописных документов. Сохранились также свидетельства лиц, специально и непосредственно исследовавших эту секту.

Из материалов видно, что ваисовщина пережила три фазы своего развития. Из них для нас здесь будут интересны первые две - период организационного оформления и развития секты и период 1905-17 гг. Третий период - 1917-18 гг. - явился периодом агонии, кончившейся смертью ваисовщины.

Свое происхождение ваисовцы ведут от неоднократно упоминавшегося нами мистического суфийского ордена накшбендийе, связанного с именем Баха-уд-дина. Последователи этого ордена встречались не только в Средней Азии и Турции, но и на Кавказе [начиная с имама Мансура, ум. 1791 г. (см. гл. II), являвшегося учеником Зия-эд-дина Халида], в центре Поволжья и даже в Сибири. В Поволжье накшбендийцы были особенно распространены среди татар.

"Организация духовного сословия, - говорит В. А. Гордлевский в Казани сложилась по среднеазиатскому, бухарскому образцу. Среди духовенства в Казани были великие сейиды, т.е. потомки (мнимые - Л.К.) пророка Мухаммеда, и несомненно, что эти потомки были экспортированы из Средней Азии и принадлежали к дервишам. Так естественно, к татарам рано могли проникнуть и накшбendi - наставники мусульманской веры...

В XVII в. у поволжских татар укрепилась мистическая поэзия и ишаны; было и два больших теккэ ("аситанэ - теккэ", т. е. суфийских монашеских монастыря. - Л. К.).

Священная Бухара для татар всегда (до второй половины XIX в) была источником мусульманской правоверной учености, и отсюда шел непрерывный поток "ишанов", представителей суфизма. Несомненно, что до учреждения Магометанского духовного собрания в 1738 г. (очевидная опечатка: надо 1788 г. - Л. К.) ишаны... организовали жизнь мусульманских общин. Они могли играть и политическую роль"¹⁰.

Официальным основателем ваисовщины явился дервиш Бахауддин (Баха-уд-дин) Вайсов (род. 1804 г.), лично находившийся в связи как с среднеазиатскими, так и поволжскими представителями ордена накшбендийе. Этому способствовала его торговая деятельность, в связи с которой Бахауддин Вайсов ездил в Туркестан и, в частности, в Бухару. Во время одной из таких поездок, познакомившись с проповедником Мухаммедом Сеид Джафаром из деревни Кулатки, Хвалынского уезда, Саратовской губернии, Бахауддин Вайсов окончательно воспринял от него накшбендийское учение и объявил себя находящимся "в духовном родстве" с дервишами ордена накшбендийе.

Изъяснял он это в изданном (литогр. К. А. Тилли) в 1874 г. в г. Казани сочинении

"Тарики ходжагон", т. е. "Путь ходжей", где Бахауддин Вайсов именует себя, так же как и других наставников ордена накшбендийе, "ходжами" (учитель, наставник). После смерти Бахауддина (1893 г.) эту линию продолжил его сын Гинануддин (Инан-уд-дин) Вайсов (убит в 1918 г.), особенно развернувший свою деятельность в годы реакции после революции 1905 г.

Протест против ужасов, которые капитализм нес широким трудящимся массам угнетенных царизмом народов, нашел в вайсовщине ряд четких формулировок. То, что башкирские "апостолы" Чувашев и Абдалов выражали еще неопределенно, беспомощно, почти аллегорически, у вайсовцев оформляется в целую программу действий.

Бахауддин Вайсов еще до организации своей секты в Вайсов божий полк мусульман-староверов, "не стесняясь, обличал духовенство, указывая на то, что оно отстает от корана, делает поблажки в угоду сильным и не заботится о чистоте мусульманской веры. Духовенство, - говорит Е.В.Молостова, - ответило ему запрещением проповедовать и угрозами преследований; встречавшие его на улице сторонники обличаемых им мулл стали осыпать его насмешками и бранью, бросать в него камнями"¹¹.

После этого, объявив о своем отделении от татар, посещающих мечети, Вайсов образовал свой "божий полк".

Выражая чаяния обширных кругов населения, Вайсов вскоре же мог привлечь в ряды своего "божьего полка" довольно большое число последователей. Привлекала их его политическая программа: не подчиняться никаким гражданским законам, не платить налогов и податей, не признавать царского суда, не отбывать воинской повинности, не ходить в мечети, не отправлять никаких треб у мулл и т. д.

Оппозиционность этой программы существующим порядкам была явной и, конечно, не могла остаться незамеченной правительством. Доносы мулл на "вредную" деятельность секты в органы "блюстителей порядка" еще более обострили отношение последних к вайсовцам. В результате, после нескольких официальных отказов вайсовцев от платежа податей, в 1884 г. полиция предприняла обыск в доме "вождя" секты. Однако вайсовцы этого не допустили. Произошло вооруженное столкновение между запершимися в доме Бахауддина Вайсова (в Ново-Татарской слободе г. Казани) его последователями и полицией. Как передают вайсовцы, "осада" якобы продолжалась 7 суток. И лишь "на седьмые сутки, после 6-часового боя, правительственные войска, полиция, пожарная команда, рассеяв толпу, в 12 часов ночи взяли в плен 14 ханов". При этом - будто бы была убита старшая жена Бахауддина, а молитвенный дом вайсовцев разгромлен¹².

В итоге, после суда над вайсовцами в Казанской судебной палате, шестерых из них сослали в Сибирь, а самого 80-летнего Бахауддина, признав душевнобольным, посадили в Казанскую окружную психиатрическую лечебницу, где он и умер в 1893 г. Кроме литературных писаний, Бахауддину в лечебнице ничем не пришлось заниматься. Писал же он много, забрасывая царских чиновников своими письмами.

Однако этими административными мерами самодержавие не прекратило деятельности секты. Оно лишь заставило ее временно уйти в подполье.

Скоро вайсовцы снова дали знать о себе. И вновь начались суды над ними. В газетах замелькали заметки, в которых говорилось о вайсовцах как "чрезвычайно вредной мусульманской секте". Поддерживала это мнение и православная миссионерская литература¹³. "Волжский вестник" клеймил вайсовцев, как политических преступников.

"Московские ведомости" в № 164, от 16 июня 1891 г., передавая сообщение "Волжского вестника", сообщали, например:

"Вчера в судебной палате, с участием сословных представителей, рассмотрено дело крестьянина Шагабутдина Сайфутдинова (Шихаб-уд-дина Сейфуддинова. - Л. К.), 29 лет, пресловутого вероучителя и основателя магометанской секты Вайсова.

* Дарра - плетень, к рукоятке которой приделан тройной ремень. Употреблялась в Средней Азии, как орудие наказания за преступления, осуждаемые "священным" законодательством ислама - шариатом.

Подсудимый был привлечен к ответственности за распространение вредного учения этой секты, как в городе Казани, так и в Казанской губернии путем посылки писем. Содержанием этих писем служат, между прочим, советы не платить податей, не судиться у мировых судей и не подчиняться их приговорам, так как они не представляют из себя законных представителей власти, не снимать шапки перед русскими, не ездить с колокольцами, уклоняться от исполнения воинской повинности и пр. В тех же письмах сообщается, что муфтий продал мусульманскую веру, и высказывается предположение, что мусульмане мало-помалу отпадают и впредь будут отпадать от истинной веры, и в 91 году будут окрещены уже четыре губернии. Ввиду того, что подсудимый нисколько не отрицал рассылки им писем, заключающих отрицание властей, свидетели не были допрашиваемы на суде. В начале заседания обвиняемый, ответив на два-три обычных вопроса председателя, громко спросил: "Теперь я хочу знать, кто меня судит?" Председатель ответил. "Какой веры?" - снова спросил сектант. Получив ответ и на этот вопрос, он громко заявил, что не признает такого суда. Вообще фанатик вел себя крайне дерзко и неприлично, позволял себе даже сквернословить, почему и был удален из залы. Суд приговорил его к лишению всех прав и к ссылке в отдаленнейшие места Сибири".

Из этого сообщения видно, что ваисовцы стремились к широкой пропаганде учения своей секты.

Все требования ваисовцев имели вполне земные корни. Суд, говоря о "вредном учении этой секты", подчеркнул это. Содержание "вредного" религиозного учения заключалось не в вопросах догматических, в которых ваисовцы, как и вообще накшбендийцы, почти не выходили за рамки ортодоксального суннитского ислама, а в их политической платформе. Последняя была отражением чаяний зажатого в помещичьи и государственные тиски пореформенного крестьянина (и ремесленника-кустаря), который стремился к своему действительному освобождению. Видел он его в отказе от всего того, что было для него кошмаром, т. е. видел его в отрицании податей, продажного суда, воинской повинности, казенного духовенства с его поборами и т. п.

Религиозная оболочка этой политической платформы заключалась в учении о том, что, не признавая гражданских законов и мулл, они борются против искажителей ислама, за его первоначальную "чистоту" - "чистоту" того ислама, который якобы некогда исповедывал "святой" Ваис в Аравии, особенно отличившийся тем, что после того, как лошадь выбила несколько зубов пророку Мухаммеду, сам себе камнем выбил все зубы. Уже тогда будто бы у этого "святого" Ваиса образовался свой "полк", члены которого выразили "восторженное удивление" по поводу зубодробильного "геройства" их благочестивого патрона!

Отражая недовольство широких крестьянских и ремесленнических масс существующим режимом, движение ваисовской секты всегда находилось в зависимости от данного состояния этих масс. Подъемы и падения освободительной борьбы этих масс, как в зеркале, отражались в ваисовщине. После разгрома ваисовцев в 1884 г. и ссылки многих из них в Сибирь в 1885 г. следует ряд их открытых выступлений в 90-х годах XIX в. Сын Бахауддина Ваисова Гинануддин, по сообщению полковника Казанского жандармского управления, "скоро вошел в столкновение с правительством и в своем противодействии дошел до вооруженного сопротивления", за что "был привлечен в 1894 г. к ответственности, сослан в Сибирь и 1895 г. на остров Сахалин, откуда, в силу манифеста, возвратился в г. Казань в 1906 г."¹⁴. Во время переписи 1897 г. ваисовцы проявляли себя отказом от дачи о себе переписчикам каких бы то ни было сведений.

Новый подъем ваисовщина получила в 1905 и в последующие годы. Годы реакции, направившие внимание многих "на небо", явились наиболее подходящей почвой для расцвета ваисовщины, как пассивной формы политического протеста, обряженного в религиозные одежды.

Крестьянин и кустарь-ремесленник, принадлежавшие к угнетенным народам царской России, в 1905 г. в большой массе потеряли доверие к официальному мусульманскому духовенству. Контрреволюционные выступления мусульманского

духовенства совместно с жандармерией российского самодержавия (см. выше главы II и III) сыграли в этом довольно ощутительную роль.

Еще во второй половине XIX в., например, татарский крестьянин плакал, слушая религиозные поучения. В сочинении татарского писателя Каюма Насырова "Фазакиг ул-джуляса" (Плоды для собеседников) дается такая картина.

"Кто-то прочитал божественный стих: "И рай, ширина которого - небеса и земля..." и заплакал. Ему сказали: что ты плачешь? Ведь это не такой страшный стих, над которым можно заплакать. Тот человек сказал: "Какая мне польза от его ширины, когда у меня нет (куска) земли, даже длиною с лапоть!"¹⁵.

Крестьянин плакал. Голодая, он лишь в религиозные праздники позволял себе некоторый отдых, "байрамда кырык кымак бир тыин", - "в праздник у меня сорок блинов копейку стоят", говорит старая татарская пословица¹⁶. Характерны в этом отношении и анекдоты, связанные с именем муллы Наср-эд-дина:

"К мулле обратилась с вопросом одна из прихожанок:

- Мулла, скажи, когда у нас будет байрам?
- Зачем тебе?
- Мой муж обещал мне подарить к этому времени новое платье.
- Вот когда он тебе подарит, тогда и будет байрам..."

Отношение к муллам менялось. В приведенных выше (см. гл. V) циркулярах Оренбургского магометанского духовного собрания мы читаем прямые жалобы на то, что прихожане часто отказываются "прилично" содержать своих вероучителей. Иногда они совершенно отказывались это делать. Это вынуждены были отмечать и миссионерствующие чиновники самодержавия. Так, Вл. Череванский в "Сотруднике" писал, что "из всех поступивших (в Особое совещание по делам веры, см. выше. - Л. К.) ходатайств мусульманских обществ видно крайнее нерасположение их к своим же вероисповедателям, утвержденным в этом звании русскою властью. Это нерасположение обрисовано с особой выразительностью уездным ахундом Симбирской губернии, который заявил от имени своих доверителей, что в Особом совещании по вопросам и делам мусульманского вероучения нежелательно присутствие "столичных ахундов или Оренбургского муфтия, к которым мусульманское население провинции, да, пожалуй, и столиц, совершенно не питает доверия, как ставленникам администрации". Представители других мусульманских групп выразили то же недоверие к "ставленникам администрации", хотя в менее откровенной форме"¹⁷.

В Тифлисе, как сообщало "Новое время" (№ 5800) в заметке "Религиозная распря среди мусульман", прихожане-шииты отказались посещать мечеть, так как в нее был назначен мулла от правительства. Та же картина была и в царском Туркестане, где вторжение русского капитала привело к разорению широких масс населения (см. гл. II). В "Кратком обзоре... состояния и деятельности мусульманского духовенства... Самаркандской области", составленном особой комиссией, назначенной туркестанским генерал-губернатором Духовским, отмечалось, что "мечети пустуют... только немногие из стариков посещают их. Отношение деревенского люда к мечети чисто формальное". Комиссия выражала соболезнование муллам в том, что "в настоящее время вера падает, нет радения к мечети, намазы не исполняются, и принуждать население к этому, как было в мусульманское время (да и, например, при православном генерал-губернаторе Черняеве, см. гл. II. - Л.К.), некому". Далее генерал-губернаторская комиссия отмечает, что "когда дело касается вопроса о вере узбеков", то это напоминает "характерный анекдот". Анекдот действительно был характерным: положение комиссии и после его изложения осталось "губернаторским". В анекдоте рассказывалось:

"Некий царь, узнав, что узбеки не ходят в мечеть, и желая их сделать настоящими мусульманами, приказал ежедневно выдавать всем узбекам, посещающим намазы, по одной тенге. Через некоторое время ему доносят, что узбеки хотя и ходят в мечеть, но пред намазом омовений не совершают (без чего, нужно сказать, намаз считается недействительным). На вопрос царя, почему они не исполняют омовений перед намазами, узбеки отвечали, что они, как обещались, за тенгу совершают все положенные намазы, если же царю угодно будет прибавить что-нибудь, то они не

откажутся и от омовений" ¹⁸.

Анекдот этот был правдив не только для царской колонии Туркестана конца XIX и начала XX вв., но и для ряда других районов распространения ислама в царской России. Капитализм, угнетая и разоряя массы, в то же время вызывал их к активности.

Корни этой активности уходили в вопрос о земле. Ярко выразил это в своей, как отметил В. И. Ленин, "горячей революционной речи" и депутат II Государственной думы от таврической губернии, Медиев, 9 апреля 1907 г. Медиевым был прочитан наказ татар Крыма.

"Мы, - говорилось в нем, - татары, знаем, что несладко живется теперь всем подданным русского государства. Теперь и самим русским живется тяжело, а нам, татарам, и другим иноплеменным народам приходится еще тяжелее, потому что мы страдаем, во-первых, от того же самого, от чего страдают и все русские люди. А кроме того, во-вторых есть у нас беды и напасти, которые лежат только на нашем народе. В нашем народе насчитывается 50 000 безземельных, которые поэтому должны искать работы на стороне, жить в батраках-наемниках, работать на помещиков, потому что дальше деваться некуда, и те притесняют нас. А тут же рядом есть и вакфные, и выморочные, и казенные, и удельные, и помещичьи земли, которые спасли бы очень многих от бедноты и нищеты, а теперь или пропадают без всякой пользы для народа, или приносят выгоду только наемным людям в ущерб трудящемуся народу... Все вакфное имущество и деньги (около миллиона рублей) и земли находятся теперь в заведывании особой вакфной комиссии, которая и распоряжается ими без согласия населения. Вакфные земли расхищаются, а те, которые имеются, приносят пользу и выгоду только нашему духовенству, а не всему нашему народу".

И Медиев отмечал, что "чем дальше продолжаются прения, тем ярче выплывает перед нами требование народа - что землей должен пользоваться тот, кто на ней трудится, что землей должен пользоваться только тот, кто орошает ее собственным потом, а не тот, кто заставляет надрываться над землей других, кто строит свое счастье на труде других" ²⁰.

Это был глас народа. Борясь против помещиков, отказываясь от мулл, крестьяне выступали против тех, "кто строит свое счастье на труде других".

Явления этого порядка лежали и в основе тех протестов крестьянства и ремесленников, которые нашли себе религиозное выражение в ваисовщине. Выступивший с проповедью сын Бахауддина Гинануддин Ваисов в 1905 и последующие годы мог пользоваться успехом только благодаря тому, что выражал эти стремления трудовых масс населения. Содержание его проповедей в эти годы вполне подтверждает это.

"Мы, - говорил Гинануддин, - духовные молитвенники... наша единственная обязанность - свято исполнять предписания корана, и для этого мы должны быть свободны: на одну лошадь двух хомутов не надевают. Государя мы чтим и молимся за него, но государство нам не нужно" ²¹.

То же подчеркивал "Святой присяжный лист" ваисовцев который должен был подписать всякий вступающий в секту.

В этом листе, изданном за № 33077 в 1908 г. в Казани, говорится следующее:

"4) Член ваисовского божьего полка отделяется от светских родов и общества, светских властей и от человеческих уставов и законов, а именно обязан исполнять природный духовный, божьего издания святой закон коран-ильмизит и шаригата Мухаммед (т.е. науку о коране и законоустановления Мухаммеда. - Л. К.) и признавать духовную верховную власть во всех его отношениях и обязательствах" ²².

Гражданская власть отрицалась. Угнетенные не хотели больше признавать ее. Они хотели стать лишь божьими подданными, - признающими на земле, кроме своего сардара (начальника), только "помазанника небес" - царя, но не его деспотическое государство. "Мир, - пишет Гинануддин Ваисов, излагая учение своего отца, в выпущенной им в Казани в 1907 г. брошюре "Джавогири хикмети дервишон" (Драгоценнейшие из мудрых изречений дервишей), - подобен шатру, подпоры (столбы) которого - цари, гвозди - дервиши, т. е. ваисовцы, а веревки - ученые их; все же

остальные, находясь вне учения ваисовцев, - только враги упомянутого шатра, которые стремятся как будто к потрясанию и разрушению основ его, между тем как незаметно готовят только себя в обитатели ада"²³.

Кем же, согласно учению ваисовцев в период 1905 и последующие годы, становился вступающий в их секту? Прежде всего он не должен был с момента своего вступления в секту обращаться в административные органы самодержавия. "Ваисов божий полк" имел для этого свою "канцелярию", ведавшую всеми актами гражданского состояния своих членов. Вступавший в секту исключался из всяких сословий. Он принимал на себя новый титул - "ал-Булгари", ибо, согласно учению ваисовцев, они являются прямыми наследниками поволжских болгар и имеют полное право на владение землей бывшего Болгарского государства.

По поводу каждого члена, вступившего в ряды "ваисовского божьего полка", составлялось особое отношение, имевшее целью известить органы самодержавия о том, что такой-то их подданный ныне подчиняется лишь "божественным" законам. Текст этого отношения был стереотипен. Размноженный в г. Казани в 1908 г. типографским способом, он гласил следующее:

"Всего мира Государственный молитвенный дом мяктяб - гирфан, т.е. мусульманская академия и автономное духовное управление и канцелярия сотрудника всего мира духовного отца сардара староверского острова мусульман ваисовского божьего полка, в городе Казани, по 5-й части. Существует с 1862 года. № 33078.

Автономного духовного правления сотрудник всего мира, начальник ваисовского божьего полка староверского мусульманского общества - сардар Ваисов извещает.... губернии... области.... станица... уезда... волостному правлению.... деревни, член ваисовского божьего полка староверского общества мусульман... Эльбулгари (т.е. "ал-Булгари" - потомок и наследник поволжских болгар. - Л. К.) из... сословных списков выключить и включить в звание, согласно его титулу особы, а именно: "не татарин, не крестьянин, не мещанин, не дворянин и не потомственный почетный гражданин", а... исполнитель природного духовного божьего издания святого закона, верноподданный присяжный природного духовного лица староверского общества мусульман, ваисовского божьего полка и имеющий миллет Ибрагим халиулла (т.е. принадлежащий к вере Авраама, друга божьего. - Л. К.), имеющий веру святого ислама махоммеданской религии Ханафии Имам Агзамский, секта Агли-Сюннет Вельджемогет суннитский (т.е. принадлежащий к суннитам ханифитского толка. - Л. К.) обряда как есть мухаммеданский, по сословию турки, Эльмисагдан Берли мусульман, из древне беспрепятственно молящиеся только одной святой молитвой, святой веры ислам, на своих собственных устах, по правилам святого корана, на основании святого шаригата, и согласно святому отечеству, повелевающий указам бога и царя, не повинующийся ни в каком отношении Оренбургскому татарскому собранию, муфтию, мулле и ахуну. Староверское общество мусульман, ваисовского божьего полка, точно так же отделяется от татар-крестьян, как небо от земли и вода от огня, и точно так же не подчиняющиеся ни в каком отношении светским гражданским властям, кроме духовной верховной власти, на основании... святого божьего издания текста корана...

Ввиду изложенного объяснения, согласно божьего издания святого закона, автономное духовное правление, канцелярия сотрудника всего мира, - сардар духовный отец Ваисов, божьего полка, староверского мусульманского общества, нашел нужным дать сведения и заявления, необходимые для того, чтобы над верноподданным членом нашего Ваисовского божьего полка, мусульманином-старовером не допускать ни в каком-либо отношении насилие и произвол со стороны администрации, не узнавшей достаточного его убеждения, и точно так же со стороны татар и прочих национальностей не должно допускаться никакого насилия административной власти - начальства. Ввиду этого данного фактического обстоятельства вместе - одновременно сего святого сведения и заявления возвращается выданной документ, паспорт и после этого ни в каком списке и в бумаге не называть звания, кроме вышеизложенных званий, подпись члена Ваисовского божьего

полка: . . .

С подлинным верно: подпись начальника - сотрудника всего мира Ваисовского божьего полка, староверского мусульманского общества. . . . "24

Вступившему же в "божий полк" члену предлагалось действовать, как отмечает изданная в 1908 г. в Казани брошюра "Гинан Ваисовнын тозагы" (Западня Гинана Ваисова), принадлежащая перу вышедшего из секты торговца мясом Абдуллы Кильдишова, следующим образом:

"1) Если вас будут звать в какое-либо правительственное учреждение, то повесток не принимайте и их не подписывайте, потому что для сношения с правительственными учреждениями у нас имеется собственная канцелярия, в которой нужные сведения можете получить от своего духовного отца-руководителя (сардара).

2) Если по крайней необходимости вам придется посетить правительственное учреждение, то шапки там не снимайте; войдя же, громко троекратно произнесите славословие божье. Если вас будут допрашивать, какое это учреждение, кто - вы, что делаете, какой вы веры или секты, или сословия, то громко ответьте: "Я не татарин, не крестьянин, не раскольник, не идолопоклонник, а от татар мы отличаемся так, как небо от земли или как огонь от воды, ибо мы, дескать, не смешиваемся с ними ни в чем и ничего с ними не имеем общего ни в уме, ни в думах. Мы между собою образуем, дескать, староверческое общество мусульман, ваисовский божий полк. Я - веры мухаммеданской, религии по уложению имама Агзама Ханифы, исповедания суннитского, обряда как есть мухаммеданского со времени завета с богом и повинуюсь только начальству одной верховной духовной власти, а не гражданской власти".

3) Против постановления вы протестуйте, говоря: "Мы не подведомственны начальству гражданской власти, и вы не имеете права постановлять против нас решение". Хотя бы не принимали ваших протестов, вы твердо стойте на своем, и вам ничего не сделают. Вы даже можете браниться, напр., так: "Вы - антихристические собаки и религиозные разбойники, достойные все тысячи проклятий и анафем".

4) Кто не следует за нами, тех мы именуем татарами и приравняем их к язычникам, вроде огнепоклонников-татар Монголии; крещенных же татар и татар, не имеющих никакой религии, мы мусульманами не называем.

5) Если будут спрашивать, почему не посещаете мечетей, то отвечайте им: "Ваши мечети - мечети вреда, а в мечеть вреда бог всевышний ходить не велел. У нас нет никакого желания пускать в ваших мечетях на ветер, точно пыль, наши молитвы. Мы жалеем вас, что вы обольщаетесь, говоря: "У нас есть свои мечети и медресе, и мы - мусульмане". Многого недостает вам, чтобы быть настоящими мусульманами: во-первых, у вас на руках - русские паспорта; во-вторых, вы отдаете своих сыновей в солдаты, а в-третьих, вы повинуетесь каждому правительственному учреждению. Что же касается нас, паспорта у нас - свои собственные, солдат мы не даем, налогов мы не платим. Если вы не придете к нашему сардару, ... т.е. главарю, и не присягнете ему, не возьмете у него паспорта и не станете ему повиноваться, - то ни один из вас не мусульманин. Хотя бы вы без крыльев летали по воздуху и без лодки ходили по воде, - не будет вам спасения. Время еще есть, и, если вы им не воспользуетесь, придет время, когда правительство закроет ваши мечети и медресе, и тогда сардар вас к себе уже не примет; впрочем он может принять, если вы внесете все свои суммы в кассу, себя сделаете его рабами, а жен - его служанками. В недалеком будущем последует о нас от царя указ, и тогда выяснится разница между исламом и неверием, мусульманами окажутся тогда лишь те, кто присягнул на верность службы главарю спасительного отряда"²⁵.

Тем из ваисовцев, которые подлежали призыву в армию, давалось такое наставление:

"Придя на прием, шапки не снимай, не раздевайся, на стан не поднимайся и никаких законов и инструкций не признавай. Когда все-таки возьмут, то не принимай ни солдатских одежд, ни оружия, не ешь солдатской пищи; всему противься, - и под конец тебя отпустят. Принадлежа к нашему спасительному отряду, вы говорите: "На одну лошадь двух хомутов не надевают: мы служим царю своими молитвами, мы -

друзья его друзей и враги его врагам. Если бы не было на свете нас, спасительного отряда ваисовского божьего полка, то не существовать бы миру. Благодаря нашим благословенным молитвам, живут все от мала до велика, от простого человека до царя"²⁶.

Результат такого поведения ваисовцев и в этот период деятельности был тот, что они неизменно преследовались самодержавием и его агентурой - мусульманским духовенством. Прямой реакцией на доносы последнего полицейско-охранным и другим органам самодержавия явилось учение ваисовцев о том, что после того, как якобы последует "от царя указ", признающий их за истинных мусульман, их сардар Гинануддин прикажет отсечь головы 70 000 указных мулл. Тогда же он велит, вскрывши могилы трех казанских мулл (имамов), облить их нефтью и керосином и сжечь. Имамы эти: известный своими историческими трудами Шихабуддин ибн-Бахауддин (Шихаб-уд-дин ибн-Баха-уд-дин), по прозвищу ал-Марджани (ум. 1889), Шакир из Новой Слободы и имам из Красной мечети Мухаммедей²⁷.

Конечно, русское правительство, не придавало никакого значения чисто религиозной философии ваисовцев. Правительство было обеспокоено другим - частыми случаями уклонений ваисовцев от исполнения воинской повинности, от платежей податей, от выправления торговых свидетельств, от пользования установленными паспортами и т. п.

А такие факты встречались не только в Казанской губернии. Так, начальник Астраханского губернского жандармского управления сообщал, что на подведомственной ему территории им обнаружены случаи отказов ваисовцев от принятия казенных бумаг, от уплаты налогов и явки в суд. Не будучи достаточно ознакомлен с этой сектой, он, в связи с делом некоего Г. Садреддинова, запрашивал о ней сведения у начальника казанского жандармского управления. "Гилязеддин Садреддинов, - писал он ему в июне 1908 г., - отказался принять повестку правителя Камыш-Самарской части, основываясь на том, что он записался в мусульманское общество ваисовского божьего полка, члены коего освобождаются от всяких государственных податей, кроме земельных*. При этом Садреддинов объяснил, что... будучи в Казани, обратился в Правление староверческого об-ва мусульманского ваисовского божьего полка... с просьбой записать его в члены. Багауддинов (т. е. очевидно, Гинануддин, сын Бахауддина Ваисова. - Л. К.) принял его в это об-во, отобрал у него паспортную книжку и выдал ему, как вид на жительство, свидетельство за № 160".

В том же деле № 90 за 1908 г. Казанского губернского жандармского управления хранится донос жандармского полковника Калинина в департамент полиции от 28 августа 1908 г., сообщавший, что "в своем учении Ваисов проводил мысль о том, что не следует повиноваться никому из властей, поставленных правительством, а также не нужно признавать и мулл, определяемых этими властями... Последователи ваисовского божьего полка не подчиняются гражданской власти" и т. д.²⁹. "На призыв к военной службе одного из их единоверцев, Мубаракши Гадылынина (т. е. Мубарек-шаха, сына Адиль-шаха), ваисовцы ответили протестом, посланным ими на имя воинского начальника, а сам Мубаракша наотрез отказался взять ружье и надеть казенное платье, за что был судим полевым судом и отдан на 2 года в дисциплинарный батальон"³⁰.

Конец второго периода "молитвенного дома" ваисовцев был печальный. 23 октября 1910 г. дело ваисовцев слушалось в Казанской судебной палате. Гинануддин Ваисов со своими помощниками был снова присужден к ссылке в Сибирь. Пробыл Гинануддин там до апреля 1917 г.

Каковы же были классовый состав ваисовцев и их роль в истории "мусульманских" народов Волжско-Камского края, где эта секта была наиболее распространена?

Классовое лицо ваисовщины ясно уже из анализа политического значения этого учения. Как уже было отмечено выше, ваисовщина под религиозной оболочкой выражала политический протест крестьянства и ремесленничества угнетенных царизмом народов (татар) против того разорения, которое нес им капитализм. Секта ваисовцев имела особенно широкое распространение в Казанском, Свияжском и Арском уездах б. Казанской губернии именно потому, что в этих уездах имели большое

развитие кустарные промыслы и на кустарях крайне тяжело отражалось капиталистическое наступление. Недаром и главные помощники Гинануддина Ваисова Ахмед-Гирей Мухаммедшин и Ибрагим Зайнуллин вышли из среды ремесленников. Последний в первые годы после революции даже возглавлял Союз кустарей в г. Казани. Во время своей поездки в Петербург в марте 1908 г с целью получения от правительства пособия в 100000 руб. на постройку мектебов и мечетей, Гинануддин Ваисов первого из них оставлял своим заместителем, а второго "министром финансов" секты.

Наряду с этим к ваисовцам в большом числе примыкали например в Тетюшском уезде, и крестьяне. Входили в секту также в довольно значительном числе мелкоторговые и приказчиьи слои. Однако торговцы не долго задерживались в секте. Например, выше упоминавшийся казанский торговец мясом и конской колбасой А. И. Кильдишов не удержался в секте даже 3 лет. Заметив, что у него "со времени поступления в секту Гинана все пошло к гибели: покупатели перестали ходить в лавку, друзья тоже оставили, денег тоже не стало"³¹, и отчаявшись в возможности пожить у хозяйства руководителей секты, он ушел из нее. Даже больше, он написал брошюру, где изобразил секту, как "западню" Гинануддина Ваисова.

Западней секта ваисовцев в действительности и являлась. Прежде всего, это была западня материальная, не только не способствовавшая росту благосостояния своих несостоятельных членов, но, наоборот, разорявшая их.

Кильдишов написал свою брошюру в целях своей реабилитации перед коллегами по торговле и не постеснялся раскрыть подноготную "молитвенного дома" Гинануддина Ваисова.

Оказалось, что для руководства "божьего полка" секта являлась источником материальных благ. В четвертой главе своей брошюры Кильдишов говорит о том, что "всякий, вступающий в секту, глядя по состоянию, вносит в кассу (секты) какую-нибудь сумму. Так как Гинан (т. е. Гинануддин.- Л.К.) живет только за счет этой кассы, то он всячески старается об умножении ее средств... Привлекая пожертвования в кассу, Гинан обещает всем деятелям великие райские награды". Гинануддин, согласно Кильдишову, держит в этих случаях такую речь:

"Братья, - говорит он, - жертвуйте теперь в кассу, чтобы усилить ее и нашу секту. Зубами и ногтями старайтесь об этом, это - ваша священная обязанность. Вскоре не только татары, но и все живущие на земле мусульмане примкнут к нашему спасительному отряду. Вскоре распространится по всему государству царский об нас указ, и всюду станут тогда у вас заискивать. Кто из вас больше жертвует, тот тогда больше и получит".

Таким образом, в руках руководителя секты ее учение было средством к наживе.

По словам Кильдишова, Гинануддин Ваисов, используя свое положение сардара секты, занимался даже прямым вымогательством. Так, пользуясь авторитетом у своего дальнего родственника по жене богатого туркмена Рахманияза, который "величал Гинана царевичем и целовал ему руки", Гинануддин совместно с Кильдишовым в надежде на большую наживу отправляются в Закаспийскую область (на станцию Юлтань по Мургабской ветке). Здесь Гинануддину удается выпросить у Рахманияза мукомольную мельницу. Однако мельница в руках Гинануддина остановилась, и он не знал, как ее наладить. Так она простояла полтора месяца, пока не направил ее выписанный из Баку монтер. "Когда мельница стала работать, Гинан, - как отмечает Кильдишов, - стал хвастаться, что дело наладилось только по его молитве. Затем Гинан стал сводить с Рахманиязом денежные расчеты, и ссора из-за денег дошла даже до того, что, Гинан велел дать своей, по жене, родне по 33 удара нагайкой". Рахманияз стал требовать у Гинана отчета в израсходовании денег, говоря: "Вы ежегодно берете с нас в кассу деньги, увозите пшеницу и взимаете дань. Неужели мы не вправе требовать от вас отчета в израсходовании наших денег?" Это, замечает Кильдишов, не понравилось Ваисову, и он уехал обратно в Казань.

Была и другая форма вымогательства, вероятно, рассчитанная на торгово-приказчиьи слои секты. Гинануддин Ваисов обещал им видное положение после издания царского указа, который якобы легализует секту или, во всяком случае, отдаст

ей "ее" болгарскую землю, где ваисовцы организуют свое независимое государство. Для этого Ваисов просил у царского правительства 100 000 рублей. Кильдишов рисует это так:

"Я, - заявляет Кильдишов, - говорил Гинану:

Нельзя управлять государством без знаний и наук, между тем как мы неучи. Как же мы, неучи, можем управлять государством?"

На это Гинан возразил:

"Нет, брат, вы фантазируете! Тогда под вашим началом будут и грамотные, и опытные люди, и писаря. Вам, как наместнику сардара, придется только сидеть и прикладывать печать".

И Кильдишов здесь замечает, что "очень жалко положение людей, питающих ложную и сладкую надежду на возможность быть большими господами и начальниками и тратящих из-за пустяков последние копейки". Действительно, направляя взоры своих последователей на небо, руководители секты ваисовцев обирали своих доверчивых последователей здесь, на земле. Рассказы о грядущей "царской грамоте" имели ценности не больше, чем обещания посмертных райских наград. И едва ли не понимали этого и сами руководители секты.

Ничего действительно революционного, как иногда изображают, ваисовцы не представляли.

Вступавший в секту отдавал себя в полное распоряжение ее руководителей, он становился их рабом. Подписывая цитированный выше "Святой присяжный лист", вступающий в секту, как говорит его третий пункт, "присягу должен дать духовному отцу сардару Ваисову, чтобы не сопротивляться ни в каком случае его приказаниям и согласно божьего издания святого закона, что прикажет, исполнять, без всякого сопротивления телом и душой".

"Ваисов, - говорит беседовавшая с ним Е. В. Молостова, - требует строгого подчинения букве и подчеркивает, что только ваисовцы правоверны, ибо они староверы. Этим же духом проникнуто все внутреннее устройство их общины, где сардар является единственным непогрешимым хранителем их духовных благ и полновластным распорядителем благ материальных, так как ему предоставляется определять размеры денежных взносов, налагать штрафы, и пользоваться общей кассой бесконтрольно. Судебные функции он также исполняет почти единолично: его голос - решающий, и остальные судьи вполне подчиняются его авторитету. Наказания он налагает "по духовному закону", и они следующие: за семейные ссоры, неподчинение распоряжению сардара, за вкушения недозволенных яств и напитков - удары плетью или палками, что, по усмотрению сардара, может быть заменено штрафом. За воровство полагается отрубать у виновных пальцы, за прелюбодеяние - смертная казнь...

Отношение к женщине у ваисовцев очень суровое: она не более, как послушная и бесправная раба своего господина. "Если женщина обидит мужа хоть в мелочи, - говорил Ваисов И. Ф. Наживину, - она не может искупить этой вины, хотя бы молилась потом всю жизнь"³².

Эти черты сближают ваисовщину с христианскими и ваххабитскими мусульманскими сектами.

Много в ней общего и с толстовщиной, ибо, как и последняя, ваисовщина безусловно является "идеологией восточного строя, азиатского строя" (В. И. Ленин. Выделено мною. - Л. К.). Ваисов так же, как Толстой, "рассуждает отвлеченно... допускает только точку зрения "вечных" начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое выражение старого ("переворотившегося") строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов"³³.

Близость ваисовщины к толстовщине была даже отмечена дружескими отношениями руководителей обоих течений. Привлек Толстого к ваисовщине ставший ему известным факт отказа вышеупомянутого ваисовца Мубаракши Гадыльшина от исполнения воинской повинности.

"Этот отказ, - пишет Е. В. Молостова, по просьбе Л. Н. Толстого информировавшая его о ваисовцах, - очень заинтересовал... Л. Н. Толстого, а также

единомышленника Л. Н-ча - И.Ф.Наживина, ездившего нарочно в Казань для беседы с Гинануддином Ваисовым. В свою очередь Ваисов с любопытством расспрашивал о "великом проповеднике", и хотя ничего до тех пор не читал из его писаний, но выразил намерение побывать у Л. Н-ча. По этому поводу Л. Н. писал ему:

"Любезный брат Ходзя Мухаммед Гинанутдин Ваисов. Очень рад был получить от И. Ф.Наживина известие о вашем желании приехать ко мне. Я уже давно желал узнать подробности о том, как вы понимаете бога и жизнь человеческую на земле. По тому, что слышал о вас, надеюсь, что наши взгляды будут одинаковы. Если бы люди держались только истины, то все бы были едино. Будем же и мы стараться держаться только истины и потому быть едиными с теми, которые держатся ее. Очень рад буду видеть вас у себя. Приезжайте, когда хотите, я никуда не уезжаю.

Лев Толстой,

15 января 1909 г."³⁴.

Приглашение Толстого было принято. Гинанутдин Ваисов был в Ясной Поляне и виделся с Л. Н. Толстым. Это, обеспокоило, как и вообще сношения Толстого с русскими мусульманами, даже православных миссионеров³⁵. Вспоминают об этом татарские эмигранты-белогвардейцы и сейчас³⁶.

Причина этих беспокойств православных миссионеров, как и мусульманского духовенства, понятна. Ваисовщина распространялась среди их паствы. Петербургская газета "Слово" в № 675 от 30 сентября 1908 г. писала, что секта ваисовцев, "по самому скромному подсчету, имеет свыше 15 тысяч последователей. Особенно много ваисовцев среди татар Тетюшского и Свияжского уездов Казанской губернии". Казанское жандармское управление в сообщении департаменту полиции 28 августа 1908 г, также отмечало, что ваисовцы имеются в "Казанской, Оренбургской и др. поволжских губерниях с татарским населением и в некоторых областях Средней Азии".

Сведения эти едва ли сгущали краски. По мнению исследователя, цифра 15000 ваисовцев - "это не точно и не полно"³⁷. Трудно сейчас судить, насколько верна эта цифра. Однако бесспорно, что ваисовщина находила сочувственный отклик среди довольно широких масс населения. Это ей давало силу.

Массам же этим ваисовщина по существу давала тот же яд, что и "казенная" мусульманская церковь. Шли эти массы в лапы кулацкой головки "ваисовского божьего полка", потому что "вся прошлая жизнь крестьянства, - как отмечал В. И Ленин в 1908 г., - научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на (мучившие крестьянство. - Л. К.)... вопросы"³⁸. Вступая в секту, крестьяне и кустари-ремесленники не понимали, что этим они помогали своим же угнетателям. Между тем ваисовщина, как и некоторые христианские пореформенные секты, переводя классовые требования крестьянских и ремесленных масс деревни и города в плоскость пассивного сопротивления, не могла не облегчать самодержавию борьбу против росшего в этих массах недовольства.

Борьба против крепостнического и полицейского государства в ваисовщине, как и в толстовщине, превращалась в фактический уход от политической жизни страны. Были в учении "ваисова божьего полка" и прямо непротивленческие ноты. Чем, кроме отказа от взноса налогов, от воинской повинности и т. д., боролись ваисовцы против ненавистного им строя? Разве только еще двумя формулами, разрешенными им их руководителями к произнесению в присутственных местах. Мы их уже знаем. Это "Я не татарин, не крестьянин, не раскольник" и т. д. Вторую фразу можно было произносить лишь в исключительных случаях, когда первая не оказывала должного влияния на власти. "Вы, - объявляла эта формула,- антихристические (!) собаки, религиозные разбойники, прокляты вы, анафема, прокляты, тысячекратно прокляты"³⁹. Половинчатость "учения" ваисовцев заключалась и в их формуле - за царя молимся и его чтим, но государства не признаем. Кулацкой верхушке ваисовцев это было всегда выгодно; она пользовалась этой половинчатостью. В 1910 г., во время судебного процесса над ваисовцами, используя половинчатость платформы "божьего тдодка", его руководство пошло даже на прямой компромисс с самодержавием. Симптомы этого были, конечно и раньше, как, например, в обращениях ваисовцев к царскому

правительству просьбами об отпуске им денежных дотаций и т. п. Спасая же свою шкуру, на суде в октябре 1910 г., Ваисов стал вообще отказываться от необходимости неисполнения воинской повинности: он просил правительство заменить для его единоверцев военную службу какой-либо другой повинностью. И если царский суд все же приговорил ваисовцев к ссылке в Сибирь, то это объяснялось исключительно тем, что российское самодержавие хотело уничтожить даже видимость той религиозной организации, под исламской оболочкой которой ранее находило себе выражение недовольство крестьянских и ремесленнических масс угнетенных царизмом народов.

То же можно бы сказать и относительно ряда других религиозно-сектантских течений, как, например, о мюридизме (учении тариката) - на Кавказе и др. Однако освещение их истории выходит за рамки настоящей работы. Следует все же отметить, что органы самодержавия преследовали лишь те из сектантских учений в исламе, которые почему-либо для них были не выгодны. Так поступали и с отдельными "еретиками" в исламе. Вот пример.

Во второй половине XIX в. вернувшийся из паломничества в Мекку, Медину и другие "священные" города ислама шейх ордена накшбендийе Зайнулла Расулев (1833-1917) первый ввел в Башкирии громкий зикр (радение дервишей). Успех этого и некоторых других нововведений Зайнуллы Расулева не понравился его конкурентам. В результате шейх Расулев был обвинен в ереси. "В 1872 г. шейх был вызван в Уфу на суд духовного собрания и отпущен после взятия с него подписки, но на обратном пути арестован русскими властями и посажен в тюрьму в городе Златоусте, где просидел восемь месяцев. В начале 1873 г. он по постановлению министра внутренних дел был сослан в Вологодскую губернию и прожил там три года под надзором полиции в г. Никольске, потом провел еще пять лет в Костроме, в татарской слободе. В 1881 г. ему было дано разрешение вернуться в деревню Ак-Ходжа. В 1882 г. он вторично совершил паломничество к Кабе (т.е. в Мекку. - Л. К.); в 1884 г. он переехал в Троицк, где был назначен имамом вновь выстроенной пятой соборной мечети"⁴⁰. Почему все это имело место? Только потому, что самодержавие не хотело в данном случае допускать внутрен. раздоров среди мусульманского духовенства и оставлять в качестве своего агента-шейха недостаточно проверенное лицо. Когда шейх Зайнулла Расулев был "проверен", правительство назначило его на пост имама.

Во всех подобных вероисповедных вопросах самодержавие неизменно исходило из своих текущих интересов. Когда ему было выгодно, оно молчало даже о тех религиозных течениях в исламе, которые не только шли вразрез с господствующими направлениями мусульманства в России - суннизмом и шиизмом, но и вредили деятельности православных миссионеров. Таково было, например, отношение самодержавия к бехаизму и бехаитам.

Видя в этом новейшем ответвлении возникшей в конце первой половины XIX в. в Персии секты бабидов силу, которую можно было выгодно использовать для продвижения в страны так называемого мусульманского Востока, русский военно-феодальный империализм явно ему покровительствовал. Гонимые в Персии бехаиты находили себе теплый приют в Закаспийской области и других местах царской России. "Русские власти,- писал об этом А. Е. Крымский в 1912 г., - приняли их приветливо, и в Туркестане несколько лет тому назад закончена постройка чрезвычайно красивого храма в Асхабаде, на Мервском проспекте... Асхабад есть важнейшее бабидское (бехаитское) пристанище"⁴¹. Организована там была с разрешения русских властей и специальная миссионерская школа бехаитов. И это несмотря на то, что православные миссионеры в это же время писали о том, что бехаиты "угрожают своим учением Среднеазиатской России" и даже "нарушают... верноподданнические чувства к белому, русскому царю" и т. д.⁴²

Политика неизменно брала верх. Бехаиты поддерживались самодержавием, потому что были ему интересны, как его агенты в странах Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, царизм, конечно, понимал, что проповедуемые бехаизмом идеи, как например, учения о всеобщем мире, божественной справедливости и т. п., могут

* Про Бех-буди, как следует из ряда документов (см. гл. IX), и этого нельзя было сказать.

служить ему на пользу. Ведь "одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира"⁴³.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РЕФОРМИСТСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ИСЛАМЕ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА (ДЖАДИДЫ В ЦАРСКОЙ РОССИИ И В ЭМИРСКОЙ БУХАРЕ)

Мы уже отмечали, что торговые связи татар Поволжья с народами Средней Азии в значительной степени обуславливали и испытываемые ими влияния в области религии. Мусульманские религиозные организации у татар Поволжья строились по бухарскому образцу. Бухарской "спецификой" были пропитаны школьные программы различных медресе, мектебов и т. п. "учебных" заведений Поволжья. "В 1844 г. в одной Казани существовало 4 медресе... открытых по среднеазиатскому образцу". И это помимо тех медресе, "которые существовали в Казанском уезде, в деревнях: Кишкар, Сатыш, Менгер, Саба и в других местах"¹.

Содержание среднеазиатской "специфики" отвечало интересам средневекового феодального государства. Доктрины ортодоксального суннитского ислама были здесь сильно сдобрены мистическими суфийскими мотивами. Традиции арабских и персидских суфиев были не только перенесены на среднеазиатскую почву, но и развиты здесь. Различные произведения ходжи Ахмеда Ясави, Машраба, ишана Хувайдо и других среднеазиатских мистиков призывали верующих убить в себе всякое стремление к свободным мыслям и действиям. Бог был поставлен в центр помыслов верующего. Во имя любви к "всевышнему" предлагалось отказаться от этого "бренного" мира. "Премудрость" (Хикмет) ходжи Ахмеда Ясави в этом отношении недалеко отстояла от творений его предшественников.

В одном из стихотворных произведений мистика III века хиджры ас-Сакати говорилось:

*"Ты лжешь, если жалуешься на муки любви. Я вижу, что кости твои одеты мясом: Только тот любит, у кого кожа непосредственно прилегает к внутренностям, Лишь тот любит, кто, будучи позван, не может поднять головы"*².

"Святой" Ахмед Ясави как бы прямо откликнулся на это. В "Премудрости", рисуя себя достигнувшим 50-летнего возраста, он резко осуждает всякое допущенное им в жизни "забвение" бога. В боге, в его искании, в растворении в нем якобы заключается смысл человеческой жизни. Ради этого, по Ясави, человек в земной жизни должен безропотно терпеть любые невзгоды, насилия.

В "Премудрости" Ахмед Ясави восклицает:

"Пятидесяти лет я сказал себе:

ты мужчина, а делал дела, приличные женщине.

"Ты не плакал до того, чтобы из глаз потекла кровь.

Я, как собака, искал удовлетворения страстям,

О, великий властитель! Положившись на тебя, я пришел к тебе.

Голова моя прах, я прах, тело мое прах,

Дух мой всеми силами старается достичь бога.

Я загорелся, сгорел, но не стал безупречным человеком.

*Став росой, я сошел на землю"*³.

Прививая верующим это суфийское учение, среднеазиатские мистики распространяли религиозные "спасительные" молитвы, талисманы и т.п. магическую мишуру. При этом они, как и вообще мусульманское духовенство (см. гл. IV и V), стояли высоко на лестнице социальной иерархии. Даже цари иногда руководствовались их наставлениями. Могуущественнейший деспот и великий полководец Тимур (1336-1405) в своей автобиографии говорит, что аллах постоянно помогает ему. "Так, - отмечает он, - когда я собирался походом против столицы Рума, я пожелал узнать наперед, осуществится ли мое намерение. Я отправился на могилу шейха Ясави и

просил погадать мне. Через гадание я узнал, что если во время войны мне будет грозить опасность, мне стоит лишь прочесть одно четверостишие, и успех всегда будет мне обеспечен".

Это магическое четверостишие было таким;

*"О могущий ночь темную в день
ясный превратить,*

А землю всю - в цветник благоухающий:

О могущий все трудное на свете белом сделать легким,-

Пошли мне помощь в предстоящем трудном деле: на легкое всю трудность измени".

"Я, - заключает Тимур, - твердо запомнил четверостишие; во время боя с Кайсаром 70 раз прочитал его про себя и одержал блестящую победу"⁴.

Доктрины суфизма, требуя от своих приверженцев предания себя богу, растворения в нем, однако не отрицали этим возможность нахождения суфиев во главе власти эксплуататоров. В суфизме было развито учение о совместимости звания дервиша с ношением царской короны или атласного платья вельможи. Причина понятна: довольно продолжительное время суфизм являлся господствующей идеологией ряда феодальных деспотий так называемого мусульманского Востока.

Интересам феодалов и купечества отвечали судебные шариатские установления и все вообще мусульманское законоведение (фикх). Жизнь трудящегося целиком находилась в руках сильных мира сего. Каждый поступок верующего должен был быть согласован с требованиями шариата. Различные "Приличия мудрых" (или благочестивых: Адаб-ул-салихын) определяли поведение верующих на каждый час их жизни⁵. Ни одна интимность не была забыта. Указывалось даже, как нужно выполнять супружеские обязанности, как отправлять свои естественные потребности и т. д.

Согласно этим установлениям ислама мусульманин, даже будучи занят делом изготовления на феодалов и купцов каких-либо товаров, предметов хозяйственного обихода и т. тт., обязан постоянно иметь в виду "небесную" и земную челядь аллаха.

Специальные цеховые статуты - рисоля подробно излагали все мелочи этого требования. Рисоля объявляли каждое ремесло "божественным установлением", разрешая заниматься им лишь "во имя аллаха". Например, согласно рисоля цеха цирюльников, ремесленник должен был исполнить 12 постановлений, в числе их: 1) совершать омовение и творить молитву с общиной (т. е. в мечети), 2) беседовать со стремящимися к науке (т. е. к богословию), 7) возжигать в память пиров (т. е. своих "святых" патронов) светильники по ночам в среду или в пятницу, 9) жертвовать половину дневной выручки на милостыню (в числе которой "милостыня" мусульманскому духовенству занимала львиную долю), 10) быть довольным небольшим вознаграждением за труд, 11) быть терпеливым и справедливым, 12) быть милосердным.

Эти предписания должны были исполняться беспрекословно. Тот, кто не будет их исполнять, говорит аналогичное рисоля цеха кузнецов, будет обесчещен. Для него "питье и пища будут незаконными, звание мастера считается неправильно присвоенным, сам он будет Грешником, которому нужно дать 40 ударов плетью (дарра *), пиры откажутся от такого мастера и проклянут его... Целая серия бед нависнет над ним"...

Объявляя ремесленника "любимцем аллаха", рисоля требовали от него неизменного внимания к вопросам ислама. Специальные "руководства к стрельбе" не разрешали даже выстрелить из ружья без мысли об аллахе и "святom" патроне ружейного дела ⁶. При этом каждому ремесленнику предлагалось усвоить целую систему извращенных, невежественных представлений о его профессии. Весь производственный процесс и все орудия его ремесла рисоля объявляли происшедшими от различных сказочных героев ислама.

Среднеазиатским рисоля цеха ткачей ремесленники поучались, например, так:

"Если спросят: употребление ремизок от кого осталось?"

Отвечай: от пророка Даниила осталось.

Вопрос: высшее ткацкое искусство от кого осталось?"

Ответ: осталось от Асад-Аллаха победителя.

Вопрос: ткань с рисунками (с орнаментами) от кого осталось?

Ответ: осталось от Абд-ал-Халика Гиджуванского.

Вопрос: ткань бархата от кого осталось?

Ответ: от мудреца Лукмана осталось...

Вопрос: от кого осталось (искусство) крахмаления?

Ответ: от матери Евы осталось...

Вопрос: какой стих (из корана) читают при крахмалении?

Ответ: "...по которым текут реки".

Вопрос: при пропуске основы через ремизки, какой стих читают?

Ответ: "Хвала тому, кто в некоторую ночь содействовал рабу своему совершить путь от запретной мечети к отдаленной мечети, которой окрестности мы благословили"...

Если нитка при тканье рвется, читают следующий стих: "беззаконные будут узнаны по чертам своим, и они будут схвачены за передние волосы на голове и за ноги" и т. д. ⁷.

Являясь своеобразными копиями статуты: ремесленных цехов средневековой Европы, такие рисоля имелись не только в Средней Азии, но и в Поволжье, Крыму и т. д. Сохраняли свою силу они иногда очень долго.

Способствовало этому культивирование в колониях русского самодержавия докапиталистических, варварских форм эксплуатации. Заинтересованность русских колонизаторов в процветании отсталых форм ремесленного труда, очевидно, обусловила и печатание рисоля царскими чиновниками. Именно, в Ташкенте, после опубликования в 1885 г. Н. П. Остроумовым в количестве 50 экземпляров рисоля земледельцев, в редактируемой этим же чиновником-миссионером официальной "Туркестанской туземной газете" (и в виде отдельных оттисков из нее) за 1901, 1902 и 1903 гг. были изданы рисоля тележных мастеров, мясников, токарных дел мастеров, мастеров, раскрашивающих седла цветными узорами, кузнецов, продавцов чая, медников, седельников, земледельцев, ткачей маты (грубая туземная бязь. - Л. К.), маслобойщиков, хлебопеков, сапожников и бакалейщиков. С 1909 г. рисоля в издании ряда ташкентских типографий появились на рынке.

Кадимистское мусульманское духовенство охотно пропагандировало святость рисоля. Рисоля, требуя от ремесленников постоянного религиозного напряжения, отстаивали феодальные устои мусульманской церкви. В рисоля земледельцев, например, говорилось:

"...Говорят, что раньше зерно пшеницы было с яйцом, но вследствие того, что земледельцы не давали "хак-уллу" (т.е. часть урожая, которая якобы принадлежит богу. - Л. К.) и "десятину" (ушер или гошер. - Л. К.), зерна ее сделались маленькими. Как за мертвого необходим "искот" (заупокойная очистительная милостыня) (ср. "фидия" на стр. 135-136. - Л. К.), чтобы быть чистым от грехов, подобно этому "десятина" и "хак-уллу" есть "искот" обрабатывания земли. Если земледелец, обрабатывая землю одной лошадью, не даст "хак-уллу", то каждый кусок, который он съест, будет нечистым, а в день воскресения мертвых он будет посрамлен... Земледелец, который не даст "хак-уллу", в день воскресения мертвых встанет с лицом (имеющим) изображение свиньи"⁸.

Разложение феодальных отношений в мусульманских странах не могло не отразиться на исламе. Выразившие интересы феодального общества периоды его становления и расцвета доктрины ислама приходил в противоречие с требованиями новой эпохи. Процесс этот особенно обострялся широким проникновением европейского капитала в страны Востока, ростом в них товарных отношений. Не сглаживали противоречий и стремления завоевателей-капиталистов к всемерному поддержанию и консервированию наиболее рутинных форм экономического и внеэкономического угнетения туземных трудящихся масс...

Века могущественных феодалов, покорителей и владык мира, уходили в невозвратное прошлое. О Чингис-хане и Тимуре остались лишь воспоминания. Мусульманским мистикам в их призывах к аллаху оставалось лишь плакать и вздыхать

о веках угнетения и рабства, как об "утраченном рае".

"Увы! сегодня пора цветов минула,

И птицы лугов с плачем и стенаниями отлетели!"

- так восклицал на пороге XIX в. один из последних "могикан" среднеазиатского суфизма, ишан Хувайдо. И именно религия, ислам, в глазах мистических воспевателей старины с ломкой феодальных отношений несла наибольшие потери.

"Увы! - плакался суфий Хувайдо, - сто сожалений мужи ушли!

Защитники религии, столпы времени ушли;

Мы, опечаленные, остались с плачем и сожалением:

Ведь наблюдающие за состоянием мира - ушли!"⁹.

Настали иные времена. Обострялась классовая дифференциация. Росло классовое самосознание трудящихся масс. Все чаще крестьянские и ремесленнические массы восставали против своих угнетателей. Не церемонились они с союзницей последних - официальной мусульманской церковью. Однако, не будучи в силах совершенно порвать пути религии, освободительные, антифеодальные движения этих масс часто носили религиозно-реформистскую или сектантскую окраску.

Направлению этих движений в религиозное русло способствовала торговая буржуазия, часто стремившаяся их возглавить. На это ее толкали возросшие требования торгового капитала, который не мог больше мириться с буквой средневековых законов.

Представители торгового капитала выступают с наиболее четкой программой реформы ислама. Делается это ими, правда, под личиной покорных "рабов аллаха" и с помощью лозунга: "За восстановление первоначальной чистоты ислама".

Из рассматриваемых нами районов распространения ислама раньше всего реформистские течения появляются в Татарстане, и выразителями их являются выученики Бухары. Объяснялось это ходом социально-экономического развития татар.

"Еще в XVI-XVII вв. вместе с русскими крепостниками-купцами и своими феодалами татарская буржуазия действительно участвовала в колониальной эксплуатации юго-восточных колоний царской России (Киргизия, Башкирия). Она выкачивала оттуда шерсть, кожи, хлопок и другие виды сырья для своих казанских, оренбургских и уфимских предприятий и проводила грабительскую торговлю в этих местах, а также в Монголии и Восточном Туркестане (обмен ситцев и мыла на хлопок и кожи)"¹⁰.

Татарский капитал с давних времен играл в казанской промышленности значительную роль. К концу XIX в. до 1/3 предприятий кожевенной, мыловаренной и других видов казанской промышленности приходилось на долю татарского капитала. "Фабричное производство татар, - пишет автор, исследовавший состояние промышленности в Казанской губернии в 1857 г., - составляет в Казани одну седьмую часть общего количества фабрик и заводов, а в селах и деревнях - пять седьмых"^{10 а}.

Рано были втянуты верхи татарского общества и в культурную жизнь европейской части населения Российской империи. Цитируемый уже нами первый историк Казани М. Рыбушкин, бросая "краткий взгляд на драматическое искусство в Казани с 1759 по 1833 год", свидетельствует, что "татары... сделались страстными любителями театра". Охлаждала "охоту" к театру у них только "неосторожность содержателя (казанского драматического театра. - Л. К.) Есипова (помещика и гвардии прапорщика. - Л. К.)". Произошло это, по словам Рыбушкина, "по случаю представления трагедии "Магомет", где выведен на сцену их пророк. Впрочем, - заключает он, - это обстоятельство давно забыто, и татары посещают ныне с удовольствием не только театр, но и всякого рода увеселения, и даже судят о предметах с европейской образованностью"¹¹.

Все это обусловило и раннее появление среди татар стремления к реформе ислама. Ведь даже факт посещения мусульманином европейского театра, с точки зрения феодальных доктрин ортодоксального ислама, мог расцениваться лишь как кощунство над заветами аллаха и его посланника Мухаммеда!

Уже в начале XIX в., выражая эти стремления верхних слоев общества поволжских татар, с требованием реформ в исламе выступил "ученый" воспитанник бухарских медресе, татарин Абу-н-Наср-ал-Курсави (ум. ок. 1813 г.). По его мнению,

средневековая схоластика ислама должна уступить место более современным, "европеизированным" формам религиозного воздействия на массы. Сколько-нибудь достаточных сил для проведения в жизнь своих идей ал-Курсави все же еще не имел. Он выступал почти совершенно одиноким разведчиком против внешне еще очень крепкого врага. Сторонники официального ислама выдвинули обвинение: "Курсави - неверный и безбожник". В результате Курсави был присужден бухарским эмиром к смертной казни¹².

Но неудачи разведчика не могли предотвратить боев века минувшего с шедшими ему навстречу силами. Век нынешний брал свое. Ни в воде не тонут, ни в огне не горят кости молодца-торговца, - хвастливо отмечала татарская поговорка середины XIX в. Соловей поет на своем троне в полночь до рассвета. Не будь без подруги, не будь без богатства, когда ты приходишь в совершенный возраст¹³, - вторила ей другая пословица.

Веку нынешнему удалось в значительной мере обойти своего врага с тыла. Посаженное русским самодержавием на высшие посты мусульманской иерархии духовенство само было в значительной мере заинтересовано в отказе от рутины приходящий в "совершенный возраст" татарский торговый капитал, как следует из ряда документов, хотя и в небольшой степени, но все же сумел привлечь на свою сторону даже Оренбургское магометанское духовное собрание. Агент самодержавия оренбургский муфтий оказался меж двух огней: татарским торговым капиталом и его старшим русским собратом.

Оренбургский муфтий Хусейнов 10 сентября 1818 г. сделал министру просвещения предложение радикально изменить существовавшие формы схоластического

<i>"Эй, ты, медресе!</i>	образования мусульман,
<i>Эй, ты, монастырь!</i>	учредив два главных
<i>Эй, ты, мечеть и минбар!</i>	училища в Казани и
<i>Вы тратили энергию несметно</i>	Оренбурге. Муфтий,
<i>И боролись беспощадно</i>	видимо, ясно сознавал,
<i>На религиозном фронте!</i>	что, его программа
<i>Благодаря этой энергии</i>	отвечает требованиям
<i>Вы потрясали весь мир</i>	растущего татарского
<i>неправоверных.</i>	торгового капитала. "В
<i>Шариат черпал громадные силы</i>	Казанской и
	О р е н б у р г с к о й

губерниях, - писал муфтий, - сходится большое число и таких магометан, из коих весьма многие

Почему сегодня вы неподвижны и молчаливы?

Враг выступает против вас, чтобы разгромить.

Где же ваши сторонники?

Скажите! Пусть выйдут на поле битвы!"

Или еще:

"Эй, вы, разрушенные могилы Бухарских государей!...

Эй, вы, великие наши деда, лежащие в объятиях развалины!

О, ты, великое море, оставшееся от Абдуллы и Тимура!

На дне твоём лежит двести бриллиантов единым комком.

Спокойно лежит в твоём сундуке прах наших благородных и дорогих дедов.

Ты скажи им!

Пусть увидят наше жалкое положение!

Пусть плачут! Пусть рыдают!

Может быть, бог окажет милосердие" и т. д.⁵⁴.

производят разные
извороты и торги как
со всеми
пограничными

азиатских держав народами, так и внутри империи Российской и Астрахани". Этих магометан муфтий считал достойными в "просвещении наук" не только богословско-мусульманских, но и европейских, школьных и университетских. Развитие их среди

мусульман, по мысли муфтия, должно было отвечать текущим интересам самодержавия.

"... По предмету преподавания в Казанском университете, - верноподданнически заявлял муфтий, - цветущего европейского... образования, весьма удобно... и в нравах единоверцев моих породить подобные тому плоды и сделать их более полезными и приятными государству подданными... Поелику образовавшиеся в... училищах ученики... могут уже переходить в университет, и быть в звании студентов, то сим, по окончании уже всех наук, доставят верховным начальствам, присутственным местам и миссиям самонужнейших и опытейших переводчиков, а в жительство единоверцев моих полезных для детей учителей, каковых ныне, от непросвещения, почти по всей России не имеется, посредством коих существовавшая донныне в некоторых легкомысленных и непросвещенных магометанах необразованность в течение немногих лет преобразится в здравомыслие и примет приятный обществу порядок" ¹⁴.

Однако при всех этих заманчивых перспективах предложение муфтия не получило хода. Попечитель Казанского учебного округа Магницкий, правда, ухватился за него, но имел в виду не "здравомыслие", а православно-руссификаторские, миссионерские интересы. Осуществление этого проекта муфтия, писал Магницкий министру просвещения, даст возможность "без малейшего вида стеснения совести магометан с нужною осторожностью действовать к неприметному и постепенному их отклонению от ал-корана" ¹⁵. Естественно, что Оренбургское магометанское духовное собрание, силившееся доказать, что ислам для русского самодержавия выгоден не менее православного христианства, не могло согласиться с поправкой Магницкого. Муфтию Хусейнову пришлось молчаливо бить отбой...

Но этот случай, как и история с ал-Курсави, конечно, не мог остановить движения в пользу реформы ислама.

В 60-х годах XIX в. татарский богослов Хусаин Фаизханов (ум. в 1866 г.) в книге "Ислах мадарис" (Школьная реформа) разносит старые школы, находя их совершенно негодными, и предлагает проект реорганизации медресе, сводящийся в основных чертах в следующем:

"Нужно получить у русского правительства разрешение и денег для открытия в Казани высшего учебного заведения, в котором преподаваться будут не только религия, но и светские науки, и русский язык. Затем жизнь шакирдов (т. е. "студентов" медресе. - Л. К.), управление медресе, вся жизнь их и правила... должны быть точно такими, как в русских учебных заведениях или как в турецких школах нового типа" ¹⁶.

Дамулла Шихабуддин ибн-Бахауддин, известный под прозвищем ал-Марджани (см. гл. VI), тогда же выдвинул подробно разработанную программу реформ в исламе. При этом, как и обычно в истории религий, предложения ал-Марджани были прикрыты лозунгом возвращения к якобы утерянной первоначальной "чистоте" ислама. "Вернуть мусульман к основам древнеисламской культуры времен Мухаммеда", - гласил шестой пункт его программы. Но пять первых его параграфов убедительно свидетельствовали об обратном. Хотя и в несколько задрапированном виде, они говорили о том же, что и муфтий Хусейнов и Х. Фаизханов. Лишь умолчание о самодержавии характерно подчеркивало в предложении ал-Марджани осознание татарским капиталом себя как самостоятельного конкурента русскому капиталу.

Пять основных положений ал-Марджани были таковы:

"1. На любой религиозный вопрос каждый по своему уразумению из корана сам должен найти ответ.

2. Категорически покончить с обычаем слепого подчинения другим.

3. Изъять из медресе старые бесполезные книги схоластического содержания.

4. В медресе ввести преподавание корана-хадиса (т. е., очевидно, корана и сунны. - Л. К.) и истории ислама.

5. Не возражать против введения (в медресе) науки (светских наук) и русского языка" ¹⁷.

Эти чаяния реформистов ислама в царской России к 80-м годам XIX в. находят некоторое организационное выражение. В 1884 г. в Бахчисарае, бывшем одним из значительных крымских центров ислама (здесь было 32 мечети и 3 медресе),

открывается первый новометодный ("звуковой") мектеб с трехлетним сроком обучения. Организатором его являлся наиболее яркий выразитель интересов либеральных кругов татарской пореформенной буржуазии, крупный крымский помещик Исмаил-бей Гаспринский. Свои предложения о реформах в исламе он, публикует в 1881 г. в газете "Таврида", а затем издает их отдельной брошюрой, под заголовком "Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина". Для организованных новометодных школ Гаспринский издает хрестоматию "Ходжа субьян" (Учитель детей); с 1883 г. до своей смерти (1914) он выпускает в Бахчисарае приобретающую широкую известность еженедельную газету "Тарджуман" (Переводчик). Предпринимал он еще и очень многое другое с целью осуществления своих идей.

Сводилось это, главным образом, к вопросам просвещения, организации школьного образования мусульман. Вместо старых схоластических методов преподавания Гаспринский стремился ввести новые, европеизированные. От арабских слов "усул джаид" - "новый метод" - возглавленное им направление получило название новометодного, или джаидского.

Как выразитель интересов либеральных кругов татарской буржуазии пореформенного периода, Гаспринский стремился к созданию соответствующих условий для ее самостоятельной роли в "православном" государстве помещиков и капиталистов. Его лозунг: "Объединяйтесь в деле и языке", являлся прямым призывом к организации татарского капитала для успешной конкуренции с господствующим русским. В этом заключалась суть всех идей и действий Гаспринского. Задачи развертывавшейся национально-освободительной борьбы татар против русского самодержавия, согласно Гаспринскому, должны были всецело определяться этими принципами. Но Гаспринский не являлся выразителем интересов национально-освободительной борьбы трудящихся татар. Буржуазный национализм Гаспринского не отвечал требованиям подлинного национального освобождения трудящихся.

Отсюда понятно, почему Гаспринский неизменно намечал вполне легальные пути. При этом "легальность" простиралась столь далеко, что его программа без всякого преувеличения может быть названа программой всемерной поддержки русского самодержавия. Благополучное существование русского военно-феодального империализма является обязательным условием осуществления этой программы.

"...В моменты исторической необходимости, - писал Гаспринский в "Русском мусульманстве", - вошли в состав растущей Руси - царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Симбирское, Крымское, даже ханства Закавказья и в последнее время некоторые ханства Средней Азии где, по нашему мнению, Россия еще не достигла своих исторических естественных границ. Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюркско-татарские племена..."

Отмечает это Гаспринский без всякого сожаления. Наоборот, он считает, что границы власти русского военно-феодального империализма "должны дойти туда, (где) кончается населенность тюрко-татар в Азии. Граница... разделяющая Туркмению и Среднюю Азию на две части - русскую и нерусскую - может быть, политически необходима в настоящее время, но она, - по мнению Гаспринского, - неестественна, пока не охватит все татарские племена Азии... Таким образом, - заключает он, - мне кажется, что, в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы".

Захватнические аппетиты русского самодержавия представляются Гаспринским как от века завещанный самодержавию "божественный дар". "Провидение, - говорит он, - передает под власть и покровительство России массу мусульман с богатейшими землями, делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоєм..."¹⁸.

Гаспринский, о котором до сих пор еще пишут, как о прогрессисте и чуть ли не революционере, - прежде всего являлся певцом русского военно-феодального империализма. Самодержавную Россию - "тюрьму народов", он изображал, как их любящую мать. "Наблюдения и путешествия, - специально замечал он об этом, - убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к

покоренному, вообще чуждому племени, как наши старшие братья, русские". И к этому еще им делалась такая наглая сноска: "Недавние грустные события - избиение евреев в Южной России, как имеющие специальные, особые причины, не могут поколебать наше убеждение" ¹⁹.

Такой гнусностью пропитано все, что, вышло из-под пера этого "отца" джадидов. "Плоды" его учеников и последователей также недалеко падали от "дерева" своего прародителя. И свое "кадило" Гаспринский раздувал именно в ту эпоху, когда, по указанию Ф. Энгельса в письме к И. Надежде от 4 января 1888 г., Россия являлась "главным резервом европейской реакции".

"Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, - вот, - писал Энгельс, - по-моему, первое условие освобождения национальностей в центре и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним исчезнет злосчастное могущество, воплощением которого является ныне Бисмарк, и наша рабочая партия пойдет гигантскими шагами к революции. Австрия распадется на части, потеряв единственный смысл своего существования - самым фактом своего существования мешать торжествующему царизму поглотить разрозненные нации Карпатов и Балкан; Польша возродится; Малороссия свободно определит свою политическую позицию; румыны, мадьяры и южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои взаимоотношения и, освободившись от всякого иностранного вмешательства, установят новые границы; наконец, благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинную миссию, миссию цивилизатора Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы вместо того, чтобы посылать на эшафот и каторгу лучших своих сыновей" ²⁰.

Но разве это нужно было джадидам Гаспринскому и К°? Разве они были заинтересованы в действительном освобождении национальностей, во всемирной социальной революции, о которой здесь говорит Ф. Энгельс? Наоборот, эти господа прилагали все усилия к тому, чтобы укрепить русский Царизм, являвшийся кошмаром для всех народов. В 1896 г. И.-б. Гаспринский издает на русском и ряде восточных языков специальную брошюру - "Русско-восточное соглашение", где, под видом "мыслей, заметок и пожеланий", агитирует за полное подчинение России Босфора.

Если Ф. Энгельс в цитированном письме писал румыну И. Надежде, что "ваша независимость прекратится в тот день когда осуществится мечта царизма - завоевание Константинополя", то Гаспринские ратовали как раз за последнее. И понятно почему. Помещики и торгаши - господа джаиды надеялись хорошо погреть себе руки на этом деле. "От добрых отношений Востока, от доверия его к России, - писал об этом Гаспринский, - мы тоже можем многое выиграть. В силу географического положения между нею и Востоком должна развиваться самая бойкая и широкая торговля..."

"Представим себе, - фантазировал ненасытный господин джаид, - что Россия вошла в искренние, дружеские отношения с Турцией и Персией... При громадном авторитете халифа, весь мусульманский мир обратил бы свое доверие и симпатии к России. У проливов, ведущих к южной России, стояли бы не просто турки, а друзья России, при помощи коей проливы могли бы быть так укреплены, что действительно стали бы непроходимы для врагов... У Персидского залива, на левом фланге азиатской Англии, стояла бы Персия, а может быть, и Афганистан, сочувствующий России. Обеспечение южнорусских границ... путем прочного соглашения с прилегающими мусульманскими царствами дало бы очень большую силу русским силам на западе и крайнем востоке.

...Что же касается русских станций на Средиземном море и где-либо вблизи Индийского океана, то таковые могли бы быть приобретены или получены от Турции и Персии..."

И дальше:

"Имея за собой Турцию и Персию, Россия станет родной всему мусульманскому Востоку и... действительно пойдет во главе мусульманских народов и их цивилизации (читай: эксплуатации. - Л. К.), чего так упорно добивается Англия.

Добрые отношения белого царя к халифу мусульман дадут совершенно иное

течение мыслям и симпатиям 70 миллионов правоверных в Индии, и англичанам не легко будет доказывать побасенку о миссии и стремлении "казака" (русского. - Л. К.) погубить мусульманство, якобы защищаемое Англией и ее свободными учреждениями"²¹.

Всё это Гаспринский предлагает серьезно обсудить всем заинтересованным сторонам.

"Мусульманский мир, - говорит он, - должен знать и убедиться, что Россия не питает никаких враждебных чувств к исламу и народам, его исповедующим.

От доброго мнения мусульман Россия никогда ничего не потеряет, но извлечь пользу может".

Помочь самодержавной России и "мусульманам" И.-б. Гаспринский и стремится. Но он, как стреляная птица, осторожен. "Предупреждаем наших восточных читателей, - говорит Гаспринский в "Русско-восточном соглашении", - то мы не думаем им навязывать наш взгляд. Пусть мусульманские государства живут и развиваются вне всяких соглашений... Но, раз они чувствуют необходимость тех или других политических комбинаций, - мы советуем им помнить про могучую Россию... Россия может жить и развиваться сама по себе, без всяких союзов и соглашений, но не в таком положении мусульманские государства. Эту разницу не следует забывать"²².

"...В течение десятилетий, - подчеркивал В. И. Ленин,- почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения"²³.

Джадид Гаспринский ничего этого не замечает. Он считает, что завоеванные царизмом народы не только не обречены на вымирание, но, наоборот, процветают. "...В России, - писал Гаспринский,- мусульмане, за исключением кочевых киргизов, не беднеют, а напротив. Но, несомненно, и будущность киргизов устроится на более гуманных началах". Тишь и гладь якобы существовали между завоевателями и покоренными. "Мусульманин и русский, - писал Гаспринский, - могут еще вместе или рядом пахать, сеять, растить скот, промышленять и торговать..."²⁴.

Это говорилось о тех народах, в отношении которых, как отмечала резолюция X съезда РКП(б), "политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы посадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики - постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры)"²⁵.

Таким образом, как в вопросах внешней, так и внутренней политики русского самодержавия джадид Гаспринский был вполне благонадежен. В чем же заключалась "специфика" его учения? Какова была другая сторона лица Гаспринского, этого певца русского военно-феодалного империализма?

Гаспринский являлся идеологом растущей татарской буржуазии, в частности выразителем интересов ее либеральных кругов.

В пореформенную эпоху особенно, остро встал перед татарским капиталом вопрос об его полном уравнивании в правах с великорусским капиталом. В этот период конкуренция татарского капитала с его великодержавным собратом особенно обострилась. С завоеванием Россией Средней Азии исчезла монополия татарского капитала по торговле с имевшимися в Средней Азии ханствами. "Дар-ул-аман" (страна веры, ислама) теперь стала доступной для русского капитала. Капиталисты России могли обходиться без "мусульманского" посредничества. Между тем такое посредничество давало татарским толстосумам огромные барыши. Бухгалтерские книги ведущих такую торговлю татарских фирм ярко свидетельствуют об этом. Так, бухгалтерская книга фирмы Гани и Ахмеда Хусаиновых (Оренбург, Казань) дает такие любопытные цифры по стоимости в 70-х годах XIX в. товаров в различных районах ее деятельности²⁶:

Эта грабительская политика и в дальнейшем во многом способствовала развитию татарского капитала. "В годы, когда чувствовались предвестники революции (1905 г.-

Л. К.) в России, на границе с Азией заготовка мяса, обработка кишек, большие мукомольные мельницы были всецело в руках татар. В Среднем Поволжье из среды татар выделились такие крупные фабриканты-текстильщики, как Акчурины, Агишевы, Дебердеевы и другие. На Урале в руках татарских капиталистов оказались значительные золотые прииски (например, Рамеевых)"²⁷. Татарский капитал вступал на путь своего промышленного развития.

Экономические отношения в городе и деревне принимали капиталистический характер. Но идеологическая жизнь татар оставалась на уровне феодального периода. Происходило это потому, - как неоднократно подчеркивал т. Сталин, - что "сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения"²⁸. Школа, печать, живая проповедь мулл и т. п. пропитаны средневековой схоластической мишурой. Сектантство, как мы видели (см. гл. VI), этого также не искореняло. Джадиды пытались изменить такое положение. Для этого они избрали путь частичных, постепенно проводимых реформ. При этом осуществление их намечалось ими при активной помощи самодержавной России.

Предложения муфтия Хусейнова и требования Хусаина Файзханова, с которыми мы ознакомились выше, подтверждают это. Они мыслили себе осуществление реформы мусульманской школы и т. д. с помощью русского царизма. К этому же, хотя и в несколько иной форме, призывал Исмаил-бей Гаспринский.

Отмечая, что некогда "татарское господство" "способствовало выработке идеи единства Руси", Гаспринский заявлял, что, если это верно и "мы, татары, сколько-нибудь были полезны Руси", то долг платежом красен: пусть-де теперь нам русское самодержавие оплатит оказанные ему нашими дедами услуги! И ждать этого Гаспринский долго не хотел. Платеж должен быть срочный и полноценный, по новому курсу. "Мы, - восклицал Гаспринский, - желали бы, чтобы этот платеж был произведен уже не старой, азиатской, а новой, европейской монетой, т. е. распространением среди нас европейской науки и знаний вообще, а не простым господством и собиранием податей. Правда, до сих пор сами русские учились, но ныне они могут быть нашими учителями и наставниками"²⁹.

В чем же это конкретно должно было выразиться? "Мне кажется, - заявлял Гаспринский, извлекая затрепанный лозунг реформаторов о возвращении исламу "святой чистоты" давно минувших дней, - что русские сослужат великую службу отечеству и человечеству (?!), воскресив для своих мусульман... славные арабские медресе". Как хороший барышник, наш джадид объявлял это "дело" очень несложным и недорогим. "...Дать этому делу толчок, - по его словам, - не трудно и недорого. Надо лишь подвергнуть небольшим преобразованиям 9-10 медресе по России... чтобы поставить дело умственного развития русских мусульман на прежнее основание".

Для этого Гаспринский предлагал прежде всего снабдить медресе новыми вывесками. "Все преобразованные медресе, - мечтал наш джадид, - могли бы наименоваться "великими" или "перворазрядными" в отличие от тех, которые еще не подверглись преобразованию, и можно было бы дать их "сохтам" (студентам) некоторые преимущества и права. Сутью преобразования должно бы... быть введение в курс этих медресе преподавания элементарных общеобразовательных наук на татарском языке (сокращенные курсы географии, истории, естественных наук, арифметики с планиметрией, основания педагогики и краткое русское законоведение)... По три преподавателя, из коих один в то же время в качестве мударриса-директора... было бы достаточно на одно медресе. Это нововведение могло бы стоить.. по 7-8 тысяч на каждое медресе... На все 10... до 80 тысяч". Эти жалкие 80 тысяч рублей, по мнению Гаспринского должны были в фантастически короткое время дать чудовищно высокие проценты.

"В какие-нибудь пятнадцать лет, - мечтал "преобразователь", - русское мусульманство (вложив в руки Гаспринского 80 тысяч рублей. - Л. К.) вместо нынешнего невежественного духовенства имело бы развитое духовенство, образованных улемов; вместо нынешних тупых учителей (ходжей) - подготовленных... и развитых педагогов; и тогда можно было бы поднять курс начальных училищ до уровня требования времени и ввести в них... усовершенствованные методы преподавания

вместо существующих ныне долбления и палки"³⁰.

В выигрыше от этого, по Гаспринскому, в первую очередь должно было быть русское самодержавие. Для обеспечения беспроигрышности этой ставки джаиды просили царизм лишь признать приоритет татарского языка над языками всех других народностей России, исповедующих ислам. "...Нравственное обрусение мусульман, - убеждал Гаспринский, - может совершиться путем подъема их умственного уровня и знаний, а это может совершиться только путем признания за татарским языком прав гражданства в школе и литературе"³¹.

Лозунг о необходимости уравнивания языка угнетенной нации (татар) с языком угнетателей (русским) был одним из требований развивавшегося национально-освободительного движения покоренных русским самодержавием народов. Выставляя его в своей программе, Гаспринский стремился направить это требование в ложное русло, превратить его в орудие господства татарского капитала как над татарскими, так и над другими "мусульманскими" трудящимися.

Это стремление Гаспринского для татарских эксплуататоров не было новым. Татарские феодалы и купцы с весьма отдаленных времен смотрели на свой язык, как на политическое орудие. Значимость его, по их мнению, в большой степени обуславливала удачу их торговых и иных предприятий. В 1826 г. первый лектор татарского языка в Казанском университете Ибрагим Хальфин дал этому даже "ученое" обоснование. В составленном им "конспекте татарского языка" он писал, что "и татарский и турецкий - один и тот же язык... Сей общий турецкий язык так распространился, будучи языком обширным и легким, что во многих землях Азии, даже в самой большей части ее, употребляют его... Например, находятся такие люди из черни казанских и других татарских народов, которые хотя ничего не знают по-арабски и по-персидски, единственно с одним только своим языком путешествуют несколько времени по Азии и, ездя из города в город, торгуют небольшими своими товарами, нужными для тех стран и даже внутри самой Аравии, без всякого труда, доезжают до Мекки и таким образом исправляют свои желания, возвратившись же в свои земли с разными тех стран товарами, с весьма дорогими книгами, писанными различными хорошими почерками и переведенными на татаро-турецкий язык, и с, арабскими и персидскими книгами, и продают оные с хорошим для себя барышом. Таким образом, от небольшой своей торговли приобретают так много, что сверх издержек на пути, остается еще у них на приумножение своего капитала. Кратко сказать... общ и легок язык у сих народов..."³².

Татарский язык - двигатель торговли, такова основная мысль этого высказывания Ибрагима Хальфина. Вторили ему и последующие татарские ученые, развившие содержащиеся у Хальфина пантюркистские элементы. Например, в цитированном нами (см. гл. VI) сочинении Кайюма Насырова "Фа-вакиг ул-джуляса" с такой же тенденцией повествовалось о преимуществах татарского языка над остальными и т. п.

Таким образом, обострившуюся благодаря процессу консолидации татар как нации проблему языка идеологи татарской буржуазии используют в своих интересах. Татарская буржуазия начинает жонглировать "общностью" своего языка с языками народов Средней Азии и некоторых других территорий как векселем на отдачу ей монопольного (или равного с русскими) права на эксплуатацию этих народов.

Именно последнее имел в виду Гаспринский, когда заявлял, что "если цивилизацию Востока водворили на Западе римляне и арабы, то, может быть, провидение предзначило, русских и татар к водворению западной на Востоке"³³.

Догнать "старшего брата" - русский капитал - такова была задача татарской буржуазии. При этом, поскольку в руках русского царизма уже находились Средняя Азия и ряд других "мусульманских" областей, обойти русский капитал грубо оттолкнув его, было, невозможно. Как мы уже отмечали, пришлось избрать другой путь: прославляя русское самодержавие, стремиться к созданию соответствующих экономических и культурных условий для обеспечения татарской буржуазии соответствующего места под капиталистическим солнцем. В пореформенный период такие мысли проводились и в татарской художественной литературе.

В изданном в конце XIX в. стихотворном "Поучительном рассуждении о пьянстве" уже нельзя было найти, например, суфийского указания Джелял-эд-дина Руми (XIII в.):

"Человек божий пьян без вина;

Человек божий сыт без жареного мяса.

Человек божий всегда в восторженном изумленья и забыты;

Человеку божьему не нужно пищи и сна"³⁴.

Теперь все стало трезвым и рассудительным. "О, братья-мусульмане, - восклицало "Поучительное наставление", -... нужно дать зарок не пить вина. Многие люди, на наших глазах сбившиеся с пути (буквально: "вышедшие из дела".- Л. К.), дали зарок, перестали пить и опять сделались богачами". А быть таковыми, по, словам этой литературы, нужно обязательно. "Если бы у нас было богатство, - повествовала изданная в то время "для молодых учеников татарских школ" "Книга размышления", - то мы имели бы благоустроенные храмы и школы, учителя и ученики которых могли бы без затруднения получать содержание, и тогда у нас появились бы хорошо образованные люди, которые избавили бы нас от мрака невежества... Что же касается настоящего времени, то у нас совершенно нет студентов, достигших совершенства в науках, потому что нет для их образования хорошо обставленных школ. Все это зависит от богатства, а богатство добывается путем промышленности и торговли"³⁵.

Обеспечить этот путь для буржуазии мусульманских народов царской России, в первую очередь для татар, и были призваны насаждавшиеся джадидами новометодные школы. В их программы, как сообщал Гаспринский в 1881 г. (см. выше), входил некоторый общеобразовательный минимум знаний необходимый для элементарной ориентировки татарской буржуазии. Это являлось ее прямым социальным заказом. Материальная поддержка татарской буржуазией новометодных школ - лишнее подтверждение этому. Так, один из владельцев упоминавшейся нами фирмы Хусаиновых, Гани-бай, построил и в основном содержал медресе "Хусейнийе" в г. Оренбурге.

Ставя себя в пример всей учащейся молодежи, Гани-бай рассуждал так:

"Эта голова ворочает 20-миллионным состоянием; управляет собственными конторами в Германии, Америке, Лондоне и Париже. Но эту самую голову за 12 лет с трудом обучили расписываться и ставить цифры. В этом виновата не моя голова, а головы старых хальфа (т. е. старометодных преподавателей. - Л. К.). Вы вот обучаетесь "джадидски", по-новому. Быстрее обучайтесь, а вы, учителя, быстрее обучайте. Учитесь не только читать и писать: обучайтесь и счету. Нашей фирме нужны конторщики"³⁶.

Однако, неверно было бы думать, что джадидские школы носили вполне светский характер. Нет, за религиозными дисциплинами в них было оставлено первое место. Татарская буржуазия не намерена была отказываться от услуг ислама. Либеральный Юсуф Акчурин, бывший вождем татарских кадетов и состоявший членом центрального комитета кадетской партии, говорил: "наш лозунг: при каждой мечети - одна школа".

Программы наиболее радикальных из высших учебных заведений джадидов, существовавших, главным образом, в Татарии и Башкирии, имели следующий вид:

I. "Рушдия, с 3-летним курсом обучения, включали в себя предметы:

1. Коран, таджвид (руководство для правильного чтения корана).

2. На языке "турки" гильмухал, гакаид, фикх (учебники, выясняющие догматы, обряды и законоведение ислама).

3. Грамматика, синтаксис арабского языка и арабская речь.

4. Правила поведения, история ислама, начальная гигиена.

5. Орфография "турки", грамматика.

6. Арифметические действия, дроби, правила геометрии.

7. География.

* По предсказанию пророка, - проводил здесь Черезанский "Historisch-kritische Einleitung in den Koran" Г. Вейля (1844),- ислам должен разделиться на 73 раскола.

** Иомуды и текинцы (теке) - два туркменских племени.

8. Начальная педагогика.

9. Чистописание.

II. Игдадия, с 4-летним курсом обучения.

1. Изучение корана, толкование корана, изречения Мухаммеда.

2. Фикх, фараиз (эти книги содержали догматические и законоведческие вопросы мусульманского богословия).

3. Арабская литература.

4. Шариатское право, логика, ораторское искусство.

5. Алгебра, общие сведения об астрономии.

6. Общая география, государственные законы России.

7. История ислама, всеобщая история.

8. Литература "турки".

9. Начальная педагогика"^{36а}.

Мнение "ученых христиан" буржуазной Европы о том, что «мусульманин отличается по преимуществу ненавистью к науке...», в конце XIX в. стало яростно опровергаться даже консервативными представителями мусульманского богословия в России. Делалось это потому, что в этот период чалмоносные выразители интересов эксплуататорских классов мусульман России хорошо поняли, что "наука... создает военное и промышленное превосходство"³⁷.

"Нам очень часто приходится слышать, - писал в 1887 г. петербургский ахунд, имам и мударрис Атаулла Баязитов (Ум- 1911 г.), - ...будто бы отсталость мусульманских народов находится в связи с их религиозными понятиями". Это - "ложное мнение", - заявлял он. Но средневековье в его сознании жило еще глубоко. "Всевышний и всеведущий - писал он, - есть источник всех наук и познаний... Первое и высшее из всех знаний есть богопознание, наука - дочь религии. Дочь никогда не должна кичиться и возноситься перед матерью..."³⁸.

Недалеко от этих установок Баязитова находились позиции наиболее прогрессивных кругов джаидов. Провозглашавшиеся ими лозунги о необходимости развития науки и техники полностью подавлялись призывами к восстановлению "первоначальной чистоты ислама", т. е. к всемерному утверждению власти злейшего врага всякого подлинного знания - религии, ислама. Приведенные выше программы "прогрессивных" высших новометодных школ - медресе рушдия и игдадия, надеемся, достаточно подтверждают это. О том же в разное время говорили в своих выступлениях в печати и т. п. наиболее видные деятели джаидизма.

Особенностью проповедуемых ими идей являлось стремление к всемерной рационализации ислама, его "подчистке" и приспособлению к требованиям нового времени. Так, средневековые схоластические "знания", которые давали ремесленные рисоля (см. выше), по мнению джаидов, требовали известного изменения, "согласования" с наукой. В 1903 г. с таким предложением на страницах "Туркестанской туземной газеты" выступил известный среднеазиатский новатор Махмуд ходжа Бех - буди.

Опубликованное Бех-буди воззвание по поводу напечатанного, в "Туркестанской туземной газете" (в № 23 за 1903 г.) рисоля плотников обращалось ко всем грамотным мусульманам Туркестана с призывом о необходимости принятия мер, к искоренению и исправлению распространенных среди ремесленников рисоля.

"Бех-буди возмущался шарлатанством некоторых ишанов и мулл и их невежеством, ведущим к тем грубым искажениям догматов шариата, которыми проникнуты рисоля. Он возмущался, например, содержащимися в известной рисоля плотников "чепухой, глупостью и неверием" и особенно той частью ее... где упоминается о том, что "владеющий правом давать "такбир" может занять место святых: Адама, Ноя Авраама и святого Мухаммеда. Ходжа Бех-буди предлагал всем ремесленникам передать это рисоля грамотным ученым (читай: модернизированным мракобесам.- Л. К.), муфтиям, мударрисам для исправления этих нелепых мест, самим ремесленникам принести раскаяние в своем заблуждении и, прекратив таким образом нарушение религии и закона, принять меры к искоренению зла, которое распространяется посредством рисоля различными пирами, ишанами, учителями и всеми теми, которые "являлись

распространителями такбира и собирались воссесть на места пророков"³⁹.

Выставлявшиеся Бех-буди требования в области реформы установлений ислама, таким образом, являлись весьма куцыми. Их, пожалуй, можно сравнить лишь с пересмотром и исправлением германских цеховых статуты в XVIII в.

Бех-буди не был первым среднеазиатским и бухарским джадидом. Он так же, как и Гаспринский, имел, предшественников. Среди последних надо назвать индо-персидского поэта XVIII в. Бидиля и таджикского поэта, романиста и ученого середины XIX в. Ахмеда Махзума, по прозванию Каллэ. К ним примыкают вышеупоминавшийся выученик медресе Бухары ал-Курсави и некоторые другие бухарские богословы. Все их требования отличались крайней нерешительностью, боязнью зайти в критике существующего феодального строя сколько-нибудь далеко. Воспринятая многими из них бидилевская форма выражения своих идей лишь усугубляла это. Ибо критика феодализма и его орудия - ортодоксального ислама - в произведениях Бидиля "замаскирована необычайно усложненным стилем, из-за которого чтение этих произведений представляет величайшие трудности"⁴⁰.

Но, говоря о Бех-буди и других джадидах дореволюционной, эмирской Бухары, нельзя ставить их в один ряд с джадидами царской России. И это несмотря на то, что бухарский джадидизм в конце XIX и начале XX вв. был в известной мере экспортирован из самодержавной России.

Политическая платформа бухарских джадидов, насколько дается выявить по существующей документации, имела некоторое отличие от программы "русских" джадидов. Если как мы видели, Гаспринский и К° желали всемерного стирания и укрепления власти русского военно-феодального империализма в странах так называемого мусульманского Востока, то джадида Бухары, стремясь приспособить эмират к своим буржуазным интересам, не лишены были намерения осуществить это, освободив свою страну из под сапога царской России.

Однако путь бухарских джадидов, хотя и имел антиимпериалистическое или, вернее, антирусское (ибо от установления турецкого протектората они были не прочь) направление, не был революционным. Поэтому не правы те исследователи, которые, подобно узбекскому писателю Амиру Сагирджану, заявляют, что "джадид - это большевик". Или, когда они, говоря о Бех-буди, пишут: "Вспомните о поэте Бех-буди, он восстал в Бухаре против тирании эмира, он призвал народ к мятежу за право знания. За освобождение родины от молитвы и деспота"⁴¹.

Какова же была позиция Бех-Буди? Стоял ли он за "освобождение родины от молитвы и деспота"?

Ни в малейшей степени! Наоборот, Бех-буди, как мы видели на примере с рисоля, стремился лишь подчистить, подновить, а следовательно и упрочить те цепи, которыми бухарский эмир с его челядью сковывали подвластные им трудящиеся массы. И позолотой этих "пиллюль" был занят не один Бех-буди. Это было общее дело бухарских джадидов. Секрет его заключался в том, что они не желали делить результатов предлагаемых ими рецептов с царской Россией. Бухарские джадида стремились вывести деспотию своего эмира на путь политической и экономической независимости *.

Для достижения своих идеалов, джадида "возмущались" тяжелой участью трудящихся ("жигелей") в владениях бухарского эмира. Целый ряд программных произведений бухарских джадидов довольно пространно толковал об этом. Особенно характерны в этом были пользовавшиеся большой популярностью полубеллетристические сочинения одного из крупнейших идеологов дореволюционного бухарского джадидизма Абд-ар-Рауфа Фитрата.

Среди работ Фитрата особенно выделялись "Муназара" (Спор), "Байанат-и сайях-и хинди" (Рассказы индийского путешественника) и стихотворный сборник "Сайха" (Крик). Все эти произведения были написаны Фитратом на персидском языке во время его эмиграции в Константинополе, где и были изданы. "Несмотря на всяческие запреты, - как отмечает т. Файзулла Ходжаев, - книжки Фитрата распространяются (в Бухаре. - Л. К.) очень хорошо, их читают с большим интересом во всех слоях

общества, вокруг них ведутся споры" ⁴².

Преследовали чтение этих книг как бухарское, так и русское правительства. Правда, последнее делало это, очевидно, лишь первое время. В 1913 г. в Самарканде в издании Махмуда ходжи Бех-буди были опубликованы на русском языке отдельной книжкой фитратовские "Рассказы индийского путешественника" ("Бухара, как она есть"). Имя автора, обозначенное в этом издании ("Абд-ур-Рауф"), вряд ли могло ввести в заблуждение царскую цензуру. Действительный автор "Рассказов индийского путешественника" хорошо был известен Русскому правительству ⁴³.

К. Маркс в 1857 г. писал:

«Поскольку буржуазная экономия не идентифицировала себя, впадая в мифологию, начисто с прошедшим, ее критика прежнего, именно феодального [общества], с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, которую христианство совершало по отношению язычеству или протестантизм по отношению к католицизму» ⁴⁴. Критика господствовавших в эмирской Бухаре феодальных установлений со стороны джадидов была вполне аналогична этим христианским и протестантским "критикам". Вот несколько примеров.

В главе IV мы говорили о большом распространении в исламе различных культов местных "святых". В частности отмечали, что очень популярен культ среднеазиатского мистика Баха-уд-дина Накшбенда, могила которого находится близ г. Бухары. Культ этого "святого" неизменно служил целям обожествления эксплуататорской власти бухарских эмиров. Как же критикуют эту "твердыню" феодализма бухарские джадиды?

В "Рассказах индийского путешественника" Фитрат пишет:

"Прибыв к месту своего путешествия (к могиле Баха-уд-дина.- Л. К.), мы... вошли... в самое место паломничества и увидели следующее: обширный двор и в передней части его могила Накшбенда, народ по одному и по два совершает религиозное хождение вокруг этой могилы. Я также обошел вокруг могилы (не для религиозного обхода, а только для того, чтобы быть осведомленным о том, что там происходит) и увидел, что около могилы в некоторых местах лежат собранные бараньи рога, в других повешены кисти из волос лошадиных хвостов. Ходжи (распоряжающиеся в этом "святом" месте. - Л. К.), взяв за воротник деревенских паломников и приговаривая "иди на паломничество к рогам пира", заставляют целовать эти рога и за это берут с них деньги. Бедные простолюдины... поцеловав эти рога, трут ими себя по глазам. В это время один из ходжей, взяв в руки кисть из лошадиного хвоста и сказав: "совершай паломничество", помазал ею меня по лицу. Очень рассердившись, я сильно ударил его по уху (!) и пошел дальше. Тут я заметил, что каждый из паломников, окончив обход могилы, прикасается своей головой к древку знамени, стоящего у мазара, трет свои глаза этой палкой и, плача, в продолжение пяти минут не отнимает головы от нее...

Когда я вышел вон из этой мечети, то по указанию моего друга мы вошли в чайхану... два или три бухарца... сели около нас... Один из них, взглянув на меня, сказал:

- Как вы нашли этот мазар?

- Место очень прекрасное и достойное уважения из-за могилы святого Накшбенда. Только относительно паломничества к этому мазару в сердце ко мне закралось важное недоумение.

- Какое недоумение?

- Это что за палка, которую подняли над могилой?

- Это знамя мазара.

- Оно осталось от самого Баха-уд-дина?

- Нет. Эта палка является указанием могилы святого; время от времени ее заменяют новой...

- Так зачем же народ поклоняется ей и молится?

- Поклонения (молитвенного) не делают, а только, положив на нее голову (из уважения), просят о своих нуждах.

- А разве это не поклонение?.. Совершать поклонение из уважения или молитвенное - безразлично - в нашем шариате недозволено никому, кроме бога...

- Вы относительно Баха-уд-дина выказываете непочтительность! - заметил мой оппонент.

- Боже сохрани! Я никогда не был и не буду непочтительным по отношению к святым! Я не говорю, что святой Бэха-уд-дин был плохой человек и чтобы никто не приходил посетить мазар его. Пророк сказал: "Совершайте паломничество к могилам, потому что посещение могил напомнит вам о том мире". Да, если паломничество к мазарам предпринимается с целью вспомнить о смерти и страшном суде, то это доброе дело, но... нельзя это уподоблять идолопоклонству... Сегодня во всей Бухаре нет ни одного человека, который не произносил бы каждое мгновение вместо "о, боже!", "о, Баха-уд-дин!"... (Это) не согласуется с мусульманским шариатом... Мы любим пророка Баха-уд-дина, почитаем его, совершаем паломничество, но не следует, чтобы эта наша любовь, почтение и паломничество, выйдя из границ шариата, сделали бы нас как бы поклонниками Баха-уд-дина"⁴⁵.

Таким образом, Фитрату в культе Баха-уд-дина не нравилось лишь отождествление его с культом аллаха. Как выразитель интересов буржуазии, "интеллигентствующий" Фитрат хотел бы рационализировать, приспособить к новым интересам его хозяев культ этого мрачнейшего представителя средневекового мусульманского мракобесия - Баха-уд-дина. В нем его корбила только средневековая мишура: не сдерживая себя, Фитрат даже дает "по уху" священнослужителю, помазавшему его кистью из волос конского хвоста, священный порыв средневековой набожной мечтательности ему не нужен. Но он, представитель восходящего класса буржуазии, вообще не против религии и почитания Баха-уд-дина. Надувательство широких трудящихся масс с помощью ислама ему нужно. Он хочет лишь иметь в этих средствах одурачивания трудящихся оружие, полностью отвечающее его джадидским требованиям.

"Я не говорю, - пишет Фитрат в 1908 г. в "Муназара", - чтобы вы не веровали в чудеса святых. Я говорю лишь, чтобы вы, возложив свои дела на Баха-уд-дина, сами не пребывали в беспечности".

Полагаться только на "святую добродетель" в век воинствующего капитализма, по Фитрату, - безумие. Шариат, говорит он, обращаясь к старорежимным мракобесам, не может "допустить, чтобы в то время, когда неверные наносят со всех сторон удары драгоценному существованию ислама, вы, горсть ученых - любителей комфорта, не думали о спасении этой драгоценности, веры ислама, и даже признавая это, дело обязанностью Баха-уд-дина, сами со своими семьями увлекались едою вкусных блюд.

Почему, - продолжает он, - вы поручаете ислам... мертвым, а сами становитесь в стороне?" Такая политика, по утверждению Фитрата, неизменно влекла лишь к гибели.

"Обширное государство Андалусское, которое в течение четырехсот пятидесяти лет пребывало во власти мусульманских государей по беспечности и небрежности перешло во власть испанских христиан... Почему тамошние святые не восстанут из своих гробов и не освободят ту мусульманскую страну из рук неверных? Потому что они за время жизни своей исполнили свое назначение и после смерти дела не имели... Взгляните на Индию и Египет..., эти священные мусульманские земли попираются наглыми распоряжениями англичан, и все-таки ни один из тамошних прежних святых не совершил чуда для изгнания их... Уже много лет, как русское правительство завладело Самаркандом. Нет насилия, которому бы не подверглись тамошние мусульмане... Все это страшный удар для существования ислама. Почему Шах-и-Зинде, двоюродный брат пророка, не выгонит оттуда русских? Разве это не его обязанность?..

Зачем далеко ходить, - продолжает Фитрат, - самую Бухару русские взяли или нет? Если не взяли, почему каждый день эмир получает предписания от императора, а кушбеги от политического агента?

Может быть, скажут, что эти распоряжения носят дружественный характер, но я спрошу с полным почтением, почему... и от эмира не дается распоряжения русскому правительству? Если же Бухара взята русскими, почему не освободит ее Баха-уд-дин? Разве это не есть его обязанность?.." ⁴⁶.

Да, отвечал Фитрат, "это не их обязанность". Они-де в свое время отслужили своим господам и пригодны теперь лишь для морочения голов широких трудящихся масс, которые могут верить даже в их когда-то якобы имевшие место "чудеса". Вы же,

"ученые" мракобесы, те, которых растущей бухарской буржуазии было выгодно перетянуть на свою сторону, должны бросить это! Наш девиз - "Время деньги!" Слушайте голос "мусульманского мира":

Чем культурнее народы, - заявляла передовица газеты "В мире мусульманства" от 10 июня 1911 г., - тем большую силу и значение приобретает в их практической жизни этот новый девиз современных мудрецов. Но мы мусульмане, до сих пор еще не выучились этому правилу... И жизнь... постоянно ставит нам за это плохие отметки"

⁴⁷.

Исправить эти отметки на хорошие, усвоив указанный капиталистический девиз, и призывали бухарские джадиды. Они стремились смести все, что мешало утверждению господства капиталистических отношений.

Бухарская буржуазия ни к экономическому, ни к политическому господству не пришла. В Бухаре господствовал феодализм, шедший на поводу у русского военно-феодалного империализма. Даже наиболее либеральные круги бухарской буржуазии и связанные с ними мещанские и интеллигентские элементы не могли вполне порвать связывавшую их с эмиратом феодальную пуповину.

Робость бухарских джадидов объяснялась этой половинчатостью их социальной программы. У Фитрата это особенно проявилось в "Рассказах индийского путешественника", которые по своей политической заостренности значительно уступают "Муназара", сводя почти к нулю требования национально-освободительной борьбы против царской России.

Вот несколько примеров. Как повествует Фитрат в "Рассказах индийского путешественника", после посещения им (Фитратом) мазара Баха-уд-дина, он, сидя в чайхане, увидел, что "какой-то человек, остановившись прямо на дороге... и читая высоким голосом, с неприятными жестами стихи", привлек к себе внимание народа,

"Я, - пишет Фитрат, - спросил у своего приятеля (тоже бухарского джадида. - Л. К.):

- Это кто такой?

- Это рассказчик; говорят, также и проповедник.

- Да ну?!! Проповедники - люди очень хорошие; они призывают мусульман на путь истины. Необходимо слушать их речи... Мой друг, рассмеявшись, сказал:

- Если так, то послушайте!

Рассказчик смешным голосом начал свою повесть.

Но что это была за повесть! Сам он своими движениями занятнее обезьяны... Например, он говорил: "Пророк Али одним криком своим приводил в трепет шестнадцать фарсангов (т. е. 128 верст. - Л. К.) земли... Взяв за пояс "заблудившегося с немытым лицом", бросил к небу так, что он совершенно скрылся из глаз народа; через несколько времени явился, кувыряясь в воздухе; затем, опять, протянув руку, взял его за пояс и, повернув вокруг головы, ударил о землю так, что тот сделался мягким, как сурьма"...⁴⁸

Фитрату - "индийскому путешественнику" это не нравилось. Однако он все наблюдал. На другой день там же, в Баха-уддине, он увидал бачей.

"О горе мне! - воскликнул он. - По соседству с этим благословенным раем (мазаром Баха-уд-дина. - Л. К.) открыта дверь в геенну проклятия... Посреди чайных лавок сидит народ, образовав кружки по 5 или 10 человек; посреди каждого кружка находится небольшой мальчик; ребенок с невинными движениями тела... читает два-три стиха из заученных им наизусть. Присутствующие... с сатанинским видом бросают на него взгляды, подобные фонтану похоти. От этого гнусного и богомерзкого зрелища дрожь охватила все мои члены; я с головы до ног закипел гневом и вне себя начал говорить:

- О, Мухаммед! Если возможно, встань! Встань! Посмотри... Дай средство для исправления этих (людей) или же, подобно племени Лота, скрой их под землю. Не допусти, чтобы существование этих бесстыжих замарало значение корана".

А дальше что?

Дальше, говорит Фитрат, "мой спутник (тоже джадид. - Л. К.), взяв меня за руку, сказал:

- Пойдем!

Я покорно вышел за ним; сев на фаэтон, мы поехали к моему другу". Здесь... "я хорошо проспал эту ночь"⁴⁹.

Фитрат-путешественник заболел в г. Бухаре. К нему призываются туземные "врачеватели", предлагающие ему всевозможные наговорные снадобья и т. п. "лекарства". Фитрат их высмеивает и зовет практикующего в Бухаре русского доктора. Восхваляя его, он полностью присоединяется к его предложению об организации европейского медицинского обслуживания Бухары. При этом Фитрат заявляет, что "...преобразовать одну из бухарских медресе в специально медицинскую, назначить вас (русского доктора. - Л. К.) ее директором, пригласить для нее из Европы преподавателей и ежегодно отправлять несколько человек, способных молодых людей, для получения медицинского образования в Россию - все это отнюдь не противно нашему шариаду, потому что пророк сказал об этом так: ищите науку, хотя бы она была в Китае..."

На указание русского врача о нереальности этих разговоров из-за господства в Бухаре феодально-клерикального режима Фитрат вполне серьезно советует: "...у бухарского правительства, наверное, есть сведущие и умные люди; вы расскажите им все это, думаю, что они согласятся с вашим мнением"⁵⁰.

Далее.

Молодой бухарский джадид, приятель Фитрата, "индийского путешественника", рассказывает ему о положении школьного дела в Бухаре.

"В Бухаре, - говорит он, - есть около 200 медресе, и все они разделяются на три категории: высшие, средние и низшие".

Из них 33 высших медресе имеют от принадлежащих им вакфных имуществ 2 815 000 тенег, или 422 250 руб. ежегодного дохода. 39 средних медресе от своих вакфов имеют 961 000 тенег, или 144 150 руб. в год. Более ста низших медресе имеют в среднем 500 000 тенег в год. Кроме того, в Бухаре имеется 300 начальных школ и 11 библиотек с годовым вакфом в 43 100 тенег, или 6 465 руб., 20 больших и 20 малых кухмистерских с ежегодными доходами от вакфов в суммах от 4 до 40 тыс. тенег, 5 или 6 школ для чтения корана, 40 домов для ритуального омовения, опять-таки со значительными доходами от вакфных имуществ.

"Вот она, - восклицает молодой приятель нашего "путешественника", бухарский джадид, - священная Бухара, воспитавшая 400 000 ученых людей и разославшая их во все концы мира. Раньше она была владычицей таких могучих сил... Теперь, - увы!! Это небо солнца образованности, этот рай мира человечества, этот благоустроенный дом наук мира, эта аудитория познаний для всего света при наличности всех вышеуказанных путей (т. е. многочисленных медресе, их богатых вакфов и т. п. - Л. К.) для прогресса стала страной, окруженной горами глупости и закованной в цепи презрения... Что же удивительного?.. Все эти обители благ и постоянные огромные суммы денег сделались презренными домами нескольких не знающих бога узурпаторов и привели в кипение котел подлости и испорченности небольшого общества обжор?.. Во всем городе мы не имеем ни одного... человека, который мог бы без ошибки прочитать и разъяснить нам не только страницу толкования корана или хадиса (изречения или рассказа о поступке пророка Мухаммеда. - Л. К.), но даже два-три арабских стиха!!

...Общество ученых, которое захватило в свои руки все пути к нашему благоденствию... какие может дать нам знания? А вот какие: из области законовещения: всякий, кто во время омовения высморкается пальцами своей левой руки или будет мыть ноги не с правой стороны, будет в продолжение семидесяти тысяч лет гореть в аду; всякий, кто, хотя бы один раз, не сделает приветствия какому-нибудь из улемов, будет кафиром; всякий, кто пройдет, хотя один раз, по той улице, которой когда-нибудь коснулась нога улема, будет без счета его грехов и без мучений пропущен в рай... из области верований: на четвертом небе есть некий ангел, у которого семьдесят тысяч голов, у каждой головы семьдесят тысяч ртов, в каждом рту семьдесят тысяч языков, и каждый язык может говорить на семидесяти тысячах наречий...

О, бедный народ! Все твои законные права отняты; ты тоже теперь приверженец

узурпаторов. Кровь твою сосут, имущество твое пустили по ветру, под фундамент чести твоей и репутации подложили огонь, а ты не знаешь этого. Не только не знаешь и не понимаешь, но то общество знающих людей (т. е. бухарских джаидов. - Л. К.), которые, правильно поняв свою задачу весьма ревностно принялись за улучшение твоего положения, желая из тех грандиозных зданий и огромных сумм, которые оставили твои предки для охраны твоей репутации, вновь извлекать пользу... - ты их называешь кафирами... Горе, горе!!

- Действительно, - отвечал на это Фитрат - "индийский путешественник", - положение Бухары и бухарцев достойно сожаления, и богомерзкие действия ваших улемов служат причиной духовного небытия этой нации; но, дорогой брат... не одни только ваши ученые таковы... улемы всего мусульманского мира в продолжение последних трехсот лет совершают, такого же рода преступления. До вчерашнего дня большинство ученых турок, татар, индусов и персов, подобно вашим, пили кровь своего угнетенного народа. Только те нации, раньше вас вникнув в положение дела... в течение непродолжительного времени отделив действительно истинно-ученых от мулл - поклонников собственного брюха, возложили первым на голову корону, а вторых попарили ногами...

Закон божий таков: пока какой-нибудь народ согласует все свои дела и поступки с велениями господ, всю жизнь свою будет проводить счастливо, благородно, спокойно и в довольстве. ...Но как только... сойдут с пути истины и справедливости, тотчас же честь их заменится бесчестьем, покой - затруднениями, а величие - унижением... Когда же народ этот, потерявший свой путь... откроет глаза от сна беспечности и приложит все свои заботы и старания к тому, чтобы снова собрать вместе все, нужное для благоденствия, всевышний бог ниспошлет... лекарство... и возвратит все... милости. Нужно благодарить бога, если теперь являются... юноши, подобно вам и вашим единомышленникам (т. е. джаидам. - Л. К.)... Вы... не имеете науки, но я с уверенностью могу сказать, что... у вас в городе есть все, что служит для обучения... Так, для того, чтобы необразованный народ стал ученым, нужны три вещи: деньги, школы и старание с трудом; слава богу... в Бухаре медресе существуют, деньги тоже есть... старание и труд тоже есть... Одно лишь плохо, что способ расходования ваших денег неправилен и вакфы ваших медресе не устроены. Реорганизация того и другого очень проста; я положительно могу утверждать, что справедливый эмир, обладающий светлым разумом, и его везирь, боящийся бога и благовоспитанный, могут прекрасно реорганизовать все это... Как только какой-нибудь справедливый эмир и его сведущий везирь возьмутся за преобразование ваших медресе, в тот же самый день вы увидите открытыми в Бухаре пятьдесят высших школ, сто пятьдесят подготовительных и триста шестьдесят начальных"⁵¹.

Итак, к чему свелась, вся "революционность" Фитрата, этого крупнейшего идеолога бухарских джаидов? Всего лишь к борьбе за своего, эмира. Т. е. за эмира, который путем частичных реформ повел бы страну по капиталистическому пути развития. Заявление, сделанное Фитратом в 1929 г., что "нельзя меня причислить к сторонникам эмира, ибо известна моя борьба против эмира и мое руководство организациями, борющимися с ним", ничего не меняет⁵².

Наоборот, приведенные нами примеры (не принимавшиеся во внимание в полемике Фитрата и А. Хашимова с Дж. Байбулатовым в 1929 г.) показывают, что Фитрат не только в своем непосредственном обращении к бухарскому эмиру (в "Муназара"), но и в других своих работах стоял за эмира. Однако, конечно, как джаиду, Фитрату не нужен был старый, идущий на поводу у русского самодержавия, окруженный местными бухарскими феодалами эмир. Бухарские джаиды стояли за своего, джаидского, "буржуазного" эмира, который мог бы обеспечить им (джаидам) фактическое господство.

Резкое опровержение со стороны Фитрата - "индийского путешественника" доводов своего "молодого приятеля" о "ненадежности народа" лишь подчеркивает эти устремления джаидов. Выступая против указания своего "приятеля", что народ "тоже теперь приверженец узурпаторов" (см. выше), Фитрат пишет, что "...для реорганизаторов нет лучшего вспомогательного средства, как надежность народа"⁵³. О

чем это говорило? Да только о том, что национально-освободительная борьба трудящихся эмирской Бухары против "своих" и иноземных (российских) угнетателей рассматривалась джадидами лишь как средство для достижения ими власти. При этом бухарские джаиды использовали уже знакомое нам по лозунгам "русских" реформистов ислама оружие, объявляя свою программу завещанной от бога и его пророков.

Для последнего, джадидами, применялся метод оплакивания исчезнувшей "независимости" средневековых феодальных деспотий Востока. По форме этот прием роднил их произведения с трудами мусульманских мистиков позднего средневековья, как например с вышеприведенным ишаном Хувайдо. В качестве примеров мы уже приводили извлечения из работ Фитрата.

В упомянутом сборнике "Сайха", изданном в Константинополе в 1910 г., Фитрат также писал:

Наряду с этим призыванием праха давно умерших "святых" деспотов, что противоречило данной Фитратом же установке на живых (см. выше), джадидами использовались и панисламистские идеи (см. гл. VIII). В них же был обряжен бухарский национализм джадида, доходивший до пропаганды антисемитизма и т.п. идей. "Общемусульманские" интересы заслоняли все остальное. С первых строк своих "Рассказов" Фитрат-"индийский путешественник" заявлял об этом:

"Выйдя из вагона в Кагане, я... отправился в город Бухару... Вскоре я подъехал к воротам города, и экипаж остановился; я спросил:

- Что такое?

- Кто-то ответил: "После заката солнца прошло 4 часа, поэтому ворота города заперли и никого не пускают"...

Однако "путешественник" видит, что, несмотря на общий запрет, люди миршаба (полицейские) услужливо распахивают ворота перед подъехавшими в собственном

экипаже купцами. Фитрат возмущен; но не тем, что для богача делается изъятие из общего правила, а тем, что в привилегированном положении оказались случайно иноверцы, а не мусульмане.

Фитрат-"путешественник" протестует,

"Я громким голосом произнес:

- О, господи! Чем провинились последователи Мухаммеда? Один молодой человек с... интеллигентным... лицом... мне... ответил:

- Своей глупостью!..."⁵⁵.

Этот молодой интеллигент был тем "приятелем" Фитрата - "Индийского путешественника", с которым мы уже знакомы. Его указание на "глупость", как причину колониального положения бухарского народа, характерно для Фитрата.

Мы уже видели, что Фитрат - объяснял падение "величия" стран ислама их бездейтельностью, беспечным ожиданием "милости" от мертвых. Впоследствии Фитрат сообщил и о конкретных виновниках этого. Это, как оказалось, были сам народ, уподобивший себя "стаду баранов", чиновники эмира, из "моря поборов" передающие лишь "капли... в эмирскую казну", и, наконец, улемы, мусульманские "ученые", богословы. Их вина якобы особенно велика.

"...Около двухсот лет уже прошло, - говорит Фитрат в введении своим "Рассказам индийского путешественника", - как... бухарские ученые стали заниматься только чтением на полях книг - объяснений слов... Прочие туркестанцы... совместно с бухарцами упали в бездну глупости и нерадения. Следствием этого было то, что... Туркестан очутился в таком положении, о котором стыдно беседовать не только друзьям, но и недругам..."⁵⁶.

"Посмотрите, - восклицает Фитрат в своем "Споре" с схоластом-мударрисом, - какой только удар нанесен вами исламу! Какие только несчастья не посыпались, благодаря вашей дикости, на шариат Мухаммеда... Разве ислам не был таким, что от страха последователей его земля приходила в содрогание? Ислам был таким, что пушечные выстрелы андалусских государей его разрушали французские крепости, лягания лошадей Тимура били русских рабов. Ислам был таким, что турецкие и персидские государи его взяли верх над Европою, восемнадцать великих государей его были постоянными венценосцами Индии.

... Кто уничтожил имя фатимидских государей его и следы венценосных государей на территории Индии? Чья рука потрясла и отладили владычество Тимура петлею покорности русским?

С полной уверенностью могу сказать, что все это сделали вы (кадимисты. - Л. К.). Да, исчезновение величия ислама, катастрофа ислама дело ваших рук; благодаря вам наступит окончательная гибель ислама. Почему? Потому что, если бы вы не закрыли перед мусульманами ворот прогресса и просвещения ислама... не разостлали для них ковра дикости своей не ограничили военное вооружение холодным оружием и кривым луком и не держали бы несчастных солдат до семидесятилетнего возраста... не запретили производства пушек, ружей, бомб, динамита и проч. и военное обучение... не разделили соединенную (когда, где и кем?! - Л. К.) сильную мусульманскую нацию на шиитов, суннитов, зейдитов и ваххабитов и не сделали бы их врагами друг друга... не приносили большинства предписаний корана в жертву своим страстям... не помогали узурпаторам прав народа угодливостью и лестью, - наверно, ислам не впал бы в настоящее его состояние. И теперь, если для ислама остался еще путь спасения, так это только новометодные школы"⁵⁷.

В предисловии к английскому изданию "Развитие социализма от утопии к науке" Ф. Энгельс писал:

"Шаг за шагом вместе с расцветом буржуазии ...возобновился интерес к астрономии, механике, физике, анатомии, физиологии. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая бы исследовала свойства физических тел и формы проявления сил природы. До этого же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не было позволено выходить за пределы, установленные верой; короче - она была чем угодно, но только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании"⁵⁸.

В меньшем масштабе ту же тенденцию мы можем найти в поведении татарской либеральной буржуазии, поддерживавшей новометодные школы. Она же была причиной равнения на их бухарских джадидов.

"Наука, - писал Фитрат в "Муназара", - причина процветания государства. Наука - причина прогресса народа. Наука - это то могучее средство, наличие которого довело диких американцев (!) до настоящей высокой степени и величия и отсутствие которого ввергло... персов в состояние приниженности и посрамления. Наука - то средство, которое... англичан сделало властителями Индии, Египта, Белуджистана и части Аравии, а... русских - обладателями татарских, киргизских, туркестанских и кавказских мусульман; наконец, наука - то средство, которое передало обширные турецкие владения в руки чужеземцев... и водрузило трехцветный флаг французов среди правоверных в Феце...

Если вы будете изучать современные науки, - говорил он дальше, - вы так же (как угнетающие вас капиталистические государства. - Л. К.) будете в состоянии проводить телеграфы, строить железные дороги, в двадцать дней перевозить сотни тысяч солдат с одного конца земли на другой... уразуметь тайный смысл корана, изготовить для защиты ислама ружья и пушки, освободить свое отечество из рук чужеземцев познать управление государством... освободить свою нацию из-под ига неверных и поставить ислам на прежнюю высоту"⁵⁹.

Конечно, учреждавшиеся бухарскими джадидами школы далеко не отвечали намеченной здесь программе. В условиях почти непрерывных преследований со стороны эмира и агентов русского самодержавия эти школы имели, пожалуй, еще более куций вид, чем школы Гаспринского и К°. В Бухаре даже муфтию Икраму, примкнувшему к джадидам, пришлось выдержать целую серию нападок за то, что он разрешил употреблять в мечетях керосиновое освещение!

Сделанная в 1908 г. И. Гаспринским попытка преобразования существовавшей в Бухаре новометодной татарской школы в официальное (с казенным помещением) учебное заведение для татар и бухарцев кончилась неудачей. И это несмотря на личную беседу Гаспринского с эмиром Абд-ал-Ахадом (1885-1910) и бухарскими сановниками, а также его "великодушное" желание назвать эту школу в память покойного эмира "Музаффарийе". Новометодным школам в Бухаре и впредь, с краткими перерывами, приходилось оставаться на нелегальном положении...⁶⁰. Однако вообще бухарское правительство издавна интересовалось не только своими, но и "российскими" джадидами. Последние принимали это очень благосклонно. Так, еще 12 октября 1883 г. в № 19 газеты Гаспринского "Тарджуман", на первой странице можно было прочесть следующую "Благодарность":

"Светлое солнце, - писал редактор, - защита народа, источник нравственности и поддержка науки и знаний, его светлость бухарский наследный принц Абд-ал-Ахад тюрю почтил и осчастливил нас, преданного слугу, благородным письмом, в коем выразил в лестных выражениях желание получать издаваемую нами газету...

Свыше сил наших выразить достойным образом благодарность за столь почетное внимание к нам"⁶¹.

Угодливое отношение "отца" русских новометодников к бухарскому эмирату было продолжено рядом заявлений, сделанных идеологами бухарского джадидизма. Эмиры объявлялись джадидами "божественно светлыми" личностями, желающими только блага для своего народа, лишь челядь, "хвост" эмирский, объявлялась предательской. Ее джадиды готовы были заменить... собою.

Незадолго до империалистической войны 1914-18 гг. в Бухаре, наряду с работами Фитрата, пользовались большой популярностью два официально запрещенные рисоля: "Энджумен-и-арвах" (Собрание духов) и "Мирдт-и-иберт" (Изображение образца), очень ярко проводившие эти идеи. Бухарский эмир в них был изображен вполне положительным типом.

Невзгоды исходили лишь от окружавших его лиц, злоупотреблявших мягкостью его характера, что приводило, к тому, что благие намерения эмиров обращались в зло для их государства: Алим (имя эмира) превращался в богослова-алема (игра слов). В изданной в Тифлиссе "Энджумен-и-арвах" вызванный неким жителем Самарканда

"дух" эмира Музаффара сознается, что он при жизни всячески стремился к улучшениям и полезным нововведениям, но на каждом шагу, при малейшей попытке сделать что-нибудь доброе, тотчас же наткнулся на энергичное сопротивление муллкадимистов, во всем видевших нарушение шариата. Недоразумения с Россией он пытался уладить миром, но муллы упрекнули его в трусости и толкнули на объявление войны, чем навлекли бесконечные бедствия на страну. Дух Музаффара скорбит о своих наследниках эмирах Абд-ал-Ахаде и Алиме. "Алим, - говорит он, - пленник мулл и улемов, представляющих из себя толпу невежд и глупцов". В заключение дух Музаффара настаивает на необходимости учиться и изучать всевозможные европейские науки, так как единственное средство против нынешнего, печального положения ислама есть знание⁶².

Однако бухарские джаиды вызывали не только "духов" "своих" эмиров. Не довольствуясь мертвыми, они обращались к живым. К "Муназара" Фитрата было приложено даже специальное обращение к "его высочеству, милостивому отцу Бухары", "падишаху", "убежищу мира".

"О, - восклицал в этом обращении наиболее "левый" из дореволюционных бухарских джаидов, - ты, священную особу которого создатель сделал властителем всего мусульманского отечества! Твоему высокому уму очевидна слабость мусульманских государств... Ничего не осталось, чтобы заменить нашего имама - попом, наш азан (призыв к молитве) - колоколом, нашу мечеть - церковью... Кто наш освободитель? Кто схватит нашу слабую руку в этом вихре несчастий?... Разве... твоё августейшее существование не будет великим средством нашего спасения?... О, милостивый отец... сжался над положением народа, окажи услугу шариату Мухаммеда, вверенному богом твоей августейшей особе...

О, общие дорогие соотечественники! Братья по религии!... Всякому из вас известно, что христиане со всех сторон поднимают головы, чтобы напасть на ислам, и ежечасно ищут предлога для -уничтожения нас и нашей веры... Если вы не возьмете себя в руки и не придете на помощь исламу, вы не мусульмане, и бог вам не поможет, по той причине, что бог и его пророк поставили джихад (священную войну) нам в обязанность...

Ислам - наша вера, ислам - наша честь, ислам - наше счастье, ислам-причина нашего возвышения, ислам-причина нашего покоя, ислам поручен нам нашим пророком. Бухара - священная наша родина, Бухара - любезная наша мать, Бухара - наш дорогой предмет любви, Бухара - наша возлюбленная, Бухара из нас, мы из Бухары. Довольно сидеть в такой беспечности, лени и в невежестве! уничтожение этой веры, попрание этого священного отечества, полное бесчестие шариат не может допустить... Кафиры живут в богатстве и покое; почему мы - нищие и бедные?... О, те, которые прочтут эту книжку! Если вы имеете любовь к религии, к отечеству, к имуществу, к жизни, к своим детям, если вы хотите... спасения религии, распространения шариата, процветания отечества и счастья, - первое средство - приобрести знания: способных к учению посылайте в столицу мусульманского халифата (т. е. в Турцию, в Константинополь. - Л. К.), менее способных - в Бухару и оказывайте помощь по открытию новометодных школ; второе средство - единение со всеми мусульманскими обществами, т. е. считайте мусульманами всех, кто признает символ веры... к какой бы секте они ни принадлежали; говоря точнее, прекратите разногласия между шиитами и суннитами... Мир тем, кто следует (этому) указанию"⁶³.

Что к этому прибавить? Что сказать о правых джаидах, когда такова платформа "левых", отсиживавшихся в Константинополе в год Турецкой революции 1908 г.? Как охарактеризовать те, главным образом купеческие, круги, которые, особенно ко времени империалистической войны 1914-18 гг., в довольно значительном числе становятся на сторону новометодников? Призывы джаидов к эмиру принимаются ими как равнение на его поддержку не только как "отца бухарского народа", но и верного слугу русского военно-феодалного империализма. Вслед за закрытием бухарским правительством новометодных школ в июле 1914 г. политическим агентом русского самодержавия было получено анонимное заявление (на таджикском языке), где этот взгляд бухарского купечества, шедшего на широкую материальную поддержку

новометодных школ, был выражен достаточно ясно. Текст этого заявления, снабженного традиционными приветствиями, в русском переводе гласил:

"...Вам (т. е. политическому агенту русского самодержавия. - Л. К.) известно, что новометодные школы, где наших детей в короткий срок обучали чтению и письму, по повелению его высочества эмира по жалобе 2-3 мулл ныне закрыты. Вот уже прошло около месяца, как наши дети не учатся, а бродят по улицам. Вам хорошо известно, что мы, бухарско-подданные, - по большей части торговцы и ремесленники; между нами мало людей грамотных, вследствие чего нам весьма желательно, чтобы наши дети учились быстро грамоте и могли вести наши торговые записи и счета. Сами мы обучались в старометодной школе в течение 7-8 лет и остались, однако, неграмотными; никакой пользы (из этих школ. - Л. К.) мы... не извлекли. Посему мы покорнейше просим вас об открытии закрытых школ, за что наши дети будут молиться богу, а мы до гроба будем верноподданными России"⁶⁴.

Таков был путь бухарских джадидов...

Конечно, как выразители интересов бухарской буржуазии, джадиды внесли некоторую лепту в дело расшатывания феодальных устоев бухарского эмирата. Борьба бухарских джадидов против кадимистов за новометодную школу и т. п. мероприятия имели такое значение. Но и только.

"-Джадиды?... Джадиды, - говорит большевик, герой романа "Дохунда" крупнейшего советского таджикского писателя, бывшего бухарского джадида Садр-эд-дина Аини, - ничего не смогли сделать... Да они и не собирались делать ничего хорошего"..."⁶⁵

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОВОКАТОР В РОЛИ ИДЕОЛОГА ПАНИСЛАМИЗМА

"Панисламизм - политическая идеология турецких, татарских и прочих верхушечных слоев (ханов, мулл, помещиков, торговцев и пр.), стремившихся к объединению в одно целое всех народов, исповедывающих ислам... Панисламизму близок пантюркизм, стремившийся объединить тюркские мусульманские народности под властью турок"¹.

Со времени прочного внедрения на Востоке европейского и американского империализма идеи панисламизма находят широкое политическое применение в различных странах распространения ислама. Панисламизм, паназиятское движение и подобные течения пытаются "соединить освободительную борьбу против европейского и американского империализма с усилением мощи турецкого и японского империализма, дворянства, крупных землевладельцев, духовенства и т. д."². Однако такой характер панисламизма не мешает империалистам с давнего времени использовать его идеи в своих интересах. Так поступали различные империалистические хищники, например Англия, Франция, Голландия и др. Учение, проповедовавшееся официальным "отцом" панисламизма Джемаль-эд-дином ал-Афгани (ум. в 1896 г.), даже получило название "английского панисламизма". Деятельность Джемаль-эд-дина ал-Афгани проходила при активной поддержке египетского муфтия Мухаммеда Абдо (ум. в 1905 г.) и турецкого султана Абдул-Хамида.

Русский военно-феодальный империализм до последних дней его существования также не гнушался использовать панисламизм, пантюркизм и родственные им учения в своих политических интересах. И это несмотря на то, что царские чиновники часто определяли панисламизм как силу, враждебную русскому самодержавию.

С такой трактовкой панисламизма, как и реформистских течений в исламе, в конце XIX и особенно в начале XX в. в царской России была выпущена черносотенными православно-миссионерскими кругами целая серия как переводных (напр. брошюра А. Шателье-"Ислам в XIX в.", Ташкент, 1900), так и оригинальных книг и брошюр. В числе последних особенно характерен "труд" упоминавшегося выше Вл. Череванского - "Мир ислама и его пробуждение", изданный в 2 частях в 1901 г. "Со стороны мусульманского мира грозит величайшая опасность христианским государствам Европы", - такова основная мысль этого "труда". Ссылаясь на Андиганское восстание 1898 г., кавказские войны Казии-Муллы и Шамиля и на так называемые "зверства"

Зелим-хана, автор этого труда призывал русский царизм к всемерному креплению цепей, сковывавших тело покоренных им народов.

Некий Е. М. в "Туркестанских ведомостях" оценивал создавшееся положение так: "Книжка г. Череванского вызвала много толков в печати, и в большинстве случаев проведенная автором мысль встретила насмешку наших публицистов, которые в словах г. Череванского не признали никакой основательности, а сочли их за привычку "пугать цветными опасностями". Такую оценку взглядов Череванского Е. М. осуждал. "На такое отношение к мысли г. Череванского,- заключал он, - С.-Петербургские ведомости... не без основания замечают: "безопаснее принять, в виду предполагаемой опасности, соответственные меры... чем, увлекаясь насмешливым отрицанием, с завязанными глазами очутиться на краю пропасти"³.

В черновых бумагах обер-прокурора "Святейшего" синода К. П. Победоносцева найдены документы, которые проливают свет на источник этих черносотенных писаний.

Особенно интересны из этих бумаг Победоносцева те, которые относятся к 1905 г., т. е. ко времени, когда, как отмечал В. И. Ленин, - "пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции..."⁴.

Для некогда всемогущего Победоносцева это время являлось периодом упадка личного авторитета и влияния. По поводу готовившегося тогда проекта указа о "веротерпимости" он, вероятно, не позднее 13 марта 1905 г., писал следующее:

"Задумывается предоставление свободы мусульманской пропаганде. Это дело страшное. Ислам - громадная сила, ни на минуту не опускающая своего оружия... Мусульманская религия не имеет себе подобной по интенсивности веры и фанатизма (зачеркнуто: и по единству ее), объединению ее во всем мусульманском мире. Борьба с нею на духовной почве (т. е. православно-миссионерским путем.-Л. К.) невозможна... Сила эта растет и объединяется во всем мусульманском мире. Все государства, имеющие у себя многочисленное мусульманское население (Англия, Франция), не перестают держать его в строгой дисциплине надзора и предупреждения. Но там пропаганда ислама грозит государству не воздействием на местное, немусульманское и цивилизованное население, но взрывами дикого мятежа, всегда готовыми вспыхнуть под влиянием той или другой фанатической секты или вновь явившегося пророка. Совсем иное дело у нас, особенно на восточных окраинах и в восточных областях наших, где находится попеременно с русским населением масса татар и инородцев - мордвы, чуваш, черемис (марийцев. - Л. К.), вотяков (удмуртов. - Л. К.). Вся эта масса под влиянием тайной и искусной пропаганды татар-проповедников, разъезжающих под видом купцов и ремесленников, и в сходстве языка и домашнего быта дает им удобную возможность действовать на народ или языческий, или только по имени крещеный еще со времен покорения Казани. Никто до последнего времени не мог и не умел воздействовать на них для их обрусения ... Начались массовые отпадения (от православия. - Л. К.), и тогда лишь, лет 30-40 тому назад, основаны были крещено-татарские школы... Школы эти... должны погибнуть под напором мусульманской пропаганды, когда ей предоставлена будет свобода, - и тогда вся масса инородцев, мало-помалу омусульманысь, составит в среде русских губерний (Казанская, Пензенская, Саратовская, Нижегородская, Уфимская, Оренбургская и др.) громадную мусульманскую силу... Мусульманство здесь уже растет, имея в центре своем (в Уфимской губернии) центральную академию (имеются в виду, очевидно, уфимские или троицкие медресе. - Л. К.), (зачеркнуто: ежегодно) выпускающую ряды проповедников и состоящую в постоянной связи с азиатскими и африканскими центрами мусульманства"⁵.

По существу, Победоносцева беспокоило то, что среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение.

Указывая на это, В. И. Ленин в "Докладе о революции 1905 г." говорил: "В России больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют. Напр., мусульмане, составляющие десятки миллионов

населения России, с изумительной быстротой организовали тогда - это была вообще эпоха колоссального роста различных организаций - мусульманский союз"⁶.

Деятели самодержавия боялись, что эти буржуазно-демокритические организации могут сыграть революционную роль. Пугало это их особенно потому, что районы действия этих организаций, как отмечал в отношении мусульманства Победоносцев, находились не где-то "за морями", но были: тесно сплетены с метрополией.

"Россия, - указывал В. И. Ленин, - географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии. И потому мы видим, что российская революция (1905 г. - Л. К.) достигла не только того, что она окончательно пробудила от сна самую крупную и самую отсталую страну Европы и создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом.

Она достигла не только этого. Русская революция вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 г. оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении сотен и сотен миллионов людей, неискоренимо".

Рост национально-освободительного движения среди угнетенных русским царизмом народов проходил часто под религиозными мусульманскими знаменами. Этим пользовались и буржуазные реформаторы ислама; так, джаиды Бухары выставляли на своих скрижалях лозунги борьбы за государственную независимость эмирата.

"...Выработайте такую новую систему, - обращался Фитрат к мударрису в "Муназара", - чтобы в течение 12 лет... можно было с полным удобством изучить как необходимые древние науки, так и полезные новые, а потом займитесь заготовкой предметов, необходимых для защиты ислама, так как "джихад" (священную войну) бог сделал обязательным для всякого мусульманина..."⁸.

Речь шла о военном снаряжении, почему военно-сыскной переводчик "Муназара" на русский язык выделял это место курсивом.

"Предположим, - говорил Фитрат, - христианские державы для уничтожения ислама нападут на вас, что вам делать?...

Конечно, - отвечал на это мударрис, - необходимо, чтобы мусульмане также завели военные орудия и боевые припасы, так как без этого невозможно будет оказать сопротивление".

Этими "оборонными" доводами Фитрат склоняет мударриса на признание того, что, "так как постоянное ожидание есть причина гибели, мусульмане, действительно, должны предметы обороны своей религии и отечества изготовлять на основании европейских наук...

Всякий, кто этому противится, - говорит Фитрат, - должен быть сочтен за вероотступника, врага ислама и изменника отечества, и в настоящей и в будущей жизни впадет в гнев бога, истинного мстителя"⁹.

"Освободить свое отечество из-под рук чужеземцев" в интересах национальной буржуазии призывали и некоторые другие так называемые мусульманские организации Туркестана и других колоний русского самодержавия. Для осуществления этого они, в противовес принципу "разделяй и властвуй", выставляли подобно бухарским джаидам (см. гл. VII) лозунг внеклассового объединения мусульман различных сект, толков и т. п.

Проскальзывало это, даже в весьма близкую самодержавию мусульманскую печать. Так, кн. Хамыш-Хаджемо - кор. в газете "В мире мусульманства" в 1911 г. писал:

"Разделение мусульман на шиитов и суннитов я считаю безумием нашего века... Эта... вражда на руку нашим врагам... Пора... перестать питать вражду друг к другу... Ведь шииты - такие же мусульмане - как и сунниты, и, следовательно, мы все братья"¹⁰.

Конечно, такие выступления обычно преследовали интересы тех или иных эксплуататорских групп русского мусульманства. Однако самодержавию они были в большинстве случаев не выгодны. Особенно это касалось пропаганды "братства" татар с "мусульманскими" народами Средней Азии. Теории, обосновывавшие это "братство", как мы отмечали в гл. VII, были выдвинуты идеологами нарождавшейся татарской буржуазии еще в начале XIX в. (И. Хальфин). В основе их лежали моменты

экономического порядка: способствуя распространению ислама среди среднеазиатских народов, татарский капитал использовал легальные пути к обеспечению за собой обширного рынка. Недаром в проекте всеподданнейшего отчета генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана по управлению Туркестанским краем с 7 ноября 1867 г. по 25 марта 1881 г. говорилось, что "колонизационный результат татарской эмиграции заключается не в разливе татарской народности по киргизским аулам, не в основании степных поселков, а почти исключительно в торгово-промышленной эксплуатации кочевников, к которой присоединяется религиозно-мусульманская пропаганда... Татарские муллы... не составляют постоянного населения, потому что ведут свое дело, как промысел, и, обогатившись... обыкновенно покидают кочевья, сменяются вновь прибывшими одноплеменниками..."¹¹.

"...Под православной русской державой, - писал в 1867 г. Катков, имея в виду киргизов, казахов и башкир, - образовался пламеннейший очаг магометанства"¹².

Однако самодержавие беспокоил не момент исламизации этих народов, а то, что последняя совершалась с помощью татар, при развитии ими пантюристских идеалов. "При поездках моих по степи, - отмечал в 1894 г. Ш. Ибрагимов, - мне часто случалось разговаривать с муллами, и на вопрос мой, откуда он (мулла. - Л. К.) и где получил образование, я всегда почти получал ответ: "был торгующий татарин Казанской губ.", и действительно, муллу из киргиз редко можно встретить".¹³

После завоевания царской Россией Средней Азии колонизация последней татарами не могла нравиться буржуазии и дворянству русской "православной" монархии (см. гл. VII). В 1891 г., полемизируя с "Тарджуманом" Гаспринского, самаркандская газета "Окраина" откровенно признавалась в этом. На вопрос Гаспринского, "не мешает ли десяток-другой интеллигентных мусульман... тем неудачникам, кои в числе прочих стекаются в азиатские окраины в ожидании быстрой карьеры и легкой наживы?" - она отвечала утвердительно. "Мысль, - писал анонимный автор статьи, - что присутствие татар на окраинах нашего обширного отечества в настоящее время не может быть признано безусловно необходимым в интересах нашего воздействия на туркестанских туземцев-мусульман, - есть глубокое мое убеждение.

С коренным населением Туркестана... мы пришли в соприкосновение всего 25 лет назад, и наша задача состоит в том, чтобы сблизить с собою туземное население, а это может быть достигнуто скорее непосредственным влиянием русских на туземцев, нежели при посредстве татар, которые сами стремятся к обособленности"¹⁴.

В результате помещики и капиталисты царской России, боясь открытием ворот в Среднюю Азию перед татарским капиталом создать невыгодную для себя конкурентоспособную силу, стали ставить рогатки проникновению татарского влияния в Среднюю Азию. Уже 12 июня 1886 г. по Туркестанскому краю было издано положение, по которому лицам нехристианских исповеданий (следовательно, татарам) было запрещено приобретать в Туркестане земельную собственность.

Миссионеры были, мобилизованы на борьбу с татарским "империализмом", как Н. И. Ильминский именовал "царство татар в степи". Особенно охранялось население от джаидов, ибо считалось, что "новометодная школа... может быть опаснее "старометодной". А так как в Туркестанском крае распространителями новометодных школ являлись почти исключительно татары, то были изданы правила (с введением их в действие с 1 июля 1911 г.), "по которым учитель в мекбетах должен был принадлежать к той же национальности, как ученики, ("сарт не может обучать киргиз, татарин - сартов")..."¹⁵.

Царизм отклонял поэтому самые заманчивые предложения, исходившие со стороны идеологов татарской буржуазии. Такова, например, была участь предложения Гаспринского превратить медресе, мектебы и мечети в "лучшие сеятели русской гражданственности и государственного языка... Русская грамота, - писал он в "Тарджумане", - преподаваемая муллой и чалмоносцем, несомненно, много бы выиграла в смысле популяризации и упрочения доверия к ней среди массы народа..."¹⁶.

Коса находила на камень. Сталкивались интересы великодержавного русского капитала со стремлением растущей татарской буржуазии. Ее оружие - лозунг

Гаспринского: "объединяйтесь в деле и языке" - пугало самодержавие. Самодержавие не было заинтересовано в росте и укреплении татарского капитала путем угнетения татарской буржуазией других нерусских народов. Выдвигавшиеся в связи с этим идеи пантюркизма отвергались русскими помещиками и капиталистами.

Напуганные десятками восстаний угнетенных самодержавием народов, они боялись будить их национальные чувства, хотя бы и призрачными панисламистскими и пантюрикстскими идеями. Не объединять, а разъединять эти народы стремился царизм. И ислам ему был нужен не для объединения народов, а для разъединения их. Особенно наглядно эта тактика царизма проявилась во время революции 1905- 1907 гг.

"Хорошою помощью для местных государственных властей, - гласила поданная в 1906 г. на рассмотрение "Особого совещания... по делам веры" "Записка..." В. П. Череванского, - Служит разноплеменность русского мусульманства. Хотя ветвь шиитов *, ненавистных суннитам, не оседает среди последних, во и сами сунниты разветвились на многие, далеко не схожие одна с другой народности. Истинный киргиз-кайсак (казах. - Л. К.) смотрит свысока на торговца-сарта (узбека. - Л. К.), а этот... обходится с пренебрежением с менее культурным соплеменником. В последнюю ахал-текинскую экспедицию иомуд охотно давал своего верблюда русскому солдату, когда этот выступал против текинца.** При наличности приведенных условий, - заключает Черезанский, - всякое объединение в ближайшем времени разноплеменных мусульманских групп в одну религиозно-татарскую общину было бы актом величайшего неблагоразумия..."¹⁷.

Полагая при этом, что поводом к последнему может явиться существование объединенного "духовного" управления мусульман, царские чиновники в 1906 г. признавали "невозможным сохранить Оренбургский муфтиат даже в нынешних пределах". "Журнал высочайше учрежденного Особого совещания... по делам веры" в отчете о заседаниях 20 и 24 апреля 1906 г. отмечает, что "действительный тайный советник Череванский находит необходимым расчленить" Оренбургский муфтиат. "Затем в видах охранения киргизской степи от отатаривания В. П. Череванский... признает соответственным разрешить открытие одного киргиз-кайсацкого окружного правления по делам веры... подчинив его ведению мусульман всех народностей, проживающих в районе правления, в том числе и татар". Всего же Череванский, за исключением Туркестанского края, предлагал "учредить следующие окружные правления по делам веры: а) Петербургское (в г. Петербурге), б) Крымское (в г. Симферополе, в) Кавказское (в г. Тифлисе), г) Сибирское (в г. Троицке или Петропавловске), д) Оренбургское (в г. Оренбурге), е) Степное (в г. Акмолинске, Атаба-саре, Иргизе) и ж) Башкирское (в г. Уфе)".

"Особое совещание" с этим проектом было согласно. Его поправки сводились к попыткам еще большего раздробления религиозных организаций ислама, в целях создания наилучших условий к парализованию всякой возможности их использования татарскими буржуазно-националистическими организациями. Вместе с тем "Особое совещание" заботилось о том, чтобы предполагаемые изменения организационной структуры управления мусульманской церкви не подорвали авторитета верных слуг самодержавия - мусульманского духовенства. Задача состояла в том, чтобы и овцы были целы, и волки сыты.

"Сочувствуя в принципе взглядам Череванского на неудобства сохранения в нынешнем виде муфтиатов, особенно Оренбургского, - отмечает цитированный "Журнал...", - тайный советник Будилович полагал бы, однако, что, ввиду современного повышенного настроения татар и их склонности ожидать от указа 17 апреля 1905 г. усиления, а не урезки предоставленных им... прав следовало бы оставить, по крайней... мере временно, титулатуру Таврического, Оренбургского и Закавказского муфтиев... Затем А. С. Будилович находил... желательным учредить новые правления: в Вильне для обруселых татар западных губерний; в Казани и Астрахани для татар волжских; в Тобольске или Томске для татар сибирских; в Симбирске для магометанских чуваш, черемис, вотяков. Что касается... правлений в Оренбурге, Троицке, Петропавловске, то этих пунктов,

по мнению А. С. Будиловича, следовало бы избегать ввиду... склонности местных татар и башкир агитировать между киргизами. Равным образом и Петербург... Наконец... А. С. Будилович находит недостаточным одного духовного правления для всех ветвей... (киргизского) племени, или хотя бы только северных... Объединение киргизов астраханских, уральских, тургайских, акмолинских и семипалатинских в духовном управлении могло бы сблизить их и в смысле национальном. В истории же русско-киргизских отношений XVII-XVIII и даже первой половины XIX вв. известно, как опасны для русского востока крупные союзы этих воинственных кочевников...

Признав... существенно важным противодействие стремлению магометан к объединению на почве религиозных интересов, Особое совещание, - заключал "Журнал...", - вполне согласилось с выраженной в обсуждаемой записке (Череванского. - Л. К.) мыслью об образовании нескольких новых мусульманских духовных управлений"¹⁸.

Однако вопреки всем этим стремлениям царских чиновников национальное развитие народов, ныне входящих в СССР, шло не по тому пути, который стремились проложить для них эти чиновники и муллы.

В. И. Ленин в 1914 г. писал: "Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе.

Образование национальных государств, более удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения"¹⁹.

Тенденции эти были и в национальных движениях татар и других исповедывающих ислам народов царской России. Тюрьма народов, естественно, неизменно стремилась их подавить, не дать им выхода из ее кошмарных камер. Меры к этому принимались, как мы уже видели, разные...

В 1910 г. министр внутренних дел, преследуя эти цели, обратился к Губернаторам с специальным циркуляром, в котором говорилось, что "с изданием высочайше утвержденных 4 марта 1906 года временных правил об обществах и союзах среди инородческих элементов, населяющих Россию, стало наблюдаться особое движение к культурно-просветительному развитию отдельных народностей на почве пробуждения узкого национально-политического самосознания и образование для этой цели целого ряда обществ, под самым разнообразным наименованием, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве их исключительно национальных интересов... Такие общества, - заявлял министр, - должны быть признаны угрожающими общественному спокойствию и безопасности, как то и разъяснил правительствующий сенат в целом ряде решений. Ввиду сего я признаю учреждение подобных обществ, на основании п. I, ст. 6 закона 4 марта 1906 г., недопустимым"²⁰.

Именно из этих соображений, а не из-за якобы неприемлемости ислама как религии, самодержавие в отдельные периоды преследовало и те националистические организации, которые, защищая интересы своей национальной буржуазии, прикрывались мусульманской мистикой. Достаточно откровенно об этом говорилось в ряде высказываний различных государственных деятелей русского самодержавия. Так, 9 сентября 1909 г. председатель совета министров П. А. Столыпин, снискавший лучшие чувства со стороны основных кадров мусульманского духовенства (см. гл. III), писал на имя обер-прокурора синода Лукьянова:

"Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государственную, культурную. Этим объясняется тот успех, который получила за последнее время панисламская пропаганда, успех которой у нас в России имеет особо важное значение... Нельзя не иметь в виду, что почти вся многомиллионная масса русского мусульманства охватывает многочисленные

народности, принадлежащие, за немногими исключениями, одному тюркскому племени, говорящему хотя и на разных наречиях, но на одном языке. Нельзя далее упустить из виду, что наше пятнадцатимиллионное мусульманство населяет, живя почти в одном месте, огромные пространства, имеющие свои, далеко не забытые, исторические и культурные традиции... Очевидно, что при таком положении мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным... Государство наше, действовавшее во все времена в тесном единении с церковью, и в данном случае не может и не должно обособляться от нее... Работа правительства в Поволжье и, в частности, в Казанском крае должна прежде всего идти рука-об-руку с православной церковью. Только в этом случае можно рассчитывать на вящий успех в деле" ²¹.

Царские чиновники Туркестана отзывались о панисламизме так:

"Строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали. Ближайшая задача их - сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан" ²².

Существовали десятки подобных определений панисламизма, пантюркизма, джадидизма и пр. В наши дни часто ими пользовались и пользуются различные разбитые Октябрем осколки эксплуататорских классов, стремясь накинуть на себя тогу непонятых, пострадавших от самодержавия "революционеров".

Для того, чтобы выяснить картину действительной расстановки сил, обратимся прежде всего к выяснению позиций в этом вопросе основных кадров российского мусульманского духовенства.

Только ли с помощью казенной православной церкви и полицейско-административных органов действовало русское самодержавие? Не использовало ли оно и мусульманскую церковь, ислам, в борьбе с неугодными ему мусульманскими организациями?

Несмотря на то, что последний вопрос звучит почти парадоксально, тщательное изучение истории ислама у народов СССР не может не привести к утвердительному ответу на него. Да, в борьбе с неугодными русскому самодержавию мусульманскими организациями царизм, наряду со своими прямыми полицейскими органами, использовал мусульманское духовенство, ислам, порой даже облеченный в форму панисламизма.

Иногда это не являлось даже государственной тайной.

Так, в апреле 1913 г. в газетах "День" и "Баку", в заметке "Борьба с турецкой пропагандой", писалось:

"В министерстве внутренних дел обращено серьезное внимание на появившиеся в правой печати указания о командировке в Россию тайных эмиссаров младотурецкого комитета "Единение и прогресс" с целью пропаганды среди русских мусульман панмусульманских идей и сбора пожертвований в фонд священной войны.

Предполагается созвать в ближайшем времени особое совещание для выработки мероприятий по воспрепятствованию антигосударственной пропаганды (этого) комитета среди русских мусульман.

Н. А. Маклаков опасается, что прямолинейная розыскная деятельность департамента полиции в отношении мусульманских школ, благотворительных и просветительных обществ ничего бы не дала положительного, кроме озлобления лояльного большинства русских мусульман и укрывательства агитаторов невежественной фанатизированной массой кавказских и поволжских татар и сартов в Средней Азии.

В департаменте духовных дел предполагается созвать совещание высших духовных лиц мусульманства, разъяснить им волнующие правительство вопросы и предложить повлиять на мулл и учителей народных мусульманских училищ (т. е. опять-таки на лиц, близких к мусульманскому духовенству; см. гл. III. - Л. К.) с целью привлечения их к борьбе правительства с зловредной агитацией турецких эмиссаров в народной среде.

Проект этот считается весьма практичным..."²³.

На то, чтобы считать его "весьма практичным", у русского самодержавия были и весьма веские основания. Как мы уже говорили, мусульманское духовенство было верным агентом русского военно-феодалного империализма как в его завоевательных войнах против так называемых мусульманских народов Кавказа, Средней Азии и т. д., так и в его "мирной" политике. Рядом документов мы показали, что даже в конкурентной борьбе татарского капитала с русским мусульманское духовенство в своей руководящей верхушке осталось на стороне последнего (см. гл. II и III). Более того: оно предпочитало иметь ненависть и раздор в своих мусульманских рядах, чем портить дружественные отношения с "неверной властью православного царя. В 1908 г. 12 имамов тайно доносили министру внутренних дел Столыпину о том, что среди мусульман "завелись смуты", и давали сведения - как действуют "социалисты и откуда они явились между татарами" (см. гл. III). При этом, подобно некоторым царским чиновникам, "социалистами" или "особого рода обществом революционеров" они считали джадидов-пантюкистов.

Оренбургское магометанское духовное собрание, - писали эти имамы, "должно рассылать муллам циркуляры о том, чтобы о таких дрянных революционерах муллы доносили собранию или безбоязненно объявляли полицейским властям... Мы просим вас, - продолжали они, - о том, чтобы магометанское духовное собрание не допускало до экзамена шакирдов (т. е. учеников) из "медресе-и Мухаммедийе" (т. е. из учебного заведения джадидов. - Л. К.), чтобы наши указные муллы по пятницам не читали по-татарски "хутбу" (т. е. проповедь в мечети. - Л. К.) и не были ораторами в чалмах, но чтобы "хутба", по шариату, была по-арабски... как у православных молитва на славянском языке; также о том, чтобы наш муфтий Султанов не боялся тех угрожающих писем упомянутых "мугаллимов" (т. е. пантюкиствующих джадидов - младших преподавателей религиозных школ ислама. - Л. К.), которые писаны без имени. Пусть наш муфтий циркулярно оповестит имамов, чтоб они не брали в мектебы "мугаллимов", приезжающих из "медресе-и Мухаммедийе", чтобы они не позволяли неизвестно каким людям произносить в мечетях речь, чтобы в месяце рамазане (т. е. во время поста. - Л. К.) такие дрянные и негодные революционеры-ученые в мечетях не произносили ни заключительных молитв, ни речей, чтобы в каждую пятницу... совершались молитвы о благоденствии и мире великого государя-царя, семьи его и чинов правительства и чтобы молящиеся там имамы могли доносить об авторах речей в (духовное) собрание или другое какое место" ²⁴.

И муллы-кадимисты доносили на их "соперников" - мулл-джадидов...

Например, в январе 1911 г. по доносу муллы деревни Тюнтерей Малмыжского уезда Вятской губернии Иш-Мухаммеда Дин-Мухаммедова и учителя Гаяза Даудова был произведен обыск в джадидском медресе в Ижбобы (Вятской губернии). Руководителями этого медресе, новометодное направление которого было пропитано пантюкистской идеологией, являлись братья Бобинские (Буби), часто бывавшие в Константинополе. В связи с доносом муллы Иш-Мухаммеда они были арестованы.

Как сообщал исправлявший должность директора департамента полиции С. Белецкий в приложениях к своему отношению министру внутренних дел от 13 марта 1912 г., - "в 1905 и 1906 гг. Бобинские на мусульманских съездах в Нижнем Новгороде и Мензелинске поднимали вопрос об объединении всех мусульман и прекращении вражды между "шиитами" и "суннитами"... И дальше:

"Дума в Питере сидит,
Важно заседает.
Про мужицкие нужды.
Ничего не знает.
Депутат у нас хорош,
Только толку ни на грош:
Заседает третий год,
Только дело плохо прет.
Как Гучков-ат молодец -
Богачу родной отец;
До бедняги мужика
Ему нужда не велика"⁶⁴.

"Братья муллы Бобинские постоянно поддерживали сношения со своими

единомышленниками в Турции и с младотурецким комитетом, а также не прерывали сношений и с бывшими питомцами Ижбобинской семинарии.

Как Бобинские, так и (другие. - Л. К.), учителя (Ижбобинского медресе. - Л. К.) вели антирусскую и антиправительственную пропаганду и распространяли идеи панисламизма среди местного населения и учеников путем религиозных бесед, а также при помощи газет и журналов константинопольского издания.

Воспитанники Ижбобинской семинарии были настолько распропагандированы, что открыто пели на улицах Ижбобья татарские и турецкие песни преступного содержания, в коих оскорбляли священную особу государя императора и восхваляли Турцию и турецкого султана, а висевший в семинарии портрет государя императора обезобразили, выколол в нем глаза и вырвав рот. Всякая попытка благонадежной части населения к протестам по поводу подобных безобразий встречала сильный отпор со стороны Бобинских и учеников, объявлявших бойкот протестантам и грозивших даже насилиями"²³.

Недовольство учащихся медресе, порожденное их кошмарным положением в условиях двойного гнета, отводилось братьями Бобинскими в пантюркистское русло, которое в этот период служило только интересам татарской либеральной буржуазии. Называть его революционным или социалистическим могли лишь те, кто, как мы уже замечали, определяли социализм как никому не угрожающую и ни для кого не страшную "общественность"²⁶. Отлично понимал это и царский суд.

Казанская судебная палата, рассматривавшая "дело о панисламистской пропаганде в Сарапульском уезде", "признала Бобинских виновными лишь в хранении запрещенной литературы и распространении ее и приговорила Абдуллу Бобинского к 6 месяцам, а Губайдуллу Бобинского - к 2 месяцам крепости". И это несмотря на то, что вызванный в качестве свидетеля на суд кадимист Ишми-ишан Дин-Мухаммедов не щадил своих конкурентов - джаидов.

"В коране сказано, - говорил он, - что, кто идет против корана и шариата, тот идет против правительства, а следовательно, и те, которые учат против постановлений корана, идут против правительства"²⁷.

Однако сказанное выше не исключало наличия на территории царской России и ее колоний, -особенно в годы, предшествовавшие империалистической войне 1914-18 гг., антирусской пантюркистской агитации. Такая агитация существовала, отражая глубокие экономические сдвиги в колониях русского самодержавия.

В каком направлении шла эта агитация и в чьих интересах она использовалась, видно хотя бы из материалов тех судебных процессов, которые в 1930 и 1932 гг. прошли в Узбекистане.

"Из материалов, обнаруженных при обыске у гр. Алимова, - говорил об одном из обвиняемых в "касымовском" процессе государственный обвинитель т. Р. Катанян, - видно, что он старый политический деятель... он еще в 1912-13 г. привлекался к ответственности за принадлежность к пантюркистским организациям... У Алимова было обнаружено воззвание о газавате, т. е. о "священной войне", опубликованное в 1912 г. в Берлине... Это воззвание было протестом против ограбления Турции, против того, что Италия хотела отнять у Турции Триполитанию (Триполи и Киренаика были отторгнуты от Турции Италией в 1912 г. - Л. К.), протестом против империалистической войны итальянских хищников"²⁸.

"Протест" этот, правда, был своеобразен: он служил интересам германского империализма. "Мы знаем... по документам касымовского процесса, не говоря о других делах... - говорил т. Катанян в обвинительной речи на процессе Бадреддинова, - что в 1911 г. в Германии была шпионская организация немецко-турецкой ориентации. Мы знаем, что в 1911 г. под покровительством Вильгельма второго в Германии находился Энвер-паша, который был личным другом Вильгельма второго; там были кружки энверистов-вильгельмистов, которые работали на Среднюю Азию (для того чтобы склонить населяющие ее народы на сторону германского империализма. - Л. К.) на случай империалистической войны"²⁹.

Подробный разбор этой темы (использование ислама германским империализмом) выходит за рамки настоящей работы. Здесь же мы рассматриваем вопрос, как русское

самодержавие использовало панисламизм в интересах своего "православного государства".

Царское правительство использовало панисламизм для того, чтобы запугать общественное мнение и отвлечь внимание широких трудящихся масс от вопросов классовой борьбы в лоно гибельной для них "духовной сивухи". Это относится главным образом к 1905 г. и последующим годам, когда панисламизм старались изобразить как национальную борьбу "общенародного" характера; но национальная борьба, как указывал т. Сталин в 1913 г., - "в существе своем... всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии".

Русское самодержавие проводило политику националистических репрессий, переходивших "от "системы" угнетения... к "системе" натравливания наций, к "системе" резни и погромов... Там, где она (эта "политика репрессий". - Л. К.) возможна, - в условиях отсутствия элементарных свобод, - там она нередко принимает ужасающие размеры, грозя потопить дело сплочения рабочих в крови и слезах. Кавказ и юг России дают не мало примеров. "Разделяй и властвуй" - такова цель политики натравливания"³⁰.

Так было, например, в 1905 г., когда "в глазах правительства армяне становились таким же символом революции на Кавказе, как евреи в западной и юго-западной России.

Для борьбы с этой революционной силой, - писал тогда в газете "Пролетарий" В. В. Боровский, - самодержавием мобилизуется та часть населения, которая по своему социальному положению и по своим религиозным верованиям больше всего расходится с армянами, - татары. Правительство произвело в феврале (1905г. - Л. К.) пробную мобилизацию этих контрреволюционных сил, организовав известную бакинскую резню. Роль бакинского губернатора и полиции (среди которой очень много татар) была своевременно разоблачена. Однако это не помешало вторично прибегнуть к тому же испытанному средству, но только расширенному почти на все Закавказье и доведенному до чудовищных размеров... Контрреволюция спешила первая напасть на революцию, предупредить ее, не дать ей собраться с силами.

Но на этот раз картина изменилась. Вместо вторичного избиения беззащитных армян под руководством и по указанию полиции, произошла вооруженная борьба двух частей населения, вспыхнула гражданская война. Если в феврале одного мановения руки губернатора было довольно, чтобы остановить расхаживавших татар, то теперь даже вмешательство войск встречалось ружейными выстрелами. Борьба реакционных сил с силами революционными превратилась в борьбу двух национальностей, привлекая даже вооруженные силы из Персии. Место полицейского провокатора занял мусульманский агитатор в священной зеленой чалме. Движение переросло намерения правительства. Количество перешло в качество"³¹.

В Петербург шли пачки телеграмм примерно такого содержания:

"ТЕЛЕГРАММА

на имя его императорского величества, отправленная из Шуши 25 декабря 1905 г.

Все дороги города Шуши более месяца заняты бандами армян. Полное прекращение сообщения, городу угрожает голод, полное уничтожение мусульман с имуществом. Прибегаем с нижайшей просьбой к великодушной помощи вашего величества: прикажите принять меры к охране жизни нашей, семейства, защите дома, имущества от врагов.

Подписано: Наследники покойного персидского принца Бехман Мирзы, принцессы Наваб Тга, Наджил Мам Ханум, принцы Кайгубат Мирза, Исахан Мирза"³².

Самодержавию нужно было чем-то отвечать (даже в условиях его "свобод") открыто осуждавшему его общественному мнению. Участие в бакинской резне самого русского самодержавия было общеизвестно. Ведь даже английский посол в Петербурге Чарльз Гардин 8 октября 1905 г. (нов. стиля) доносил великобританскому министру иностранных дел лорду Лэнсдоуну, что факт предстоящей резни "был известен в Баку за несколько дней до начала беспорядков" и что генерал Фадеев, губернатор, города, лишь способствовал ее развитию"³³. Ревизия сенатора Кузьминского также, как

известно, ничего удовлетворительного для самодержавия извлечь из своих обследований не могла...

Тогда-то и выпущен был на сцену панисламизм. Им, панисламизмом, запугивая обывателя, объясняли кровавые итоги царской ""системы" натравливания наций - "системы" резни и погромов". (Сталин).

Во главе кампании, которую повела русская черносотенная печать, стал выдававший себя за кубанского черкеса Мухаммед-бек хаджи Лаше-Скагауше, впоследствии, в чине полковника, явившийся организатором антисоветской "Лиги убийц" в Стокгольме³⁴. Статьи его с этих пор под различными псевдонимами - Магомет-бек Хаджет-лаше, Мбх., Мб. Х., М. Tatarine, М. Muslim, Эм-Эс, М. Айшин, М. С-ше и др. - и в самых неожиданных вариантах непрерывно печатались в различных газетах, журналах и т. п. органах (в "Сыне отечества", "Кубанском крае", "Московском еженедельнике", "Офицерской жизни", "Братской помощи", "С.-Петербургских ведомостях", "Мусульманине", "В мире мусульманства" и в многих других). Наряду с ним, конечно, "работали" и другие близкие к охранному отделению борзописцы, к числу которых, возможно, принадлежала и довольно часто, публиковавшаяся Айша-Ханум Хаджетлаше, неизменно указывавшая в своих статьях, что она пишет из Парижа.

Ниже, поскольку до нас никем еще не было выявлено дореволюционное лицо этого колоритнейшего мусульманского провокатора, мы осветим его (условившись называть его "Хаджетлаше") подробнее. Сейчас же перейдем к рассмотрению той части деятельности Хаджетлаше в 1905- 07 гг., которая находится в связи со спровоцированной самодержавием и кавказскими беками армяно-татарской резней на Кавказе.

14 (27) октября 1905 г. в № 209 газеты "Сын отечества", с пометкой "от нашего корреспондента", под псевдонимом Маг. Айшин Хаджетлаше была помещена заметка "Константинополь", в которой сообщалось следующее:

"Когда я писал о панисламизме как о серьезном движении на Кавказе и вообще на Востоке, некоторые авторы... называли подобные опасения преувеличенным страхом... Времена переменялись. Панисламизм признан... и в Европе приняты меры противодействия. Только в России... не придают ему значения, несмотря ни на какие очевидности. Ниже приведенный драгоценный документ, добытый мною с большими трудностями, красноречиво и ярко изображает, как обстояло дело панисламизма на Кавказе".

Так Хаджетлаше вытаскивал свою кавказскую "утку".

"Недавно, - писал он с видом хорошо осведомленного константинопольского деятеля, - в Турцию возвратились из Закавказья три агента, побывавшие преимущественно в елисаветопольской, бакинской и в смежных с ними губерниях. Один - кавказский татарин из Елисаветополя, двое других - отуречившиеся крымчаки. В Турции они живут давно и числятся даже в каком-то министерстве на службе, хотя по старому остаются русско-подданными. По паспорту они - купцы, на самом деле - ничего общего с коммерцией не имеют. Вот документ, составленный одним из этих трех агентов и посланный представителю панисламизма, общественное положение которого не допускает мысли об ошибке.

"По приказанию Х-паши я немедленно из Тифлиса отправился в Шушу и дальнейшие инструкции получил уже в Баку. Наши единомышленники твердили мне, что успех предприятия во славу ислама обеспечен. Успех этот, между прочим, они видели в русской администрации, которая благоволила к мусульманам. По протекции влиятельных лиц из наших товарищей, но, конечно, главным образом, денежными знаками (перевожу буквально), нам удалось поместить на службу в полицию необходимых для нашего дела людей. Князь Н... обещал, что сделает все возможное, чтобы удалить мешавших нам армян, занимающих некоторые места в администрации. Но это оказалось не так-то легко. У этих проклятых гяуров (т. е. армян. - Л. К.) была, видимо, поддержка сильнее кн. Н., и все наши усилия в этом направлении пропали даром, а вместе с тем и тысячи рублей, в раздаче которых прилагаю при сем расписку. (Расписки этой мне не удалось

видеть, но можно догадаться, кто на ней расписался). Вы знаете, что цель наша была сначала направлена против армян, и благодаря этому мы устранили всякое подозрение. Всецело занятые войной на Дальнем Востоке, жители не обращали внимания на то, что делается вокруг, а мы энергично действовали. Предлогов было не мало. Одно обстоятельство едва не погубило дело. Прибывший пароход с оружием был задержан, требовалось дать кому следует взятку, а денег как-раз не случилось. Спасибо М-беку, который немедленно достал требуемую сумму, и мы ночью выгрузили с парохода привезенное оружие. В тот же день оно было роздано по рукам. Великая идея, за которую мы готовы положить головы и отомстить нашему исконному врагу, который не хотел считаться с нами... воодушевила всех истинно правоверных... То, что сейчас происходит на Кавказе (т. е. армяно-татарская резня. - Л. К.), можно считать началом великого дела. Жаль только, что скоро наступил мир. Он нам здорово помешал. Но великий аллах дает нам силы продолжать начатое... Много неожиданных обстоятельств помешало нам захватить часть Кавказа".

Вот все, - заключает автор этой утки, Хаджетлаше, - что мне удалось прочитать. Панисламистское движение сильно пошло в гору с тех пор, как на полях далекой Маньчжурии проливалась человеческая кровь... Не будь русско-японской войны, в особенности постоянного неуспеха русского оружия, панисламизм, быть может, еще долго оставался бы на точке замерзания... но примеры заразительны. Безумцы возликовали: "Мы не уступим японцам ни в храбрости, ни в любви к родине (т. е. Турции. - Л. К.)... Если... восстанут все мусульмане, то никакая сила не в состоянии будет удержать их напор". И вот, во имя этой безумной идеи, которую усиленно поддерживают на берегах Босфора... все члены панисламистского союза жертвуют кто чем может в комитеты. Есть такой комитет и у нас в Константинополе... За последнее время комитеты эти усиленно заняты собиранием денег на покупку оружия... Неизвестно какими путями сотни тысяч патронов, пороха и ружей переправляют на Кавказ и вооружают пограничное с Кавказом население. Идет лихорадочная работа под носом у русского правительства, представители которого - чиновники, подобные кн. Н., - беспечно живут себе и добро наживают"³⁵.

Такова была та "духовная пища", переваривать которую самодержавие предлагало широким народным массам своей страны. "Ислам - громадная сила, ни на минуту не опускающая своего оружия", - эти слова обер-прокурора синода Победоносцева (см. стр. 218) имели вполне реальную значимость. Ислам, когда было выгодно самодержавию, исполнял роль отдушины, широко открыв которую, оно старалось "остудить" массы трудящихся, поднявшиеся на борьбу со своими насильниками. "Мусульманский агитатор в священной зеленой чалме" понадобился самодержавию не только для физического уничтожения масс, но и для того, чтобы смывать следы невинно пролитой крови. "Мавр" довершал свое "дело"...

Большевики устами Степана Шаумяна говорили:

"Армяно-татарская резня продолжается..."

Будет ли конец безумному кровопролитию? Что нужно предпринять, чтобы приблизить этот желанный конец?... Едва ли найдется теперь человек, который не знал бы истинного виновника этой братоубийственной войны. Этот виновник - царское самодержавие. Это оно в течение годов своей националистической "окраинной" политикой разжигало национальные страсти, сеяло рознь и вражду между отдельными национальностями, поощряло и культивировало те реакционные, шовинистические течения, которые зарождались среди отдельных национальностей - русский "патриотизм", еврейский сионизм, татарский панисламизм, армянский панарменизм и пр. - и сознательно, систематически подготовляло те ужасные погромы, которыми ему нужно было сломить интернациональную солидарность всероссийского революционного пролетариата. Самодержавие рассчитывало этим путем предотвратить свою гибель, избежать роковой расплаты за свои великие преступления. Но оно ошиблось в своих расчетах. Пролетариат схватил уже за горло самодержавие, крепко держит его в своих мощных руках и собирается с силами, чтобы окончательно задушить его. И он его задушит. В этом ни у кого уже не может быть сомнения.

Но нет сомнения и в том, что самодержавие сделало все... для своей защиты. И

главным средством в его руках, главным орудием контрреволюции в настоящее время являются именно те погромы, которые оно устраивает по всей России.

Вот почему самым верным, средством положить конец кровавой армяно-татарской эпопее, по крайней мере приблизить этот конец, - является усиленная борьба против главного виновника всех ужасов, против царского самодержавия.

...Необходимо разрушить Карфаген" ³⁶.

"Мавры" в "священных зеленых чалмах", иногда.. даже смененных на европейские цилиндры, звали к "свержению" второго "Карфагена". "Турция с ее тайными транспортом оружия и сотнями эмиссаров-панисламистов, подобно сказочной шапке-невидимке гуляющими по земле русской! - вот где враг, кричали они. Ату его, ату!"

Хаджетлаше в органе князей Е. Н. и Г. Н. Трубецких "Московский еженедельник", в варшавском журнале "Офицерская жизнь" и др. печатал целые серии погромных статей на темы: "Панисламизм, как источник народных бедствий в связи с волнением среди мусульман" ³⁷, "Панисламизм, как грозное движение в мусульманском мире" ³⁸ и т. п.

Коллекционируя свои же собственные газетные утки, Хаджетлаше в этих статьях заявлял, что "в настоящее время, когда то и дело вспыхивает мусульманский фанатизм (он действительно желтой опасности)... мы полагаем... будет не лишним обратить внимание на ту опасность, которую несут турецкие эмиссары, рассеивая по свету учение панисламизма, с которым Европе, а России в особенности, придется воевать с оружием в руках. Если есть еще люди, сомневающиеся в существовании панисламизма как чего-то очень серьезного... то мы приглашаем их заглянуть в следующую неофициальную выписку секретного журнала,

Среди расходов по управлению канцелярии (константинопольского. - Л. К.) шейх-ул-ислама значатся такие таинственные строки:

"Для целей известных его святейшеству шейх-ул-исламу, выдано пять тысяч лир", а под ним, как бы в пояснение: "из секретного фонда" - на усиление организаций агентов, посылаемых во все мусульманские оседлости и на Кавказ.

Коротко и очень вразумительно".

Для усиления впечатления Хаджетлаше оставалось лишь стереотипно добавлять: "Нам удалось с большим трудом лично увидеть эту выписку и хорошо запомнить..." ³⁹. Когда же этого аргумента явно не хватало, он ссылался на подобные ему же "авторитеты".

"Чтобы не быть голословным, - писал он в другом месте того же журнала, - укажем на статью... русского автора, который... замечает: "Жестоко ошибаются те, кто видит в возбуждении мусульман исключительно антиармянское движение".

По словам автора... дело обстоит гораздо серьезнее, чем можно было предположить...

"Тысячи фактов, - говорит он, - устанавливают более печальные симптомы. Здесь и там, в глуши Закавказья, появляются таинственные фигуры в зеленых чалмах, с зеленым знаменем пророка и призывают мусульман уничтожить "гяуров"... Есть данные предполагать, что Закавказье находится накануне всеобщего восстания. Нужно быть слепым, чтобы не видеть этого, не понимать той опасности, какую готовят нам докатившиеся волны панисламизма. Годами шла пропаганда среди мусульман, свободно, беспрепятственно. До русских властей доходили слухи о турецких эмиссарах, о муллах, улемах, но власти ничему не хотели верить. Не верили они даже и тогда, когда мусульмане открыто объявили священную "войну", как это было в Андижане (имеются в виду события 1898 г. - Л. К.), не понимали истинного характера разбоев, носивших все следы более глубокого, чем простой грабеж, восстания против христиан, вообще против христианской культуры и государственности..."

Можно ли что-либо прибавить, - восклицал Хаджетлаше, - к этим глубоко справедливым строкам?

Далее автор... несколько сгущает краски, тем не менее мы понимаем его и охотно подписались бы под его словами" ⁴⁰.

Понимал и расписывался под этим Хаджетлаше потому, что таковы были его, общие с цитированным им автором, черносотенные интересы. Он сам их старательно

размалевывал.

"Некоторые, - писал Хаджетлаше, - с претензиями на титул научных исследователей... полагают, что панисламизм занесен на Кавказ впервые в 1894 г., между тем еще во времена русско-турецкой войны среди окружающих султана выходцев с Кавказа бродила эта идея..."

Государственные деятели Турции якобы неизменно стремились провести уничтожение власти неверных в первую очередь на Кавказе. Хаджетлаше "информировал" русского обывателя:

"...незадолго до открытия второй Думы на Кавказ и в другие места мусульманской оседлости отправился целый транспорт чалмоносных эмиссаров для пропаганды... "объединения всех мусульман мира в одно грозное целое".

По словам одних, число командированных агентов достигает двухсот человек... другие уверяют, что собственными глазами видели значительно больше..."

Как же вели свою "преступную деятельность" неуловимые для самодержавия панисламистские эмиссары Хаджетлаше?

Эмиссары, - говорил Хаджетлаше, - "...описывая Турцию... пропагандируют прелесть панисламизма... Совершают массу... преступлений и являются прямыми распространителями заразных болезней до сифилиса включительно. Много горя они приносят отдельным семьям, увозя молодых девушек в тайные притоны мусульманского Востока... Занимаются шпионством, донося турецкому правительству нужные ему о Кавказе сведения... Снабжают население оружием самой новейшей системы... при соответствующем количестве боевых припасов... Спят и видят, что Кавказ первый подымет знамя "пророка" и кровавым потоком разольется по всему свету..."

В результате "такой деятельности, - продолжал Хаджетлаше, - у каждого последователя панисламизма выработалась такого рода тактика: всеми мерами показывать наружную преданность, и полную лояльность к русскому правительству, усыпляя бдительность местных властей готовностью следовать правительственным указаниям. Замаскировав таким образом свои истинные намерения, постепенно изводить армян по примеру Турции..."

Для чего? - Ответ был готов.

"...Когда, - писал Хаджетлаше дальше, - армяне будут вырезаны... и все гяуры будут выгнаны... панисламистам будет очень легко утвердить права настоящего хозяина этих областей, т. е. турецкого султана. Так мечтают эти фанатики. Мало того, они говорят: "Русские воображают, что, имея в своих руках крепость Карс, они в состоянии удержать турок от вторжения в Закавказье. Пустая мечта! Теперь, когда Россия сильно ослабла (в результате кончившейся ее поражением русско-японской войны. - Л. К.) и престиж ее как некогда могущественной военной державы значительно упал в глазах азиатских народов, нам легко будет вторгнуться в Закавказье обходным путем... Проникнув в Закавказье, нам уже не трудно будет захватить губернии Елисаветопольскую, Бакинскую и соседние, а тут на помощь к нам подойдут горы Дагестанской области, и планы наши осуществятся... Недаром наши агенты работали и работают столько лет. Еще одна-другая такая резня над армянами, и мы примемся за наших исконных врагов (русских. - Л. К.) Мы отомстим за все позоры мусульманских поражений и на трупах гяуров водрузим священное знамя пророка"⁴¹.

Однако все это далеко не было пределом "тайн" Хаджетлаше! По мере писания его аппетит разгорался. Быть может, он получал, и новые инструкции. Только продолжая эту статью в № 41 "Московского еженедельника" за 1907 г., Хаджетлаше провозгласил делом турецких панисламистов не только армяно-татарскую резню, но и все ужасы переселений народов Кавказа, задавленных лежавшим на них двойным гнетом: царского самодержавия и туземных эксплуататорских классов. "Если бы мы, - заявлял он, - Писали историю переселения кавказских племен (в Турцию.- Л. К.), то нам неизбежно пришлось бы бросить оскорбление в лицо... халифату. Он один - виновник этой страшной эпопеи..."

Вообще, - говорил Хаджетлаше - "...за последнее время... поле деятельности (турецких агентов. - Л. К.) значительно расширилось и (их. - Л. К.)... можно

встретить теперь в Самарской, Саратовской и Казанской губерниях..." Они якобы проникли даже в Китай, где явились причиной антиимпериалистического "движения "Большого кулака". О нем,- говорит Хаджетлаше, - заранее было известно в Ильдыз-киоске (дворце турецкого султана, откуда, по Хаджетлаше, исходят все действия "адской машины" панисламизма. - Л. К.). Члены тайного общества "Большого кулака" - это кость от кости панисламитов, и их идея - одна и та же, т. е. уничтожить во что бы то ни стало европейцев".

Та же причина, как мы видели из цитаты приведенного Хаджетлаше анонимного автора и как он и сам заявляет, вызвала будто бы и Андижанское восстание 1898 г. Страдают от Ильдыз-киоска и другие страны. "Особенно большие средства, - говорит он,- идут в Марокко и в Индию..."⁴².

Русско-японская война, По Хаджетлаше, сыграла в деле развития панисламизма огромную роль. "...Число комитетов (тайных панисламистских. - Л. К.), - говорит он, - почти утроилась со времени русско-японской войны"⁴³. "Деятельность панисламитов, - подчеркивает он в другом месте, - усилилась, особенно после русско-японской войны..."⁴⁴.

В известной степени Хаджетлаше в последнем прав: следовавший за революцией 1905-07 гг. период разгула контрреволюции являлся этапом подъема и панисламизма (как и всякой другой реакции). Сама черносотенная деятельность Хаджетлаше в значительной мере была обусловлена этим подъемом. Но это, конечно, отнюдь не означает, что разгул реакции в царской России в эти годы являлся результатом деятельности турецких или японских эмиссаров. Между тем Хаджетлаше, особенно в № 51-52 "Московского еженедельника", повернул свои "доказательства" именно в эту сторону. Кошмарный груз самодержавия перекладывался на плечи его "дружественных" соседей. Оказалось, что в конце-концов панисламистскую "свинью" подкладывает верноподанным сынам "милостивого" русского царя даже не Турция, а... Япония.

Произошло это, по Хаджетлаше, как-то исподволь. "Ведомые опытной рукой, - говорит он, - панисламисты подчинились дисциплине, и... их ряды наполнились отважными и умными людьми. Появились желтолицые японцы, узкоглазые манджурцы, длиннокосые китайцы и много еще невиданных до сего единоверцев. Нечего говорить, что среди этой разношерстной братии первенствующую роль играют маленькие люди с островов. В очень короткое время они подчинили себе... турок... албанцев... черкесов и т. п. Заняв прочную позицию... они повели правильную атаку в полной уверенности, что и на этот раз... одержат победу".

И эта новая победа японцев, запугивал Хаджетлаше, поднимая в русском обывателе "патриотические" чувства, - может стать близкой.

"В прошлый раз, - восклицает он, - мы говорили, что панисламисты уже имеют план наступления, и вот теперь... в момент объявления России войны или правильное нападения Турции, панисламисты захватят в свои руки всю горную область главного Кавказского хребта и под руководством турецких инженеров японской выучки покроют ее... цепью укреплений, а если Черное море будет в их руках, то турки могут... совершенно отрезать Закавказье... Все русские или вообще немусульмане... подвергнутся беспощадному истреблению. В этом отношении не может быть никаких иллюзий".

И еще:

"После захвата Закавказья ничего не мешает панисламистам идти и далее на Север, а в случае неудачи они снова отступят в Кавказские горы и... потеря Закавказья явится для русских неожиданным последствием войны..."⁴⁵.

Как же это случилось? "Каким образом власти просмотрели такое серьезное движение?"

Подобные вопросы, - мимоходом замечал Хаджетлаше, - ...удивительно просты и легко разрешимы.

Если принять во внимание солидарность мусульман, тот факт, что пропаганда велась и ведется очень искусно, что русские власти на Кавказе, занятые другими делами, не видели, что творится у них под боком, - окажется, что все решительно способствовало развитию этой идеи, и теперь необходимо... сильное средство, чтобы

парализовать это пагубное учение"⁴⁶.

Здесь перо Хаджетлаше явно обо что-то споткнулось.

Отвечала ли на поставленные вопросы эта его сентенция? Конечно, нет. Напугав читателя целой кучей всяких небылиц, Хаджетлаше не сумел здесь свести концы с концами. Его "сильное средство" свелось к рекомендации самодержавию обратиться за помощью к... мусульманской интеллигенции, которая сама, как заявлял Хаджетлаше, причастна к панисламизму⁴⁷.

"Заканчивая эту небольшую статью, - писал он в № 34 "Московского еженедельника", - мы считаем необходимым сказать, что раньше всего нужно принять меры, дабы турецкие эмиссары не могли попасть в мусульманские деревни.. А затем надо принять более радикальные средства.

...Отправляемые на Кавказ эмиссары снабжены на всякий случай... документом, в котором сказано, что означенный в нем какой-нибудь Ибрагим-ага имеет право на церковную службу и вообще подготовлен исполнять должность деревенского муллы.

Очевидно, что подобного рода документ еще далеко не значит, что почтеннейший Ибрагим-ага действительно знаком с кораном. Не будет служить доказательством и удостоверение русского консула, так как нельзя экзаменовывать каждого мусульманина, явившегося в консульство для визировки своего паспорта.

Мы думаем, что здесь необходимы средства посущественнее разных документов. Нашлись бы честные люди среди мусульманской интеллигенции, которые, при полном знании корана и вообще религии, время от времени наезжали бы в аулы и контролировали деятельность мулл. Мало того, есть и русские люди, хорошо знающие арабский и турецкий языки, которые тоже могли бы помочь в этом деле, проверяя знания новых мулл, особенно выходцев из Турции. Можно с уверенностью сказать, что от такого средства число эмиссаров сократилось бы до нуля"⁴⁸.

После ознакомления с предложенной Хаджетлаше панацеей всякий сколько-нибудь грамотный читатель невольно, конечно, должен был задать себе вопрос: а не из нуля ли раздуты все изложенные выше страхи, если от них "святую Русь" может избавить кучка каких-то мусульманских и т. п. интеллигентов. Ведь эти же самые интеллигенты, как вскоре заявил автор, имеют сильно подмоченную репутацию.

Понял это, очевидно, и сам Хаджетлаше или те, вероятно близкие к охранке, круги, которые водили его пером. Статья Хаджетлаше, как оказалось, не была окончена, и в № 42 "Московского еженедельника" были указаны другие меры, с помощью которых самодержавие могло избежать "грозной зеленой опасности", которая присоединялась "к грозящей человечеству желтой опасности"⁴⁹. Меры эти вполне совпадали с интересами тюрьмы народов, которую Хаджетлаше рекомендовал кавказским горцам именовать "своей чудной родиной"⁵⁰. Хаджетлаше предлагал выселить беспокойные для русского царизма народы Кавказа в другие, неподходящие для них места, где во власти чиновников самодержавия они были бы заведомо обречены на вырождение и гибель.

"Все эти ненормальные явления, - писал он о "результатах панисламизма" на Кавказе, - могли бы быть легко устранены, если бы мы... предложили им (автор имеет в виду главным образом горские народы Кавказа - кумыков, чеченцев, ингушей и т. д. - Л. К.) селиться на пустопорожних местах Кавказского побережья. О рациональности такой системы нечего распространяться, тогда как, не взвешивая обстоятельства и последствия переселений, правительство упускает (в Турцию.- Л. К.) лучших работников, способных акклиматизироваться на какой угодно почве"⁵¹.

Статьи Хаджетлаше характерны в том отношении, что ярко показывают, что за типы делали погоду в религиозной жизни мусульман царской России.

Остановимся еще несколько на этом. Вот голые факты.

15 июня 1908 г. в Париже в издании и под редакцией Хаджетлаше на русском языке начал выходить ежемесячный журнал "Мусульманин". В Петербурге (Ленинграде) с 15 января 1910 г. в газете "Новая Русь" "под руководством редактора-

* После смерти И.-б. Гаспринского Р. Гаспринский редактировал (до 5 декабря 1914 г. один, а затем совместно с А. С. Айвазовым) газету "Тарджуман".

издателя общественного журнала в Париже "Мусульманин" Магомет-бека Хаджетлаше и пом. прис. пов. Аслан-Гирея Датиева по пятницам начал публиковаться отдел "В мире мусульманства". Далее, после закрытия газеты "Новая Русь", с 3 апреля 1911 г., под общей редакцией того же Хаджетлаше, "редактора-издателя журнала "Мусульманин" в Париже", и ответственной редактурой того же Датиева, в С.-Петербурге начала выходить "единственная в России еженедельная политическая, экономическая, литературная и общественная газета "В мире мусульманства". Кроме того, в это же время как самим Хаджетлаше, так и под его редакцией издается ряд неперIODических "зданий по исламу ("Шрутель-ислам" и др.).

Издания эти пользуются явным авторитетом у охраны. Например, в 1912 г. исправляющий должность директора департамента полиции С. Белецкий в приложениях к уже упоминавшемуся нами отношению министру внутренних дел от 13 марта 1912 г. опирается на парижский журнал "Мусульманин", выходивший под редакцией и в издании Хаджетлаше. И делает он это "в виду выступлений в Государственной думе... по смете министра внутренних дел члена мусульманской группы Максудова..."

Что же говорил тогда Максудов?

"Максудов, - отмечал газетный отчет о заседании Государственной Думы от 13 марта 1912 г., - ...указывает, что за последнее время правительство систематически посягает на все, что дорого мусульманину: преследует мусульманскую школу, литературу и язык. Репрессии... объясняются существованием панисламизма. Этот панисламизм является продуктом вражеской фантазии, созданием политиканствующих миссионеров... Правительство поверило миссионерам и организовало при министерстве особое совещание, принявшее постановление, совершенно совпадающее с постановлениями миссионерского съезда. На самом деле никакого панисламизма не существует, а есть лишь естественное движение... мусульманского населения по пути приобщения к русской культуре и прогрессу Российской империи..."⁵².

Министр внутренних дел собирался видимо, "опровергать" это утверждение. Между тем оно в той части, которая указывает, что самодержавие использовало панисламизм, как дымовую завесу для бесцеремонного, проведения своей политика угнетения нерусских национальностей, как мы теперь знаем, бесспорно. Правда, это ни в какой степени не означало, что течения панисламизма в царской России не было: сама мусульманская фракция Государственной думы была к нему причастна. Циркуляр департамента полиции от 18 декабря 1910 г. за № 119645 предлагал "начальникам районных и охранных отделений и губернских жандармских управлений" первым делом "принять меры к немедленному приобретению соответствующей секретной агентуры для освещения преступной деятельности панисламистов..."

На творчество Хаджетлаше как на материал одного из таких приобретенных агентов С. Белецкий и ссылался.

"...Необходимо упомянуть, - говорилось в составленном в январе 1911 г. приложении к его отношению, - об одной статье, напечатанной в журнале "Мусульманин", издающемся в Париже, под заглавием "Настоящее и будущее панисламизма", автор которой, будучи противником этого движения и называя его чудовищно фантастической и в то же время заветной мечтой всякого правоверного мусульманина-фанатика, которого еще не коснулась волна цивилизации, - ярко обрисовывает картину всемирной пропаганды панисламизма"⁵³. И дальше департамент полиции наделял министра внутренних дел для опровержения Максудова обильными "фактами" фабричной марки "Хаджетлаше".

Все это, конечно, было обычным делом царской охраны. И Хаджетлаше, вероятно, мог бы с успехом долго работать в этой области. Но споткнулся... Подвело его может быть, чрезмерно развитое авторское самолюбие, а может быть, действия близких ему недругов. Только псевдонимы Хаджетлаше стали раскрываться. Так, в помещавшихся в газете "Новая Русь" рекламных объявлениях о приеме подписки на журнал "Мусульманин" после фамилии Хаджетлаше как редактора-издателя этого парижского органа в скобках ставилось: "М. Tatarine"⁵⁴. Уже одно это грозила общественным скандалом...

Действительно, после такой информации достаточно было сравнить статью М. Tatarine "Панисламитизм как грозное движение в мусульманском мире" в журн. "Офицерская жизнь" (см. примеч. 38 к этой главе) со статьей М.-б. Хаджетлаше "Реформаторы ислама (опыт исторического исследования)", опубликованной через некоторое время в журнале "Мусульманин" и в газете "В мире мусульманства"⁵⁵, чтобы понять, что под вывеской мусульманской печати в лице Хаджетлаше орудует двурушник. И это несмотря на некоторую историческую отвлеченность темы этих статей, особенно по сравнению с большинством других "трудов" Хаджетлаше.

Вот несколько, примеров того, как писал Хаджетлаше в "Офицерской жизни" и как тот же материал он излагал в мусульманской печати (подчеркивание принадлежит всюду нам):

М. Tatarine. - "Панисламитизм как грозное движение в мусульманском мире". Журн. "Офицерская жизнь". Варшава, 1908 г., № 118, стр. 262, столб. 1-2:

"Самый беглый взгляд на нужды ислама может убедить каждого в том, что, прежде всего, эта религия делает для магометанизма невозможным пересоздать свое государственное устройство... Отбросив свои личные взгляды на ислам вообще, как на религию совершенно несостоятельную и невозможную при современном строе, мы говорим, что вера, которая в течение тринадцати веков воспитывает своих последователей... так, чтобы... презирать неверующего гяура... и все умственные и технические завоевания Запада решительно отвергать... могла сохранить свое господство... только в том случае, если ее догматическое содержание ясновыражает то, что находится в скрытом состоянии в душах ее приверженцев".

Там же, № 122, стр. 317, Столб 2 и стр. 318, столб. 1:

"...все реформаторы (ислама.- Л. К.) имели одну цель - объединить мусульман и создать единое великое мусульманское государство... Основатель (ваххабизма. - Л. К.)... впервые вдохнул мусульманам мысль о единстве... Для панисламитов ваххабиты... ценный материал, которым они и воспользуются.

Мы нарочно останавливаемся на секте ваххабитов... так как она в истории панисламитского движения сыграет огромную роль".

Там же:

"В настоящее время ваххабиты... продолжают агитировать в пользу панисламитизма, мечтая объединить весь мусульманский мир... Секта ваххабитов... идет вперед... к осуществлению заветной мечты: "объединить правоверных всего света и уничтожить ненавистных гяуров..." Их не устроят европейские пушки, что могут подтвердить сами французы, которые видели, как арабы бросались прямо в огонь".

Там же, № 123, стр. 333.

"До сих пор мы говорили о движении панисламитизма среди суннитов... Однако и шииты не оставались равнодушными к идее объединения мусульман... Молодой пророк (бабизма. - Л. К.) Али-Магомет требовал эмансипации женщины, подавленной и низведенной исламом до степени бездушного существа".

Там же, стр. 334, столб. 1-2:

"...бабизм... призван... возродить шиитскую часть магометанского мира в деле объединения всех исповедующих ислам.

... Достаточно усвоить основную идею учения (ваххабитов и бабидов.-Л. К.), чтобы уже не было сомнений. Каждый из реформаторов на первом плане ставил... обязательным уничтожение гяуров всеми мерами и мечтал собрать в одно целое раскинутых по всему свету правоверных. Брошенное зерно не пропадало даром ... быстро пополняя ряды протестантов. Современные панисламиты... сумели... дипломатически, обойти все неудобства и привлечь на свою сторону всех более или менее способных деятелей. Рисуя яркими красками упадок ислама и грозя нашествием гяуров, которые обратят всех мусульман если не в свою веру, то обязательно в рабов, панисламиты довольно легко вербуют новых членов, еще более фанатичных, чем сами. К счастью для них, европейцы делают все, чтобы помочь этому движению, так как, не понимая душу мусульманина, они озлобляют его уже десятками лет".

М. Б. Хаджетлаше - "Реформаторы ислама (опыт исторического исследования)". Журн. "Мусульманин", Париж, 1911, № 14-17. Газета "В мире мусульманства", СПб,

1911 г. "В мире мусульманства", № 1, стр. 2:

"Самый беглый взгляд на нужды ислама может убедить каждого в том, что, благодаря отсутствию образования делает (кто? - не указано. - Л. К.) невозможным пересоздать свое государственное устройство... Вера, которая в течение тринадцати веков искажалась псевдоучеными, воспитала своих последователей... так, чтобы они отвергали все умственные и технические завоевания Запада... Ее догматическое содержание ясно выражает то, что находится в скрытом состоянии в душах ее псевдоучителей".

Там же, № 3, стр. 2.

"... Все... реформаторы (ислама - Л. К.) имели одну цель. - объединить мусульман на почве прогресса и лучшей жизни.. Основатель (ваххабизма. - Л. К.)... впервые вдохнул мусульманам мысль об единстве... для борьбы с невежеством.

Мы нарочно останавливаемся на секте ваххабитов... так как она в истории культурного возрождения сыграет, несомненно, огромную роль". Там же, № 2, стр. 2: "В настоящее время ваххабиты ... продолжают агитировать, мечтая осуществить свою идею (какую - нигде не указано. - Л. К.) ... Секта ваххабитов... идет вперед (куда - не сказано. - Л. К.)...

Там же:

"До сих пор мы говорили о попытках реформ среди суннитов ... Однако и шииты не оставались равнодушными к этой идее (реформы ислама? - Л. К.)... Молодой пророк (бабизма. - Л. К.) Али-Магомет требовал эмансипации женщины, подавленной и низведенной (кем - умолчано. - Л. К.) до степени бездушного существа".

Там же, № 3, стр. 3.

"... бабизм... призван... возродить шиитскую часть магометанского мира в деле культурного объединения всех исповедующих ислам.

... Достаточно усвоить основную идею учения (ваххабитов и бабидов - Л.К.), чтобы уже не было сомнений. Брошенное зерно не пропадает напрасно... быстро наполняя ряды протестантов. К счастью для них, европейцы делают все, чтобы помочь этому (культурному? - Л. К.) движению, так как, не понимая душу мусульманина, они озлобляют его уже десятки лет".

Такая же картина была и дальше. В "Офицерской жизни" Хаджетлаше, путая факты, писал, что примкнувшее к сенуситам (см. "Введение") племя Зуйя, "в рядах панисламистов будет тем же, что для Наполеона его гвардия", а в "В мире мусульманства", опуская это, он оставлял лишь обескровленное изложение догматики этого ордена. Или в "Офицерской жизни" говорилось: "Принимая во внимание страстную любовь (у племени Зуйя. - Л. К.) к родине, т. е. к месту, где родился Зуйя... можно себе представить, какую ненависть внушают им эмиссары панисламизма к европейцам, которые, мол, только и домогаются выселить их из родных мест". А в "В мире мусульманства" это же было изложено так: "Принимая во внимание страстную любовь (у племени Зуйя. - Л. К.) к родине, т. е. к месту, где родился Зуйя... можно себе представить, как трудно будет европейцам попользоваться ими" ⁵⁰.

Любопытно и расхождение заключительных частей обоих вариантов этой "работы" Хаджетлаше. Вот они:

Журнал "Офицерская жизнь" 1908, № 123, стр. 335, столб. 1-2:

"Таким образом, мы имеем налицо три фанатичных ордена (ваххабитов, бабидов и сенуситов, - Л. К.), сплоченных одной общей идеей. Разбросанное по всему свету, они постепенно соединяются, и недалек тот час, когда мрачные фанатики явятся на мировую сцену как одно целое, с единственной целью уничтожить ненавистных гяуров и все то, что они сделали. Дикая мечта, мы не можем иначе назвать ее, создать одно великое мусульманское государство - в глазах этих фанатиков является вполне осуществимой... Сделав краткий обзор движения среди мусульман, мы в следующих статьях коснемся исключительно Кавказа и вообще мусульман в России, чтобы детально познакомиться с успехами панисламизма, что, по нашему мнению, необходимо сделать для предотвращения грядущих кровавых событий".

Г'аз. "В мире мусульманства" (то же - журн. "Мусульманин") 1911, № 3, стр. 3:

"Заканчивая этот далеко не полный обзор движения среди единоверцев, мы тем не

менее можем с полным правом сказать, что при наличии благоприятных условий мусульманство, вернее, народы, исповедующие религию ислама, легко и свободно воспримут все блага культуры и, оставаясь верными заветам пророка, станут наравне с другими цивилизованными национальностями стремиться к прогрессу. А для того, чтобы такое пожелание осуществилось в ближайшем времени, необходимо работать, не покладая рук, всегда помня, что мы, интеллигентные представители народа, без помощи последнего исчезнем совершенно и что только он может удержать нас от печального забвения".

Итак, делая в "Офицерской жизни" "обзор движения среди мусульман", Хаджетлаше приходил к выводам, вполне оправдывающим заголовок статьи - "Панисламизм как грозное движение в мусульманском мире". Когда же в издававшихся им мусульманских органах он дал обзор движения среди единоверцев, представлявший собою весьма несовершенную переработку статьи из "Офицерской жизни", то итоги у него оказались совсем другие джадидского характера.

Чем все это могло объясняться? Кому могли быть выгодны такие "превращения" Хаджетлаше, и почему долгое время вопрос о столь явной провокационной деятельности не поднимался в печати? Почему даже в случаях очевидного подозрения в ложности даваемого Хаджетлаше материала печать молчала, лишь изредка бросая такие "загадочные" примечания:

"Оставляя на ответственности автора точность сообщаемых им фактов, мы полагаем, что во всяком случае они заслуживали бы самого серьезного внимания" ⁵⁷?

Все это не было случайностью. Такое положение вещей на мусульманском фронте определялись интересами самодержавия в условиях создавшейся в России (после революции 1905-1907 гг.) расстановки классовых сил. Остановимся на этом несколько подробнее.

В работе "Марксизм и национальный вопрос" тов. Сталин писал в 1913г.:

"Период контрреволюции в России принес не только "гром и молнию", но и разочарование в движении, неверие в общие силы... Люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! "Национальная проблема" прежде всего!

В то же время в стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были прийти в движение...

В том же направлении пробуждения национальностей действовал и установившийся за это время "конституционный режим". Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения, способствовали усилению "национальных чувств". Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны "власть имущих", мстящих окраинам за их "свободолюбие", вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма, - все это факты общеизвестные.

Волна национализма все сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма"⁵⁸.

Царизм боялся, что "цветы национализма" дадут семена национально-освободительного движения народов, находившихся под великороссийским игом. Царизм страшила возможность новых революционных действий покоренных им трудящихся масс.

Чтоб отдалить от себя эти возможности, самодержавие, как мы видели, шло на кровавые репрессии, провоцируя погромы, братоубийственную резню среди "своих" народов. В этих интересах использовалось и мусульманское духовенство, и пресловутый панисламизм.

В декабре 1910 г. Ленин говорил: ..."трехлетний период золотых дней контрреволюции (1908-1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема"...⁵⁹. Русское самодержавие в этот период особенно обеспокоено вопросами создания соответствующих гарантий для направления нового революционного пробуждения масс в ложное русло. Касалось это не только метрополии, но и ее колоний. В последних вопрос стоял даже серьезнее, ибо некоторые буржуазные слои "мусульманских" окраин были заражены неугодными самодержавию сепаратистскими пантюркистскими настроениями. Не давала царизму большой уверенности и мусульманская фракция Государственной думы, хотя ее политическая платформа не была "левее" кадетов и группы трудовиков.

В результате, занимаясь вопросами реорганизации духовного управления мусульманского населения царской России, соответствующие органы самодержавия делают новые попытки организации отпора неугодным им фактам "оживления наций". В Петербурге самодержавие хотело иметь какой-то противовес Государственной думе. Государственная дума, как говорил т. Сталин, представляла "новую широкую арену для мобилизации" наций; ее мусульманская фракция имела даже свой печатный орган - газету "Дума".

Предложение Хаджетлаше организовать отдел в газете "Новая Русь", а затем - после ее закрытия - специальный орган "В мире мусульманства" было направлено против газеты "Дума". Для того, чтобы не выдать себя сразу и заручиться поддержкой "снизу", Хаджетлаше весной 1911 г., в период организации газеты "В мире мусульманства", "побывал среди мусульман г.г. Уфы, Оренбурга и Казани". Очевидно, рекогносцировка эта кончилась успешно: "езде, - писал об этой поездке Хаджетлаше А. Г. Датиев, - ему обещали самую широкую поддержку". Боязнь встретить отпор отпала. "Все, - свидетельствовал дальше Датиев, - было устроено быстро, и с поразительной решимостью"⁶⁰. После этого Хаджетлаше уехал в Париж руководить журналом "Мусульманин", который тоже "делал погоду".

Газета "В мире мусульманства" начала регулярно выходить в свет...

Каким материалом были заняты полосы этой газеты? Имела ли она какое-нибудь четкое направление?

На последний вопрос приходится ответить отрицательно: хотя газета "В мире мусульманства" и носила открытый антидумский характер, но последовательного, вполне четкого направления она не имела. Объяснялось это, очевидно, тем, что, не желая открывать свои карты, газета часто помещала всевозможную мусульманскую обывательскую стряпню и даже статьи своих политических противников - либералов из "правовой" думской братии. Затем явно хромало и руководство. Хаджетлаше предпочитал отсиживаться в Париже и, видимо, лишь очень приблизительно был посвящен во все "тайны" редактируемого им органа. В этом он впоследствии сам сознавался.

О чем же шла речь в публиковавшихся в "В мире мусульманства" материалах?

Из приведенного выше сравнения двух видоизменений одной и той же статьи Хаджетлаше, опубликованной, с одной стороны, в царском военно-политическом органе "Офицерская жизнь" и с другой - в мусульманских "Мусульманине" и "В мире мусульманства", мы видели, в чем заключалась разница между этими вариантами. То же повторялось и с другими темами, публиковавшимися в "В мире мусульманства", несмотря на то, что их политическое острие, так же как и статей Хаджетлаше в русской черносотенной печати, было направлено в защиту интересов русского самодержавия.

Во-первых, Хаджетлаше ратовал за полную лояльность мусульман в отношении своей "православной" родины. Для этого Хаджетлаше опровергал все те доводы, которые он же сам приводил 3-4 года назад в русской печати. Так, в № 29 "В мире мусульманства", 12 (25) августа 1911 г., Хаджетлаше за своей полной подписью и с

паметкой "Париж" писал в статье "Мусульмане и Россия" следующее:

"...Появилась в "Н. В." ("Новом времени". - Л. К.) статья некоего Я. Н-ова, который старается кому-то доказать, что мусульманам совершенно напрасно оказывают традиционное доверие... Я. Н-ов утверждает, что, сохраняя... внешнюю лояльность... русские татары... стали мечтать о возрождении могущественнейшего царства во главе с падишахом, объединенном мусульманском государстве от Средиземного до Желтого моря, объединении с Турцией и т. д."

В ответ на это Хаджетлаше резко обрушился на Я. Н-ова, заявив, что его статья - "абсолютное незнание мусульманского мира... Нельзя же... клеветать на многомиллионное население, обвиняя его в небывалых преступлениях... (Это) не благородно, низко. Оставьте нас в покое... Для русских мусульман было бы ниже всякого достоинства уверять кого-то, что они любят свою родину..."⁶¹. Это-де, само собой разумеется!

Далее.

Во время захвата империалистической Италией турецких владений в Африке (Триполи и Киренаика), "протесты" против чего в интересах германского империализма распространялись среди русских мусульман (см. выше), Хаджетлаше снова за своей полной подписью выступил с "опровержением клеветы". "Наши читатели, - писал он, - вряд ли подозревают, что их обвиняют в сочувствии к единоверным туркам. "Земщине", например, и подобным ей газетам уже кажется, что все Поволжье готово идти в Турцию помогать ей в борьбе против итальянцев. Клевета на русских мусульман... эти газеты с рискованной смелостью затрагивали и Кавказ, указывая на Дагестан". Между тем во время балканских войн 1912 г. печать российской мусульманской буржуазии (газета "Юлдуз" и др.) открыто высказывала свои симпатии Турции. В Крыму мусульманские благотворительные общества даже открыли сбор средств на помощь туркам.

Вопрос этот обеспокоил верхи русского общества. Некий В. Г. Янчевский в 1912 г. сделал в Петербургском славянском благотворительном обществе два доклада на тему "Значение панисламизма в настоящем кризисе на Ближнем Востоке". Выступивший в прениях на втором из этих докладов (12 ноября 1912 г.) проф. Дмитриевский, как говорил газетный отчет, "особенно отмечал то обстоятельство, что в прошлом осложнения между Россией и Турцией всегда вызывали живейшее внимание в Казани и Астрахани, где в мечетях проповедовалась идея помощи братьям-туркам". Выступивший здесь же Дейнеко добавлял к этому еще и то, что "панисламизм в плену у пангерманизма, вожди которого... направляют панисламизм согласно своим видам"⁶².

Однако, для чего же тогда Хаджетлаше было нужно огород городить? Об этом он поведал тут же, "Мы стремимся, - писал он вслед за вышеприведенной цитатой, - объединиться с русским народом ...мы будем испытывать большое моральное удовлетворение, если бы Турция заключила союз с нашим отечеством. Мусульманские народы в союзе с Россией не дадут издеваться над собой протухлой Европе, и она сто раз подумает раньше, чем решиться, подобно Италии, оторвать какой-нибудь кусок от тела мусульманских народов"⁶³.

Итак, новое положение обязывало... То, что Хаджетлаше утверждал в своих статьях, рассчитанных на русского обывателя, теперь в мусульманском органе он яро опровергает. Но это была лишь внешность, разные пути: цель преследовалась одна и та же. В то время как буржуазно-националистические организации татар, исповедуя пантюркизм, призывали к спасению "больного человека" - Турции, Хаджетлаше звал их к союзу с русским самодержавием. В условиях начавшегося - нового подъема рабочего и национально-освободительного движения среди угнетенных народов царской России, накануне Ленских событий 1912 г., он призывал к пробуждению русского патриотизма, предлагая и "миром" и петлей душить крамолу. "Не меч нужен теперь народам, - писал в "В мире мусульманства" некий асхаб ал-Гумуки,- ...а оливковая ветвь мира и братского единения... не борьба христианства с исламом, а дружеское сожительство этих двух мировых религий"⁶⁴. Как "неправду и ложь" квалифицировал Хаджетлаше статью некоего Хитрово из "С.-Петербургских

ведомостей" (№ 240), в которой тот писал, что - "очень далеко удалились передовые мусульмане от великого отечества, определенного им аллахом, великой матери нашей России, и от того царя, покорность которому предписывается им законом пророка". "Эти слова, - заявлял Хаджетлаше, - решительно к нам не применимы. Никуда мы не удалялись и удаляться не намерены. Если вы, г. Хитрово, считаете себя больше русским, чем равные Мейендорфы, Лерхе и даже А. И. Гучков, то... мы гораздо более по природе русские, чем даже вы"⁶⁵.

То же писалось здесь и о панисламизме. Так, один из довольно усердных сотрудников "В мире мусульманства" Гайдар Бамматов заявлял, что он "глубоко убежден в том, что в сущности никакого панисламистского движения в России не существует и что весь шум, поднимаемый рептильной печатью вокруг этого, вопроса, является привычной проповедью человеконенавистничества или желанием половить рыбу в мутной воде...

...Мне, - говорил он, - ...в высшей степени неприятен даже малейший намек на самую возможность такой постановки вопроса.

Я непоколебимо верю в то, что исторические судьбы навсегда и неразрывно связали русских мусульман с Россией и также бесповоротно разъединили их со всеми другими соседями. И все дальнейшее движение мусульман по пути прогресса я не могу себе представить иначе, как в тесном и братском единении с русским народом"⁶⁶.

Статьи, вспоминая "свою чисто исламскую культуру" и говорившие о пагубности "полного отказа нашего от участия в разрешении мировых проблем", ибо это "повлечет за собой падение веры в мощь ислама..."⁶⁷, появлялись в "В мире мусульманства" лишь как "принудительный" ассортимент, портивший общую игру. А игра эта являлась линией на установление полного и постоянного блока царской охранки с организацией мусульманского "союза русского народа"- партией туземных помещиков и высшего мусульманского духовенства "Сират-и мустаким" (Истинный путь).

Эта партия, возглавлявшаяся петербургским муллой С. Баязитовым, хорошо была известна охранке. Когда "начальник Уфимского губернского жандармского управления препроводил при отношении от 31/III 1914 г. за № 2297 в адрес директора департамента полиции выдержку из № 45 издающейся в Уфе татарской газеты "Турмыш" по поводу организации "Сират-и мустаким", директор департамента полиции на этом отношении против слов "Сират-и мустаким", очевидно для себя, сделал карандашом... пометку - "черносотенная партия - Мих. Арх."⁶⁸. Открыто о связи этой партии с царской охранкой говорила почти вся татарская печать. Она считала, членов "Сират-и мустаким" платными агентами полиции.

Почему либеральная печать татарской буржуазии была против "Сират-и мустаким"? Это, в первую очередь, объяснялось тем, что члены "Сират-и мустаким" выступали в качестве внутренней, духовной жандармерии самодержавия, разоблачая царскому правительству "дрянных революционеров" - джадидов-пантюкистов. Это они писали доносы Столыпину и другим палачам "земли русской". Несмотря на то, что "судьба революции никогда не находилась в руках либералов"⁶⁹, они всеми силами стремились уничтожить влияние на "мусульманское" население джадидствующих мусульманских партий, вроде "Иттифака" ("Иттифак-ул-муслимин" - Союз мусульман), являвшегося, как говорили тогда, "татарским кадетизмом в чалме и тюбетейке"⁷⁰.

"В мире мусульманства", проводила линию поддержки "Сират-и мустаким". "В мире мусульманства" восхваляла то, чему поклонялись творцы этой партии. Так, о смерти премьер-министра П. А. Столыпина "В мире мусульманства" писала, что перед его могилой «мы, мусульмане, должны... с чувством глубокого почтения вместе со всеми русскими людьми... преклонить колена. В этом призыв нашего религиозного и морального чувства»⁷¹.

Утверждение Хаджетлаше в "Офицерской жизни", что "неспособность мусульманских народов... происходит... от полного проникновения их народного духа самой высокомерной из всех существующих религий" - исламом⁷², - было забыто. "Жизненность и практичность религии Мухаммеда говорилось в "В мире мусульманства", - составляя отличие ее, выдвигает ее из ряда других вероучений. Так

называемые закят и фитр (т. е. фитр-садака - обязательное приношение каждого мусульманина муллам во время фитр-байрама. - Л. К.)... говорят о той, нивелирующей все сословия и классы в духе демократизма... идее, которая делает ценным и приемлемым учение великого араба и для современной культурной Европы"⁷³.

Такое прославление ислама с феодальными налоговыми установлениями, как якобы демократического учения, "ценного и приемлемого и для современной культурной Европы" на страницах "В мире мусульманства" могло преследовать лишь одну цель: противопоставить свою платформу линии джадидов-пантюкистов, звавших "учиться у Европы". Это же нужно было русскому самодержавию и, главным образом, феодально-помещичьим кругам русского мусульманства, для того чтобы уничтожить плевелы либералов, особенно усиливших свою деятельность в период I и II Государственных дум. Ибо хотя поведение мусульманской фракции Государственной думы и целого ряда происходивших в то время "всероссийских" и иных мусульманских съездов и было контрреволюционным, однако, как либеральное, оно, не совпадало с стремлениями царской охранки.

Складывался любопытный переплет внутреннего соотношения классовых сил, блестяще охарактеризованный В. И. Лениным в его статье "О лозунгах и о постановке думской и вне думской с.-д. работы", написанной в декабре 1911 г.

"Раз возник в стране, - писал Ленин, - контрреволюционный либерализм, демократия вообще, пролетарская демократия в особенности не может не отделять себя от него, она не должна ни на минуту забывать грани между ним и собой. Но из этого нисколько не следует, чтобы позволительно было смешивать контрреволюционный либерализм с контрреволюционным, скажем, феодализмом, - чтобы позволительно было игнорировать их конфликты, отстраняться, отмахиваться от них. Контрреволюционный либерализм именно потому, что он контрреволюционен, никогда не сможет сыграть роли гегемона в победоносной революции; но именно потому, что он либерализм, он неминуемо будет попадать в "конфликтное" положение с короной, с феодализмом, с нелиберальной буржуазией, отражая иногда косвенно свои поведением "левое", демократическое настроение в стране или начало подъема и т. п."⁷⁴.

Последнего как раз и боялись феодалы и нелиберальные слои мусульманской буржуазии, в ногу с которыми стремилась идти газета "В мире мусульманства". Вполне четко об этом сказал ее ответственный редактор Дагиев в статье - "Два течения в мусульманской интеллигенции". Так как эта статья представляет незаурядный интерес для характеристики течений, имевшихся в кругах довоенной, главным образом татарской интеллигенции, остановимся на ней несколько подробнее.

Эта статья была написана в связи с полемикой, произошедшей на страницах № 24 журнала "Мусульманин" за 1911 г. между известным мусульманским публицистом Ахмед-беком Цаликовым (русская транскрипция осетинской фамилии Салихов) и Хаджетлаше. Цаликов в своих выступлениях отмечал, что "в наше время религия, национальность и всякая другая подобного рода общественно-культурная обособленность неизбежно разрушается" и вместо этого становятся все ярче и грозней развивающиеся "социальные противоречия". Поэтому, - заявлял Цаликов, - "идеи братства" - "ветхозаветный хлам", "романтика и маниловщина", "елей сладких слов", "стремление соединить несоединимое". Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями Цаликов стремился заменить открытой эксплуатацией.

Те реакционные круги, которые были представлены Хаджетлаше (и Датиным), такая откровенность удовлетворить не могла. "Святой елей" им был еще очень нужен.

"Классовые противоречия", - писал Датиев, - для торжества которых Цаликов бракует призывы к единению и братству между мусульманами, существуют лишь в... экономической жизни народа. Но ведь жизнь любого общества никогда не ограничивается рамками экономических взаимоотношений: есть еще и область религиозной, нравственной, правовой, политической и др. жизни... И если интересы капиталиста-мусульманина противоречат интересам бедняка-мусульманина в области экономической жизни... то это еще далеко

не значит, что такое же противоречие их разъединяет во всякой другой области, напр. религиозной. Тут может быть наблюдаемо как раз обратное, т. е. и у богача и у бедняка интересы в религиозной жизни совершенно одинаковы... потому, что они оба мусульмане; и богачу и бедняку, например, одинаково интересно иметь хорошего просвещенного муллу или мечеть, удовлетворяющую требованиям архитектуры и гигиены, или, скажем, образцовую доступную духовную школу; и бедняку и богачу желательно, чтобы вся ныне существующая система управления духовными делами мусульман была реформирована и построена на началах, согласованных с их религией"⁷⁵.

Итак, если и возможны реформы в исламе, то не из-за приобщения мусульман к европейской цивилизации и "восстановления" с помощью ее былой "мощи ислама", как декларировали джаиды, а - реформы во имя установления "братства" между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Но всякая буржуазия имеет больше родственного с буржуазией других наций, чем с рабочими своей нации, с которыми она живет бок-о-бок⁷⁶.

Сюда, на обеспечение классового мира между насильниками и насилуемыми, мобилизуются Датиевым те положения ислама, которые обычно служили "божественному" обоснованию панисламизма.

"...Мусульман, - продолжал Датиев, - связывает не только общая религия, но еще и во многом... общая культура.

...Мусульмане сродни друг другу, братья друг другу, братья и по религии, и по культуре.

Мусульманские народы заинтересованы в возрождении культуры ("исламской". - Л. К.), пришедшей теперь в упадок. Вот... широкая область, где мусульмане, совершенно независимо от разницы в своих социальных положениях, могут и должны быть солидарны между собою; вот вам область, где нет вовсе места "классовым противоречиям"... Перед лицом этого великого дела не время и не место говорить о "классовых противоречиях" Тагиевых и Амшари, ибо и те и другие в этой области... должны проявлять единение, те и другие тут "братья" по оружию и по ближайшим целям. Отсюда вполне понятно - почему М. Б. Хаджетлаше начал свою работу... словами "братства".

..."Мусульмане - братья"... " по несчастью, ибо везде и всюду им... суждено играть в лучшем случае роль вторых граждан, а в худшем - находиться у европейцев в положении рабов и эксплуатируемых. И когда говорят: "мусульмане - братья", то не ищите в этом какой-либо вражды к не мусульманам".

Хаджетлаше, правда, начал свою деятельность далеко не "словами братства". Но "братства" бакинского миллионера, капиталиста и помещика Тагиева с работавшими на него его "единоверцами" он, конечно, искренне желал. Это было в интересах самодержавия, в интересах капитала, которому Хаджетлаше (и Датиев) служил. В то время когда миллионер Тагиев утопал в роскоши, работавшие на него "единоверцы" за 12- и даже 17-часовой рабочий день получали столь низкую зарплату, что ее не хватало им даже на питание. В дополнение к этому бакинские капиталисты-мусульмане культивировали самые варварские, докапиталистические формы эксплуатации. Они резко выступали против даже частичного облегчения участи эксплуатирувавшихся ими "братьев". Так, в начале 900-х годов, на съезде бакинских нефтепромышленников, крупный кавказский капиталист Манташев и вместе с ним местные капиталисты-промышленники провалили предложение об уменьшении продолжительности рабочего дня на нефтяных производствах. Более того, в это же время, как сообщала газета "Искра", "у Манташева на заводе машины пускаются в ход на полчаса, на час раньше гудка".⁷⁸ Неимущим "духовным братьям" Тагиевых оставалась лишь наслаждаться тем, что, например, будучи в Баку, они могли ходить по тротуарам Тагиева, смотреть на дворцы Тагиева, просить милостыню у театра Тагиева, читать газету Тагиева, добывать нефть на нефтепромыслах Тагиева, ткать на ткацких фабриках Тагиева, служить батраками у арендаторов или субарендаторов земель Тагиева и, наконец, "бесплатно" слушать в мечетях Тагиева проповеди мусульманского духовенства о "братской" благотворительности Тагиева. И

Хаджетлаше (и Датиев) все это отлично знали. Однако разве они не были призваны защищать интересы эксплуататоров? Разве для них подневольное положение трудящихся мусульман у их имущих "братьев" не являлось вполне законным делом? Для Датиева и национальное угнетение самодержавной Россией и европейскими империалистическими державами завоеванных ими народов не представлялось чем-либо ненормальным. Возрождайте свою средневековую культуру, братайтесь, но, - предупреждал он, - "не ищите в этом какой-либо вражды к не мусульманам".

Заявив это, Датиев обратил свое перо на борьбу с проникновением в ряды мусульманской интеллигенции подлинной революционной мысли. Выражая чаяния российской реакции, он предавал "анафеме всякого, кто становился на сторону марксизма. Но это было вполне понятно. Опасность для господ Датиевых и иже с ними все больше и больше увеличивалась. Еще в 1907 г. Хусаином Ямашевым в Оренбурге была организована первая большевистская газета на татарском языке "Урал". Эта газета скоро была закрыта царским правительством (вышло всего 30 номеров газеты и 5 брошюр "Библиотеки Урала").

"Российские мусульмане, - говорилось в № 3 "Урала", - точно так же, как и все другие народы мира, безразлично, какую бы религию они ни исповедывали, к какой бы нации они ни принадлежали, распадаются на классы. У мусульман так же, как и у других наций, имеются, с одной стороны, помещики и капиталисты, с другой - крестьянство и продающие свою рабочую силу рабочие. Люди с одинаковыми экономическими интересами составляют один класс. Интересы рабочего, продающего свою силу, совершенно противоположны интересам его хозяина, покупающего эту силу...

Ясно, что все мусульмане не могут войти в состав единой партии, в частности в "Союз мусульман".

...Рабочие и вся беднота должны хорошо усвоить это. Допустим, что религия общая, но ведь капитал-то не общий. И потому рабочие и беднота должны входить только в свою партию"⁷⁹.

Датиевых это било не в бровь, а в глаз. Они не могли не замечать грандиозного роста классового самосознания трудящихся. Ибо еще в 1905 г., в то время, когда самодержавие в союзе с беками разжигало армянско-татарскую резню, в Закавказье, "в селе Суреби крестьяне протестовали против обвинения в национализме. Депутаты крестьян заявили: "Правительство, распространяет слух, будто движение наше национального характера, будто мы требуем себе особого царя. Это клевета. Мы солидарны с трудящимся народом всех стран".

Ни полицейский социализм братьев Шендриковых, ни "либерализм" кавказского наместника, ни льстивые речи Султан-Крым-Гирея, ни карательные экспедиции генерала Алиханова и зверства других рачителей самодержавия, ни армяно-татарская резня, ни соглашательство меньшевиков - ничто не могло остановить революционно-освободительного движения среди угнетенных царизмом трудящихся. Дело большевиков крепло. По призыву партии социал-демократов (большевиков) "не раз останавливалась и замирала жизнь больших городов Кавказа - Тифлиса, Баку, Кутаиса, Батума и поднимались крестьянские районы"⁸⁰.

"Рабочий-мусульманин, - писал со скрежетом зубным один из постоянных сотрудников "В мире мусульманства" Джим-Алиф, - быстро и решительно порывает с устаревшими и отжившими традициями и на все заимствованное извне... накладывает свой отпечаток...". Особенно же Джим-Алифа волновало то, что "рабочий-мусульманин в Закавказье не вырождается, не спивается - он растет и поднимается с низов все выше и выше". Видя это, Джим-Алиф призывал "духовных" палачей трудящихся торопиться: рабочий может сам себя освободить от власти насильников. Такая перспектива несла гибель Джим-Алифам, почему они готовы были даже кое-что выкинуть из ислама, подчистить его, лишь бы он помог остановить поднимающийся против капитала класс рабочих. Пока не поздно, - пишет об этом Джим-Алиф, - "нам важнее всего освободить свою религию, ислам, от тех мертвящих форм, в которые она закована, очистить от плевел, которые вплелись в нее...

Наша интеллигенция должна помнить, что на полях, на фабриках и заводах

миллионы ее темных братьев обрабатывают землю, куют железо и гибнут в непосильной борьбе. Нужна им пища духовная"⁸¹.

Но какая "пища духовная"? Это-то и беспокоило газету "В мире мусульманства"! И для того, чтобы подсунуть трудящимся вместо хлеба камень, они шли на очередную гадость...

"Проповедь любви и братства, - писал Датиев, - может пониматься как тормоз лишь тем, кто великий необъятный божий мир сузил до той арены, где... нет ничего другого, кроме "классовых противоречий" и классовой борьбы, кто снизошел до того, что мировая жизнь народов понимается им не иначе, как маленький курятник, где в роли хитрой лисы безнаказанно господствует "всепожирающий капитал".

Но такое материалистическое понимание жизни человечества есть действительно "хлам", ибо современная философия и наука уже успели сдать его в архив и материалистический взгляд на историю теперь никем более серьезно не защищается".

Продолжая эту гнусность, Датиёву, правда, пришлось признаться, что согласная с "материалистическим пониманием жизни человечества" часть мусульманской интеллигенции очень сильна. В столь же наглом тоне, он вынужден был предложить ей даже некоторый компромисс.

"...Если слова "мусульмане-братья", - заявил Датиев... - страшны для... части мусульманской интеллигенции, то можно легко заменить слово "брат" приятным их сердцу словом "товарищ" и сказать себе, что "мусульмане - товарищи"...

А в заключение Датиев прочел нотацию той части мусульманской интеллигенции, которая, пойдя за марксизмом сделает якобы "великую историческую ошибку".

"Мусульманство, - писал он, - пробуждается: его, может быть ждет своя эпоха возрождения. Последователи ислама просыпаются. И я боюсь, что указанная часть нашей интеллигенции отыщет причин этого пробуждения в "классовых противоречиях" и пойдет навстречу этому пробуждению с теми принципами "классовой борьбы", с которым отправляются на любую фабрику, на любой завод. Это будет великой исторической ошибкой указанной части интеллигенции. Эта интеллигенция...перефразируя слова уважаемого Ахмеда эфенди (Цаликова. - Л.К.) прежде всего "должна сбросить с себя мантию партийного фанатизма или, в лучшем случае, мантию партийного утопизма". Сбросьте эту мантию и только тогда идите в молящийся мусульманский мир...

Идите, но не с "Капиталом" Маркса, а прежде всего с кораном и шариатом; не с партийными лозунгами, а с общечеловеческими идеями"⁸².

Почему же при столь приемлемой для эксплуататорских классов самодержавной России политической (антидумской, в частности) платформе газета "В мире мусульманства", как мы уже замечали, долго не просуществовала? Подвело эту газету, главным образом, то обстоятельство, что прошлые и настоящие связи ее редактора-издателя с царской охранкой стали секретом полишинеля.

Думу газета критиковала хлестко.

"Мы будем очень близки в истине,- например, писалось в "В мире мусульманства" 20 января 1912 г., - если скажем, что III Госуд. дума никого не удовлетворила...

...Наши депутаты самым убедительным образом доказали, что высокая честь народного представительства досталась им по недоразумению, что они не могли с достоинством поддерживать свой престиж, и их уход из Таврического дворца встречен будет вздохом облегчения: Наконец-то!"⁶³.

Материал для этой критики газета подбирала даже со стороны. Например, из ярославского "Голоса" печатались такие любопытные частушки, сложенные в Ярославской и Тверской губерниях:

Антидумская политика газеты "В мире мусульманства", однако, не была направлена против Думы вообще. Нет, задача органа Хаджетлаше и Датиева была более узкая. "В мире мусульманства" пыталась разбить образовавшуюся в Государственной думе либеральную группу джаидов. Устанавливая связи с местами, эта группа стремилась оттеснить кадимистов, нахождение которых в стенах Думы для русского самодержавия было более желательным. Министерство внутренних дел принимало все меры к обеспечению прочного места в Думе кадимистам. То же делала и газета "В мире мусульманства".

Лучшей иллюстрацией этому может служить случайно сохранившаяся (она должна была тотчас сжигаться) секретная переписка по поводу выборов в IV Государственную думу, происходившая в сентябре 1912 г. между товарищем министра внутренних дел А. Н. Харузиным и Казанским губернатором Стрижевским.

Вот часть этой переписки:

А. Н. Харузин 7 сентября 1912 г. из Петербурга шифрованно телеграфировал:

"Казань. Губернатору.

Имеются сведения об усиленной агитации среди мусульман. Цель этой агитации заключается в привлечении возможно большего числа избирателей (в IV Государственную думу. - Л. К.) для проведения левых кандидатов.

За М. В. Д. тов. Мин. А. Харузин".

Губернатор вскоре же ответил (подчеркнуто шифрованное):

"Петербург. Гофмейстеру Алексею Николаевичу Харузину, Товарищу Министра Внутренних.

Телеграмму седьмого сентября доношу: Предвыборная агитация среди мусульман усиливается. Центром ее является город Казань. Мусульманство резко разделилось две партии. Правая намечает члены Думы Сайдашева, Иманаева. Прогрессивные элементы стремятся провести Думу Максудова, бывшего члена третьей Думы. Сторонники имеются и тех и других. Какая партия явится победительницей сейчас сказать трудно. Много шансов имеется стороне правых.

Губернатор Стрижевский.

№ 205. 3 сентября 1912 г."

В ответ, на другой же день, Харузин, не допуская никаких разглаговольствований о "шансах", резко ответил (телеграмма шифрованная):

"Казань. Губернатору.

На телеграмму номер 205. Благоволите принять все меры к тому, чтобы правое течение среди мусульман одержало верх. О последующем благоволите сообщить.

За Министра Вн. Дел. Тов. Мин. Ал. Харузин".

И казанский губернатор начал "принимать все меры". Так, тогда же в г. Мамадыш от него пошла следующая телеграмма (подчеркнутое в подлиннике зашифровано):

"Мамадыш Исправнику.

На днях из Казани отправился на родину крестьянин Сатышевской (вол.) дер. Часов Калимулла Хасанов, намеревающийся путем агитации пройти выборщиком по крестьянской курии. Хасанов бывший учитель: второй Думе был членом от Уфимской губернии, издавал в Петербурге газету Дума судился. 26 мая 1912 года отбыл по суду Годовое заключение крепости. Из вестей за человека левого направления, обратите особое внимание деятельность Хасанова, примите все меры предупреждению намерения Хасанова. Донесите.

№ 223, 15/IX 1912 года

Губернатор Стрижевский"⁸⁵.

Из этой переписки следует, что направление газеты "В мире мусульманства" против мусульманской фракции III Государственной думы являлось установкой министерства

внутренних дел. Никаких других целей "критика" Думы со стороны газеты "В мире мусульманства" не преследовала.

Известно это, было, очевидно, и "мусульманским" деятелям Государственной думы. Однако устранить Хаджетлаше им было не легко. Первоначально для этого ими, видимо, намечалось какое-то компромиссное решение. Как стало потом известно, Хаджетлаше был даже в переписке с некоторыми депутатами Государственной думы еще в 1909 г. Речь в этой переписке шла о направлении журнала "Мусульманин". Хаджетлаше обвиняли в связях с русским правительством, а также и в том, что он в своем зарубежном мусульманском органе проводил установки русской черносотенной печати.

Как стреляный воробей, Хаджетлаше понял, куда гнут депутаты Думы, и... занял "независимую" позицию. "Мне очень прискорбно, - писал он в письме одному из членов Государственной думы, - что вы не так поняли наш журнал ("Мусульманин"). О, как далеки мы, и я в частности, от намерения плясать под дудку русского правительства (!). Цель моя - создать совершенно независимый, но специальный орган русских мусульман, который, издаваясь за пределами досягаемости, сделает то, что с ним придется считаться. Цель моя - объединить русских мусульман, создать прочный союз и тогда диктовать условия... Вперед! Нужно будет, уйду в подполье, но не умру, пока не налажу дела!"

Но время шло, "прочный союз" не налаживался, а слухи росли.

"С тех пор, - писал в "последнем и прощальном" номере газеты "В мире мусульманства" ее ответственный редактор Датиев, - как в Париже стал выходить журнал "Мусульманин", о редакторе-издателе его г. Хаджетлаше стали циркулировать в мусульманском обществе самые невероятные слухи...

Слухи и пересуды стали увеличиваться, когда появилась газета "В мире мусульманства"⁸⁶.

Однако вскоре дымовая завеса, окутывавшая фигуру Хаджетлаше, стала рассеиваться. Началась раньше закулисная, а затем и открытая борьба редакции "В мире мусульманства" и "Мусульманина" с мусульманской фракцией III Государственной думы.

Уже через полгода после выхода первого, номера газеты "В мире мусульманства" эта борьба приняла такие размеры, что ей стали посвящаться даже передовые статьи. Так, в передовой "К нашим читателям" в № 20 этой газеты от 2 (15) сентября 1911 г. (и там же в "Письме в редакцию" Датиева) о депутате III Государственной думы от Уфимской губернии К. М. Тевкелеве, являвшемся председателем мусульманской Фракции, говорилось как о "председателе ничего не делающей Фракции". Единственное занятие Тевкелева, согласно этим статьям, заключалось в том, что он рассылает направленные против газеты "В мире мусульманства" телеграммы в Уфу, Оренбург и Казань. Такая политика Тевкелева объяснялась тем, что он, как и вся мусульманская фракция III Государственной думы, был недоволен "самостоятельностью, независимостью" газеты "В мире мусульманства"⁸⁷. Далее дело перешло в явную склоку, и обе стороны зывали к помощи суда (например, член III Государственной думы О. Ш. А. Сыртланов 26 января 1912 г. судился с Датиевым, обвиняя Датиева в клевете, однако суд оправдал последнего)⁸⁸. Замешаны были в эту борьбу и "внешние" силы, как-то орган бакинского миллионера Тагиева газета "Каспий" и бакинская же газета "Ишиг". Эти газеты удалось втянуть в склоку благодаря тому что "В мире мусульманства" перепечатала из "Русского слова" заметку, осуждавшую Тагиева за гнусное избиение инженера Бебутова им и его ближайшими друзьями, которых конечно, ни "Каспий", ни "Ишиг" не могли осудить⁸⁹.

Козырь это, кстати, был не маловажный. На суде Тагиева защищали два видных члена Государственной думы - В. Д. Маклаков (за 25 000 рублей) и Замысловский⁹⁰. Вся мусульманская печать была поставлена на ноги за Тагиева. Высшее мусульманское духовенство проливал слезы сочувствия зверскому поступку миллионера, пытавшегося совместно со своими высокопоставленными друзьями посадить на кол заподозренного им в близких отношениях к его жене его же воспитанника инженера Бебутова. Так, "Хакк-ени" на имя Тагиева было помещено следующее письмо высшего

мусульманского духовного лица царского Закавказья:

"Милостивый государь, господин хаджи Зейн-ал-Абдин! Насколько тронуло меня постигшее вас несчастье, известно одному богу... Но ничего нельзя поделать с предопределением рока. Что же касается до грозящего вам приговора, надеюсь, что он вас не обнимет. Надеюсь, что впредь вы будете стойко выдерживать постигшее вас бедствие и припомните все те бедствия, кои доставались на долю наших пророков и святых. Искренний ваш благожелатель муфтий Хусейн эфенди Гаибов"⁹¹.

Приговор суда, действительно, не "обнял" Тагиева и К. Постановление его гласило:

"Подсудимые признаны виновными по 142 ст. устава о наказаниях и приговорены: Г. З. А. Тагиев - к гауптвахте на два месяца, принц Мансур, Садых Тагиев и штаб-ротмистр Мамедбеков - к гауптвахте на один месяц. Джафаров, Г. А. Гасанов и Мамед Рза Тагиев - на один месяц ареста при полиции"⁹².

В результате всех этих невыгодных для компании Хаджетлаше фактов вопрос о существовании газеты "В мире мусульманства" был поставлен в тех органах, благодаря которым в свое время она получила жизнь. В Петербург из Парижа срочно приехал Хаджетлаше. Дело кое-как уладилось. Однако не надолго. Мусульманская фракция III Государственной думы тоже не дремала. Близко были перевыборы, почему существование "В мире мусульманства" становилось для нее особенно невыгодным. Случай представился скоро: Хаджетлаше уехал за границу. Через две недели после этого, раньше в газете "Речь", а затем (в более полном виде) в тагиевском "Каспии" за подписями члена Государственной думы И.-б. Гайдарова, чиновника министерства земледелия В.-Г. Джабагиева и студентов М.-б. хаджи Касумова, Д.-б. Гаджинского и Ш. Мухаммедъярова были опубликованы обширные материалы специальной "редакционной комиссии", вскрывавшей, хотя и очень однобоко, провокаторский характер деятельности Хаджетлаше⁹³.

Для тайного агента охраны это равнялось его физическому уничтожению на данном участке работы. И Хаджетлаше ушел с этого участка: газета "В мире мусульманства" была закрыта. Ее ответственный редактор Датиев в последних номерах мог лишь растерянно всплакнуть о том, что, теперь "век Азефов" и что он не знал, что они "водятся" не только "в подпольи", но и в легальной прессе и т. п. Сообщил он также, что "по полученным... сведениям г. Хаджетлаше подал прокурору С.-Петербургского Окружного суда прошение о привлечении всех выступивших против него, -... а также чиновника цензурного комитета Захида Шамилова к уголовной ответственности за клевету"⁹⁴. Но это была песнь умирающего лебедя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМА В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

"Патриотический огонь еще ярче вспыхивает под влиянием святого масла суеверия".

Соути.

1. НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Основные кадры мусульманского духовенства, так называемые указные муллы и т. п., были целиком и полностью на службе русского самодержавия. Являясь его агентурой, они неизменно проводили в массах "правовверных" волю своего хозяина. Но, кроме них, в царской России имелись и другие мусульманские организации. Как же обстояло дело с последними? Какая расстановка сил в религиозных организациях ислама создалась ко времени империалистической войны 1914-18 гг.? Какие партии и политические течения выражали их классовую линию? Каково было основное направление их политической деятельности?

Мы уже знаем (см. гл. VI), что, в связи с проникновением капиталистических отношений в колонию русского самодержавия, в мусульманстве возник ряд сектантских течений. Иногда, как, например, ваисовцы, эти течения имели некоторый временный успех. Но вообще секты эти не представляли сколько-нибудь серьезной угрозы для русского самодержавия. Отвлекая внимание широких масс города и деревни от

вопросов классовой борьбы, они облегчали царизму борьбу с ростом революционного подъема трудящихся.

Такова же была роль и тех сект, которые, подобно бехаизму, довольно резко порывали со "спецификой" ортодоксального ислама. Осуществление своих "божественных" идеалов некоторые из сект мыслили лишь при активной помощи русского самодержца или других коронованных насильников¹.

Имевшиеся реформистские течения в исламе не были враждебны власти эксплуататоров (см. гл. VII). Вся их "революционность" фактически сводилась к жонглированию лозунгами национально-освободительной борьбы и национально-культурной автономии в целях обеспечения для их народов капиталистического пути развития. При этом даже наиболее "левые" из реформистов (джадидов) не выступали против монархического образа правления. В лучшем случае они намеревались ограничить монарха некоторыми рамками буржуазно-конституционного характера. Высказывавшиеся этими кругами панисламистские и пантюркистские идеалы русское самодержавие, как и капиталистические государства Европы, использовало в целях подавления непокорного туземного населения своих колоний (см. гл. VIII).

Созыв туземной буржуазией и помещичьими кругами различного рода мусульманских съездов и деятельность мусульманской фракции Государственной думы не изменяли этой, в основном благоприятной для русского самодержавия, картины. Конфликты, возникавшие между контрреволюционными мусульманскими либералами и русским самодержавием, носили характер семейной ссоры.

Действовавшая под маской мусульманства национальная буржуазия угнетенных русским самодержавием народов "стремится не к освобождению "своего народа" от национального гнета, а к свободе выколачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов"². При этом ко времени империалистической войны 1914-18 гг. все более ясным становится объединение в этом стремлении различных кругов национальной буржуазии с феодально-клерикальными слоями. Установлению этого много способствовали созывавшиеся, начиная с 1905 г., "всероссийские" и иные мусульманские съезды, а также, отчасти, деятельность мусульманской фракции Государственной думы.

Деятельность этих органов полностью разрушала легенду о якобы существовавшей непримиримости между джадидами и кадимистами в дореволюционных мусульманских организациях царской России. Не задаваясь целью излагать здесь историю мусульманских съездов, партий и фракций³, остановимся все же несколько на этом интересном моменте.

Первые же попытки организации "всероссийского мусульманского съезда" были ознаменованы совместными выступлениями либералов и консерваторов. Уже на предшествовавшем этому съезду "меджлисе", устроенном в Казани на квартире у богача-капиталиста Ахмед-бая Хусаинова (см. гл. VII), были представлены обе стороны. Здесь, наряду с либералами-джадидами: помещиком-мурзой С. Г. Алкиным и муллой-помещиком А. Апанаевым, присутствовал известный по черносотенному выступлению в 1905 г. (см. гл. II и III) ишан Г. Баруди и другие кадимисты. Официальное разрешение на открытие первого съезда и согласие на аудиенцию у царя либеральничающие круги татарской буржуазии надеялись получить также при посредстве открытого кадимиста и агента русского военно-феодального империализма оренбургского муфтия М. Султанова.

Первый, второй и третий "всероссийские мусульманские съезды", состоявшиеся последовательно 15 августа 1905 г. 15-23 января и 16-20 августа 1906 г., прошли под знаком такого же единения. Г. Максудовым (совместно с Р. Ибрагимовым и Исхаковым) на имя министра внутренних дел с целью получения от него официального разрешения на созыв третьего "всероссийского мусульманского съезда" в Н. Новгороде было подано соответствующее их позиции прошение.

"Мы, мусульмане России, - говорилось в нем, - будучи самыми верными российскому самодержавию и боясь распространения... панисламизма и идей, разрушающих жизнь народа, социализма и анархизма и вследствие противности этих идей основам нашего ислама, - решили законным путем бороться с этими вещами.

Мы, российские мусульмане, чисты от всяких новых идей (идей свободы), пришедших из разных других государств. Мы будем служить нашему белому царю и его трону так же верно, как служили ему наши деды, а потому распространение идей этих: социализма, анархизма и панисламизма, заставляет с челобитием просить вас, ваше высокопревосходительство, разрешить нам устроить собрание по нижеследующей программе:

- 1) О борьбе с противными шариату идеями посредством печати и речей.
- 2) О реформе мектебе и медресе и освобождении их от рук мулл и передаче в руки народа.
- 3) О выборе мулл, муфтия и шейх-ул-ислама из народа и об улучшении положения духовенства.
- 4) Обсуждение вопросов о денежных средствах, необходимых для проведения реформ мектебе, медресе и улучшения положения учащихся, о пожертвованиях и вакфных имуществах, предназначенных на цели образования".

Созыв такого съезда был министром внутренних дел разрешен. Но было бы неверно думать, что это было сделано в ущерб интересам работавших кадров мусульманского духовенства. Нисколько. Проведение всех намеченных в приведенной программе съезда реформ, "освобождений" и "передач" слилось учредителями съезда лишь при активном участии самого же мусульманского духовенства. Его интересы были крайне дороги съезду. "По открытии (съезда), - как указано в отчете о нем, изданном тогда же татарскими газетами "Танг", "Азад-халк" и "Чукч", - огласили поздравительные телеграммы, полученные от крымского муфтия Карашайского и кавказского муфтия Х. Гаибова. То обстоятельство, что, от двух муфтиев получены телеграммы, а от муфтия Оренбургского духовного собрания никакого приветствия нет, заметно беспокоило собравшихся".

Между тем народу, от имени которого депутаты третьего "всероссийского съезда мусульман" предлагали впредь выбирать муфтия (и муфтия муфтиев - раис, или шейх-ул-ислама), муфтий, конечно, не нужен был. Хорошо выразила это газета "Урал", поместившая в № 23 за 1907 г. статью "Нужен ли нам муфтий?"

"Мы говорим, - писалось в этой статье, - что ни этого, теперешнего муфтия (имеется в виду в первую очередь оренбургский муфтий М. Султанов. - Л. К.), ни нового, выборного нам не надо. Муфтиат вообще должен быть уничтожен. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно дать себе отчет в том, что из себя представляет муфтий и почему он ничего не может сделать..."

И дальше "Урал" говорил о том, что муфтий является лишь правительственным чиновником, таким же, как и различные духовные чины христианской церкви. Он - звено в общей системе государственной бюрократии. Нужно, говорит "Урал", ставить вопрос не о выборе высших чинов мусульманской церкви, а об отделении церкви от государства.

Конечно, мусульманский съезд, силившийся доказать Русскому самодержавию, что не только кадимистский, но и джадидский ислам защищает интересы тюрьмы народов не хуже православного христианства, не ставил последнего вопроса. На этом съезде был установлен окончательный текст программы партии "Иттифак", Этот "Союз мусульман России" представлял собой, как мы уже замечали, приводя слова "Урала", - "татарский кадетизм, в чалме и тюбетейке", параграф 7 программы "Иттифака" гласил:

"Собственность каждого неприкосновенна. Отчуждение частной собственности может иметь место лишь по соображениям общественного блага и при условиях предварительного справедливого вознаграждения. Лидер "Иттифака" Ю. Акчуриин являлся одновременно членом центрального комитета партии кадетов. В партии же кадетов состояли такие видные члены "Иттифака", как казанский адвокат С. Г. Алкин, уфимский помещик Джантуриин, мурза К. Тевкелев и др. Таким образом, деятельность мусульманских съездов была направлена к установлению тесного контакта либералов-джадидов с указными кругами мусульманского духовенства царской России и сближению с их хозяином - русским самодержавием.

Линию эту продолжала и мусульманская фракция Государственной думы. "Каждому

известно, - писалось 18 марта 1907 г. в № 21 газеты "Урал", - что мусульманские представители, как в прошлой Думе (первой), так и в настоящей (второй) организовали "мусульманскую фракцию", которая все время работает заодно с кадетами". Это же отмечает хорошо знакомый с деятельностью мусульманской фракции Государственной думы Ф. Туктаров. В книге "Мусульманские депутаты в государственных думах" он прямо указывал, что "на самом деле "мусульманская фракция" была только автономной группой партии кадетов"⁴.

Работа агентов царской охраны типа Хаджетлаше и К° не только не мешала укреплению связи мусульманской фракции Государственной думы с официальным указным мусульманским духовенством, но наоборот, лишь форсировала этот процесс. В торжествах наиболее консервативных слоев официального духовенства активное участие уже в 1911 г. принимают деятели мусульманской фракции Государственной думы.

Так, эти джадидские круги российского мусульманства, в лице члена Государственной думы Максудова, играли не последнюю роль в имевших яркий черносотенный характер празднествах по поводу 25-летней деятельности муфтия М. Султанова.

Максудов на этом юбилее произнес речь, в которой предлагал ознаменовать 25-летие деятельности Султанова целым рядом мероприятий по улучшению положения мусульманского духовенства, мусульманской религиозной школы, вакфов и т. п. Обстановка, в которой представитель новаторов приветствовал одного из наиболее консервативных столпов кадимизма, была знаменательна.

Торжества по случаю юбилея муфтия Султанова продолжались с 19 по 23 мая 1911 г. и имели своей целью мобилизацию черносотенных сил. По словам газетного отчета, к участию в юбилее было привлечено "более 2 тысяч человек". Наиболее "торжественные" моменты его проходили так:

"По окончании молитвы за здоровье государя императора (19 мая 1911 г. в первой соборной мечети г. Уфы. - Л. К.) мусульмане стоя прокричали "ура".

Читали телеграммы, отправленные государю императору, П. А. Столыпину и Директору департамента иностранных исповеданий Харузину. Спустя некоторое время от председателя Совета министров была получена следующая ответная телеграмма, посланная на имя председателя комитета по организации чествования и празднеств генерал-майора Шейх-Алиева:

"Искренне благодарю вас и прошу ваше превосходительство передать всем членам комитета мою благодарность за привет; присоединяю и свои поздравления заслуженному оренбургскому муфтию Султанову, Статс-секретарь Столыпин".

20 мая в помещении дворянского собрания состоялся торжественный обед, на котором участвовало более 500 человек. Присутствовали уфимский губернатор П. П. Башилов и вице-губернатор Г. Н. Толстой...

...Депутация во главе с раввином приветствовала муфтия следующими словами:

"В этот торжественный день община возносит горячие молитвы ко всевышнему богу-Адонай о сохранении вас в добром здравии, дабы вы могли еще долгие годы продолжать ваше мудрое и гуманное правление на благо вашей нации и общей родины..."

...Губернатор... указал, что мусульмане должны с верой служить государству и предложил поднять тост за здравие государя императора, и все гости встали, и под оглушительное "ура" оркестр сыграл гимн "Боже, царя храни" 3 раза.

Поднял тост за здравие царя и муфтий, а за ним и многие из присутствовавших. Многие поздравляли муфтия. Губернатор выпил с присутствующими... за здоровье мусульманского духовного главы - муфтия М. М. Султанова"⁵.

Участие представителя либеральных кругов татарской буржуазии и духовенства в этом юбилее, преследовавшем задачи удушения нового революционного подъема трудящихся Башкирии и Урала с помощью ислама, могло говорить лишь об одном. Оно свидетельствовало о том, что процесс сращивания контрреволюционных джадидских и кадимистских сил "русского мусульманства" зашел уже далеко. Реакция собирала свои силы.

Подтверждений этому было много. Мы находим их и в мусульманской печати. Так, тагиевский "Каспий" 6 января 1912 г сообщал, что в честь оренбургского муфтия, прибывшего в Петербург во главе депутации, ходатайствовавшей об "открытии в Уфе или в Оренбурге учительской семинарии для мусульман и мусульманок... членом Государственной думы Сыртлановым дан был обед, на котором участвовала мусульманская фракция и другие приглашенные лица. Муфтий представил председателю фракции выработанную программу будущих семинарий. Программа была рассмотрена уфимскими и другими депутатами"⁶.

И это происходило там, где, как казалось, джадиды и кадимисты еще незадолго до этого были почти непримиримы...

Однако в ряде районов распространения ислама в царской России кадимисты и джадиды еще не выделились как самостоятельные группировки в рядах мусульманского духовенства. Так, например в Азербайджане даже к 1911-12 гг. не прошла сколько-нибудь заметная грань между кадимистами, пантюркистами и националистами и т. п. Корни этого крылись в экономике страны. Ибо ведь, как отметил т. Сталин в 1921 г., - "Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др. Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодалных отношений"⁷.

Господство этих патриархально-феодалных отношений в дореволюционном Азербайджане определило расплывчатость политической платформы образовавшейся в нем в 1911-12 гг. мусульманской партии "Мусават" (Равенство).

"Некогда, - говорилось в вводной части "Программы и устава мусульманской демократической партии "Мусават", - благородный народ ислама, доставая одной рукой до Пекина... другой устраивал на другом конце Европы дворцы Альгамбры. Будучи властителем на таких громадных частях света, как Азия, Европа и Африка, ислам ныне разбился на мелкие части, а мусульманские государства стали в руках иностранцев игрушкой, а народы наши изнывают от влияния и угнетения иностранцев"⁸.

"Поэтому, - указывал по поводу образования "Мусавата" манифест его центрального комитета, - в силу священного изречения корана. "Готовьтесь к отражению врага всевозможными наличными вашими средствами, вплоть до приготовления верховых коней по этапам", организовалось общество "Мусават" и, вступив на открытую арену для объединения всех разрозненных сил мусульманского мира и защиты национальных и человеческих прав мусульман, приступило к распространению своей программы везде на местном языке своих членов и объединению всех духовных и материальных сил мусульман вне зависимости от их национальных отличий и их религиозных толков"⁸.

Никакой общности с требованиями национально-освободительных движений трудящихся угнетенных русским самодержавием народов у мусаватистов не было. В их программе не содержалось сколько-нибудь четко выраженной буржуазной националистической платформы. Программа и устав "Мусавата" - это откровенный панисламизм, имевший целью удовлетворить не только интересы буржуазии, но и чаяния феодально - клерикальных верхушечных слоев.

"1. Объединение всех мусульманских народов без различия нации и религиозных толков.

2. Восстановление утраченной (феодалной. - Л. К.) независимости мусульманских стран.

3. Оказание моральной и материальной помощи мусульманским странам, борющимся за сохранение или восстановление независимости.

4. Помощь развитию оборонительных и наступательных сил мусульманских народов и стран.

5. Устранение всех преград, препятствующих распространению этой идеи.

6. Установление связи с партиями, стремящимися к объединению и прогрессу мусульман (т. е., очевидно, с другими панисламистскими, пантюркистскими и, возможно, джадидскими организациями. - Л. К.).

7. Установление, по мере надобности, связи и обмена мнений с иностранными партиями (т. е. с организациями типа указанных в § 6. - Л. К.), ставящими своей

задачей благоденствие и прогресс человечества.

8. Усиление средств борьбы за существование мусульман и развитие их торговли, промыслов и вообще экономической жизни"¹⁰.

При этом, несмотря на всю куцость этой программы, бакинским отделением партии "Мусават" было издано следующее "Строжайшее предупреждение":

"Бакинское отделение партии "Мусават" самым серьезным образом предостерегает своих членов от открытой критики русского правительства и его агентов, дабы не навлечь на себя подозрение правительства, ибо от этого могут пострадать как критикующие, так и их единомышленники. В настоящее время единственным доступным оружием является: сохранять еще долгое время в строгой тайне свое существование и, ограничиваясь пока увеличением числа своих членов, готовиться и набирать силы для будущей борьбы. Если один из членов вздумает предпринять серьезный политический шаг, то должен заявить об этом в отделении через представителя"¹¹.

Комментировать последнее едва ли необходимо. "Предупреждение" это было лишь пылью в глаза тем, кто, не зная хорошо "Мусавата", думал хотя бы о "будущей борьбе". Ибо деятельность партии "Мусават" при русском самодержавии свелась почти исключительно к вполне легальному прославлению "православного" монарха и патриотическим заботам по обеспечению успехов его "победоносного" воинства.

Деятельность "Иттифака", "Мусавата" и иных "правоверных" партий и групп, в своих программах провозглашавших необходимость установления единства мусульман без различия их классов, не могла не служить интересам контрреволюции. Все усилия этих партий и групп практически были направлены к подмене классовых интересов трудящихся угнетенных народов царской России религиозно-националистической мусульманской сивухой, к срыву единства интернационального фронта трудящихся в их борьбе против эксплуататоров. Предательство интересов трудящихся - такова была их основная задача.

В период нового революционного подъема 1911-12 гг., накануне империалистической войны 1914-18 гг. "разгул, - как отмечает Ленин, - черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей" выдвигали "национальный вопрос на видное место". При этом было характерно, как говорилось в "Резолюции по национальному вопросу" (принята на совещании Центрального комитета РСДРП с партийными работниками летом 1913 г.) то, что "помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций"¹².

Известные уже нам факты полностью подтверждают этот ленинский анализ. Они показывают нам, что, на основе таких сделок между эксплуататорскими классами угнетенных народов и господствующей нации русское самодержавие ко времени империалистической войны 1914-18 гг. имело в лице разнообразных религиозных организаций ислама хотя и разношерстный, но преданный и надежный оплот.

Неоднократно именуемые "революционерами", "социалистами" и т. п., джадиды выполняли задачи царской жандармерии. Например, организатор общества "Прогресс ислама", друг помещиков Ждановых и Беловых, крупный землевладелец муллы Масгут Губайдуллин предал восставших в 1906 г. крестьян деревни Байраки (б. Бугульминский уезд, Самарской губернии, ныне Татарстан).

"Когда самарский губернатор прибыл (во главе карательной экспедиции. - Л. К.) в дер. Байраки в связи с происходившим там крестьянским движением, он сначала остановился у этого ахунда Масгута и получил от него список крестьян, принимавших участие в восстании. Этот же ахунд после молитвы в пятницу уговаривал крестьян о недопустимости порубки леса у помещика Жданова. Крестьяне дер. Байраки еще помнят сейчас (1930 г. - Л. К.) эти уговоры и проповеди ахунда"¹³.

Известный уже нам джадид Махмуд Бех-буди, печатая в издававшейся в Самарканде под его редакцией газете "Туркестан" "Спор" ("Муназара") Фитрата (см. гл.

VII), осуждал автора этого произведения за то, что в нем он не призывал бухарцев "учиться по-русски".

"В России, - писал Бех-буди,- около 170 миллионов населения. Ее торговля обнимает собою много стран. В Турции во многих учебных заведениях введен русский язык. Мне передавали, что нашим (туркестанским) хаджиям в бытность их в Турции шейх-ул-ислам советовал... учиться по-русски... Со стороны бухарского правительства... желающие учиться по-русски безусловно не должны иметь протеста. Желающий учиться по-русски - не кафир. Афганцы, индусы учатся по-английски. Но разве их можно назвать кафирами? Не подумайте, что это пишет русский или не-мусульманин. Это пишет мусульманин, желающий лишь пользы своему народу. Вот уже в Самаркандской гимназии учится сейчас около десятка мусульманских детей. Но все они остались мусульманами... У вашего покорного слуги сын также учится в Самаркандской гимназии. Все мусульманские страны стараются изучать европейские языки. Осталась только очередь за Бухарой.

Учитесь по-русски, иначе погрязнете в невежестве" ¹⁴.

Упрек Бех-буди не был наивным. Упрек этот указывал на метаморфозу бухарских джадидов. Молодые бухарские джадиды шли по стезе их "дедушки" - отца "всероссийского" джадидизма И.-б. Гаспринского. 30 июня 1909 г. Гаспринский в № 27 "Тарджумана" напечатал анонимную статью "Куда мы ведем Бухару?" Это произведение Гаспринского, поводом к написанию которого послужила его переписка с бухарскими джадидами, откровенно хоронило всякие бывшие у них сепаратистские стремления. Бухарское и хивинское ханства, - говорил ее автор, - "стали в положение прочих наших провинций... В смысле "государственности" между Асхабадом и Хивой, между Бухарой и Ташкентом какой-либо разницы не чувствуется". Спасать Бухару из этого положения Гаспринский не рекомендовал. Подобно Фитрату он считая лишь необходимым "просветить" Бухару (и Хиву); но это должно было, быть произведено не помимо царской России, а, наоборот, при ее активной инициативе и помощи,

"Просвещенным людям, - писал Гаспринский, - хорошо известно, что бухарские правители - люди невежественные сверху донизу, что бухарцы буквально рабы своей "священной и благородной" родины, что веками народ сдавлен, развращен тиранами и самодурами всех степеней и названий... Если могут быть ответственными люди, не знающие, что творят, то конечно Бухара, благородная Бухара тяжко ответственна и перед народом и перед цивилизацией...

...Можно ли ожидать дела и возлагать ответственность на бухарских казиев, биев, мирахуров, арык-аксакалов и прочую челядь двора его высочества (бухарского эмира. - Л. К.), людей поголовно невежественных и на 50 % безграмотных?"

Гаспринский отвечает на это (не в пример "Муназара" и "Байанат" Фитрата) отрицательно.

"С тех пор, - пишет он, - как могучий голос России наводит трепет на всю Среднюю Азию, с тех пор как мы (Гаспринский неизменно этим "мы" подчеркивает свою принадлежность к сатрапам русского самодержавия. - Л. К.) объявили свою азиатскую миссию цивилизаторской... если не вся; то огромная доля всякой ответственности должна быть перенесена из глиняной Бухары в глиняный Ташкент и блестящий Петербург".

Здесь Гаспринский всемерно развивал империалистическую теорию культурной роли завоевателей. Кивая на якобы цивилизаторскую миссию западноевропейского капитализма в его колониях, он призывал к таким же подвигам и русский военно-феодальный империализм.

"Если бы, - писал Гаспринский, - Ташкент и Петербург серьезно пожелали, то за истекшее сорокалетие Бухара могла бы стать более или менее благоустроенной, культурной страной с упорядоченным управлением... Благо на все хватило бы местных средств. ...Не угодно ли... обратить внимание на Афганистан, туземные царства Индии, на Оман, Египет, Тунис и другие "области цивилизующего покровительства", которые далеко, далеко опередили в смысле современной культуры нашу благородную Бухару?"

Уже 15 лет, как в Боснии издаются на турецком и сербском языке (латиницей) мусульманские газеты и книги, а нашу Бухару украшают лишь нищенствующие

меддахи-дервиши...

Согласитесь великодушно, - продолжал Гаспринский, - что за сорок лет дружбы (!) и покровительства цивилизованного царства (так называл Гаспринский царскую Россию, в которой, как отмечал В. И. Ленин в 1912 г., - "больше всего остатков средневековья!"¹⁵-Л. К.) одна жалкая начальная школа в Бухаре, две или три аптеки с амбулаториями во всей стране - очень и очень не много. А между тем... Бухара... о себе напоминала тюками дарственных халатов, сотнями блестящих звезд и многочисленными пожертвованиями на ташкентские гимназии. Недавно еще бравая боевая лодка "Эмир бухарский" показала себя на шхерах, напоминая всем патриотическую лепту Бухарии в минувшую (1904-05 гг. - Л. К.) войну".

В благодарность за то, что по утрам "пишущий эти строки (Гаспринский. - Л. К.), как и многие на Руси, облачается в бухарский халат, а в торжественных случаях украшает свою грудь яркой звездой", Исмаил-бей просит "позволить" ему "поставить вопрос - куда мы ведем Бухару?" Позволить ему, крымскому помещику и отцу русских джаидов, "питать надежду, что просвещенное общественное мнение русского народа в недалеком будущем обратит свое гуманное внимание на русский Восток и задумается над ним в Государственной думе"¹⁶.

Итак, певец русского военно-феодалного империализма Гаспринский и в XX веке не изменил своей линии (см. гл. VII). Как увидим ниже, после его смерти в 1914 г. эта ярко империалистическая линия Исмаила Гаспринского была продолжена и его сыном Р. Гаспринским*.

Деятельность Гаспринского и ему подобных "вечевых колоколов" мусульманства не проходила даром. Она служила контрреволюционному сговору империалистов с эксплуататорскими классами угнетаемых ими народов. Ко времени империалистической войны 1914-18 гг. это привело к весьма ощутимым результатам. Основные кадры как указного, так и неуказного мусульманского духовенства видели в русском самодержавии своего наиболее надежного защитника. Поэтому с неподдельной радостью все это духовенство совместно с присными ему либерально-мусульманскими кругами отмечало "торжественную" дату 300-летия дома Романовых. И это как в центре, так и на местах. Вот факты.

"На торжества по случаю трехсотлетия дома Романовых, - как сообщал орган императорского общества востоковедения, журнал "Мир ислама", - в Петербург съехалось много мусульман. Со всех концов России сюда были присланы депутаты от мусульманских общин. Их было более 100 человек.

21 февраля (1913 г.-Л. К.), в день празднования 300-летия, мусульмане Петербурга совершили торжественное... первое богослужение в строящейся еще мечети. На богослужении присутствовали... его высочество сейид Алим-хан, эмир бухарский, и его высочество сейид Асфен-диар-Бахадур, хан хивинский, со своими сановниками, заместитель внезапно занемогшего оренбургского муфтия Султанова ахунд Хурамшин, члены мусульманской фракции Государственной думы, все прибывшие в Петербург на торжества депутаты и петербургские депутаты во главе со своим духовенством".

После произнесения чтением корана (кур'ан хафиз) нескольких стихов из "матери писания" заместитель муфтия ахунд Хурамшин от имени муфтия прочел следующее:

"Как известно, в настоящее время в ведении оренбургского муфтията находятся 6 000 мечетей. Все они построены с разрешения государей дома Романовых. Раньше этого история ничего не знает (!?) о постройке мечетей в России. Первая мечеть построена по повелению императрицы Екатерины II в Казани (очевидно, имеются в виду сведения о распоряжениях Екатерины II во время ее приезда в Казань в 1770 г.-Л. К.) До сего времени нам свободно разрешается преподавание в наших мектебах и медресе нашей религии и богословия. И вот сегодня, 21 февраля, в этих мечетях мусульмане России собрались и совершают богослужения об упокоении душ усопших императоров дома Романовых и о здравии и благоденствии государя императора самодержца всероссийского... и всего августейшего царствующего дома. Собравшиеся в эту мечеть со всех концов России мусульмане также возносят свои горячие молитвы об упокоении усопших государей дома Романовых и о благоденствии здравствующих. Да ниспошлет всевышний здравие и благоденствие государю нашему... государыням

императрицам... и наследнику цесаревичу... Да здравствует Россия, да здравствует наш государь".

После этого был торжественно проведен ряд верноподданнических актов богослужения на татарском, арабском и русском языках. Так, "ахунд М.-З.Юнусов на татарском языке сказал слово, в котором развил мысль о том, что преданность престолу и любовь к родине указаны самим аллахом и пророком его Мухаммедом". Он же "совершил на арабском языке богослужения об упокоении душ усопших царей и о здравии и благоденствии... царствующего государя императора и всей его августейшей семьи..." Петербургский ахунд Баязитов обратился к молящимся мусульманам с ярко черносотенной верноподданнической речью. "Эта речь, - отмечал "Мир ислама", - сказанная чистым русским языком, с глубоким чувством, произвела сильное впечатление..."

"Порадуемся, - говорил, между прочим, Баязитов, - ...что три века назад всевышний вручил венценосным предкам нашего государя... судьбу великой России. С тех пор возрастала и крепла наша родина..."

Преисполненные... - вечной благодарностью государю императору нашему и державным предкам его, мы и потомки наши пребудем в вечной любви и преданности престолу российскому и дорогому отечеству нашему..."

По окончании же всех этих "богослужебных" церемоний "ахунд Баязитов просил молящихся встать и прочел высочайший манифест", обнародованный русским самодержавием по случаю 300-летия его "дома". На другой же день, 22 февраля 1913 г., ахунд Мухаммед-Сафа Баязитов во главе других мусульман "имел счастье представляться государю императору для принесения поздравления по случаю 300-летия царствования дома Романовых".

По всей царской России, как отмечало приведенное "слово" муфтия Султанова по случаю этих монархических празднеств, в мечетях были проведены торжественные богослужения. Муллы произносили во время их верноподданнические проповеди, доводя о них до сведения самодержца сотнями поздравительных телеграмм, посылавшихся от имени мусульман. В Уфе при этом, например, в медресе-и-Алийе, "хором пелись стихотворения, составленные специально в честь события; иллюминация медресе и фейерверк, - как сообщала телеграмма в газете "Вакт", - обращали на себя общее внимание". В Челябинске, по сообщению того же "Вакта", 21 февраля 1913 г. "местные мусульмане... прошли по улицам торжественною религиозной процессией, с пением молитв и кликами: "Аллах акбар!" (аллах велик!)... Мечеть, медресе и мусульманская библиотека-читальня вечером были украшены бесчисленными огнями".

Богатыми мусульманами этот праздник был отмечен различными "благотворительными подвигами". Некий атаман Ахмед-шах Салихов в поселке Зурбачи (б. Оренбургской губернии) "в память праздника" 21 февраля 1913 г. "пожертвовал два пуда керосина в пользу мечетей"¹⁷.

Такая картина была не только в пределах оренбургского муфтиата. Всюду, во всех подвластных царской России районах распространения ислама муллы всех направлений проводили ярко монархическую работу. В глаза бросалось единство их фронта с российским православным духовенством.

"Одновременно с церковными службами в христианских церквях, - сообщал газетный отчет о "Романовских торжествах в Баку", - происходили благодарственные молитвы и в мечетях Тазе-пир и джума (мечетях нового пира и пятничной.-Л. К.)... Было налицо все мусульманское духовенство, которое объясняло собравшемуся народу историческое значение царствования дома Романовых и торжественного празднования юбилея".

Об этом же говорила и телеграмма и. д. бакинского градоначальника, отправленная им тогда же наместнику русского самодержца на Кавказе графу Н. И. Воронцову-Дашкову.

"От мала до велика, - гласил ее текст, - разноплеменное городское и сельское население бакинского градоначальства в день главного празднования юбилея царствования дома Романовых вознесло в многочисленных храмах всех исповеданий, мусульманских мечетях и еврейских синагогах горячие молитвы всевышнему о здравии

и благополучии его императорского величества, государынь императриц, наследника цесаревича и всех членов царствующего дома и через явившиеся ко мне депутации просит повергнуть к стопам возлюбленного монарха чувства верноподданнической любви и безграничной преданности...

И. д. градоначальника Ровняков"¹⁸.

Также и казанский губернатор в своем отношении в департамент полиции сообщал, что "выпуклой характеристикой настроения мусульман может служить, например, то, что... татары присоединились к пожертвованиям на усиление фонда по сооружению часовни (православной. - Л. К.) в с. Вязовых, Свияжского уезда (б. Казанской губернии. - Л. К.), у... железнодорожного моста, в память 300-летия дома Романовых"¹⁹.

Все это, как нам кажется, не требует дальнейших разъяснений. Ясно, что ко времени империалистической войны 1914 - 18 гг. основное направление деятельности религиозных организаций ислама лежало в плоскости защиты интересов российского самодержавия. Окончательно заверил в этом российский царизм последний предвоенный мусульманский съезд, созванный в Петрограде в июне 1914 г. по инициативе мусульманской фракции IV Государственной думы. Этот съезд окончательно скрепил дружеские отношения между кадимистами и джадидистами, панисламистами и пантюркистами, националистами и т. п. элементами. Один из участников съезда, мулла, так выразил это в своих впечатлениях, напечатанных тогда же в газете "Вакт" (№ 1815 за 1914г.):

"...Лица с высшим образованием все рассуждают с глубоким пониманием вопросов, придавая громадный интерес духовным делам мусульман и желая от всей души служить мусульманству... Только одна третья часть участников съезда с чалмами, а остальная часть - с открытой головой. С первого взгляда скажешь, что у них нет национальных и религиозных чувств, но когда извергают изо рта искры, ратуя за расширение прав духовных учреждений и требуя всего того, что может повлиять на сохранение среди мусульман мусульманства и татарства (последнее объяснялось тем, что руководство на этом съезде было за татарской буржуазией, неизменно стремившейся получить от русского царизма официальное разрешение на руководство другими "мусульманскими" народами России и ее колоний.-Л. К.), то взгляд на них совершенно меняется... Здесь они объединены на почве религии и братски работают и общаются между собой (т. е. джадиды-националисты, пантюркисты и т. п. с кадимистами-муллами и т. д. - Л. К.). Восхищению этому нет предела..."

То же отмечала в связи с этим съездом и передовица газеты "Иль" в № 32 за 1914 г.

"Оказывается, - говорилось в ней, - и поволжские татары, и крымские татары, и киргизы, и кавказцы, и туркестанцы, и сунниты, и шииты - все мусульмане с общими нуждами. Значит, родственники, сколько бы ни жили различно, сколько бы ни враждовали и резались между собой, а все же остаются родственниками и братьями и при желании могут понимать друг друга и жить по-родственному".

Создавался, таким образом, некий российский "мусульманский интернационал". На съезде рассматривались следующие вопросы. Депутат IV Государственной думы Ахтямов делал доклад об основных законах мусульманских духовных учреждений, С. Максудов - о школах и материальном положении мусульманского духовенства, туркестанский генерал С. Еникеев - об организации мусульманского духовного правления для Туркестана, дагестанец доктор М. Далгат - об организации духовного собрания для Дагестана и т. д.

"Незыблемость" российского монархизма не подвергалась здесь никакому сомнению. Линия на его защиту оставалась непоколебимой.

Мусульманский съезд 1914 г. выработал, между прочим, проект, по которому "низшее мусульманское духовенство получает определенное содержание - наполовину от казны, наполовину от приходских обществ. Размер содержания, согласно этого проекта, - ...должен быть в городах не менее 600 руб. и в селениях не менее 400 руб. в год для муллы (имама) и не менее 300 руб. в городах и 200 руб. в селениях для муэззина". Это конечно, не считая доходов мусульманского духовенства от различных поборов с прихожан, обычно составлявших (см. гл. V) львиную долю "заработка" этих

"рабов аллаха".

Для служащих "средних и высших духовных учреждений" (без обозначения числа служащих в них) этот же проект съезда намечал еще более высокую шкалу "вознаграждения". Мусульманской печатью, правда, эта шкала считалась "не особенно щедрой".

"Муфтий или шейх-ул-ислам, - согласно проекту этой расценки, - получает в год 6 000 руб. содержания, член духовного правления 3 000 руб., секретарь 2 400 руб., помощник секретаря 1 200 руб., регистратор, переводчик и архивариус - по 1 000 руб... уездный кадий 1 200 руб., секретарь 800 руб." и т. д.²⁰.

Мировая война 1914-18 гг. не дала возможности срочно осуществить этот проект. Однако верноподданническая линия мусульманского духовенства от этого едва ли в чем-либо пострадала. Эта линия была для "рабов аллаха" руководящей вплоть до свержения самодержавия в 1917 г.

2. В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ (1914-15 гг.)

Мусульманская печать в царской России чутко реагировала на убийство сербским националистом Гаврило Принципом австрийского престолонаследника Франца Фердинанда (28 июня 1914 г.). Это убийство, явившееся поводом к началу мировой войны 1914-18 гг., вызвало в мусульманской прессе волну "патриотических" чувств.

"Тарджуман" Исмаила Гаспринского посвятил этому событию специальную передовую - "Перед ужасной войной" (№ 155 от 16 июля 1914 г.). И. Гаспринский, который считался настроенным особенно туркофильски и мусульмански, писал, что, "не теряя еще надежды, что мировая война будет избегнута, мы все-таки должны быть готовы на все жертвы". И дальше, обманывая своих читателей, "Тарджуман" повторил "официальную" версию русской патриотической печати, изображавшую самодержавную Россию в виде невинности, жертвующей собою ради "помощи" ее "единоверной" сестре.

"Если Россия, - заявлял "Тарджуман", - вынуждена будет стать на защиту своей чести и интересов, если государь император найдет нужным призвать нас к делу и оружию, мусульмане России, не отставая от коренных русских, выполнят как свой воинский долг, так и все гражданские обязанности. Так повелевают аллах, долг и закон"²¹.

Последующие события оправдали эти заверения "Тарджумана". Эксплуататорская верхушка мусульман России, от имени которой только и мог говорить "Тарджуман", выступила в ногу с царским правительством.

Уже 21 июля 1914 г., согласно донесению казанского губернатора П. Боярского начальнику департамента полиции, - "в Казани... в состоявшейся... манифестации мусульман участвовало свыше 500 человек; манифестанты пели русский национальный гимн, совершали молебствия за царя, о даровании нам (царской России. - Л. К.) победы и вообще проявили действительный подъем патриотических чувств"²².

Вступление 29 октября 1914 г. в войну на стороне Германии султанской Турции не поколебало, вопреки ожиданиям многих скептиков, патриотических чувств "мусульманских" эксплуататорских классов России, ратовавших за победу православного монарха. Заверения некоего асхаба ал-Гумуки, высказанные им еще в ноябре 1911 г. в органе Хаджетлаше, нашли себе в поведении этих кругов мусульманства полное подтверждение.

"Турция,-писал ал-Гумуки, - страна халифа, халиф - духовный глава всех мусульман; в лице шейх-ул-ислама (т. е. облеченного "святостью" первого чиновника халифа.- Л. К.)... мы имеем высший авторитет нашей духовно-религиозной жизни... (Но) ничто мне никогда не помешает, будучи искренним мусульманином, чтящим свои святыни и охранителя их (т. е. Турцию.-Л. К.), быть верным сыном своего отечества. И, если придется переживать тяжелую трагедию души в борьбе между долгом гражданина и братским чувством к единоверцам, несомненно, у сознательного сына

*"Мы - солдаты, идущие в бой; своего отечества сомнений
Военное дело мы знаем. быть не может. Долг прежде
Не плачьте, братья! всего, долг выше чувства,*

как, и предписывает наша религия"²³.

"Патриотический долг" брал верх. В Баку, Тифлисе, Оренбурге состоялись с участием мусульманского духовенства патриотические манифестации "правоверных", отправившие царю верноподданнические телеграммы.

*Бог даст, мы здоровыми вернемся...
Животные, люди столпились,
Поле битвы открылось.
Не страшись, мой падишах!
Фронт врага заперт.
Наше оружие мы отточили,
Чтобы стать против Германии.
Молитесь, братья,
О пролитии крови врага.
Мы идем навстречу бою,
Жизнь отдать мы готовы.
Не плачьте, братья!
Отдав жизнь, мы добудем славу".
И т. д.¹²⁸.*

"Мусульмане, - писала об этом редакция черносотенной газеты "Казанский телеграф", - открыто заявили о своей готовности в борьбе с Турцией отдать жизнь за великую Россию, нашу общую мать, моральное значение этого факта громадно"²⁴.

Оренбургский муфтий Мухаммед Яр Султанов 14 октября и 11 ноября 1914 г. обнародовал специальные обращения к мусульманскому духовенству, в которых призывал его выступать на защиту России против Германии, Австрии и Турции.

"Вам известно, - писал муфтий в обращении от 14 октября 1914 г., - что для дорогого нашего отечества - России на этих днях открылись двери весьма больших бед и невзгод: соседние с нами, две великие державы - Германия и Австрия, объявив войну, начали нападать на наше отечество. Русское государство есть наше отечество, дорогое и милое как нашему сердцу-мусульман, так и сердцу всех живущих в нем народов. Беречь его от врага есть долг как для всех прочих соотечественников, так и для нас. И в настоящие дни многие сотни тысяч наших братьев-мусульман, выпячивая грудь в рядах войск, проявляют против врага геройство и за самое дорогое наше отечество жертвуют собою...

....Нападение неприятеля на наше дорогое отечество и продление (войны. - Л. К.) на долгое время явятся делом весьма страшным... Ввиду этого мы, мусульмане, заодно со всем российским народом... должны подать помощь нашему государству к отражению неприятелей... Раненым и оставшимся без кормильцев мы должны оказать сострадание и милосердие и постараться как об облегчении ран и скорбей их, так и об оказании помощи нуждающимся... Кроме сего, уповая на бога... будем от всего сердца в пятничные и другие праздники просить его всегда о том, чтобы он нашему дорогому отечеству и защитникам его ниспослал великие милости, в скором времени избавил нас (чувствуя себя чиновником русского самодержавия, муфтий отождествляет себя с царской Россией. - Л. К.) от великих напастей, храбрым войскам нашим даровал победу и врагов наших отогнал от нашего отечества. Господь всемогущий и превеликий, сохраняя от всяких напастей, да даст благоденствие, здравие и долгую жизнь... государю нашему Николаю Александровичу, августейшей супруге его... матери его... наследнику цесаревичу, главнокомандующему... и всему царствующему дому, а также и защитникам отечества! Аминь!

Души павших в войне господь всевышний да упокоит и славу их да увековечит! Оставшимся без них семьям и родственникам их да даст господь терпение, а жизнь их да исправит и облегчит! Ранам раненых да дарует исцеление и (даст.-Л. К.) им в скором времени избавление! Господь всевышний в скором времени да отразит от нашего дорогого отечества врагов... и да избавит от всех бед и напастей! Ниспослав мир и благословение, да установит благоденствие и впредь да сохранит навсегда! Аминь!

Господи, ниспошли нам свою милость и направь наши дела!

Оренбургский муфтий, хаджи двух священных городов

Мухаммед Яр Султанов"²⁵.

Аналогичное обращение было обнародовано муфтием Султановым 11 ноября 1914 г. (№ 69) в связи с тем, что, как он заявлял, - вступив в союз с Германией и

Австрией, "объявила войну нашему отечеству - России и Турецкая держава, с нами единомышленники"²⁶. Подобные воззвания издали в то время и все другие суннитские и шиитские управления царской России.

К воинскому патриотизму призывала мусульман России и заверяла в своем верноподданничестве русского самодержца и мусульманская фракция Государственной думы. Уже 21 августа 1914 г. члены мусульманской фракции Государственной думы Г. Еникеев, И. Ахтямов и М. Джафаров заявили через петроградский журнал "Миллет" ("Нация", № 13), что "мусульманское население России, сознавая серьезность переживаемого момента, воодушевлено охватившим и объединившим все народы России могучим желанием отразить дерзкое нападение врагов нашего отечества, посягнувших на честь, достоинство и целостность его".

Далее эти депутаты писали:

"В полном сознании долга своего перед родиной мусульмане готовы на всякие жертвы и в полном единении со всеми русскими гражданами до конца будут бороться и защищать честь и целостность России.

В эти дни тяжелых испытаний для нашей родины мы чувствуем себя только сынами великой России, и в этом могучем чувстве солидарности, мы верим, - залог нашего успеха и горе наших врагов"²⁷.

Так писали те, кто еще совсем недавно призывал к борьбе за "свободу и равенство" наций царской России. Они как будто не понимали, что, "кто оправдывает участие в данной войне, тот увековечивает империалистское угнетение наций"²⁸.

Известный адвокат С. Г. Алкин, один из учредителей и лидеров "Иттифака", в открытом письме в редакцию черносотенной газеты "Казанский телеграф" (22 октября 1914 г.) указывал на "священность" для мусульман присяги монарху и призывал их "исполнять свой долг с мужеством других лучших сынов России, хотя бы врагами оказались их единомышленники".

"Обыкновенно, - говорил он при этом, - делают замечание: "а панисламизм?" Дескать, мусульманин не пойдет против единомышленников. Но панисламизм... занят идейным, а не политическим (!) сближением мусульман как таковых, вне их расовой или национальной принадлежности. Его активность становится боевой только в одном, теоретически крайнем, практически невероятном случае, - если бы мир объявил войну исламу как религии, с целью его уничтожения. Есть ли тень чего-нибудь подобного в настоящее время где-либо в мире, не исключая России? Достаточно, впрочем, вспомнить исторический факт сравнительно недавнего прошлого: разве в освободительной войне за славян от турецкого ига русские татары не проливали свою кровь в ряду прочих русских подданных с одинаковой храбростью? Я смело утверждаю, что мы (автор говорит от имени мусульман России, но выражает, главным образом, настроение татарской буржуазии и связанных с нею феодально-клерикальных слоев. - Л. К.) в данную минуту удручены общим горем, именно, что прибавился еще один враг у России и ее доблестных союзников и что потребуются новые жертвы от дорогой для нас родины. Но поверьте, вы, все сомневающиеся, что наши силы будут так же охотно участвовать в атаке на новом фронте - против турок, как и на Западе - против германцев-христиан"²⁹.

"Патриотизм" татарской буржуазии и феодально-клерикальных кругов передан здесь Алкиным верно. Однако он пускал пыль в глаза своим читателям, когда писал, что панисламизм не преследует политических интересов. Утверждать это было так же неверно, как говорить о "крахе панисламизма во время империалистической войны"³⁰. Мировая война 1914-18 гг. не только не дает нам картины "краха" панисламизма, но, наоборот, представляет нам ряд новых фактов широчайшего использования этой идеологии верхушечных слоев в колониальных и полуколониальных странах обеими империалистическими группировками.

Вот примеры.

Вскоре после начала империалистической войны 1914-18 гг. "Британская мусульманская ассоциация" за подписями ее председателя Р. Ахмеда Квиллиама и секретаря В. Р. Биллала Квиллиама издала ярко панисламистскую декларацию, защищавшую интересы вышеназванных "доблестных союзников" царской России.

Публиковалась она, и в русских мусульманских изданиях с ссылкой на то, что декларация распространяется в большом количестве экземпляров среди мусульманских войск, действующих в рядах союзных армий на Западном фронте против Германии, она была напечатана 18 января 1915 г. в тагиевском "Каспии". Начиналась эта декларация так:

"Во имя бога, милостивого, милосердного!

События последних недель и в частности последних дней, в связи с европейской войной и инцидентами между турками и русскими военными судами, создали кризис во всем мире и, в частности, среди последователей ислама".

Этот "кризис", по словам декларации, не должен смущать мусульман, подданных Великобритании и ее союзников. Вступила-де в войну не мусульманская Турция, а всего лишь ее отдельные чиновники, "среди которых много неверующих и атеистов, недостойных общения с правоверными". Они, эти "турецкие правительственные чины", совместно с узурпировавшим власть халифа турецким султаном - лишь слуги шайтана, черта ислама, воплотившегося в образе императора Германии Вильгельма II. Следовать им - значит предать интересы ислама, предать панисламизм.

"Теперь, когда настал час кризиса, - продолжала декларация, - на мусульманах лежит особая обязанность... не позволять совратить себя преступными и предательскими происками Германии или неразумием турецкого правительства, действующего как слепое орудие Германии. Из того, что многие из подданных Турецкой империи - мусульмане, не следует, чтобы все прочие мусульмане должны были идти по стопам турецких правительственных чинов (среди которых много неверующих и атеистов, недостойных общения с правоверными), по преступному пути, указанному им Германией, когда они действуют неправильно, нападая на русских, египетских или персидских мусульман".

Панисламизм, идея необходимости единства действий мусульман всего мира, таким образом, не отрицается. Указывается лишь, что правоверным теперь не следует идти по пути их турецких "братьев", так как они, будучи введены в обман, вступили на путь предателей веры, гяуров. Не должно смущать мусульман всего мира и то, что турецкий султан до сих пор продолжает называть себя халифом.

"...Из того, - говорит декларация, - что нынешний турецкий султан называет себя "халифом ислама", не будучи избран на этот пост согласно учению и заветам святого пророка Мухаммеда (над которым да почиет мир и благословение), не следует, что британские мусульмане

*Все другие нации не проводят время
должны следовать его напрасно,
поступкам, когда такие Их жены, украв у мужа рубль,
поступки с его стороны Мы же сидим всегда в чайханах.
и со стороны его Когда в школах чему-либо обучают другие,
с о в е т н и к о в Как мы в своих старых мектебах...
несправедливы и Не ходят по четвергам к дервишам лечиться
противны учению плевками,
святой веры ислама... Когда кто-либо у них заболевает,*

Долг правоверных - установить избрание халифа на основах правильного учения ислама и таким образом обеспечить интересы мусульманства во всем мире и освободить мусульманскую веру от политического осквернения Германией и Турцией".

Итак, да здравствует панисламизм! Задача мусульман - "война за веру", за осуществление идеалов посланника аллаха, Мухаммеда, а это возможно только на путях борьбы мусульман на стороне союзнической Антанты. Для достижения этой "священной" цели мусульмане должны сохранить полную преданность Антанте. Она - тот "мост", перейдя через который они убедятся, что лелеемые ими панисламистские надежды смогут быть претворены в жизнь.

"Долг британских мусульман, - заявляла декларация - сохранить верность правительству, под управлением которого они находятся, и стать на сторону французских мусульман из Марокко и Алжира, которые сражаются в защиту своей

родной страны. Долг британских мусульман также не слушать предательских наветов Германии а следовать тому, что написано в суре 114 святого корана, под заглавием "ал-Нас", а именно: "Скажи: ищущего убежища у господ людей царя людей, бога людей, от злобы скрытого искусителя, искушающего сердца людей, - от гениев и людей". Поистине Вильгельм - император германский, играет роль злого нашептывателя ("скрытого искусителя" шайтана), упоминаемого в святом коране.

Как только вспыхнула война, он имел бесстыдство и дерзость призывать британских подданных-мусульман к восстанию против британского владычества. Он не имел никакого права предписывать мусульманам политику, которой они должны следовать... Мусульмане не должны обращать на него внимания и вместо того, чтобы прислушиваться к его бесстыдным предложениям, должны наказать его за его низкую попытку унижить святую веру в его собственных гнусных целях и должны помочь Великобритании и ее союзнику наказать его за его злое действие".

Итак, против Германии - ради ислама, для "возрождения" былого величия "братской" мусульманской Империи для осуществления идеи панисламистов. Против Германии Турции ради мусульман Турции, ибо их лишь обманывала хищническая Германия, совратившая с "пути ислама" султанское правительство. Ибо "если Германия действительно была другом Турции и ислама, то почему ее Правительство стояло в стороне, смотря, как Турция теряла Боснию, Герцеговину, Триполи, Македонию и другие части империи, в которых проживают миллионы мусульман? Германия ничего не сделала, чтобы помочь Турции и исламу". А поэтому, согласно мысли "благочестивых" авторов декларации, "Турецкая империя и ислам... понятия отдельные и независимые друг от друга, и, хотя бы Турция действовала неподобающим образом и вопреки заветам нашей святой веры совершала вызывающие поступки и начинала войну, мусульмане мира, которых численность под британским владычеством больше, чем число турецких мусульман, должны отказаться служить орудием германских махинаций, а должны поддержать заветы святой веры, выказать верность великой Британии..."³¹.

О таком же использовании панисламизма говорил и ряд других мероприятий обеих воюющих сторон. Так, панисламизмом были пронизаны воззвания "К мусульманам" "его высочества" Ага-хана, "живого бога" секты исмаилитов и председателя Всеиндийского мусульманского союза, призывавшие "правоверных" без различия толков и направлений выступить против Германии и Турции на стороне союзнической Антанты. Аналогичные акты в Германии объявляли кайзера Вильгельма II "великим другом мусульман" или "мусульманином-хаджием", "потомком сестры пророка Мухаммеда" и т. п.³².

Воюющими державами придавалось этой панисламистской агитации далеко не второстепенное значение. Как следует из опубликованных советской властью (на русском и немецком языках) документов царского правительства за 1914 г., политика Англии и России, стремившихся к тому, чтобы война с Турцией возникла по инициативе султанского правительства, определялась в основном их желанием иметь аргументы оправдывающие войну с "страной халифа" в глазах подвластных им миллионов мусульман³³. Мотив этот - "преступное" нападение Турции "на русских, египетских или персидских мусульман", как мы видели, был использован в приведенной нами декларации "Британской мусульманской ассоциации". Он же неизменно фигурировал и в воззваниях российских "столпов" ислама.

Эксплуататорские классы мусульман царской России со своей стороны принимали всевозможные меры в целях защиты интересов своего "отечества". Все верноподданные акты мусульманского духовенства и других слоев населения, помимо голых деклараций, содержали указания на готовность к практической, физической и материальной помощи русскому самодержавию и всей союзнической Антанте. Так, в воззвании таврического муфтия А. М. Карашайского "к хатыпам и имамам и всему мусульманскому населению" говорилось:

"Дорогое отечество наше - Россию - постигло ныне тяжелое испытание: она принуждена воевать с двумя сильными врагами - Германией и Австрией. К ним присоединился и третий враг - Турция, которая без объявления войны дерзнула

напасть на наше дорогое отечество - Россию, являющуюся священной родиной для всех населяющих ее народов, в том числе и для мусульман. Потому-то мы, мусульмане, вместе всеми нашими соотечественниками обязаны стараться всеми силами изгнать врагов из нашей родины и, исполняя священный свой долг, избавить ее от бед. Мы обязаны нравственно и материально прийти на помощь государству в деле улучшения участи раненых воинов и оставшихся без кормильцев семей..."³⁴.

То же говорил адвокат Алкин в вышеприведенном письме редакцию газеты "Казанский телеграф".

"Я,- заявлял он, - ...предлагаю протест (против выступления Турции на стороне Германии. - Л. К.)... протест делом. Как верующие, будем вновь горячо молиться о даровании победы над объявившимся вероломным противником, а как рядовые патриоты - будем еще усерднее работать для облегчения тягот кампании на новом театре войны.

К вам, мои единоверцы, обращен этот призыв: давайте таким способом убедим сомневающихся, что в минуту опасности для России она нам - такая же родина, как и другим верным ее защитникам, что перед лицом врага, кто бы ни был он, мы прежде всего русскоподданные, и с этим дорогим для нас именем мы положим жизнь свою, когда того потребует наше общее отечество, наша единая великая русская земля"³⁵.

И "дело" не заставило себя ждать. "Дело убедительнее слова", - писала в примечании к письму Алкина редакция "Казанского телеграфа". "Дело" нужно было правительству, разжигавшему бойню народов. И "дело" явилось.

Было обложено "добровольной" податью на нужды, связанные с военными событиями", ни в чем не повинное население "степных областей". Ему предлагалось вносить "пожертвования" в царскую казну так же щедро, как то делали наживавшие на войне миллионы мусульманские коронованные и светские "тузы". Ибо ведь в первый же год войны на ее нужды вассал русского самодержавия хан хивинский "пожертвовал 1 000 тулупов (и) другие теплые вещи в большом количестве и 100000 руб., деньгами. Эмир бухарский оборудовал лазарет в Ялте и пожертвовал 100000 руб. на нужды Красного креста, 100000 в пользу семей призванных запасных и 1 000 000 для распределения на нужды военного времени по высочайшему усмотрению"³⁶. Хаджи З. А. Тагиев и А. М. Нагиев, обворовывая трудящихся на миллионы, "пожертвовали" 100000 руб. "на устройство полевого лазарета при мусульманской дивизии". Затем, в 1914 т., было взято "пожертвований": "50-тысячное - мусульман г. Баку на формирование добровольческого отряда из Бакинской губернии, 20-тысячное - караногайского народа, поставившего, кроме того, 1 000 лошадей для нужд военного ведомства, 133-тысячное - ташкентских мусульман, 50-тысячное - туркмен ставропольского уезда, пожертвовавших, кроме того, 25 палаток для нужд Красного креста, и др."³⁷.

В сборе этих "пожертвований" активное участие принимало мусульманское духовенство. Даже "в бухарских мечетях,- как сообщали "Туркестанские ведомости", - совершаются богослужения о военных успехах России, и из бухарского ханства стекаются крупные пожертвования на нужды войны и на раненых воинов"³⁸. Но все это на первых порах не было достаточно организовано, почему и не всегда давало ожидаемые царскими чиновниками результаты.

Для урегулирования этого важного для царского правительства вопроса мусульманская фракция Государственной думы созвала в Петрограде 6-10 декабря 1914 г. специальный "съезд представителей мусульманских общественных организаций". Официально было сообщено, что съезд этот созван для выработки мер по оказанию помощи раненым воинам, семьям призванных на войну и т. п.

Решения этого съезда были таковы: "а) оборудовать и содержать от имени мусульман России передовой санитарный отряд, отправив его на Кавказский театр военных действий (т. е. в первую очередь против "единоверной" Турции.-Л.К.); б) создать местные комитеты мусульманских общественных организаций для сбора необходимых средств; в) избрать "Центральный комитет российских мусульманских общественных организаций"... которому поручить в дальнейшем руководство всей

работой мусульманских общественных организаций по оказанию помощи раненым воинам..."

Царизм остался доволен этим "началом" организованного действия на пользу (войны со стороны мусульманской буржуазии и феодально-клерикальных слоев. Петроградский градоначальник в своем докладе департаменту полиции от 4 февраля 1915 г. (№ 48) писал, что "настроения собравшихся на съезд мусульман" и "занятия съезда не выходили из пределов разрешенной министерством внутренних дел программы, причем каких-либо выступлений в пользу Германии и Турции, безусловно, не было. Перед открытием заседания съезда было совершено краткое молебствие о благоденствии и здравии государя императора и всего царствующего дома, а также верховного главнокомандующего и о ниспослании победы русскому оружию. Затем в первом заседании было постановлено послать верноподданническую телеграмму его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу, верховному главнокомандующему"³⁹.

В итоге министром внутренних дел было утверждено положение о "Временном мусульманском комитете по оказанию помощи воинам и их семьям". Комитет был учрежден в Петрограде, с правом открывать в разных местах империи местные отделы. При деятельном участии мусульманского духовенства эти местные комитеты вскоре же стали возникать в самых различных районах царской России, не исключая и столь отдаленных, как Закаспийский и Туркестанский края и т. д.

В жизни этих комитетов муллы играли руководящую роль. В некрологе об умершем в июне 1915 г. 77-летнем оренбургском муфтии М. Султанове отмечалось, что "в последнее время муфтий принимал меры по организации помощи больным и раненым воинам. Благодаря его воззваниям, среди мусульман оренбургского муфтиата собраны на это дело большие суммы"⁴⁰. Собрание в мечетях имамами пожертвований в пользу "Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям", как писал постоянный информатор "Каспия", - "является одним из главных источников доходов означенного комитета, и соответствующий пункт об этом находится как в резолюции съезда (мусульманского съезда в Петрограде в 1914 г. - Л. К.), так и в уставе Временного комитета"⁴¹. Комитет же этот, помимо передачи самодержавию различного вида материальных "пожертвований", занимался вербовкой и посылкой на фронт царских агитаторов - мулл, изданием молитвенников и т. п.

Сообщения прессы того времени дают хотя и неполное, но верное представление о той огромной реакционной работе, которую провело мусульманское духовенство царской России за годы мировой войны.

В газете "Каспий" во время выхода ее в годы мировой войны почти из номера в номер велся отдел "Мусульмане и война" (то же: "Война и мусульмане").

Вот некоторые сведения из этого отдела, помещенные в 10 номерах "Каспия" в период с 1 января по 10 февраля 1915 г.

1) "В ауле Драга, Симбирской губ., 6 декабря (1914 г. - Л. К.), в день тезоименитства государя императора, мусульмане, собравшись в мечеть и помолившись о здравии государя и о ниспослании победы доблестному русскому воинству, сделали сбор в пользу больных и раненых воинов... Всего собрано в этот день 49 руб. 87 коп."

⁴² ...

2) "В день траура ашуры (устраиваемый в месяц мухаррем в память по "святым" шиитского ислама Хасане и Хусейне. - Л. К.) в Мелекесе (б. Симбирской губ.-Л. К.) местный имам ахунд Атаулла хазрят пригласил раненых воинов в мечеть, где в присутствии властей было совершено молебствие о здравии государя императора и о ниспослании победы русскому воинству. Потом для приглашенных воинов был устроен обед. Раненых было 12. Собрано было для них 25 руб."

3) "В ауле Яна-Сала (б. Тетюшского уезда Казанской губ. - Л. К.) состоялось собрание представителей (!) сельчан, как мусульман, так и русских, для организации особого комитета по оказанию... помощи... больным и раненым воинам, а также их семьям. Собрание открыл волостной старшина и предложил избрать председателя. Единогласно был избран священник Петров... Затем было приступлено к организации

комитета. Председателем единогласно был избран имам аула Мухаммед Зариф эфенди. В тот же день было собрано 81 руб. Священники и муллы будут ходить по селам и собирать деньги в пользу комитета, а также вещи и съестные продукты". По этому поводу "Юлдуз" замечает: "Война объединила (попов. - Л. К.)... Мы надеемся, что новая объединенная сила проявит стойкость в выполнении возложенной на нее задачи".

4) "В ауле Кара-су, Челябинского уезда, мусульмане заняты заготовкой (для нужд войны. - Л. К.) кибиток. Семь аулов Карасуйской волости на свои средства сделали 8 кибиток. В день заготовки кибитки были разбиты в ауле, и население в них совершило молебствие о здравии государя императора и о ниспослании победы русскому воинству. Горячее участие в заготовках кибиток и в сборе пожертвований принимали имамы"⁴³.

5) "Из Воронцовского рудника, Пермской губернии, "Кояшу" пишут: "В этих рудниках находится мусульманская колония, которая имеет свой молитвенный дом и имама... Узнав, что мусульманский съезд постановил приступить к сбору пожертвований на устройство летучих лазаретов, в одну из пятниц, после обычного намаза, мусульмане... путем кружечного сбора собрали 32 руб., причем обещано было, что по получении квитанционных книжек сделаны будут особые пожертвования"⁴⁴.

6) "В Казани, в приходской мечети 9 участка, где население состоит, главным образом, из неимущего класса, 26 декабря после праздничного намаза и молитвы о здравии государя императора и о ниспослании победы русскому воинству делались в пользу мусульманского лазарета добровольные пожертвования. Сбор достиг свыше 200 руб."...

7) "В ауле Бахтиар, Астраханской губ., в мечети, в последнюю пятницу собрались мусульмане для совершения намаза. Имамом была прочитана молитва о здравии государя императора и о ниспослании победы доблестному русскому воинству. После молитвы было собрано в пользу раненых 56 руб."...

8) "28 декабря (1914 г. - Л. К.) в Астрахани в пользу пострадавших от войны бельгийцев, сербов и черногорцев была устроена однодневная продажа цветов. По этому поводу выпущены были известными астраханскими имамами ахундом Ходжаевым и Хады Керимовым воззвания к мусульманам... "Мы убеждены, - пишут... духовные отцы, - что отзывчивые сердца мусульман не останутся беззвучными в данное время... Мусульмане и мусульманки... с кружками в руках должны собирать в своих районах..."⁴⁵.

9) "В ауле Мескев, Уфимской губернии, в присутствии волостного старшины мусульманами было совершено молебствие о здравии государя императора и о ниспослании победы русскому воинству. Затем мулла прочел молитву и освятил открытие лазарета на 10 кроватей. Лазарет будет содержаться на средства мусульман этой волости..."

10) "Супруга имама 1-го прихода Кустаная Махруй ханум (госпожа.- Л. К.) в день траура ашуры устроила у себя на квартире поминки. Была прочитана сура (глава. - Л. К.) из корана и совершено молебствие о здравии государя императора и о ниспослании победы русскому воинству; затем Махруй ханум предложила сделать... пожертвования в пользу больных и раненых воинов. Было собрано 56руб. 28 коп..."⁴⁶.

11) "Московский имам-хатып и мударрис А. Фахруддинов сообщает... сведения о результатах сбора в пользу раненых воинов и их семей, производимого во второй московской соборной мечети один раз в неделю (по пятницам) во время богослужения "джума-намаз".

Собрано: в течение сентября (1914 г. - Л. К.) 138 р. 54 к., октября 54 р. 50 к., ноября 68 р. 47 к. и декабря 72 р. 68 к., а всего 334 р. 19 к."

12) "Из Буинска (б. Казанской губернии. - Л. К.) сообщают, что... имамы в мечетях всего уезда по пятницам после обычного намаза ходят с кружками, розданными комитетом буинского лазарета, и собирают пожертвования в пользу лазарета"⁴⁷.

13) "Из Омска "Юлдузу" пишут: "В день курбан-байрама свыше 2 000 мусульман, собравшись в мечеть... совершили намаз, после чего областным имамом была прочитана молитва за здоровье государя императора и о ниспослании победы

доблестному русскому воинству. Затем были собраны деньги в пользу больных и раненых воинов. Собравшиеся через военного губернатора повергли к стопам государя императора верноподданнические чувства мусульман и готовность пожертвовать имуществом и жизнью во имя спасения чести и достоинства отечества... Постановлено ежемесячно ассигновать до окончания войны по 100 руб. в пользу центрального комитета съезда мусульманских организаций (т. е. уже известного нам Временного комитета, занятого делом помощи кровавому истреблению народных масс ради интересов кучки капиталистов. - Л. К.) и, если средств окажется больше... то учредить одну именную кровать мусульман Омска"⁴⁸.

14) "Харьковский военный имам письмом просил попечителей всех существующих в Харькове лазаретов отпустить в день мавлюда (т. е. в праздник "рождения пророка Мухаммеда". - Л. К.) больных и раненых воинов-мусульман на торжество мавлюда в помещении харьковского мусульманского благотворительного общества. Перед началом торжества военный имам прочел молитву о здравии государя императора и о ниспослании победы доблестному русскому воинству. Затем была предложена суфра (обеденное угощение. - Л. К.), которую обслуживали мусульманки"⁴⁹.

Эта верноподданническая агитационная работа в день так называемого "рождения пророка Мухаммеда" была тогда же выполнена мусульманским духовенством в Казани⁵⁰ и в других местах царской России.

15) "В ауле Старая Сосна, Бугурусланского уезда (б. Самарской губернии - Л. К.)... была устроена лотерея в пользу больных и раненых воинов... Муллы и муэззины покупали и раздавали билеты своим прихожанам. Чистый сбор в сумме 500 рублей предоставлен в распоряжение губернского комитета помощи больным и раненым воинам"⁵¹.

16) "Кояшу" из Мензелинска (б. Уфимской губернии. - Л. К.) пишут: "Недавно были призваны под знамена ополченцы-мусульмане. В день отправления они собрались в мечеть. Уездный имам прочел молитву о здравии государя императора и о ниспослании победы доблестному русскому воинству. Засим имам обратился с горячей речью к собравшимся; указал на долг каждого гражданина в деле защиты чести отечества и пожелал отъезжающим счастливого пути..."⁵².

Примеры эти можно было бы увеличить во много десятков раз. Все они подтвердили бы нам, что основные кадры как указного, так и неуказного мусульманского духовенства царской России использовали любой предлог в целях поддержки русского самодержавия в мировой войне 1914-18 гг. Уже ко времени организации Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям, как видно и из примеров пачки взятых нами газет, мусульманское духовенство провело большую милитаристическую работу. Лишь по циркуляру одного оренбургского муфтия подведомственные ему "имамы и указные муллы" к 1 января 1915 г. собрали на нужды войны 18 847 руб. 93 коп.⁵³.

Организация Временного мусульманского комитета закрепляла и организовывала эту деятельность мулл. Направляя и руководя ею, этот комитет, однако, не исключал возможности участия мусульманских церковников в других "патриотических" предприятиях. Последнее становится обыкновением.

В мае 1915 г. "уфимским муфтиатом издается циркуляр к муллам о сборе пожертвований среди прихожан в мечетях на усиление фонда Комитета великой княжны Татьяны Николаевны ("по оказанию помощи пострадавшим от военных действий, не различая веры и народности их"). Муллы, - говорит сообщавший об этом "Каспий", - уже приступили к сбору пожертвований"⁵⁴. 7 мая того же года муллы приняли активное участие в организованном бакинским мусульманским благотворительным обществом дне "Братской помощи". Лозунг этого дня был: "Помогите пострадавшим мусульманам! Покупайте сегодня значок "Братская помощь!" Муллы в сборах на эту помощь братоубийственной войне особенно отличились. В газетах о них писали как о "героях дня".

Так, в "Каспии" некий С. Я. в статье "День значков" писал об одном из мулл, что "почтенный духовный отец, бродя в своем плаще и туфлях по грязным Балаханам, протягивал свою кружку, произнося только слова ал-Корана: "Аллах не оставит без

возмездия жертвователей". Рассказывают, - продолжает С. Я., - что он ни слова больше не произносил, и когда он вручил полную кружку Ф. А. Гедемам, заведующей балаханским районом, то сказал: "Слава богу, что мне удалось выполнить свой долг. Большое и вам спасибо, ханум, что не оставили без внимания мусульман"⁵⁵.

Эта благодарность старика-муллы женщине была для того времени симптоматичной. Утверждения вроде - "я думаю, что... для эмансипации местных туземок время еще не настало..."⁵⁶, во время мировой войны из уст мулл встречаются редко. В мае 1915 г. "в Уфе на заседании всех видных улемов города разбирался вопрос о свободном доступе женщин в мечети. После оживленных прений, - сообщала об этом газета "Турмыш", - собрание пришло к следующим заключениям: 1) женщины могут посещать мечети, если к тому нет каких-нибудь препятствий; 2) руки и лица женщин и девушек, как части тела, относящиеся к разряду не подлежащих закрытию, могут оставаться открытыми в присутствии мужчин, и 3) женщины и девушки могут общаться с мужчинами, вступать с ними в разговор и т. д."⁵⁷. В ряде других мест распространения ислама в царской России тогда же ставится вопрос о снижении или совершенном упразднении калыма и т. п. связывающих и унижающих женщину обычаев.

Где крылись причины этого явления? Чем оно вызывалось? Почему присяжный обозреватель "мусульманской жизни" писал в "Каспии", что в 1915 г. "важным событием можно считать благоприятное толкование прогрессивным духовенством Поволжья смысла предписания шариата о свободном посещении женщинами мечети"⁵⁸?

Причиной этого было отвлечение мужских рабочих рук на войну. Нужно было их чем-либо заменить. Нельзя было срывать дела "обороны отечества". Ради этих милитаристских интересов муллы охотно поступались шариатом. "Освобождали" женщину на благо помещикам и капиталистам.

"Большие успехи в текущем году, - писал обозревая "мусульманскую жизнь в 1914 г." Д. Дагестани, - были достигнуты... в области женской эмансипации. В деле оказания помощи семьям ушедших на войну и раненым воинам мусульманки играли довольно видную роль, организовывая повсюду (в Баку, Троицке, Москве и т. д. - Л. К.) особые комитеты для этих целей, занимаясь шитьем белья раненым, устройством спектаклей и вечеров на нужды войны и пр. В Петрограде почти все мусульманки поступили сестрами милосердия в лазареты. При благотворительном обществе открылась особая мастерская для изготовления белья раненым. Изготовлением белья занимался также неинтеллигентный класс мусульманок"⁵⁹.

Последнее было особенно важно зачинщикам и пособникам мировой войны 1914-18 гг.

Выставляя программу обширных завоеваний, русское самодержавие смотрело на войну, как на средство борьбы с растущим в стране революционным подъемом. Оно видело в войне отдушину, с помощью которой можно было справиться росшим недовольством трудящихся существующим режимом!

А это можно было успешно выполнить лишь одурачив широкие массы трудящихся.

Милитаристическая деятельность религиозных организаций ислама, как и других религий, во время мировой войны и была к этому направлена. Поэтому всюду в "патриотической" печати особо отмечались успехи милитаристической агитации среди "простого", "неинтеллигентного населения".

"Настал час, - писала выразительница мнения верхушечных слоев мусульманского общества газета "Юлдуз", - выказать себя... Всюду в мечетях... мусульмане должны принести свои копейки в жертву на алтарь отечества..."⁶⁰.

Классовые интересы милитаристов заставляли их заботиться о "копейках". "По мнению мусульман, - отмечал "Турмыш", высказывая интересы милитаристов, - ...сборы (мулл на войну. - Л. К.) ценнее всего, ибо делаются по пятницам (в мечетях. - Л. К.) после намаза, в котором участие принимает, главным образом, бедный элемент"⁶¹.

Это было важно милитаристам потому, что они больше всего боялись того, как бы трудящиеся массы народов царской России не прозрели, не стали на путь

большевизма. Ибо большевики считали необходимым в интересах революции поражение в войне русского самодержавия: "Революционный класс в реакционной войне, - писал В. И. Ленин в статье "О поражении своего правительства в империалистской войне", - не может не желать поражения своему правительству. Это - аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов"⁶². "...Для нас, русских с.-д., - гласило написанное В. И. Лениным воззвание ЦК РСДРП "Война и российская социал-демократия", - не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии"⁶².

Ряд фактов грозно напоминал насильникам, что эта точка зрения является взглядом и тех трудящихся, которых было принято называть мусульманами. В Казани "еще в сентябре 1914 г. на заводе Алафузовых рабочих Мингазеддин (Мингазей) Шагиахмедов выступал против вычета с рабочих процента в пользу раненых, а также агитировал против пожертвований на нужды войны. Работу эту он вел преимущественно среди татар пряильного и мотального отделений завода. "Он, - доносила агентура, - настаивает, чтобы никто из рабочих не соглашался на вычеты в пользу раненых, доказывал, что жертвовать на раненых не следует: "Пусть их лечит тот, кто начал войну". Одновременно он энергично собирал деньги среди рабочих в пользу высланных партийных работников. А 24 сентября 1914 г. и сам Шагиахмедов был выслан из г. Казани в Самарскую губернию.

Шагиахмедов не был одинок. На той же фабрике агитировал против пожертвований на войну и М. Шарафуддинов. "По словам жандармского управления он являлся социал-демократом". Да и вообще на Алафузовской фабрике "многие татары-рабочие отказывались отчислять проценты из заработка в пользу семей призванных на войну, заявляя: "не мы начинали войну, а потому и давать денег не хотим".

Эти же настроения были близки и понятны широким массам трудового крестьянства. Красноречиво свидетельствуют об этом, например, дела Казанской судебной палаты за годы войны. Вот сведения о немногих из них.

В одной из деревень Мамадышского уезда в дни первой мобилизации, 22 июля 1914 г., крестьянин Нурмухаммедов, подвода которого была наряжена старостой для отправки запасных, отказался ехать, заявив: "Плюю я царю в нос, я не позволял царю делать войну, война не для меня, я не обязан царю людей таскать, а о войне не тужу, у меня своей работы много, надо жать". 27 августа 1914 г. жандармское управление доносило о двух крестьянах Цивильского уезда - Шафигуллине и Мухаммедове, говоривших о том, что мусульманам России будет выгоднее, если она (царская Россия) будет ослаблена в войне. Русский самодержец назывался этими крестьянами "дурной башкой", "гадиной", "обманщиком" и "дураком", из-за которого "весь народ кончают". Мобилизованный Халиуллин в с. Тавелках, Мамадышского уезда, как говорит дело № 119 от августа 1914 г., заявил даже, что "наш государь мошенник, в чужое дело ввязался, его надо застрелить".

Велась среди татар-солдат и пропаганда превращения войны империалистической в войну гражданскую; говорилось о том, что "нужно войну открывать здесь, в России".

Обострение классовых противоречий во время империалистической войны дало трудовым массам царской России возможность лучше разглядеть и эксплуататорскую роль мусульманского духовенства. Выступая против верноподданнического патриотизма и разоблачая русского самодержца и его опричников, они обнажали и подлинное лицо мусульманской церкви. Так, в той же Казанской губернии крестьянин деревни Миндубаевой Сиразеддинов заявил: "Зачем мулла обирает народ, зачем собираются жертвы, народ живет бедно. Государь император все время кланчит. Если денег нет, так не надо начинать войну. Царь грабит народ поборами на Красный крест" и т. д. и т. д.⁶⁴.

Агитация эта имела успех. Она пользовалась симпатиями широчайших масс

* Пропуск в копии стенограммы заседания Государственной думы от 13 декабря 1916 г.- Л. К.

трудящегося населения. Против нее в первую очередь были мобилизованы силы реакции. Задетое этой агитацией мусульманское духовенство находилось в первых рядах этих антиреволюционных сил. Их устное и печатное слово обратилось против этой "крамолы". Например, оренбургским муфтием уже в 1914 г. были изданы специальные обращения против этой антивоенной и антипоповской агитации. Не желая, однако, разглашать самый факт наличия подобных настроений среди подданных российского монарха, эти обращения обычно были задрапированы в тогу борьбы с туркофильством мусульман.

"...Нам, российским мусульманам, - говорилось в обращении муфтия М. Султанова к мусульманскому духовенству от 11 ноября 1914 г., - нужно, конечно, беречь свое отечество от врага. Примите во внимание, что цель этого моего послания - предостеречь всех вас (мулл. - Л. К.) и ваших прихожан, чтобы вы касательно событий последнего времени не слушались дурных речей некоторых дурных людей о том, что есть и чего нет, и не впали через это в большие ошибки и напасти. Вот о чем я думаю"⁶⁵.

Думать муфтию Султанову действительно было о чем. Нужно было скрывать от широких масс населения действительные цели войны, обманывать их насчет того, кому выгодно кровавая бойня.

Между тем трудящиеся массы не могли не видеть, на ком и как отражаются тяготы войны. Они не могли не заметить, что по мере их все большего разорения богатства эксплуататоров росли. Война для капиталистов являлась новым рынком. На военных поставках можно было свободно спекулировать, расширяя и поправляя свои дела. Для многих из мусульманских эксплуататоров царской России это имело решающее значение. Так, если "суконные фабрики татарских миллионеров Акчуриных в Симбирской губернии перед войной находились в критическом положении, вследствие изношенности оборудования, технической отсталости, что делало их неконкурентоспособными", то "с начала войны, когда потекли в карманы их владельцев сотни тысяч рублей за счет заказов интендантства, предприятия эти заработали полным ходом и дали миллионные прибыли"⁶⁶.

О колоссальных прибылях, получавшихся капиталистами и помещиками от военных поставок и т. п. торговых операций во время мировой войны, ярко свидетельствуют, например, банковские отчеты. Так, отчет Волжско-камского банка показывает, что если чистая прибыль его в 1914 г. составляла 4300000, то в 1915 г. она уже выражалась в 5200000 и в 1916 г. в 7 600 000. Та же картина была и по другим банкам гор. Казани, в прибылях, которых (прямо или косвенно) была заинтересована так называемая мусульманская буржуазия. Например, если в 1913 г. прибыль Международного коммерческого банка составила 12 000 000, то в 1916 г. его прибыль равнялась 22 000 000 рублей. "Акционеры в 1915 г. получили дивиденда по 20 руб. на акцию, а в 1916 г. - по 40 рублей"⁶⁷. Мусульманское духовенство было кровно заинтересовано в этих военных барышах.

Обладая обширными материальными ценностями (см. гл. IV и V), мусульманское духовенство вкладывало их в различного рода коммерческие предприятия, получая от этого огромные прибыли. Кроме этого, чалмоносное воинство срывало большие куши за различного рода религиозные обряды, выполнявшиеся им во время мировой войны. Источником легкой наживы для мусульманского духовенства являлся и "Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям".

Собранные этим комитетом суммы в очень большом проценте разворовывались его "духовными" и светскими руководителями. Писала об этом даже официальная мусульманская печать. Так, очень прозрачно указывал на это Д. Дагестани в "Каспии" за 1915 г., в его нами уже цитировавшихся "Письмах из Петрограда". На связанных с войной делах и делишках муллы на местах срывали не малые куши. Вот факты за 1915 г.:

"По словам "Приазовского края", ростовская-на-Дону городская управа обыкновенно уплачивала муллам за погребение умершего в городской больнице мусульманина по 6 р. 50 к. В последние дни (январь 1915 г. - Л. Д.) в городской больнице умерло значительное число пленных турок. 120 трупов были погребены по

мусульманскому обряду, и муллам Надиеву и Бекашеву было уплачено управой по 6 р. 50 к. за труп".

Далее, "смертность истощенных турок продолжалась, но городская управа вдруг уведомила Надиева и Бекашева, что уплачивать попрежнему за погребение пленных она не может". Управа требовала снижения цены. В ответ на это "духовные отцы", заботившиеся о полноте своих карманов, "забастовали". "Муллы, - сообщалось в печати, - без вознаграждения в 6 р. 50 к. хоронить умерших турок отказались..." Но, пойдя на это, они не учли военного ажиотажа, не миновавшего и рынка трупов.

Получив отказ от мулл, управа сдала подряд на погребение трупов мусульман-турок "...частному лицу (по сообщению "Каспия" от 5 февраля 1915 г., - неким Биглову и Симаеву. - Л. К.), уплачивая... по 2 р. с трупа". Однако по "оптовой" цене было оптовое выполнение. "Взявший, этот "подряд" закапывал по 5 трупов в одну 1,5 аршинную могилу".

Собрав об этом сведения, на трупах пленных турок решило спекулировать еще одно мусульманское предприятие.

"Представители общества просвещения мусульман Ростова ...поспешили выхлопотать себе право на погребение умерших турок, что им и удалось". Так как этим "представителям" нужно было каким-либо образом превратить средства их "общества" в свои, частные, то они охотно согласились получать от управы по 2 р. за труп, а остальные расходы... покрывать из сумм общества"... При этом, не имея других "специалистов", они пригласили тех же мулл Надиева и Бекашева. Последние в создавшейся обстановке ("общество" обращалось с целью воздействия на мулл к мнению их прихожан) вынуждены были пойти на произведенное снижение цен⁶⁸.

Случай этот для того времени был вполне рядовым. Печать заговорила о нем лишь потому, что нашлось одновременно много охотников зашибить деньгу на трупах пленных турок. Уж очень, видимо, это был спокойный "товар" для спекуляции. Недаром неудачливые конкуренты мулл - Биглов и К° долго не могли забыть сорвавшегося у них случая к легкой наживе. Конкурируя с муллами Надиевым и Бекашевым, они не постеснялись даже публично обнажить грязь, скрывавшуюся под "святым" покровом чалмоносцев.

Ростовский мулла В.Надиев вынужден был выступить в печати с "опровержением" того, что "при сдаче сшитых вещей" (его жена С. Я. Надиева организовала "благотворительное" шитье для нужд войны) он "получал от комитета деньги за шитье для обращения таковых в свою пользу..."⁶⁹. Но это "опровержение" не могло удовлетворить противную сторону. В результате - Биглов и К° решили свести счеты со своими "духовными" конкурентами в мечети. Благо и повод был отличный - очередные мошенничества мулл с церковной кассой.

"Недавно, - сообщал об этом "Каспий" от 21 апреля 1915 г., - в ростовской-на-Дону мечети произошли недоразумения, для устранения которых потребовалось вмешательство полиции. Во время проповеди местного муллы прихожанин Биглов стал делать ему свои замечания и предлагал оратору вместо красивых слов о людских добродетелях представить денежный отчет в расходовании церковных сумм. ... Некоторые бросились к Биглову, чтобы силою его вывести из храма, но у последнего нашлись защитники, и дело кончилось протоколом и привлечением Биглова по 38 ст. Устава о наказаниях. Дело рассматривалось в последнем заседании съезда мировых судей. Свидетели показали, что порядок и тишина были нарушены многими и что в возникновении недоразумения виновен и сам мулла, не принявший мер к соблюдению благопристойности в храме. Съезд оправдал Биглова"⁷⁰.

Едва ли необходимо продолжать этот паноптикум мерзости и грязи, прикрывавшейся елеем "святых" слов "служителей аллаха". Отметим лишь еще, что мусульманские благотворительные организации, с радушием и большой поспешностью оказывавшие те или иные услуги русскому самодержавию, неизменно "забывали" свои программные обязанности, как только дело касалось помощи широким слоям так называемого мусульманского населения. Яркий пример этого - события в Карсской и Батумской областях в 1915 г.

12 января 1915 г. председателем бакинского мусульманского, благотворительного

общества миллионером мирзой Ассадулаевым была получена от военного губернатора Карсской области следующая телеграмма:

"Мусульманское население Карсской области страшно пострадало от войны. Бедствие ужасное. Помощи ниоткуда. Обращаюсь к обществу об оказании помощи. Губернатор Подгурский"⁷¹.

Затем стало известно, что "число пострадавших... крайне велико, доходя до 100000 погибших от разных причин, пропавших без вести, покинувших свои жилища и оставшихся без призора и без крова. Разгромленные мусульманские селения насчитывались сотнями".

Как же откликнулись на это "мусульманские благотворительные общества"?

Учтя, что телеграмма губернатора Подгурского была вызвана дипломатическими соображениями и что в действительности русское самодержавие не особенно заинтересовано в оказании помощи населению Карсской и Батумской областей и даже подозревает его в симпатиях к Турции, "общества" сразу остыли в своем рвении к "помощи мусульманам". После получения приведенной телеграммы Подгурского они минимум месяца два подряд дружно, вместе с губернатором, лишь вздыхали о необходимости ее оказания. Организовывать же эту "помощь" общества начали еще позднее. Было ясно, что сговорившиеся с русскими властями мусульманские тузы предлагали зверски ограбленным ими массам самим улучшать жизнь их братьев по классу, разоренные "цивилизирующими" действиями империалистов. Даже холоп миллионеров Тагиевых, Нагиевых и Ассадуллаевых Д. Дагестани (Джейхун-бек Гаджибеков), неизменно воспевавший их "мусульманское" меценатство, вынужден был отметить это. В помощь пострадавшим мусульманам в Карсской и Батумской областях, писал он в обзоре "мусульманской жизни за 1915 г.", - "нашими богачами... не было пожертвовано крупных сумм. Можно смело сказать, что сумма пожертвований в пользу пострадавших мусульман всецело состояла из взносов самого народа". Поздно оказанная, она "увеличила число пострадавших"⁷².

Не то было, когда собирались средства на дело технического оснащения царской армии и ее "духовного благословения". Для обеспечения вооруженности и верноподданничества "пушечного мяса" не жалелось никаких средств. Причина была понятна: это служило интересам помещиков и капиталистов.

Использовалась всякая возможность для мобилизации средств на связанные с войной нужды. Чалмоносные агитаторы для этого разъезжали даже по ярмаркам. Так, с такими целями гастролировал на Нижегородской ярмарке 1915 г. мулла Шнаси⁷³.

Особенно излюбленными днями милитаристской пропаганды для религиозных организаций - ислама являлись дни мусульманских праздников. Программа их проведения вырабатывалась заранее и отражала текущие интересы русского самодержавия и его военных союзников. В дни праздников, как мы видели из вышеприведенных примеров, проводились и кампании по сбору "пожертвований" на нужды войны.

В 1914 г. "по случаю войны курбан-байрам был отпразднован без обычного шума, и шкуры овец (т. е. жертвенных животных, обычно собирающиеся в пользу мулл. - Л. К.) почти всюду были пожертвованы... на нужды войны"⁷⁴.

То же повторилось в 1915 г. В Баку, например, в 1915 г. "бакинское мусульманское благотворительное общество" и т. п. организации провели в дни курбан-байрама специальные сборы овчин на нужды войны. При этом мусульманские газеты еще задолго до дня праздника обсуждали, чем можно будет помочь родной им русской монархии на деньги, вырученные от продажи шкур животных, закалываемых во время курбан-байрама.

Не менее тщательно был использован в эти годы, и предшествующий курбан-байраму фитр-байрам (то же "руза", "орудж" или "ураза-байрам").

Особенно большие задачи возлагались на этот праздник в 1915 г., когда он приходился на последние дни июля. Выбитая из Галиции и многих других мест, русская армия в это время была уже в значительной мере деморализована. Военного снаряжения давно не хватало. "...По недостатку патронов и винтовок придется покоряться Вильгельму..." - писал еще 6 декабря 1914 г. начальник штаба

главнокомандующего, генерал Янушкевич, военному министру Сухомлинову. "...По 2-3 раза в день, фронты просят патронов, а их нет. Жутко на душе...", - повторял он тому же Сухомлинову в феврале 1915 г. О том же говорили летом того же года донесения от британских офицеров непосредственно с восточного фронта, они сообщали по свежим следам сражений:

"Первая армия безнадежно слаба в смысле тяжелой артиллерии. Так например, первый туркестанский корпус был вынужден вести борьбу с двумя орудиями тяжелого калибра при сорока двух у неприятеля. В результате одиннадцатая сибирская дивизия почти уничтожена, германское превосходство в области тяжелой артиллерии создало, повидимому, нечто вроде паники".

Виновники этого положения, однако, боялись "самокритики". Лишь изредка некоторым из них, подобно генералу Янушкевичу, "по ночам" чудился чей-то голос: "Продал, прозевал, проспал".

"Как и обычно, в России, - метко замечает, приводя эти сведения в своих мемуарах, назначенный летом 1915 г. на пост английского министра снаряжения Д. Ллойд-Джордж, - когда поражение объяснялось коррупцией и непригодностью правительства, вину возлагали на других. В особенности удобно было свалить дело на евреев".

Одна из телеграмм Янушкевича Сухомлинову прямо говорила об этом. Опубликованный в "Военных мемуарах" Ллойд-Джорджа текст ее гласит:

"27 апреля 1915 г.

...Взрывают уже кое-где мосты, склады. Все это за деньги, вероятно, проделывают жида. Больше некому. Вопрос патронов и ружей - скажу - кровавый"⁷⁵.

К делу обмана общественного мнения был призван и ислам. Религиозные праздники ислама служили ударными днями этой реакционной работы. Поэтому к ним готовились исподволь. Так, в 1915 г. "ко дню наступления поста месяца рамадана воинам были отправлены необходимые продукты для поста". Еще почти за месяц до наступления праздника розговенья в 1915 г. "Комитет оказания помощи воинам Крымского конного полка в Симферополе усиленно занят заготовкой праздничных подарков к предстоящему... "орудж-байраму". Мусульмане городов Крыма, - отмечалось далее, - также работают по заготовке подарков". Этим "Каспий" рекомендовал заняться и "кавказским мусульманам"⁷⁶.

Закавказские суннитский муфтий и шиитский шейх-ул-ислам опубликовали в 1915 г. специальные воззвания с предложением верующим отдать фитр-садака, т. е. обязательную милостыню-налог этого праздника, на нужды войны. На основании их призыва одноименное воззвание было выпущено и бакинским мусульманским благотворительным обществом⁷⁷. Ура-патриотическим верноподданничеством было проникнуто и все содержание этого праздника.

Тон давал Петроград. Здесь уже "30 июля ...в соборной мечети, в городской думе и во всех молитвенных мусульманских домах совершены были торжественные богослужения по случаю наступления большого годового праздника "ураза-байрам". По окончании богослужения отслужены были молебствия о здравии великого князя Алексея Николаевича и о даровании победы русскому и союзному с ним оружию". При этом, как сообщал "День", на проводившемся ахундом С. Баязитовым "молебствии в главной соборной мечети присутствовали только воинские чины местного гарнизона и раненые из лазаретов, всего, до 3 500 человек"⁷⁸.

Периферия тянулась за центром. В "Каспии" от 4 августа 1915 г. об этом можно было прочесть, например, следующее:

"Из Костака 1 уч., Хасав-Юртовского округа, Терской области... сообщают, что в день праздника "орудж-байрам" в джума-мечети жители устроили молебен о даровании полной победы над врагами русскому оружию и... воинству"⁷⁹.

В Закаспийском крае, как сообщала газета "Асхабад", тогда же, как и в 1914 г., в целях выкачки из населения денег на нужды войны под руководством мусульманского духовенства была проведена кампания отказа от послерамаданных скачек. Мотив был избран такой: "Неудобно веселиться", - надо, как и в прошлом году, "расходуемые на это деньги пожертвовать на нужды войны". Для того же, чтобы проникнуться

"праздничным" настроением, предлагалось посещать мечети. Последние к этому специально готовились. "Асхабад" сообщал об этом достаточно подробно.

"31 июня, - сообщал он, - в день мусульманского байрама... во всех местных (г. Ашхабада. - Л. К.) мечетях были совершены молебствия о даровании победы... русскому воинству. Мечети были битком набиты народом. Настоятель шушинской мечети мирза Мехти Гаиб-заде обратился к молящимся с кафедры со следующими словами: "Дорогие братья! Наша дорогая отчизна Россия по воле бога переживает трудную годину. Долг каждого из вас во всех своих молитвах обращаться ко всевышнему и просить его о победе (царской армии. - Л. К.) Не надо забывать, что после каждого намаза, который вы совершаете 5 раз в день, прежде всего надо молиться за царя и его семью, ибо царь, как сказано в Коране (?) - тень бога на земле. Также не нужно забывать в своих молитвах доблестные русские армии. В то время, как вы сидите спокойно, там, на полях брани, рекой проливается кровь наших дорогих соотечественников. Да поможет им господь выйти из этого всепожирающего пламени с честью и со славой и победить дерзкого и сильного врага; да услышит он в этот священный и дорогой для нас день наши молитвы. Аминь!" Весь народ, в мечети стоя, произнес за Гаиб-заде "Аминь"⁸⁰.

Очевидно, интересы мировой войны, пожиравшей с необыкновенной быстротой миллионы рабочих рук, обусловили и то, что уже в 1914 г., когда мусульманский пост месяца рамадана пришелся на лето, "среди мусульманских ученых стали раздаваться единичные голоса о возможности откладывать, пост для слабых, не могущих соблюдать его в... жаркие и длинные дни, на другое время" года. Тогда же "благоприятному разбору подверглась книга известного мусульманского богослова Мусы Бигеева "Пост в длинные дни", преданная анафеме константинопольским шейх-ул-исламом".

Оренбургский журнал "Дин ва ма'йшат" не мирился с предлагавшимися реформатором Бигеевым послаблениями в вопросе соблюдения поста, этого варварского древнеарабского установления. "Публика" же, как отмечал обозреватель мусульманской жизни в 1914 г., встретила эти предложения "довольно благосклонно"⁸¹.

Политическим содержанием проводившихся мусульманским духовенством религиозных праздников, ислама был доволен даже русский самодержец. Так, в ответ на проведение фитр-байрама в 1915 г., "управляющий Оренбургской губернией, - как сообщал "Каспий", - удостоился получить следующую высочайшую телеграмму:

"Передайте ахунду Дадманкулову и всему мусульманскому населению города Троицка мою сердечную благодарность за молитвы о даровании победы нашему доблестному воинству и выраженную мне верноподданническую верность, которой искренно верю.

Николай"⁸².

Понравившейся Николаю II "верноподданнической верностью" мусульманское духовенство в годы мировой войны пронизывало и иные торжественные для эксплуататоров дни. В 1915 г. в этом отношении было особенно характерно проведение "новруза"- иранского нового года. У мусульман-шиитов этому празднику был придан сугубо религиозный характер.

Вот как проводился этот праздник, например, тифлисской буржуазией:

"9 марта по случаю новруз-байрама тифлисское мусульманское общество устроило раут в Новом клубе. Раут начался... молебном, отслуженным закавказским шейх-ул-исламом ахундом Пишнамаз-заде о здравии царской семьи, верховного главнокомандующего, всего российского воинства и о даровании победы русскому оружию. По окончании молебна был исполнен гимн "Боже, царя храни", покрытый единодушным "ура"...⁸³.

Та же картина повторилась и в Эривани.

* Он же, вероятно, ишан Ша-Яхси; так в вызванных цитируемой телеграммой документах дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе, управляющего политическим агентством в Бухаре и начальника туркестанского районного охранного отделения именуется ишан, рассылавший в интересах русского

"В первый день новруз-байрама, - сообщала об этом газета "Икдам", - мусульмане собрались в джума-мечети на раут, взамен обычных визитов. Губернский кадий Мирза Абдулла ахунд прочел хутбу и помолился за здоровье государя императора и о ниспослании... русскому воинству полной победы. После молитвы ахунд обратился с речью к собравшимся и сказал: "...В этом году, когда мы, мусульмане, в частности, а также все отечество переживает тяжелые дни, мы не должны праздновать (т. е. расходовать деньги на проведение. - Л. К.) байрама, что и имеют в виду наши соседи (русские, "православные". - Л. К.), которые также решили отказаться от праздничных затрат по случаю пасхи, как и было сделано в дни рождества. В эти дни мы должны думать о наших воинах, о пострадавших наших братьях. Мы должны оказывать им всяческую помощь".

В школе биби-эйбатского прихода при проведении торжеств новруз-байрама в 1915 г. "при входе на раут" взимались "добровольные пожертвования", 75% которых предназначалось на "оказание помощи пострадавшим от войны мусульманам Закавказья". На самом же рауте в этом рабочем районе "по прочтении Корана мулла Алибеков прочел молитву о здравии государя императора и о ниспослании побед... русскому воинству"⁸⁴.

Однако агитация мулл не имела успеха. "Игдам" замечал о рауте в Эривани, что хотя произнесенная там речь ахунда Абдуллы и "произвела... сильное впечатление, но, однако, на другой день некоторые невежды (!) ...продолжали "украшать" свои комнаты разными сладостями и даже, упрекая ахунда, говорили, что эти, мол господа хотят упразднить наш национальный праздник"⁸⁵.

Как для "укрощения" этих "невежд", так и вообще для подъема "патриотических чувств" мусульманское духовенство, подобно христианскому, широко практиковало, помимо мер административного порядка, организацию специальных "мусульманских" праздников в дни побед русского и союзного с ним оружия. Проводились эти дни в соответствии с задачами Антанты, в интересах которой уже "28 августа 1914 г. царское правительство распорядилось отмечать дни побед церковными праздниками". "Торжественным молебствиям с целодневным за сим церковным звоном", предписанным синодом всем православным церквям в дни удачных кровопролитий⁸⁶, вторили азаны и пятикратные намазы в мусульманских мечетях. Совершались они повсеместно по всей царской России. Таковы, например, были "торжества" по случаю взятия русскими войсками 22/9 марта 1915 г. Перемышля.

В первую же пятницу после этих событий "в обеих московских мечетях... были, - как писал "Каспий", - совершены торжественные благодарственные молебствия по случаю взятия Перемышля. На молебствиях присутствовали все видные представители московской мусульманской колонии", т. е. вся эксплуататорская верхушка.

То же проводилось тогда и в колониях русского самодержавия. Газеты описывали это, например, так:

1) "13 марта, в Ашхабаде, в мечети шемахинцев, в присутствии собравшихся в огромном количестве мусульман, ахундом Мир Алекпер-агой было совершено благодарственное молебствие по случаю взятия Перемышля... После молебствия ахунд Мир Алекпер-ага обратился к молящимся с пространной речью, в которой выразил мысль, что молитвы за благоденствие и величие России несомненно были услышаны аллахом, пославшим славную победу русскому оружию, и что взятие крепости совпало с мусульманским новруз-байрамом. Это придало празднику громадное (мобилизационное. - Л. К.) значение. В конце своей речи ахунд Мир Алекпер-ага пожелал много славных побед русскому оружию... Собравшиеся разошлись, - как казалось информатору "Ас-хабада", - ...в приподнятом настроении"⁸⁷.

2) "13 марта, в Кумухе, Казикумухского округа, Дагестанской обл., в главной джума-мечети, после полуденного джума-намаза собралось много народу: почетные лица, хаджи, кадии и муллы Кумуха и других ближайших к нему аулов округа, для совершения благодарственного намаза и молитвы по случаю взятия ...русскими войсками австрийской крепости Перемышль. Почетным хаджием Кумуха была прочитана молитва о здравии государя императора, государынь императриц, наследника цесаревича и всего царствующего дома и о ниспослании новых побед

России против нынешних врагов ее: Германии, Австрии и Турции. В этот день все улицы и плоские крыши города Кумуха и прилегающих к нему аулов Хападжи, Табахлю и Хури были разукрашены национальными флагами, дорогими разноцветными коврами и шелковыми платками. Вечером Кумух и ближайшие к нему аулы и горы были иллюминированы. ...Живописные картины представляли великаны кумухских снежных гор... на вершинах и боках (склонах) которых, как огненные вулканы, горели громадные костры"⁸⁸.

В это время был очень принят и взаимный обмен любезностями между тылом и фронтом. Так, в Красноводске "городской депутат от мусульманского населения" Наджаф-Кули Багиров послал верховному главнокомандующему русской армией по поводу взятия Перемышля телеграмму, в которой от имени представляемого им "мусульманского населения" заявлял, между прочим, что, "отслужив благодарственный молебен о драгоценном здравии государя-императора, всей царской семьи, драгоценном здравии вашего императорского высочества и мудро ведомой вами русской победоносной армии, выражает свое восхищение и уповает на всевышнего, что он поможет вам привести Россию к наивысшей славе".

В ответ бездарный Николай Николаевич, безжалостно отправлявший сотни тысяч ни в чем неповинных людей на верную смерть, писал:

"Очень тронут, сердечно благодарю мусульманское население города Красноводска за молитвы я выраженные чувства по случаю падения Перемышля.

Генерал-адъютант Николай"⁸⁹.

Подобными приветствиями обменивались, тогда как, духовные, так и светские власти тыла. После молебна и парада по случаю взятия Перемышля, состоявшихся 11 марта 1915 г. на б. Соборной площади в г. Ташкенте, народный судья сейид Махмудхан сейид Мухеддинханов принес генерал-губернатору Туркестанского края Ф. В. Мартсону поздравление с новой победой русского оружия и сообщил, что "туземцы города Ташкента во всех своих мечетях горячо молились богу о даровании полной победы России..." Такие же "поздравления и свидетельства о верноподданнических чувствах" здесь же принес и "мулла татарской мечети Ахтямов"⁹⁰.

Целям подъема патриотических чувств и разжигания наиболее зверских милитаристских настроений служила и организация в тылу торжественных встреч назначаемым на те или иные должности сатрапам русского самодержавия. Мусульманское духовенство принимало в этом активное участие. Например, так было в 1915 г. с приемом в Симферополе и других местах Крыма вновь назначенного таврического губернатора генерал-майора Княжевича.

"На другой день прибытия Княжевича в Симферополь, - как сообщал "Тарджуман", - мусульмане совместно с губернатором и крымский муфтием отправились в мечеть, где муфтий прочел молитву за здравие государя императора и о ниспослании победы... русскому воинству. После молитвы Х. М. Уланов сказал речь, указав на... верность (мусульман. - Л. К.) престолу и отечеству и храбрость крымского конного полка. Засим собрание просило губернатора повергнуть к стопам государя императора верноподданнические чувства мусульман. Губернатор благодарил... На телеграмму, посланную таврическим губернатором, на другой день последовал высочайший ответ, который был прочитан мечети..."⁹¹.

Та же встреча Княжевичу оказывалась мусульманским духовенством в деревнях. "Тарджуман" описывал картину его встречи 12 января 1915 г. в ауле Кучук-узече так:

"Перед волостным правлением собрались мусульмане во главе с духовенством... (После приветствия губернатора. - Л. К.) имам, поднеся губернатору хлеб-соль, поднял руки к небу и прочел молитву о здравии государя императора и о ниспослании победы... русскому воинству... Прощаясь с собранием, губернатор поблагодарил мусульман на татарском языке: "Аллах разы олсун" (т. е. "Да будет доволен (вами) аллах").-Л. Я.)..."⁹².

Расточались похвалы мусульманским духовенством Княжевичу и позднее. Да и губернатор не оставался в долгу. Не забыл он также и услуг, оказанных русскому самодержавию умершим в 1914 г. джадидом И.-б. Гаспринским.

При посещении, - осенью 1915 г., - Княжевичем Бахчисарая гласный думы имам

хаджи Эмир эфенди произнес речь, где отметил деятельность губернатора в бытность последнего командиром крымского конного дивизиона. "Мы, - сказал... духовный отец, - знали вас и ваши добрые отношения к мусульманам. Вы были добрым отцом мусульманам-солдатам, теперь вы стали нашим общим отцом. Вы знаете нашу верность дорогому вашему отечеству. Так будьте уверены в этой верности на все времена". Губернатор, поблагодарив мусульман, очень сожалел о смерти Исмаил-бека Гаспринского, присутствовавшему сыну которого, редактору-издателю "Тарджумана", выразил соболезнование"⁹³.

Особенно пышная кампания по подъему верноподданических чувств была проведена мусульманским духовенством в связи с назначением Николая Николаевича 5 ноября (22 сентября) 1915 г. наместником Кавказа. Буржуазия Тифлиса без различия национальностей радушно встречала своего нового главу. В день прибытия Николая Николаевича в Тифлис "богато убраны были дома по пути от вокзала к Сионскому и Ванкскому соборам и мусульманским мечетям"... Эти соборы и мечети, по выходе с вокзала, первым делом и посетил царственный держиморда. При посещении им с сопровождавшими его "августейшими особами" суннитской и шиитской мечетей закавказские муфтий и шейх-ул-ислам произнесли великому князю "приветственные речи"⁹⁴. В них оба чалмоносца, прославляя Николая Николаевича, объявили "божественным даром" наиболее гнусные преступления правителей тюрьмы народов.

"Ваше императорское высочество! - говорил во дворце на "представлении великому князю" закавказский суннитский муфтий Хусейн Гаиров. - Многочисленные подданные нашего обширного отечества всегда пользовались под державою августейших своих царей полным счастьем и покоем... Ныне государю императору угодно было явить новую милость, назначив ваше императорское высочество наместником своим на Кавказе. Бесконечно осласливленные (эксплуататоры. - Л. К.) мусульмане Кавказа приветствуют ваше императорское высочество, с надеждой взирая на будущее... Да благословит аллах ваш приезд и да укрепит вас на новом ответсвенном посту".

"В священной книге, Коране, - тогда же на арабском языке вторил муфтию, закавказский шиитский шейх-ул-ислам ахунд мулла Мамед Пишнамаз-заде, - аллах обращается к людям со следующей заповедью (передана приблизительно. - Л. К.): если вы будете довольствоваться теми благами, которые я ниспослал, то вы будете благодетельствованы аллахом еще больше. В назначении вашего императорского высочества наместником на Кавказе мы... видим новое благо, ниспосланное нам аллахом, и высокую милость, оказываемую нам обожаемым монархом... Оставаясь... верными, мусульмане будут и впредь защищать свою дорогую родину Россию от врагов, дабы, достигнув желанной победы, обратиться к... труду под высоким попечением вашего императорского высочества. Да ниспошлет всевышний аллах благоденствие нашему обожаемому монарху и всему царствующему дому. Да процветет наш край под скипетром белого царя и под мудрым управлением вашего императорского высочества. Аминь"⁹⁵.

Это же верноподданическое лицемерие продолжало мусульманское духовенство по пути дальнейшего следования "августейшего" наместника. В Баку по выходе Николая Николаевича в зал вокзала его приветствовал, наряду с христианскими епископами, "бакинский губернский кадий и председатель бакинского губернского духовного меджлиса ага Мир-Мамед Керим хаджи Мир Джафар-заде", произнесший речь на татарском языке, тут же переведенную на русский присяжным поверенным К. Касимовым.

"Ваше императорское высочество! - говорил этот мусульманский поп. - Являясь служителем бога и духовным главой мусульман города Баку и бакинской губернии, духовный отец приемлет на себя величайшую смелость явиться перед вашим императорским высочеством выразителем той безграничной радости, тех великих надежд, которые появились в его, кадия, пастве с назначением вашего высочества на пост государева наместника на Кавказе. Наша радость, наши чаяния и наши надежды вызваны твердой уверенностью, что судьба нашего народа передана в твердые и мощные руки вашего императорского высочества... Мы сильны своей любовью к

России и преданностью престолу русских венценосцев. Уповая на милость бога и надеясь на верховное покровительство вашего императорского высочества, кадий возносит к царю царей горячие молитвы о продлении жизни вашего императорского высочества и августейшей вашей супруги и об укреплении ваших сил на благо и пользу нашей родины".

Польщенный приемом, Николай Николаевич ответил: "Передайте мусульманам мою глубокую благодарность за приветствия и молитвы..."

Также благодарил он и приветствовавшего его "от мусульман" бакинского миллионера Тагиева, призывавшего Николая Николаевича к "восстановлению светлой эпохи наместничества"... великого князя Михаила Николаевича. По мнению Тагиева, заинтересованного в культивировании наиболее варварских форм эксплуатации рабочих и крестьян Кавказа, это было бы "великим делом"⁹⁶.

Во имя этого "великого, дела" 25 сентября 1915 г. в мечетях совершались "молитвы о ниспослании здоровья вновь назначенному наместнику Кавказа"... В мечети Эривани на этих "торжествах", как сообщала газета мусаватистов "Ачыг соз" ("Ясная жизнь"), "присутствуют комендант Эривани, вице-губернатор, полицмейстер, городской голова, жандармский полковник и другие начальствующие лица. Кадий в пространной речи знакомит мусульман с деятельностью великого князя... читает текст телеграммы его императорскому высочеству, покрытый криками "ура". Кадий с поднятыми кверху руками молится о здравии великого князя"⁹⁷.

"Ачыг соз", кстати, ярко продемонстрировал, сколь гнусны были все эти "приветствия", "пожелания" и молитвы в честь нового наместника Кавказа. Эта газета "демократического Мусавата" показала, что под прикрытием лозунга о помощи "мусульманскому населению" Кавказа приветствовавшие Николая Николаевича муллы преследовали исключительно свои, эксплуататорские интересы. Вождь "Мусавата" редактор "Ачыг соза" М. Э. Расул-заде в ответ на запрос наместника Кавказа о нуждах "мусульманского населения" предложил выполнить программу защиты буржуазных и феодально-клерикальных слоев. 9 октября 1915 г. в "Ачыг созе" (№ 6), в статье "Наши нужды", этот "демократ" писал, что для полного счастья мусульман Кавказа им нужно иметь возможность, осуществить лишь следующее:

1. Открытие низших школ и их национализацию.
2. Высшее духовное училище (духовная академия).
3. Выборы духовенства со стороны прихожан.
4. Возвращение мусульманских вакфов".

Ни о каких других нуждах Расул-заде и слушать не хотел. В статье "Пусть смельчаки скажут", помещенной 18 октября 1915 г. в № 13 "Ачыг соза", он писал, что, "для кавказских мусульман... именно описанные четыре пункта" "являются самыми важными". О других нуждах Расул-заде не знал. Если они есть, писал он, то "пусть смельчаки скажут"⁹⁸.

Панисламизм и пантюркизм "Мусавата" под влиянием мировой войны в значительной мере изменили свои контуры. Ныне - мусаватисты боялись даже "теоретически" в какой бы то ни было степени считать себя отделенными от "православной" монархии. Пространно разъяснял это, например, тот же "Ачыг соз" в конце 1915 г., в связи с появившимися во французских и русских газетах сведениями о прибытии в Будапешт некоей германофильской "депутации мусульман России".

"Ачыг соз", сообщив 28 декабря 1915 г. о посещении этой депутацией венгерского премьера графа Тиссы, писал, что "не найдется ни одного мусульманина, который бы поднимал вопрос о восстановлении Казанского ханства или обмолвился об этом хоть одним словом... Русские мусульмане, - отмечалось дальше, - хотя бы и те, которые обитают по Волге и Уралу, сами очень хорошо понимают, что, составляя меньшинство в узкой полосе посредине такой великой и просвещенной страны, как Россия, они не могут образовать ханства и управлять им..."⁹⁹.

Не только мысль об отделении от царской России национальных районов, но, и всякие вообще антирусские настроения объявляются мусаватистами "изменой", - заслуживающей жестокой кары.

Выраженные населением Карсской области и Аджаристана во время наступления

султанских войск осенью 1914 г. симпатии к туркам были "Ачыг созом" названы "трагедией", виновников которой газета желала "видеть... перед правым судом...". Защищая позицию царской России, которой политически было невыгодно разглашать факт перехода угнетавшегося им со времени русско-турецкой войны 1877-78 гг. населения на сторону Турции, эта "патриотическая" печать изображает этот переход как злой поклеп на мусульман.

"Какая же может быть речь об измене? Просто испугались люди и разбежались по лесам", - телеграфировал об этом батумский корреспондент газеты "Утро России"¹⁰⁰.

"Читатели знают, - развивал эти же мысли Расул-заде в статье "Дела аджарских и карсских мусульман" (№ 17 газеты "Ачыг Соз" от 22 октября 1915 г.), - что на Кавказе, служащем театром военных действий, мусульмане не только были разграблены, лишившись насиженных мест и облуплены, как луковицы, но подверглись еще большим и тяжелым бедствиям. Да, эти несчастные, лишившись всего своего имущества, были опорочены в патриотических чувствах своих. Аджарцы и живущие около Карса мусульмане были обвинены в переходе на сторону вражеской армии и в великой измене России"¹⁰¹.

Таким образом, по М. Э. Расул-заде, наибольшим бедствием карсских и аджарских мусульман было не их кошмарное разорение, но подозрение в измене с их стороны "патриотическим чувствам" по отношению к той деспотии, которая, русифицируя их край, сеяла среди них нищету и смерть в течение 36 лет своего господства¹⁰². Заверить русское самодержавие в том, что мусаватисты сделают все, чтобы не допустить возможности повторения подобной "неблагодарности" со стороны народов, униженных и ограбленных : властью помещиков и капиталистов, - такова, была задача, редактора "Ачыг соза". "Отныне, - писал он, - верность - неотъемлемое качество мусульман"¹⁰³. В этом вторил ему туркестанский джадид Махмуд-ходжа Бех-буди, издававший во время мировой войны в Самарканде на персидском и узбекском языках еженедельный журнал "Ойна" (Зеркало). В первом номере этого журнала за 1915 г. Бех-буди в статье о причинах войны России с Турцией писал, что "война - исключительно материального характера, навеяна Германией. В ней (войне этой) нет ничего, что говорило бы об оскорблении и унижении ислама. Поэтому нашему туркестанскому туземному населению нужно быть спокойным, сдержанным и вполне лояльным по отношению к нашему великому русскому государю и дорогому отечеству. Иначе... мы обречем себя на неминуемую гибель"...¹⁰⁴.

Таким образом, джадида делали то же самое, что и кадимисты, откровенные исполнители воли царской охранки. Позиция Бех-буди, Расул-заде, как и Алкина и других, направленная к уничтожению престижа турецкого султана как халифа, была в основном линией русского самодержавия. Причем последнее, как следует из ряда документов, не ожидало такой верноподданнической прыти от этих "прогрессивных мусульманских элементов", много кричавших о панисламизме, пантюркизме, Туране и т. п. в прессе, на своих съездах и... в Государственной думе. Русское самодержавие отчасти даже боялось, что деятельность этих господ, иногда имевшая турецко-германские корни, сильно "развратила" подданные ему "мусульманские народы". Благодаря этому в начале войны оно предпочитало в вопросах ислама опираться почти исключительно на свою официальную агентуру - указных мулл. Так, бакинский губернатор Алышевский в отношении директору канцелярии наместника Кавказа писал 11 ноября 1914 г. что, поручив уездным начальникам иметь наблюдение за распространением воззвания (турецкого султана. - Л. К.) о священной войне, я вместе с тем находил бы весьма полезным, чтобы закавказский муфтий и шейх-ул-ислам разослали подведомственным им правлениям и приходским муллам печатные разъяснения о ничтожности фетвы о священной войне"¹⁰⁵.

К мусаватистам и разнообразным джадидским организациям с такими предложениями царские власти еще не обращались (хотя использовали и их).

Джадида, мусаватисты и им подобные либерально-буржуазные и феодально-клерикальные организации сами во время войны, выявляя свою эксплуататорскую природу, пришли к лакейскому служению царизму. Их роль была такой же в тылу, как и на фронте.

В тылу, как мы видели, они совместно с указным мусульманским духовенством использовали любой повод для наибольшего одурачивания широких трудящихся масс, превращения их в безвольное пушечное мясо. На фронте их роль была аналогична: именем аллаха они гнали это "мясо" на верную смерть под пули и удушливые газы вооруженного до зубов противника.

Христианские попы, их коллеги по одурачиванию трудящихся религиозным дурманом, говорили об этой работе мулл с большим удовольствием.

Уже в первых числах января 1915 г., в беседе с сотрудником "Голоса Москвы", прибывший из действующей армии священник Пospelов заявил, что с "особенным уважением взираешь на деятельность мулл, единодушно призывающих своих духовных детей к борьбе с врагом, во славу ...их России"¹⁰⁶. Об этой же роли мусульманского духовенства на "войне современных рабовладельцев за сохранение и укрепление капиталистического рабства"¹⁰⁷, - свидетельствовали и многочисленные солдатские письма с фронта. Так, в одном из таких писем, задержанном Казанской окружной военно-цензурной комиссией, автор татарин-солдат 105 артиллерийского полка, писал:

"Шамсу-Мухаммеду. Казань.

Для мусульман назначили в каждую армию по одному мулле. Назначенный в нашу армию, 3-ю, мулла с разрешения командира всех солдат-мусульман собирает в ближайшее село, читает молитвы, увещевает нас и доказывает, что счастлив тот, кто ляжет смертью великих наших пророков. Радуйтесь, ребята, говорит мулла, что бог сам привел вас сюда умереть смертью пророков за отечество, за будущих детей ваших и за царя. Сражайтесь с врагом до последней капли крови. Это завет великого нашего пророка Мухаммеда, и вы должны это исполнить в точности"¹⁰⁸.

Сатрапы самодержавия придавали большое значение этой агитации мусульманского духовенства на фронте. Ведь даже в первые месяцы войны среди набранных в солдаты представителей угнетенных народов царской России имелись многочисленные и вполне справедливые сомнения о степени "отечественной теме той бойни, в которой им предлагалось сложить свои головы. Задержанные военной цензурой письма солдат с фронта говорят об этом достаточно красноречиво.

Уже 21 сентября 1914 г. татарин-солдат Мухаммедов писал в Мензелинск своей "милой" Фатыме Мухаммедовой следующие строки:

"...Прощай жизнь. Я нахожусь на фронте. Эх, и как мы несчастливо родились. Война, надо воевать. Ничего не поделаешь, надо немцу дать по шапке. Русские вот веселятся (!), им понятна защита родины, а нам, мусульманам, как-то не то. Но драться мы будем храбро, не хуже русских... Проси, Фатыма, милости бога, чтобы я вернулся победителем (из борьбы. - Л. К.) с гяурами".

"Для кого мы землю завоевали и для кого отдаем"? - недоуменно спрашивает в декабре 1914 г. татарин-солдат Г.Бахауддинов из штаба 7 армейского полка в письме к Бахауддиновой из деревни Азакеево. "Не знаю за что нашего брата так режут", - вторит ему взятый на войну татарин Юсупов в письме от 15 марта 1915 г. к своему товарищу Ф. Давлетярову из д. Аит. При этом Юсупов отмечает, что еще в Стерлитамаке видел, как богачи его деревни Тукаевы с помощью взяток освобождались от призыва, хотя "на самом деле здоровее нас... Богатые сюда - на фронт - носа не показывают".

Дальше недовольство войной все больше и больше росло. Угнетенные народы царской России на примере отношения к ним царского офицерства на фронте лишний раз убеждались, что прославляемая муллами "родина" на самом деле является их тюрьмой.

"Второй год страдаем на этой проклятой войне, - писал с фронта татарин-солдат Бикбулатов в г. Арск Шейхудинову. - Да хоть бы удовлетворяли всем да относились по-человечески. А то на родном языке не говори, рыло под кулак подставляй... Да еще вот татаризм мой. Хотел в школу прапорщиков - не взяли. А вот мулла говорит, что мусульманам будет польза, если Россия победит. Может, что и будет, да толк-то какой. Нет уж, лучше бы кончали войну, раз начали. Приехал бы я домой, и не надо мне никакой победы. Здесь многие так думают - и русские и мусульмане. Начальство вот только не хочет. Им все больше и больше надо. Завидные...".

"...Несмотря на то, что живем под страхом смерти, - писалось в другом, датированном 28 мая 1915 г., анонимном письме с фронта Г. Муратову в г. Илецк, - еще нас мучают... разными наказаниями. Вот недавно нескольким моим товарищам дали по 25 и 40 плеток. Причина та (что) - они честь не отдали. И эту штуку мне тоже пришлось испытать... Знаешь, в мектебах нас учителя (дамуллы, см. гл. III. - Л. К.) пороли сверх одежды и одним прутом несколько раз, а здесь, сколько в приказе, столько прутьев и прямо на голое тело...

Пища очень плохая, дают тухлую рыбу с чечевицей. И вот, сидим, думаем. Не знаем, на кого идем. Когда нас на фронт отправили, говорили, за отечество и за царя, ничего нам не понятно. На родном языке разговаривать не разрешают, как начнем говорить, то сейчас же кричат: "Эй, вы, турки, некрещенные, нельзя", и вот, дружок, (здесь) тысяча раз хуже, чем в плену".

Отсюда росли и демобилизационные настроения.

"Милые родители, - аллегорически говорилось в одном из анонимных писем с фронта (адресовано в г. Казань Сабирзяну и задержано военной цензурой). - Здесь трава и хлеба хороши, и трава косится хорошо, и хлеб жнется хорошо, но жнут больше враги, чем мы, а косим одинаково. Прошу бога только об одном, чтобы скорее меня ранили либо серпом, либо косой, и тогда я на некоторое время избавился бы от здешних полевых работ. У врага серп и коса очень острые".

"Возьмите да отрубите, хотя бы и кричал, два пальца у Галимы, - советовал 11 марта 1915 г. рядовой Закир из Гатчинского полка своим матери Г. Сиразудиновой и сестре Фатыме из д. Б. Амиаков. - Если бы я избавился от рук неверных, - писал он дальше, - я даже одну руку отрезал бы у Галимуллы, чтобы не дать ему испытать нужду (т. е. режим "отечественной" царской армии. - Л. К.). Да даст мне господь всевышний... вернуться домой в скором времени, по получении раны"...

Желания взятых в царскую солдатчину трудящихся угнетенных народов самодержавной России были, таким образом, прямо противоположны молитвам, произносившимся муллами с их мечетских минбаров. Не было общности и в их действиях на войне. Муллы обычно на фронте выступали "героями". Преувеличивая их "подвиги" в десятки раз, а иногда, возможно, и просто сочиняя их, услужливые чиновники самодержавия превращали некоторых из них даже в образцы "доблести и геройства". Следовать примеру этих мулл предлагалось всем остальным "простым смертным". Таковым муллой, своего рода Кузьмой Крючковым, был, например, Набоков. Вот как описывала его прибытие с ранеными в Киев русская патриотическая (в том числе и мусульманская) печать:

"В Киев вместе с ранеными черкесами-мусульманами прибыл мулла-доброволец Мишеос Набоков. Мулла Набоков... жил в Екатеринодаре (ныне Краснодар. - Л. К.), Кубанской области... поступил добровольцем в ряды действующей армии, на австрийский фронт. Много... эпизодов рассказывают о своем "батке" черкесы. Набоков, напутствуя раненых солдат-мусульман, как природный воин (!), не избегал боевых дел. Он первый со своим полком вступил в гор. Станиславов. Во время вступления его с черкесами в одно австрийское селение кто-то из "мирных" жителей произвел в Набокова выстрел. Сохраняя полное хладнокровие, Набоков подошел к стрелявшему и выхватил у него револьвер, после чего, потрепав его за ухо, сказал: "Стыдно стрелять из-за угла. Ступай драться на позицию". Подбадривая своих черкес, мулла Набоков в Карпатах был контужен шрапнелью. За свои геройские подвига он награжден орденами"¹⁰⁹.

Рассказывали подобную развесистую клюкву и сами муллы. Так, в марте 1915 г. в газете "Икдам" такие "факты" передавал поэт Мухаммед Хады Ширвали, занимавший во время мировой войны пост муллы Кавказской мусульманской дивизии. По его словам, солдатская армия на фронте была окружена большой заботой.

В тот момент, когда над умиравшим воином хлопотали сестры, - писал мулла Ширвали, - "я читал суру из Корана... Чинно слушали меня сестры-христианки. Все прослезились... была одна мечта - защита чести отечества.

Я пишу мемуары, - прибавил к сказанному этот мулла-поэт. - Много подвигов совершено. Если останусь живым, думаю познакомить читателей"¹¹⁰.

Нам неизвестно, выполнил ли Ширвали это свое обещание. Но для нас ясно, что то, что он хотел сделать достоянием масс, было крайне гнусно. Всякое прославление мировой войны 1914-18 гг. являлось оправданием и укреплением самых варварских форм насилия и реакции.

В. И. Ленин в августе 1915 г. писал о мировой войне, что она ведется "во-1-х, за укрепление рабства колоний посредством более "справедливого" раздела и дальнейшей более "дружной" эксплуатации их; во-2-х, за укрепление гнета над чужими нациями в самих "великих" державах, ибо и Австрия и Россия (Россия гораздо больше и гораздо хуже, чем Австрия) держатся только таким гнетом, усиливая его войной; в-3-х, за укрепление и продление наемного рабства, ибо пролетариат расколот и придавлен, а капиталисты выигрывают, наживаясь на войне, растравляя национальные предрассудки и усиливая реакцию, которая подняла голову во, всех, даже самых свободных и республиканских странах"¹¹¹.

Мусульманское духовенство, демонстрируя во время мировой войны совместно с различными националистическими, джадидскими и т. п. организациями свое единение с русским самодержавием, защищало его интересы. Выходившая в России так называемая мусульманская печать, с помощью которой мулла Ширвали хотел ознакомить массы со своими "подвигами", была далеко не последним звеном в цепи орудий предательства интересов трудящихся со стороны мусульманского духовенства. Это хорошо понимало царское военное министерство.

"...В настоящее время, - писал в 1915 г. некий Н. Зинченко, излагая взгляд военного министра, - когда мусульманский мир с большим вниманием следит за событиями, происходящими у самого центра ислама, каковым является Турция, ознакомление населения с деятельностью правительства... как в области внутренней жизни империи, так и в области внешней политики представляется задачей первостепенной важности. Последствия настоящей войны (согласно захватническим планам самодержавной России. - Л. К.) неизбежно отразятся на всем мирозерцании мусульман, до сего времени живших в представлении о несокрушимом могуществе халифа (турецкого султана. - Л. К.), и едва ли можно ожидать спокойного и рассудительного с их стороны отношения к тем неотвратимым явлениям на мусульманском востоке, которые логически необходимо ожидать и которые должны создать полный переворот в понятиях правоверных. Поэтому направить соответственно мышление наших мусульман, постепенно ввести их в смысл и значение совершающихся событий и надлежаще подготовить к восприятию нового представления о мировом смысле ислама представляется совершенно необходимым и безотлагательным".

Считая, например, что "в этом отношении существенную помощь и содействие административным учреждениям в Туркестанском крае могла бы оказать правильно поставленная туземная газета", военный министр принял к обеспечению ее регулярного выхода ряд мер. Меры эти прежде всего были материального порядка. "Положение военного совета от 13 мая и 9 июня 1915 г." гласило:

"Военный совет, рассмотрев представление об отпуске пособия на издание Туркестанской туземной газеты, положил:

1. Установить временно, на два года, отпуск ежегодного пособия на издание "Туркестанской туземной газеты" в размере 10 000 рублей и

2. Настоящее дело направить в порядке ст. 86 основных государственных законов".

Осуществление не заставило, себя ждать. 27 ноября 1915 г. военным министром по главному штабу (Азиатская часть) был внесен об этом в Государственную думу специальный законопроект. Согласно ему, отпуск средств на издание "Туркестанской туземной газеты" (основанной в Ташкенте в 1870 г.) из государственного казначейства был необходим для обеспечения ее выхода 3-4 раза в неделю. Рассылать ее считалось нужным "не только "лицам туземной администрации", но и руководителям (мударрисам и мутаваллиям) высших туземных школ"¹¹². Таким образом, забота шла и о снабжении мусульманского духовенства необходимым великодержавным инструктивным материалом. Делалось это потому, что вся предыдущая работа мусульманского духовенства говорила чиновникам русского самодержавия о том, что эти их старания

не пропадут даром.

Не только мударрисы, мутаваллии и иные чины мусульманского духовенства встречали одобрение своей деятельности со стороны органов русского правительства. Этого добивались даже мусульманки-вероучительницы. "Каспий", например, 19 декабря 1915 года сообщил, что "серебряные медали с надписью "за усердие" для ношения на груди на александровской ленте пожалованы вероучительнице бакинского Александрийского женского русско-мусульманского училища Секине ханум Ахундовой..."¹¹³.

Большие заслуги за два года мировой войны имела в глазах русского самодержавия и так называемая мусульманская печать. Эта печать широко открыла свои страницы перед мусульманским духовенством. Каждый мулла, например, сдавая собранные им на нужды войны деньги, пространно высказывал в этой прессе свое верноподданничество. Так, московский имам-хатып Фахруддинов, собрав на войну 334 р. 19 к. (см. стр. 299), призывал в этой печати "дружно грудью встать на защиту родной родины и своего обожаемого монарха...". Вступление же в войну Турции имам этот предлагал рассматривать "не как священную цель, а как корыстный вид войны, нахально навязанный из Берлина; там продиктовано объявление священной войны, и тем нанесено оскорбление священным чувствам всего мусульманского мира"¹¹⁴.

Имам-хатып и мударрис второй московской мечети А. Фаттахуддинов в начале 1915 г., передавая в главное управление Красного креста отчет о собранных им "в пользу раненых и больных воинов и их семей" 502 р. 20 к., писал примерно то же. В противоположность "честным бойцам рати российской" турецкая армия, по, его словам, является "бандитской", "попирающей все человеческое" и оскорбляющей "законы ислама", этой основы "бытия мусульман"¹¹⁵.

Договаривалась мусульманская печать и до прямого признания полезности войны. Так, еще в 1914 г. газета "Юлдуз" заявила, что - "война нам (мусульманам?! - Л. К.) дала прекрасные результаты - отрезвили мы свое отечество..."¹¹⁶.

"Сколько бы у нас ни было национально-религиозных нужд, - писал почти тогда же имам Х. Османов в "Вакте", - современные события... заставили забыть все и направить все взоры и стремления на охрану чести или достоинства своего отечества (или, иными словами, на охрану захватнических планов русского самодержавия. - Л. К.). Несколько тысяч мусульманских героев наряду со своими соотечественниками проливают кровь во имя дорогого для нас отечества. Это - долг и обязанность перед родиной, и такое пробуждение мусульман с их чувством, с беспредельной любовью к отечеству - явление отрадное, и этим смело можно гордиться..."¹¹⁷.

Что к этому прибавить? Фальшивость этих строк при сравнении их с действительным положением вещей не требует разъяснений. Мусульманское духовенство здесь дошло до предела подлости, если вообще для подлости есть какой-либо предел. Отметим кстати, что в бакинском органе "мусульманского прогрессиста" Тагиева не раз в годы мировой войны можно было встретить и такие объявления:

"Электротheater "Муза". Великокняжеский проспект. Только два дня, 18 и 19 апреля (1915 г. - Л. К.). Сенсационная картина. В четырех больших частях: Шедевр кинематографии. "Освобождение христиан от турецкого ига". Богатая по постановке, с участвующими лицами более 1000 и с грандиозными батальными сценами, картина производит невероятно приятное впечатление"...¹¹⁸.

3. В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ (1916 г.- 28 февраля 1917 г.)

В 1905 г. В. И. Ленин писал:

"Миновали безвозвратно те времена, когда русская армия - как это было в 1849 году - шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось свое движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой

тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции"¹¹⁹.

Уже первые годы мировой войны, как мы отмечали выше, блестяще подтвердили этот анализ В.И.Ленина. Забитая, голодная, закабаленная армия императорской России стала крупнейшим революционным фактором. В 1916 г. это отмечали даже "наблюдатели" из департамента полиции. "В армии настроение стало очень и очень беспокойным, если не сказать революционным", - говорилось в докладе петербургской охранки в октябре 1916 г.¹²⁰.

Царские держиморды и на фронте проводили политику подавления нерусских национальностей. "Как это унижительно, - писал татарин-солдат Калимуллин в редакцию газеты "Турмыш" (Уфа): - мы, взятые из миллионного народа, не имеем для чтения родной газеты и журналов. Неужели мы хуже других? Не нужно забывать, что нас (очевидно, имеются в виду вообще "мусульмане" России. - Л. К.) 25 миллионов". "В эти дни, - вторил ему Мухаммеджанов в письме в Уфу к З. Кадырову, - в полку до пятисот мусульман. Среди них есть люди с развитым сознанием. Часто приходят просить газету и журналов. Отказ раздражает их, и высказывают обиду: неужели их голос отчаяния не дойдет до сердца наших родных".

Солдаты не имели права писать даже письма на своем родном языке. Крымский губернатор издал специальное объявление, в котором предписал для удобства военной цензуры "евреям, мусульманам и латышам писать письма до окончания войны на русском языке"¹²¹.

Мусульманские "благотворительные" и т. п. организации этому усилению великодержавного гнета в годы войны реально ничего не противопоставляли. В это время они были заняты разворовыванием (совместно с официальными чиновниками русского самодержавия) собираемых ими на нужды войны сумм. Действия чиновников русского самодержавия по дальнейшему закабалению и угнетению нерусских народов не встречали со стороны этих мусульманских организаций какого-либо протеста.

Печатная продукция, выходящая в годы войны из-под пера деятелей русского мусульманства, всячески обходила "острые углы". Насущные вопросы армии и тыла она ни в какой степени не могла разрешить. Худосочие этой мусульманской литературы были вынуждены отмечать даже "правоверные" буржуазные и феодально-клерикальные публицисты. "В области литературы, - писал Дагестани, - русскими мусульманами в 1914 г. ...крупного ничего не было создано"¹²². И эту характеристику литературы русских мусульман Дагестани повторял каждый последующий год мировой войны.

Издавалась почти исключительно ура-патриотическая и религиозная литература. Так, с конца 1914 г. и до апреля 1915 г. в Казани, Оренбурге, Уфе было отпечатано до двух десятков названий, если не более, брошюрок (обычно в 16 страниц in 16°) с "песнями о войне" (сугыш баяти) типа "дестан", т. е. эпических сказаний. Тогда же в официальной "Закаспийской туземной газете", основанной в конце 1914 г. и издаваемой на туркменском и персидском языках, печатались туркменские стихотворения-песни (газаль) о войне.

О характере этой "песенной" литературы дает представление следующее верноподданническое произведение, записанное во время войны учителем земской школы бахчисарайцем Я. Байбутлы и тогда же опубликованное под видом "Песни крымских татар про вторую отечественную войну":

Такие же верноподданнические мотивы наполняли и остальную мусульманскую "песенную" литературу. Например, в брошюре "Европа сугыш баяти" (Стихотворения о европейской войне), изданной в Уфе в 1915 г., таковы были все пять помещенных там стихотворений, выдававшихся за отрывки из якобы посланных с фронта писем татар-солдат к своим - другу, жене, родителям.

"Буду я, - говорилось там, - сражаться до смерти, несмотря ни на что и до тех пор, пока не увижу столицы неприятеля. Не буду я лежать зрителем (беспольным), а буду стрелять до самой смерти, пока меня не бросят за ноги в яму и не зароят"¹²⁴.

Об этом же говорилось и в изданных в 1915 и 1916 гг. вторыми изданиями (в Казани и Уфе) брошюрах "Европа сугыш халляри" (Европейская война)¹²⁵ и "Сугыш жирлары" (Песни о войне). Стихи первой из них выдавались за произведения некоего солдата, страстного вояки на австрийском и германском фронтах. Некий Мухаммед-хатып Абдул-Латыпович Курамшев, будучи на промыслах в Грозном, будто бы переписал эти стихи 27 декабря 1914 г. и издал затем на средства казанских издателей братьев Каримовых. Автор второй брошюры, Г. М. Абдулмянев, также выдает ее за извлечения из писем татар-солдат с фронта. Содержание ее тенденциозно, так же как и у всей серии подобных изданий.

"Мы, - говорится в ней от имени рядового действующей армии, - будем в боях, будем ходить, как львы, и увидим то, что предопределено богом".

"Пусть молятся за нас, - рекомендуется там же от имени солдата с фронта оставшимся в тылу, - после всех пяти (ежесуточных. - Л. К.) молитв, и просите за нас (о том же) всех мечетских стариков".

И еще:

"Что только не случается над головой молодца на этом свете, вы молитесь только, чтобы мы возвратились живыми, победив их (т. е. врагов русского самодержавия. - Л. К.)".

Классовая борьба эксплуатируемых против эксплуататоров отрицалась; провозглашался мир между людьми в царстве помещиков и капиталистов. "Нет никакого различия, все одинаковы", - говорилось об этом при упоминании о лазаретах для "героев родины" в брошюре "Сугыш жирлары"¹²⁶.

Симптоматично было то, что такие ура-патриотические брошюры и песни, призывавшие правоверных, "если господь мой даст здоровья", "смело идти драться с Германией", издавались даже в память об Исмаил-мирзе Гаспринском. "Мусульмане не чувствуют себя чужими на Руси", - эти слова Гаспринского (из его "Русского мусульманства", см. гл. VII) служили призывом к верноподданничеству джаидов в годы мировой войны. Недаром крымская "песня" была перепечатана "прогрессивной" печатью мусульманской буржуазии под характерным заголовком "Не чужие"¹²⁷.

Мотивы "священной" истории ислама были поставлены на службу милитаризму. Один из наиболее видных деятелей мусульманских благотворительных обществ Закавказья, доктор Керим-бек Султанов, в выпущенной им в 1915 г. брошюре "История происхождения Красного креста в Европе" приводил примеры из жизни мусульманок, "принимавших горячее участие в войне во времена пророка", и выражал сожаление по поводу того, что в настоящей войне мусульманки не являются поголовно сестрами милосердия и т. п. В целях мобилизации мусульман на "святое" дело защиты интересов империалистов Султанов приводил ряд примеров из старо-арабских историков, как, например, из ал-Вакиди (ум. в 823 г.) о битве при горе Оход, и т. п.¹²⁸.

Подобный характер мусульманской литературы определил собою тот факт, что как

и в 1914-15 гг., так и в 1916-17 гг. русское самодержавие и местные, "туземные", "мусульманские" эксплуататорские классы в целях удушения роста в тылу и на фронте революционных настроений принимают ряд мер к увеличению ее выпуска. В этих "государственных" интересах царская охранка ставит тогда вопрос об "организации татарской типографии для печатания религиозной литературы по исламу" (см. гл. III). "Вакт" в 1916 г. также сообщает, что "уфимский бай С. Э. Назиров пожертвовал уфимскому мусульманскому благотворительному обществу 50 000 рублей для общедоступного издания Корана по удешевленной цене". В подобном издании было - заинтересовано само русское правительство. Поэтому, "правление общества организовало, специальную издательскую секцию. Член Государственной думы Еникеев заготовил по данному вопросу подробный доклад"¹²⁹.

Выпускавшаяся в годы мировой войны специально религиозная литература по исламу была целиком направлена к отвлечению внимания масс от вопросов классовой борьбы. Примером этого может служить хотя бы двухнедельный журнал "Ислах" (Исправление, или Реформа), единственный частный периодический орган, выходивший на узбекском языке в Старом Ташкенте.

Оригинальных статей этот журнал почти не помещал. Страницы его были заняты, главным образом, "вопросами и ответами". Редакция "организовывала" этот материал (вопросы и ответы), тщательно вычеркивая из него все, что хотя бы отдаленно напоминало о каком бы то ни было свободомыслии правоверных. "Ислах" был типичным органом баев и мулл, разрешавшим вставшие перед ними вопросы в направлении наибольшего духовного и экономического порабощения трудящихся. Рост тиража этого журнала, - в 1916г. "Ислах" имел более 1 500 подписчиков, - объяснялся целиком тем, что задачам удушения всякой революционной мысли для обеспечения эксплуататорского благополучия баев и мусульманского духовенства он вполне отвечал.

Печатавшиеся кулаками и муллами в "Ислахе" "вопросы и ответы" замалчивали волновавшие массы темы. В то время, когда на фронте империалистической войны погибали десятки тысяч ни в чем неповинных мусульман, муллы в этом журнале затрагивали преимущественно ритуальные вопросы.

Вот, например, какие вопросы ставил на обсуждение некий мулла Осман-бай Исмаилбаев из г. Пишпека (ныне г. Фрунзе) во 2-м номере этого двухнедельника за 1916 г.

1) "...Мусульманином снят в аренду весовой базар. На весах часто взвешивают и свиней (т. е. "запретных" для мусульманина животных. - Л. К.). Плату за взвешивание свиней считать ли запретной?

2) Полученные деньги от взвешивания свиней могут ли пойти в уплату мусульманам, прислуживающим при весах?

3) Здесь в большинстве случаев у русских пасут свиней киргизы (подразумеваются - мусульмане. - Л. К.). Не будет ли греховной плата, полученная за этот труд?"

Или некий мулла Х. - Мухаммед из Мерке ставил следующий запрос:

"У нас в Мерке, - писал он, - есть русские овцы с длинными хвостами. Эти овцы похожи на свиней. Так как они дешевле наших баранов, то в настоящее время их стали много резать и продавать на базарах. Между тем имам мулла Шах (видимо, экономически не заинтересованный в приобретении населением этого доступного для многих скота. - Л. К.) в Белых водах (Аксу? - Л. К.) объявил мясо этих овец запретным и запретил его употреблять в пищу. (В качестве довода мулла Шах заявил, что якобы. -Л. К.) русская овца произошла от смешения свиньи и барана. В таком смысле высказались и муллы города Намангана и категорически запретили мясникам резать русских овец. Теперь мы под большим сомнением - есть ли нам мясо русской овцы или нет? Тем более, что русская овца похожа на свинью: голова с маленькими ушами, а сзади хвост".

Мулла Мухаммед Амин из кишлака Узгена писал: "В горных местах суслики и крысы в своих норах собирают пшеницу по несколько фунтов. Некоторые жители берут эту пшеницу и употребляют в пищу. Будет ли запретным хлеб из такой муки?"

Были еще и такие вопросы. Ходжа Хайдар из Ходжента запрашивал:

1) "У нас в Ходженте многие учащиеся в медресе дают взятки прихожанам мечетей

и с помощью их получают должности имамов. Допустимо ли это с точки зрения шариата?

2) Могут ли женщины, хотя бы для увеселения, надевать мужские одежды?.."

Далее, некий чтец Корана (кари), Наджмуддин из Самарканда, заявлял:

"У нас в Самарканде, в квартале ходжа Зувал Мурат, прихожане разбились на несколько партий. Каждая партия желала иметь имамом своего ставленника. В результате было избрано два имама, и мечеть разделена... на две части занавесью... Как поступить в данном случае, и как смотрит на это шариат?"¹³⁰.

Мы нарочно так долго остановились на "Ислахе". Пример его очень показателен. Красноречивее многих десятков статей мусульманской "прогрессивной" печати он показывает, чем было занято мусульманское духовенство царских колоний в годы мировой войны, какими вопросами оно отвлекало внимание верующих масс от задач классовой борьбы. Следуя провозглашенной в "Ислахе" программе, его редактор не давал лишь военной тематики, которая в очень большой степени интересовала мусульманское духовенство. Зато на эту тему (о войне) говорила почти вся остальная мусульманская печать царской России и ее колоний. Но в целом мусульманская печать ни в коей мере не могла ответить (и не отвечала) на те злободневные вопросы, которые волновали даже не порвавших с исламом солдат царской армии.

И такова была не только специально "военная" или сугубо кадимистская мусульманская печать. Таким же характером отличалась даже наиболее "прогрессивная" джадидская учебная и т. п. литература. Например, таковы были издания, как и вся система обучения, ташкентского реформиста Мунаввар-кары Абд-ар-Рашидханова.

В введении к проходившейся на четвертом году обучения в школе Мунаввар-кары 2-й части руководства по родной речи Ахмеда Хаджиева, например, говорилось.

"Благословенный пророк Мухаммед воздвиг столпы мусульманства на земле и запретил мусульманам ссориться, драться, интриговать между собою. И мы, все мусульмане, должны жить, как все близкие родственники, как бы имея одну душу и тело".

По этой джадидской литературе все невзгоды происходили не от господства эксплуататоров, не от существующего классового неравенства между людьми. Наличие классов и классовую борьбу эксплуатируемых против эксплуататоров туркестанские джадиды вообще отрицали. Они сваливали все тяжести эксплуататорского общества с больной головы на здоровую. Во всем виноваты евреи - "больше некому", - этот лозунг царских сатрапов прямо воспроизводится ими. Как мы видели в гл. VII, не чужд этого лозунга был и бухарский джадид Фитрат в его "Рассказах индийского путешественника". Мунаввар-кары в составленном им для новометодных мектебов учебнике по географии "Ер юзи" (Лицо земли) стремился привить эти взгляды и узбекской молодежи.

"Всю торговлю, промышленность и все занятия, которые дают наибольшую выгоду, как-то адвокатская, докторская и др. профессии, забрали в свои руки евреи", - писал он здесь говоря о Туркестане.

Весь пресловутый национализм туркестанских джадидов в этих учебниках, неоднократно переиздававшихся в годы мировой войны, сводился к известному перепеву мотивов о необходимости следовать по пути капиталистических стран - Америки, Европы и Японии. Одновременно джадиды оплакивали утрату "самостоятельности" Кокандского ханства " др. феодальных деспотий. Два стихотворных "песенника" новометодных школ туркестанских джадидов - "Сабзизар" (Цветник) и "Адабиет" (Литература), были наполнены подобного рода чаяниями. В написанном на узбекском языке "Сабзизаре", в стихотворении "Другие нации и мы", например, говорилось:

Как все это было далеко от вопросов, волновавших массы трудящихся, отцов, братьев, сынов и мужей, у которых русское самодержавие брало в ряды нужного ему пушечного мяса!

"Был приказ, - писал с фронта анонимный татарин-солдат некоему Насырову, - чтобы за мусульманами установить строгий надзор, так как мусульмане будто намереваются сдаваться в плен, поэтому на одного мусульманина назначали для надзора по одному русскому солдату.

Нам, мусульманам, это очень оскорбительно и позорно, почему мы все пали духом, так как мы все, как русские, проливаем кровь. Если возможно, сообщите эти сведения редактору газеты для сообщения мусульманам".

Письмо это было задержано царской военной цензурой и поэтому никакому редактору мусульманской газеты не попало. Но по характеру этих газет, как и всей деятельности религиозных организаций ислама, мы можем с уверенностью сказать, что если бы такие письма и попадали к редакторам, то ничего в ответ, кроме совета "безраздельно любить русского монарха и его христолюбивое воинство", авторы таких вестей с фронта не получали бы.

Действительно, и в 1916 и в 1917 гг., как и в первые годы войны, главная задача как мусульманской печати, так и всей "работы" мулл заключалась в мобилизации всех средств на защиту интересов российского милитаризма.

Мусульманская печать в 1916 г. считала, что основными ошибками, совершенными муллами в 1915г., были срывы с их стороны в оказании помощи русскому самодержавию. Факты такие, однако, были единичны. Отмечался, собственно, лишь один такой случай. Это - запрещение муллам Ташкента, под предлогом "противности шариату", организовать "благотворительное" гуляние молодежи с увеселительными зрелищами 16 рамадана, т. е. в месяц мусульманского поста¹³². "Прогрессивные" круги русского мусульманства к этому прибавляли еще свои неудовольствия по поводу победы старо-методников в вопросе об "открытии в аулах Дагестана школ для девочек" и по поводу назначения министром внутренних дел Щербатовым на пост оренбургского муфтия М. С. Баязитова. Но протесты их в этих случаях были исключительно бледны и беспомощны.

"У нас нет политической организации, нет людей, которые захотели бы взять на себя труд подготовить и создать эту организацию и представить свой народ в общественной и политической жизни России как осязательную... общественную и политическую единицу...", - признавался 9 декабря 1915 г. в "Каспии" член мусульманской фракции Государственной думы М. Ю. Джафаров¹³³. Обильными слезами заливалась мусульманская печать по поводу того, что, несмотря на все потуги мусульманской фракции Государственной думы, она оказалась столь маловажной, что для нее не нашлось даже места в образовавшемся в августе 1915 г. "прогрессивном парламентском блоке", ставившем своей целью, по словам Джафарова, "приподнять дух населения и объединиться с правительством"¹³⁴.

В остальном же мусульманская буржуазия и феодально-клерикальная пресса с верноподданнической гордостью отмечала:

"... Истекший год с неоспоримой ясностью доказал, что все иные связи - племенные, расовые, родственные, религиозные, диалектические и пр. - ...совершенно стухают перед одной связью - отечественною, государственною.

... Мусульмане (читай: их буржуазная и феодально-клерикальная верхушка. - Л. К.)... почти всюду лишним раз своим поведением доказали, что к их традиционному консерватизму (откровенно! - Л. К.) во всем, касающемся своего государства, отечества, прибавилось еще сознание основ государственности, гражданственности. Разделившись на два противоположных лагеря (имеется в виду борьба мусульман, с одной стороны, в защиту русского самодержавия и его союзников и с другой - в

защиту Германии - Турции и пр. - Л. К.) и добросовестно выполняя свой гражданский долг, они дали знать цивилизованному (читай - капиталистическому. - Л. К.) миру, что для них идея государственности и идея отечественности - дороже всяких вышеперечисленных связей..."¹³⁵.

И в 1916 и в 1917 гг. мусульманское духовенство дало знать эту свою верноподданность не хуже, чем в 1914-15 гг. 1916 год начался мобилизационными раутами, предлогом для организации которых явился праздник рождения "посланника аллаха" Мухаммеда (мавлюд). В Харькове, в Эривани, в Баку и других местах с 3 по 10 января муллами и мусульманскими "благотворительными" организациями устроены были специальные богослужения с молитвами "за царя и победу его воинства"¹³⁶. Картина проведения этих молений была, по отчетам "Каспия", такова:

"10 января (1916 г., в Баку. - Л. К.) в зале здания "Исмаилийе" мусульманским духовным обществом "Саадет" было устроено торжество по случаю мавлюда... Собралось все мусульманское духовенство, во главе с губернским кадием Джафар-заде. Открыв собрание, кадий прочел хутбу в честь дня рождения пророка, затем помолился о здравии государя императора, за августейшего наместника (Кавказа. - Л. К.) и о даровании победы... русскому воинству... В пользу общества... собрано до 8 тысяч рублей. По окончании торжества в зале духовенство во главе с губернским кадием, вместе с заместителем председателя отдела бакинского мусульманского благотворительного общества по оказанию помощи больным и раненым воинам И.-б. Сафар-Алиевым, обходило палаты в лазарете общества, раздавая находящимся на излечении воинам сласти и подарки. Офицеры от имени воинов благодарили духовенство и заместителя председателя за теплое участие мусульман в их судьбе и за приют, предоставленный им"¹³⁷.

Для 1916 г. последнее было особенно, характерно. Пролетариат, являвшийся единственным классом, которому империалисты не смогли привить шовинистический яд, оказывал огромное революционное антимилитаристическое влияние в тылу и на фронте. "Дух" армии был далеко не верноподданническим. Вернувшиеся в фронты раненые, оставаясь в тылу, в массе своей лишь усиливали рост недовольства существующим режимом насилия и гнета. Буржуазии и феодально-клерикальной верхушке "общества" царской России и ее колоний все это не могло не стать известным.

Встретившись с этим фактом, буржуазно-помещичьи круги самодержавной России приняли ряд контрмер. Одной из них была, например, организация в 1916 г. татарской буржуазией так называемого "религиозного фонда". Создание его якобы должно было улучшить жизнь всех мусульман России. Ко времени Февральской революции, как известно, фонд этот достиг размера в несколько миллионов рублей. Другой постоянно проводимой мерой явилась организация всевозможных "братаний" буржуазии и феодально-клерикальных элементов с "армией". Эпизод этого "братания" мулл с офицерством (солдаты-рядовые в массе своей не шли на это) и был продемонстрирован 10 января 1916 г. на упомянутом "торжестве" в Баку по поводу мавлюда.

Высоко была поднята в 1916 г. муллами и оперативность проведения различных религиозных торжеств в связи с военными "победами" русского оружия. Например, так было с "торжествами" по случаю взятия Эрзерума войсками царской России 16/3 февраля 1916 г.

"5 февраля, - сообщал "Каспий", - в Баку, в джума-мечети... Бакинским губернским кадием... Джафаром-заде было совершено молебствие по случаю взятия Эрзерума. На молебствии присутствовали мусульманское духовенство, все приходские ахунды, почетные мусульмане, мусульманская интеллигенция и представители мусульманских культурно-просветительных и благотворительных учреждений... Собравшиеся в мечети мусульмане (как видим, их эксплуататорская головка. - Л. К.) обратились к кадию с просьбой телеграфно повергнуть к стопам государя императора через августейшего наместника верноподданнические чувства мусульман и готовность их принести на алтарь дорогого отечества все свои силы. Кадий поблагодарил собрание и обещался немедленно выполнить их просьбу. Накануне губернский кадий во главе всего

мусульманского духовенства присутствовал на молебствии в Александро-Невском соборе"¹³⁸.

Телеграмма кадия наместнику Кавказа гласила: "Мусульмане города Баку, восхищенные доблестью славной кавказской армии, сокрушившей под водительством вашего императорского высочества твердыню Турции в Малой Азии, вознеся в... джума-мечети пятого сего февраля господу богу горячие молитвы о здравии его императорского величества, вашего императорского высочества и всей русской армии и о даровании дальнейших побед русскому воинству, просят ваше императорское высочество повергнуть к стопам его императорского величества их беспредельные верноподданнические чувства и готовность принести на алтарь дорогого отечества все свои силы и помыслы к скорейшему одолению дерзкого и упорного врага, к дальнейшему процветанию, силе и славе великой России.

Губернский казий

А. М. Джафар-заде".

Не замедлил и телеграфный ответ. Николай Николаевич писал бакинскому губернскому кадию:

"Сердечно благодарю вас и мусульманское население Баку за их молитвы и пожелания. Верноподданнические их чувства будут мною повергнуты к стопам его императорского величества.

Генерал-адъютант Николай"¹³⁹.

Подобный обмен телеграммами состоялся у наместника Кавказа и с рядом других представителей как городского, так и сельского мусульманского духовенства Закавказья¹⁴⁰. Георгиевское мусульманское общество 7 февраля 1916 г., например, послало Николаю Николаевичу следующую депешу:

"Совершив 6 февраля благодарственный молебен в мечети о благоденствии царствующего дома, местное мусульманское общество приносит вашему императорскому высочеству поздравление по случаю взятия турецкой крепости Эрзерум, желая дальнейших успехов доблестной русской армии. Представитель общества Гуль-Мамедов".

При этом состоялась следующая полемика между некими "Мусульманином" из "Закавказской речи" и армянской газетой "Арев".

Восхваляя доблесть русского оружия, "Арев", между прочим, писал, что "эрзерумское поражение (турок. - Л. К.) есть окончательное поражение всего ислама". Понятно, это не в бровь, а в глаз било тем, кто смотрел на ислам, как на острое оружие в руках русского самодержавия его союзников. Не выдержав, эти круги, в лице упомянутого Мусульманина, "воссылая... молитвы к престолу всевышнего о дальнейших успехах русского оружия", выступили с ответом армянской газете в "Закавказской речи".

"Почему забывает эта близорукая газета, - писал Мусульманин по адресу "Арева", - что Россия воюет против Турции, а не против всего мусульманства, и что в рядах русской армии, как и армий союзных с нами держав, храбро борются сотни тысяч мусульман?"¹⁴¹.

Для того, чтобы понять, сколь было гнусно "преклонение перед величием эрзерумской победы" со стороны этих мусульман, считавших себя представителями исповедующих ислам народов, достаточно сказать, что ее действительное значение заключалось в порабощении новых сотен тысяч мусульман царской Россией, этим средоточием наиболее бесчеловечных и варварских форм капиталистического, колониального и военного гнета. Кроме этого, прославление эрзерумской победы, объявление имени Николая Николаевича "бессмертным" и т. п. идеализировало самое отвратительное, самое подлое и бездушное русское командование. Ибо притчей во языцех во время мировой войны был Кавказ; его называли тогда "забытым фронтом".

"Война на Кавказе, - говорил на конференции кадетской партии в июне 1915 г. член ее фракции М. И. Пападжанов, "вернувшийся с кавказского фронта в 20 числах апреля", - началась 10 октября (1914 г. - Л. К.), русские первые перешли границу и, следовательно, должны были быть готовы к атакам. 28 октября произошло уже сражение. В печати о нем, конечно, нельзя было рассказать всю правду: русские

потеряли 1000 убитыми и около 8000 ранеными. Причиной таких громадных потерь было то, что у войск в течение пяти дней не было хлеба и в течение 3 дней патронов. Войска в панике бежали 40 верст, а штаб скорее, чем надо, к Сарыка-мышу... Враг... был гораздо слабее. Таково было первое проявление нашей халатности. Такой же характер имели и сарыкамышские события в декабре... Мало считался Тифлис с истинным положением вещей. В результате турки под Сарыкамышем чуть не отрезали нашим войскам тыл..."

Действия царской России в Иране (Персии) тогда же способствовали тому, что, как отмечал Пападжанов, - "целые деревни (айсоров) поголовно были вырезаны курдами".

"И сейчас на Кавказе, - отмечает этот кадет дальше, - мы продолжаем оставаться в тех же условиях... Как и в других местах, на Кавказе русские войска испытывают большой недостаток в орудиях и в припасах... Десант, предназначенный для Кавказа, отправлен был в Галицию!.. Только персидский район оборудован Красным крестом, и там не имеют ни бань, ни смены белья. Старые губернаторы, действующие по инструкциям из Петербурга, усердствуют по-прежнему. Подобно тому, как на Западном фронте прославился своими националистическими затеями епископ Евлогий, на Кавказе фигурирует попечитель учебного округа Данилов, который ездит в прилегающие персидские владения и измышляет способы открытия новых русских школ... Взаимная резня христиан и мусульман в Карсе, освещаемая печатью и администрацией с совершенно разных точек зрения, заставляет думать, что есть официальное предписание сеять смуту между народностями Кавказа... Что касается дорог, то на Кавказе они в невозможном состоянии, и когда говоришь: "Да это прямо государственная измена в течение четырех десятилетий держать дороги и шоссе в таком виде!" - на это отвечают: "Не паркетные же им устраивать!"¹⁴².

Такую картину являла "мусульманская" вотчина Романовых даже в изображении российского кадета! Действительность, конечно, была во много раз мрачнее.

Каждый шаг к осуществлению захватнических планов русского царизма приветствовался и впредь мусульманским духовенством. Уроки "отца" русского джадидизма И.-б. Гаспринского (см. гл. VII) не пропадали даром. Реализация милитаристических планов русского самодержавия принимается и толкуется муллами как движение России к ее "естественным границам". Так они встречают не только взятие Эрзерума, но и дальнейшее направление русской армии к Трапезунду и Эрзинджану при одновременном проникновении отряда Баратова через западный Иран (Персию) к границам Месопотамии, на соединение с английскими войсками.

Напутственные и благодарственные богослужения и град верноподданнических телеграмм отправляют в это время муллы Закавказья и других мест царской России по адресу ее кровавого "венценосца". Программы происходящих религиозных праздников ислама пронизываются подобной военной тематикой. Их богослужения имеют обычно такой вид:

"В Тифлисе 19 июля (1916 г. - Л. К.)... в мечети по случаю праздника ид-ул-фитра заместителем закавказского муфтия Аллаэдин эфендя Субханкуловым совершено было торжественное молебствие по случаю последних военных успехов и побед русского оружия над врагом. Молебствие закончилось провозглашением многолетия государю императору, государыням императрицам, наследнику цесаревичу, августейшему наместнику на Кавказе и супруге его и всему царствующему дому, а также многолетия победоносному российскому воинству"¹⁴³.

Учитывая это реакционное значение мусульманского духовенства, военное командование русской армии в 1916 г. значительно увеличивает число военных мулл. В задачу их оно ставит принятие всех мер к искоренению революционных идей среди "нижних чинов армии". И мусульманское духовенство, по мнению царских сатрапов, в этом хорошо успевало. За такую "отлично-усердную службу", например, мулла штаба Кавказской армии Науман Терегулов был "государем императором, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, пожалован... орденом Станислава 3-ей степени"¹⁴⁴.

Работа военных мулл, как и в 1914-15 гг., не ограничивалась одним фронтом. В

задачу военных кадров мусульманского духовенства существенным пунктом входило введение в заблуждение и тыла путем распространения лживой информации о положении в действующей армии. Прodelывалось это "духовными отцами" ислама с привычной им ловкостью. Так, летом 1916 г., когда в письмах с фронта татары-солдаты писали, что "на позиции остались одни дети да старики", которые "не могут нести винтовок" и "сидят в окопах и плачут" (письмо Кафафеддинова Мухаммеддинову в д. Абсолямово), прибывший в Уфу военный имам N дивизии А. С. Ягубов сообщал, что "дух войск великолепный". С радостью он замечал при этом также, что "в настоящее время очень много имамов назначены в войска для совершения необходимых религиозных обрядов"¹⁴⁵. Почти в то же время те же "чувства" выражал военный имам 75-й пехотной дивизии Рахматулла Хамзин, передавая газете мусаватистов "Ачыг соз" "благодарность от имени воинов-мусульман за присланные подарки"¹⁴⁶.

Несколько ранее "проездом на свою родину... военный имам при второй армии Фатых-эфенди Габидуллин" не менее лживо информировал о положении на фронте читателей оренбургской газеты "Вакт". В № 1990 от 27 февраля 1916 г. этой газеты он рассказывал, что якобы "на Западном фронте теперь русские очень хорошо подготовились, снарядов много, дух солдат бодр. Очень большое доверие здесь оказывают солдатам-мусульманам". Реально последнее выражалось в том, что, как писал, например, рядовой татарин Ш. Фаткуллин в письме с фронта от 15 декабря 1915 г. Ф. Хуснудинову в г. Мамадыш, георгиевский крест ими рассматривался не как награда, а всего лишь как некоторая защита против постоянно получаемых от начальства побоев, "подзатыльников и ругани".

Прав был мулла Габидуллин лишь в одном. В привитии армии верноподданнических чувств, в стремлениях к подъему ее патриотического духа, в проповеди в ее рядах наиболее рабских чувств и настроений к "своим" господам - золотопогонники были весьма обязаны и признательны мусульманскому духовенству. "Поэтому, - справедливо замечал имам Габидуллин о действующей армии, - здесь к военным имамам начальство (а не солдаты! - Л. К.) относится с большим вниманием. Жалование также очень хорошее, от 400 руб. до 550 руб. в месяц"¹⁴⁷. И это при 75-копеечной зарплате рядового голодной и раздетой армии!

Рука руку мыла.

За заслуги по организации верноподданнической деятельности мусульманского духовенства в тылу и на фронте был в 1916 году награжден орденом Станислава 2-й степени оренбургский муфтий М. С. Баязитов¹⁴⁸. Тогда же получило награды и очень большое число других деятелей русского мусульманства. Списки их широко публиковались в повременной печати¹⁴⁹.

Муфтий Баязитов был достоин полученной им от царя награды. Он делал все для наибольшего закабаления исповедующих ислам народов под скипетром русского самодержца. Как ставленник охранки, - он согласовывал каждый свой шаг с планами своих именитых начальников. К этому призывал он и все свое "святое" воинство - всех вверенных ему мулл.

Назначение председателем совета министров Б. В. Штюрмера (1848 -1917 гг.) муфтий Баязитов приветствовал специальной поздравительной телеграммой. Принадлежавший к правому крылу государственного совета Штюрмер, хотя и был известен как германофил, провозгласил своей программой войну до победного конца. В период его председательствования в совете министров (с 20 января по 10 ноября 1916 г.), в феврале и марте 1916 г., зверски было подавлено царскими войсками национально-освободительное восстание народов Хивинского оазиса. Штюрмером же были приняты драконовы меры по подавлению восстания в Средней Азии в 1916 г. ... "Если... простой бы суд собрался судить Штюрмера, то, - как заявил 15 декабря 1916 г. член Государственной думы кадет Аджемов, - ...довольно ясных косвенных улик для того, чтобы этот человек давно бы вместо обер-камергера сделался простым, лишенным прав и приговоренным в арестантские работы человеком"¹⁵⁰. И это даже с точки зрения капиталистической кадетской морали Аджемова.

Но нам как-раз и важно здесь установить, что бывший ярославский и тверской

держиморда, душитель национально-освободительного движения "мусульманских" народов Штюрмер был другом главы крупнейшего муфтиата царской России. Недаром в дни его господства колонизаторы пользовались в своей переписке исламом и вообще призывом к богу как дипломатическим оружием. Так, 22 января 1916 г. начальник Аму-Дарьинского отдела, полковник Колосовский, подавлявший восстание народов Хивинского оазиса, в своем отношении к Джунаид-хану и другим иомудским мухедарам писал:

"Мне странно, почему все почетные туркменские люди, наподобие разбойников, собрались с оружием в руках вокруг города, в котором проживает хивинский хан с милостивого соизволения великого белого царя и где нахожусь я, представитель русской власти. Пусть великий аллах не отнимает разума от главарей туркменского народа и не лишит их ясности зрения".

И далее, он предлагал феодально-родовой верхушке туркмен "распустить с богом по домам народ", ибо якобы "всякое скопище людей дорого стоит бедным людям, волнует мирных жителей, родит плохие мысли в головах дурных"¹⁵¹. Отвечая на посланную Баязитовым от имени "мусульман России" приветственную телеграмму, Штюрмер писал:

"Уважаемый Мухаммед Сафа Атауллович!

Выражаю свою искреннюю благодарность за посланную вами от имени русских мусульман приветственную телеграмму. Надеюсь, что с божьей помощью выставленные на политическую арену нынешними тяжелыми обстоятельствами вопросы найдут благоприятное разрешение.

Прошу принять мое искреннее к вам почтение и полную преданность

Борис Штюрмер"¹⁵².

Несколько позднее аналогичная гласная переписка состоялась между Баязитовым и Николаем II.

18 июля 1916 г., избрав предлогом проведение фитр-байрама, оренбургский муфтий послал кровавому самодержцу такую депешу:

"Царская ставка. Верховному главнокомандующему, государю императору.

Ваше императорское величество. Сегодня мусульмане города Уфу и других местностей, собравшись на торжественные богослужения по случаю... рамазан-байрама, вместе со мной совершили молебствие о здравии и благоденствии вашего императорского величества и всей августейшей семьи. Я и моя паства дерзаем повергнуть к стопам вашего императорского величества чувства верноподданнической любви и преданности. Безгранично счастливые успехами наших доблестных войск под верховным водительством вашего императорского величества, возносим всевышнему аллаху горячие молитвы о полном сокрушении дерзких врагов, во славу великой нераздельной России и державного ее повелителя, также на счастье многочисленных народностей ее, в том числе верных сынов вашего величества - мусульман.

Вашего императорского величества верноподданный оренбургский муфтий Мухаммед Сафа Баязитов".

Из ставки верховного главнокомандующего Баязитов получил следующую ответную телеграмму:

"Благодарю вас и всех мусульман, собравшихся на торжественное богослужение по случаю рамазан-байрама, за молитвы и выражение верноподданнических чувств. Высоко ценю доблесть многочисленных мусульман, сражающихся в рядах нашей храброй армии.

Николай"¹⁵³.

Мы отмечаем эту переписку не из-за ее "биографически-мемуарного" характера. Она имела глубокие социально-политические основания.

"...Во время империалистской войны, - отмечал в докладе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. т. Сталин, - сами империалистские группы воевавших держав вынуждены были апеллировать к колониям, откуда они черпали людской материал, из которого создавались войска. Несомненно, что этот процесс, процесс неизбежной апелляции империалистов к отсталым народностям колоний, не мог не разбудить эти племена и народности к освобождению, к борьбе"¹⁵⁴. Он явился первым фактором развития

"национального вопроса в вопрос общеколонизальный"^{154a}.

В 1916 г. русское самодержавие предприняло такую апелляцию к колониям, издав императорский указ от 25 июня (8 июля) о "реквизиции на тыловые военные работы инородческого населения империи" в возрасте от 19 до 31 года включительно.

Царизм боялся, что такой акт может повести к большому революционному взрыву, и потому пошел на него, неохотно. "Пребывание инородцев в армии, - докладывало военное министерство русскому правительству в 1915 г., - не сделает их преданными России, но научит действовать оружием, поэтому не следует засорять ряды русской армии подобными инородцами. Исторический опыт показал, что попытки формировать на окраинах туземные части приводят к одному и тому же результату: эти части приходится расформировать, как только в данной окраине начинает обостряться национальный вопрос"¹⁵⁵.

Однако захватнические планы русского царизма требовали все новых и новых поставок пушечного мяса. В целях его получения пришлось обращаться к колониям. Между тем колонии уже в то время были далеко не спокойны. Агенты царской охраны уже в 1914 г. писали, что "слухи о готовившемся будто бы восстании туземцев начали поступать"... "с разных мест Туркестанского края еще с прошлого" (1913) года. Такие же слухи "особенно упорно циркулировали во время войны Турции с коалицией Балканских государств", т. е. в 1912-13 гг.¹⁵⁶. Фискальный гнет в русских колониях, доведенный до предела в годы мировой войны, вызвал массовые недовольства. Росла дороговизна. Неимущая часть населения окончательно разорялась, попадая в кабалу к государству и местным эксплуататорам.

"Только в Ферганской области, - писал генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин в рапорте царю "о причинах, кои в течение последних 30 лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп туземного населения Туркестана", - за 1914 и 1915 гг. предъявлено было к взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 миллионов рублей.

...За долги у туземцев продавали во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь"¹⁵⁷.

При этом, как мы уже говорили, насильно выколачивались из колоний еще и различные "пожертвования" на войну. Согласно "всеподданнейшему" докладу Куропаткина сумма этих "пожертвований" по одному Туркестану составила 2 400 000 рублей. Однако, как верно замечал исследователь "к этой цифре нужно, прибавить еще один нуль, чтобы иметь приблизительное представление о том, какую сумму население должно было выложить по случаю войны, помимо возросших налогов"¹⁵⁸.

Но, несмотря на все это, муллы, называвшие себя "отцами народа", ревностно взялись за оказание всемерной помощи русскому самодержавию людским материалом для армии. И это не только после издания указа от 25 июня (8 июля 1916 г.), но и до него, в период его государственного дискутирования.

Туркестанский джадид ходжа Махмуд Бех-буди на параде 21 октября 1914 г. в Самарканде в своей обращенной к губернатору речи "между прочим, высказал пожелание, чтобы туземцев Туркестана скорее брали в солдаты.

Этим, - говорил Бех-буди, - туземцы воочию доказали бы свою патриотическую готовность (!) сложить свои головы за честь своего великого русского государя".

То же он повторил и в 1915 г., советуя в своем журнале "Ойна" народам Средней Азии, угнетенным русским военно-феодальным империализмом, "сохранять... спокойствие" и "не слушать глупых слухов..."¹⁵⁹. Сделанная им при этом ссылка на "андижанского глупца ишана" являлась лишь "дипломатическим" покровом для предостережения населения Туркестана от возможных национально-освободительных антиправительственных выступлений. Так даже словесная шелуха борьбы джадидов с кадимистами служила русскому самодержавию.

Подобным образом трактовал вопрос о призыве в армию угнетенных народов царской России и другой "идеолог" русского мусульманства, тагиевский слуга Д. Дагестани.

"Одной из крупных перемен в правовой и политической жизни русских мусульман, - писал он в обзоре "Мусульманская жизнь в 1915 г.", - безусловно нужно считать

факт признания правительством необходимости привлечения к отбыванию воинской повинности натурой тех групп мусульман, которые - по действующим законоположениям не отбывают ее. В первую очередь, по проекту военного министерства, к отбыванию воинской повинности будут привлечены киргизы, выказавшие за эту кампанию прекрасные боевые качества. Затем, вероятно, очередь будет и за кавказскими мусульманами, которым, наконец, дается возможность хоть на этом поприще получить равноправие с остальными гражданами империи"¹⁶⁰.

Таким образом, решение русского самодержавия, направленное не только к духовному и экономическому порабощению, но и к физическому уничтожению лучших сынов угнетенных им народов, истолковывалось джадидами как мера их национального освобождения! И этих самых джадидов очень многие, как мы уже отмечали, считали подлинными революционерами! Деятельность их была делом указных мулл: совместно они гнали на империалистическую бойню ни в чем не повинные народы.

К ним - муллам, кадимистским и джадидским, в чалмах и без оных, - обратились в первую очередь русские власти с предложением агитации за ту меру, "спешность и необдуманность" которой была признана даже Николаем Кровавым¹⁶¹. Переданная по телеграфу 25 июня (8 июля 1916 г.) Штюрмером и тотчас же объявленная местными губернаторами населению, эта мера не могла не вызвать бурю негодования у угнетенного царской Россией населения Туркестана. Указ о наборе на военные тыловые работы явился спичкой, которая, попав на туркестанскую почву, взбудораженную удесятирившимся в годы войны гнетом колонизаторов и местных (туземных) эксплуататорских классов, зажгла пожар грандиозного национально-освободительного восстания, пожар колониальной революции народе в Средней Азии.

Какова же была линия поведения мусульманского духовенства в этом восстании? Вопрос этот особенно интересен, так как еще до самого, недавнего времени в литературе часто можно было встретить утверждения, что муллы и ишаны - кадимисты, так же как и джадидаы являлись в это время чуть ли не самой непримиримой силой в среде туземного населения. Каковы же были причины и формы их участия в восстании?

Что касается объявлений губернаторов, извещавших население об императорском указе 25 июня (8 июля 1916 г.), то муллы в этих приказах неизменно приводились в числе лиц, которые должны служить верными проводниками этого указа в массы.

"Приглашаю аксакалов, почетных и уважаемых киргизов, духовных лиц, волостных старшин и управителей, сельских старост и аульных глубоко проникнутых истинным смыслом высочайшего повеления и теперь же озаботиться правильным разъяснением оного киргизскому населению", - писал, например, в своем воззвании и. д. военного губернатора и главнокомандующего, Уральской области¹⁶².

Иногда "высочайшее повеление" и непосредственно передавалось властями через мулл. Как отмечал член Государственной думы Джафаров, "в Ташкенте высочайшее повеление о привлечении туземцев на тыловые работы было объявлено через...*десятников и имамов"¹⁶³. Богданский участковый пристав П. М. Борило (Борилло) 8 августа 1916 г. также показал, что по его требованию "в Богдане (Джизакского уезда.- Л. К.) собраны были... пятидесятники, старшины, ишаны и ходжи, все почетные люди, так как 15 июля ожидалось прибытие уездного начальника для производства набора в рабочие, т. е. на тыловые военные работы".

"14 июля, - продолжал свои показания пристав Борило, - с утра вошла ко мне во двор толпа черни человек 100, но вели себя смирно и никаких заявлений не делали. Вскоре пришли вызванные мною почетные лица, и чернь уступила им место. Я влиял на почетных лиц, чтобы сдерживали чернь, чтобы охранить мой участок от беспорядков. Джевачи (глава одного из подразделений рода бухарских эмиров Мангыт, крупнейший богач и "святоша" хаджий. - Л. К.), мулла Абдулла (знатный глава другого подразделения рода Мангытов. - Л. К.) и другие обещали мне это, и, чтобы повлиять на чернь, чтобы доказать черни, что волноваться нельзя, они публично клялись в мечетях не принимать участия со своими людьми в беспорядках, возникших в Джизаке. По просьбе этих лиц я перешел в дом Джевачи, так как они говорили, что

своих-то могут сдержать, но чужих, может, им не удастся сразу, но если со мною случится что-нибудь, то чернь бросится и на других русских. Я так и сделал..."

Мера эта была не напрасна. В Джизаке в составленные к 12 июля 1916 г. иликбашами (пятидесятниками) списки подлежащего призыву населения была включена почти исключительно одна беднота: "знатные" лица - байы, ишаны, муллы и им подобные - в них не попали. Уже в ночь на 13 и утром того же числа в Джизаке весть об этом вызвала массовое недовольство. Бедняки силой отобрали списки призываемых и убили угрожавшего им револьвером районного управителя мирзу Яр Худоярова. Сожжено было и его управление. Слух об этом тотчас же широко распространился по районам и привел сотенную "толпу черни" во двор пристава Борило. Трудящиеся узбеки не хотели идти защищать интересы кровавого "белого царя". Его власть была им ненавистна. Поэтому они решили уничтожить эту власть и расправиться с российскими чиновниками и их агентурой - туземной администрацией.

Кто же стремился сорвать успешность развертывания этого массового революционного движения? Делали это различные прослойки эксплуататоров Средней Азии, в числе которых далеко не последнее место занимали муллы, ишаны, кадимисты и джаиды в чалмах и без чалмы.

В рассмотренном уже нами случае, в Богдане, Джизакского уезда, являвшемся "житницей Туркестанского края"¹⁶⁴, - они пытались это сделать с помощью клятв на Коране в мечети и т. п. "богослужебных" церемоний. Однако как к этому отнеслась масса? Стояла ли она на стороне "своих" эксплуататоров - мулл, ходжей, ишанов и им подобных? Пристав Борило отвечает на это:

"14 (июля. - Л. К.) вечером, - показывает он, - я перешел опять к себе в дом переночевать... Ночью туземец какой-то (конечно, из верной эксплуататорам челяди. - Л. К.) сообщил мне, что чаталики (т. е., очевидно, бедняки и примкнувшие к ним слои; "сомнительные, подозрительные", от турецкого "чаталик". - Л. К.) собираются убить меня ночью, так как днем ишаны и ходжи меня берегут"¹⁶⁵.

Та же картина была и в других местах. Вот документы, которые говорят об этом:

1. "Телеграмма из Ташкента от генерала Ерофеева на имя военного министра от 23 сего июля 1916 г. за № 5293.

Двадцать второго июля собранные военным губернатором Семиреченской области волостные и почетные лица от туземцев Верненского (Алма-Атинского. - Л. К.) уезда свыше тысячи человек для выяснения подробности призыва рабочих единогласно просили верить, что кривотолки (!) стали им понятными и что, если государю угодно, все киргизы Верненского уезда поедут на работу и даже в войну. Весьма приподнятое настроение толпы выразилось выходом вперед мулл для молитвы за царя и воодушевленным "ура" в честь государя императора и доблестной армии (по приказам офицерства расстреливавшей в это же время в Средней Азии сотни и тысячи трудящихся, стремившихся скинуть с себя иго поработившего их русского самодержца. - Л. К.), растроганные старики (охотно шедшие на обман и насилие над трудящимися своего народа ради собственных выгод. - Л. К.) говорили, что все будет исполнено, как им приказано"¹⁶⁶.

"Каспий" 2 августа 1916 г. сообщал:

2. "По донесению андижанского уездного начальника, в Андижане был собран съезд пятидесятников, почетных лиц, мулл, ремесленников, торговцев и прочих представителей населения (т. е. была собрана его эксплуататорская верхушка. - Л. К.)... для решения вопроса о поставке рабочих, согласно высочайшему повелению... Собралось свыше 900 человек... Собравшиеся единогласно постановили дать рабочих. После краткой молитвы за царя народ разошелся по домам"¹⁶⁷.

Народные массы Андижана, конечно, далеко не были склонны подписываться под "единогласным" решением их "представителей". Доклад ферганского военного губернатора Иванова в декабре 1916 г. сообщал, что еще 9 июля "при объявлении в мечети "джами" 2-й части г. Андижана высочайшего повеления, толпа туземцев, около 500 человек, категорически отказалась дать рабочих, причем угрожала перерезать всю туземную администрацию, после чего устремила по направлению к русской части города, бросая в препятствовавших движению толпы казаков и полицию камнями,

кетменями и палками, почему по приказанию начальника уезда, дабы воспрепятствовать дальнейшему движению толпы к русской части города, был открыт ружейный огонь, и толпа рассеялась, оставив троих убитых и 8 раненых"¹⁶⁸.

То же самое, подчас даже в более грандиозных размерах, было и в других местах.

Характерно, что джаиды и различные "мусульманские национально-культурные общества" и т. п. организации в основном выполняли ту же роль, что и официальные круги мусульманского духовенства. Например, двумя видными туркестанскими джаидами в связи с призывом "инородцев" в тыловое ополчение была издана на узбекском языке брошюра, которая в стихотворной форме ратовала за необходимость исполнения указа российского самодержца. "Да здравствует царь, да здравствует белый царь!" - таков был основной лозунг этой брошюры"¹⁶⁹. То же провозглашали и казахские интеллигенты - байские подголоски алаш-ординцы. В своей газете "Казак" они в 1916 г., в связи с призывом "инородцев", писали, например, следующее:

"...Приказ царя - истина, и ему возражений быть не может, подобно тому, как говорится "приказ тверд - душа сладка", - приказа мы не можем не выполнить...

Если народ считает унижением призыв на черную работу, в таком случае надо скорее выполнить приказание посылать людей на работу с тем, чтобы потом можно было бы сказать, что мы вот выполнили приказание, хотя призывать нас на эту работу не следовало, и проситься потом на военную службу на общих началах. Это будет верно"¹⁷⁰.

Или еще:

"Всем нельзя откупиться (от призыва. - Л. К.) за деньги (хорошо известно, что по силам это было лишь эксплуататорской верхушке населения. - Л. К.).

Теперь нечего пугаться, горячиться... Зря шататься, ездить - бесполезно... Мир в таком положении не останется, кончится и война. Тогда и будут оценивать службу каждого. Тот, кто не посеял и проспал, тому ничего не достанется, да и претендовать он ни на что не сможет. Если мы претендуем на равноправие, то нужно уже сейчас глубже подумать над этим: "что посеешь, то и пожнешь".

...Мы боремся за реализацию приказа царя среди "Алаш без всякого сопротивления"¹⁷¹.

Итак, не борьба против русского самодержавия, а, наоборот, борьба за выполнение его приказаний должна была привести к национальному освобождению казахского народа! Такова была "революционность" этой партии (вернее - группировки). Линия ее была линией байства, связанного с русским военно-феодалным империализмом. А байство в лице, например, крупного киргизского манапа из рода Солто Чолпонкула Тынаалина, содержателя трех мечетей и отца муллы, предало в руки царских чиновников "несколько сот киргиз, готовившихся примкнуть к восставшим, за что они и были расстреляны"¹⁷².

Неверно было бы, однако, думать, что все без исключения байство, все в целом мусульманское духовенство и все родственные им круги коренного населения Средней Азии, не проявляя никаких шатаний, неизменно со дня издания указа 25 июня (8 июля) 1916 г. стояли на страже интересов русского самодержавия. Нет. Тотчас после издания этого указа туземная эксплуататорская верхушка проявила целый ряд серьезнейших волнений. Отдельные ее группы шли на разные антиправительственные провокации. Они вступали даже в ряды борцов развертывающейся национально-освободительной борьбы народов Средней Азии против русского самодержавия. Чем же это объясняется? Помимо того, что у некоторой части власть имущей верхушки среднеазиатского общества сохранялись еще не совсем изжитые сепаратистские иллюзии (см. например гл. II, VII), еще и тем, что в указе от 25 июня (8 июля) туземные насильники не нашли указаний на непосредственную защиту своих классовых интересов. Участвуя в борьбе против русского самодержавия, эти группы заботились поэтому исключительно о том, чтобы выговорить себе у царизма нужные им льготы. На спинах трудовых масс туземные эксплуататоры стремились проложить себе путь к получению необходимых для них лазеек для благополучного минования "рифов" царского указа о наборе "инородцев" в тыловое ополчение. *Ex ungue leonem* - по когтям узнают льва, - говорили латиняне. По действиям эксплуататорской

головки в среднеазиатском восстании 1916 г. можно судить о ее истинных намерениях. Действительно, поведение этих групп говорит о том, что ставка туземных насильников на получение для себя льгот дала свои результаты. Мимо этого факта не могли пройти даже российские чиновники. Например, киргизский уездный начальник доносил тургайскому губернатору 7 января 1917 г.: - "Немалую роль в деле создания беспорядков, выполнили и аксакалы. В начале они, прячась за спины других, поддерживали волнение, так как отдавать своих детей не хотели. Когда же последовало распоряжение о предоставлении льгот состоящим на службе в правительственных учреждениях, а также пастухам казенных гуртов и др., то аксакалы умело все эти льготы использовали для себя и для своих родственников, и, наконец, последняя льгота, предоставляемая скотовладельцам 300 голов, дала возможность многим состоятельным киргизам освободиться от призыва... Для значительной части аксакалов призыв не представлял какой-нибудь тяготы, и они, переменив свой фронт, стали уже сторонниками выполнения высочайшей воли..."

И таков был путь не только аксакалов, но и мусульманского духовенства. Об этом повествует очевидец и участник восстания 1916 г. т. Балтабай. Вот отрывок (стиль подлинника сохранен) из его, воспоминаний:

"...Неожиданно появляется высочайший указ от 25 июня о реквизиции казаков, в возрасте от 19 до 31 года включительно, на тыловые работы.

...Недобрая весть с быстротой молнии разнеслась по всем уголкам степи. Рыдания, истерики, случаи разрыва сердца, умопомешательства и т. д. Хозяйственная жизнь в степи замерла... (Такие картины стали обыкновенными. - Л. К.). Толпа верховых джигитов, между ними пешие. На курганах сборища. Режут коров, баранов, верблюдов (совершают "святое" жертвоприношение. - Л. К.). Собрались аткаминеры (т. е. феодально-родовая верхушка казакского аула, облеченная рядом чиновничьих полномочий. - Л. К.), духовенство, интеллигентчики (очевидно, автор имеет в виду алаш-ординцев и им подобных "идеологов". - Л. К.). Муллы сидят с закрытыми глазами и делают глубоко трагический, скорбящий вид. Люди, стоя в очередь, подходят к ним и дают деньги - пожертвования. Мулла поднимает руки, кругом обритые губы что-то шепчут, глаза на миг открываются, широкие рукава муллинской ризы, как барабан паровой молотилки, беспрерывно проглатывают деньги...

Духовенство в категорической форме дает "фатаву" (разъяснение) джигитов никоим образом не давать. Нужно умереть, сражаясь с войсками царя, а на фронт не идти. Убитые мусульмане будут "шахиты" (праведники), - так гласит "белый шариат"...

Недолго обсуждали, - вспоминает дальше т. Балтабай об этом сборище, - и решили отправить делегацию в уезд, в число делегации попал и пишущий эти строки. Подъехали к уездному городу... В семи верстах остановились. Людей тысячи. Все делегаты от аулов и волостей. Духовных отцов и тут много. Идолопоклонство все продолжается. "Рукава" продолжают свои автоматические движения. Уездная администрация категорически призывает представить список реквизируемых... Толпа обсуждает и решает послать делегацию в Уральск.

Приезжаем в Уральск. На меновом дворе тысячи представителей. Половина представителей - муллы. Обсуждаем вопрос. Отправляем делегацию к губернатору.

Делегацию встретил полицмейстер города Уральска Арон Каратаев. Около речки Чагон, что на окраине города, Каратаев устроил совещание. Совещание было окружено войсками. Полицмейстер Каратаев задал собранию вопрос: "кто не хочет исполнить царский приказ?" Гробовое молчание. Вопрос повторился. Тогда один из делегатов еле слышным голосом произнес: "как не хотеть, хотим, но не будет ли у царя каких льгот"... Каратаев тогда заявил, что льготы, конечно, будут, но для этого нужно подать заявление. А пока разъезжайтесь и приступите к составлению списков.

Совещание разошлось. Решили подать заявление... Масса безмолвствует...". Эксплуататорской верхушке казахского аула этого только и было нужно. Решительное слово, хотя бы и в виде обещания со стороны великодержавного начальства, были сказано.

"Начались, - продолжает т. Балтабай, - частичные репрессии. Из Каракульской,

Чиликской, Бурлинской и других волостей арестовано масса казаков (впоследствии 8 человек было повешено). Возбужденное настроение постепенно успокоилось. Богачи и аткаминеры приступили к исправлению посемейных списков; переправить возраст стоило больших денег. Даны были льготы. Богачи путем дачи взяток записывали своих сыновей (для освобождения от мобилизации в тыловое ополчение. - Л. К.) в муллы, в конюхи, в писаря и т. д. Взятки неимоверные. Начались приемы (т. е. призыв. - Л. К.). Приемные комиссии тоже взяток не обошли. Пошла сплошная торговля. Слепые, глухие, паршивые, люди с грыжами и т. п. продавались как подставные на вес золота.

...В результате оказалось, что реквизированы одни бедняки и ни один богач, сыновья аткаминеров и мулл не были реквизированы... К моменту приемов (призванных. - Л. К.) муллы стали давать "фатаву" совершенно противоположного характера (тому решению, фетве, которое они давали, не получив еще ни обещания, ни льгот, см. выше.- Л. К.), а именно: "Коран повелевает не прекословить воле власти".

Так кончилась реквизиция. Но население покоя все же не видело..."¹⁷³.

Часто бедняцкие трудовые массы туземного населения не давали выйти сухой из воды и эксплуататорской верхушке - муллам, ишанам и К°. Последние же после получения льгот стремились ускользнуть от народного гнева. Характерно отмечая это, например, тот же иргизский уездный начальник, в уже цитированном нами выше своем донесении тургайскому губернатору.

"...Те, - писал он, - которые составляют громадное большинство, те, кто по своему имущественному положению все время были в подчинении у аксакалов, увидев их игру (на примере "перемены фронта" после издания царскими властями "льгот". - Л. К.), ответили им, что они не хотят больше работать на них и служить за них и потому на работы по призыву не пойдут. Так как на стороне последних была громадная численность, а таким образом и сила, то они в свою очередь стали принуждать аксакалов присоединиться к ним. Не подчинившихся они уводили силой, угоняли их скот, грозили убийством и пр. Часть аксакалов пошла за ними, другие... (для) сохранения своего имущества показывали вид, что соглашаются с ними, и лишь немногие (те, которые даже путем лукавства не имели надежды уйти от тяжкого для них приговора народного суда. - Л. К.) бежали под защиту власти (великодержавных насильников. - Л. К.) в оседлые пункты".

Из сказанного становится ясным, почему избравшиеся восставшими ханы, как подчеркивает иргизский уездный начальник, "не везде пользовались почетом. Был случай, - говорит он, - в Талдыкской волости (Иргизского уезда, Тургайской области. - Л. К.), где в ханы насильно назначили аксакала Телегенева в наказание ему за нежелание присоединиться к мятежникам и за его преданность правительству"¹⁷⁴. Настороженность восставших к таким "ханам" была понятна. Такие главари часто только и ждали удобного случая, чтобы предать интересы народа. За примером ходить не далеко. В той же Тургайской области и одноименном уезде после неудачной попытки восставших в ноябре 1916 г. овладеть г. Тургаем вошедшие в их среду байские элементы, во главе с так называемым аргынским ханом Оспаном Чулаковым, открыто перешли на сторону царизма. Муллы при этом не составили исключения.

В других случаях эксплуататорская верхушка стремилась использовать свое участие в восстании в целях его срыва как изнутри, так и извне. Кулацко-байская верхушка принимала все меры к тому, чтобы не допустить организации широкого фронта восстания; она пыталась свести его к отдельным, неодновременным и разным по месту вспышкам народного гнева. Разновременность же восстания давала лишние козыри в руки самодержавных усмирителей, имевших возможность маневрировать своей военной силой. Картой в руки сатрапам русского военно-феодалного империализма было и использование восставшими массами религиозных лозунгов в качестве политического оружия. Идея выдвижения таких лозунгов безусловно принадлежала мусульманскому духовенству, как выразителю кулацко-байских интересов. Духовенство же использовало разные компромиссные формулы по вопросу обращения неверных в ислам как средство к сохранению жизни тех представителей русского самодержавия, которые попадали в руки восставших. Примеры пояснят нам это.

Уже 12 июля 1916 г., в первый день восстания в Джизакском уезде, предложением "принять мусульманство" ишан Заamina до 12 часов дня сдерживая восставших дехкан от активных действий против зааминского участкового пристава надворного советника Соболева и его стражников, "отстреливавшихся от наседавшей толпы". То же имело место и в селении Синтаб, того же Джизакского уезда. Как передает доклад самаркандского военного губернатора Лыкошина (декабрь 1916 г.), выдвижение ишаном в Синтабе идеи принятия русскими (православными) мусульманства спасло им жизнь. 14 июля 1916 года в Синтабе, "дав два выстрела из револьверов (в ответ на "бомбардировку" камнями со стороны восставших. - Л. К.), русские скрылись в юрту, и в это время около юрты появились старики - туземцы и стали уговаривать толпу (восставших. - Л. К.)... Спасло... русских то обстоятельство, что им предложили принять мусульманство, на что... они решили согласиться... Около русских появился ишан и, как будущих мусульман, взял под свою защиту и повел в свое помещение, где они проживали до 26 июля, когда пришли казаки и выручили их"¹⁷⁵.

Аналогичная картина была и в ряде других мест¹⁷⁶.

Наряду с этой формой "участия" мусульманского духовенства в среднеазиатском восстании 1916 г., муллы, ишаны и им подобные "слуги аллаха" в целях отвлечения внимания широких масс трудящихся от задач колониальной революции стали практиковать в это время различно города открытия и обновления "святых" мест. Вот пример.

В разгар восстания, в июле 1916 г., в Самарканде некая юродивая, "дивана", почитаемая верующими, за "святую", "объявила, будто, бы ей во сне явился святой шейх ходжа Ахрар и указал ей, где находится могила мусульманского местного Святого ходжа Абриза". Хотя такие "прорицания" диваны или "маджнуны", т. е. просто безумные, делают почти неизменно и им мало кто внимает, на этот раз к рассказу "блаженной" женщины было проявлено особое доверие. "По указанию женщины в саду, находящемся вблизи мазара ходжа Ахрара, начались (под руководством мулл и при явном поощрении русских властей. - Л. К.) раскопки...". В результате... "был найден небольшой, сводчатый, из кирпича склеп с человеческими костями. Рядом с этой постройкой через некоторое время была открыта такая же другая". При этом маджнуна уверяла, что "всех склепов должно быть семь".

В находке этой, как и в "прорицании" маджнуны, не было ничего исключительного. Тогда же корреспондент "Туркестанских ведомостей" писал, что "достаточно посмотреть на местность, где открыты склепы, чтобы сказать, что здесь когда-то было кладбище. По-видимому, оно давно уже заброшено, на части его выросли большие деревья, но, судя по типу кирпича - тонкого, квадратного, 7X7 вершков, можно утверждать, что склепы построены не больше пяти веков тому назад. Конфигурация местности показывает, что здесь имеются еще склепы. Ничего нет удивительного, - резонно заключал отсюда корреспондент, - что маджнуна еще откапает нужное ей до обещанного количества число склепов... Склепы по преимуществу фамильные..."

Однако здравомыслие корреспондента "Туркестанских ведомостей" на этом останавливалось. Будучи верным слугой содержавших его господ, он не сообщил о том, что еще до "откровения" маджнуны "первоначально склеп был открыт хозяином сада..." Наоборот, корреспондент, скрывшийся под псевдонимом "Самаркандец", всемерно старался умалить значение этого последнего обстоятельства. Свою статью в "Туркестанских ведомостях" он назвал по-ученому: "Археологическая находка в Самарканде". Он писал, что "нет оснований сомневаться в том, как делают иные, что женщина только воспользовалась находкой склепа и все остальное выдумала сама. Туземцы "диваны" живут всегда в сильно повышенном религиозном настроении, изнуряют себя постоянными молитвами и непрерывным повторением имени бога. И нет ничего удивительного, - когда при таком настроении к "диване" во сне явится святой ходжа Ахрар и укажет ей могилу другого почитаемого святого".

Мы также полагаем, что нет оснований сомневаться будто дивана "только воспользовалась находкой и все остальное выдумала сама". Но и религиозный экстаз не играл здесь сколь-нибудь значительной роли. "Ларчик" открывался значительно проще. Принадлежавшая к юродивым при кладбище ходжи Ахрара (это не скрывает и

Самаркандец!) дивана, безусловно, была лишь слепым орудием в руках "святых" заправил этого средоточия всяческого мракобесия. Об этом говорит та шумиха, которая была создана вокруг "откровений" диваны. Этого не скрывал даже Самаркандец.

"Теперь, - писал он в августе 1916 г., - туземцы Самарканда и его окрестностей, и стар и млад, и богатый, и бедный, совершают паломничество к склепам. Муллы, чернорабочие, купцы, дехканы, женщины и дети пешком, верхом, на арбах и в роскошных экипажах стекаются к найденным могилам и у нее смешиваются в огромную толпу".

Кто же верховодил этой толпой? Кто был заинтересован в этом "уравнении" местного населения, в растворении его классовых интересов в дни среднеазиатского восстания 1916г. в мусульманском религиозном зелье?

"В одну из пятниц, - передавал корреспондент-очевидец (Самаркандец?), - около склепов была огромная толпа. Все были набожно настроены, и у многих на лицах было умиление. В толпе, сновал и люди, рассказывающие о сне "маджнуны", как теперь стали называть женщину (якобы объявившую о бывшем ей "откровении" насчет "святых" склепов.- Л. К.)... Все стараются на минуту попасть а склеп, совершить поклонение святому, прочесть краткую молитву и передать свою лепту "маджнуну". "Маджнуна" сидела с закрытым кисеей лицом, а около нее шейхи мазара ходжи Ахрара. "Маджнуна" производит впечатление солидной женщины и спокойно отвечает на вопросы"¹⁷⁷.

Итак, перед нами "духовное" предприятие, поставленное по всем правилам одурманивания широких масс трудящихся. Руководят им не юродивые-святоши-дивавы, маджнуны, сантоны и т. п., а вышколенные шейхи мазара ходжи Ахрара.

Они - авторы рассказов о "сне маджнуны" и практические пожинатели плодов этих рассказов. На них - шейхов мазара и медресе ходжи Ахрара - царские чиновники не раз возлагали свои надежды. Они же отмечали и их промахи. Так, российские колонизаторы были весьма недовольны тем, что муллы из заведений "святого" ходжи Ахрара плохо использовали находившийся у них долгое время так называемый "османовский список Корана". После пересылки этой явной, хотя и старинной, фальшивки в Петербург издатель "Туркестанского курьера" и ряда миссионерских и т. п. изданий А. Л. Киренер, обливаясь крокодиловыми слезами, "нравоучительно" подчеркнул это.

"Остается, - писал он, - лишь пожелать, чтобы петербургские улемы в случае передачи им Корана Османа стояли на большей высоте, чем их самаркандские собратия, и сумели бы сделать из поручаемого им сокровища действительно народную святыню мусульман"¹⁷⁸.

В 1916 г. самаркандские муллы исправляли эту свою старую "ошибку". Раздувая самые низменные религиозные страсти, "обновляя" могилу "святого" Абриза, они помогали русскому самодержавию душить трудящиеся массы, поднявшиеся на борьбу с царством насилия и эксплуатации.

Перечисление фактов, отвечающих на вопрос, на чьей стороне было мусульманское духовенство в дни среднеазиатского восстания 1916 г., можно было еще продолжить. Но в этом как будто нет необходимости. Ответ и без того уже совершенно ясен. "Весь верхний слой туземного населения остается нам верным"..., - это заявление военного губернатора Ферганской области генерал-лейтенанта Гиппиуса, в его телеграмме в главный штаб от 18 июля 1916 г.¹⁷⁹, целиком относилось и к мусульманскому духовенству. Недаром последнему, как, например, ходжентскому кази-каляну, приходилось совместно с приставом спасаться от гнева восставших масс за штыками войск колонизаторов¹⁸⁰. И не напрасно царские власти обращались к муллам за помощью не только при объявлении указа о наборе в тыловое ополчение, но и в дни восстания, и во время его зверского подавления.

Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе еще в начале восстания дал следующую секретную телеграмму:

"Генерал-губернатор вполне одобряет мысль использовать ишана Сияха* путем обращения им воззвания к мюридам Ферганы и прочих областей края. Можно дать

понять ишану, что лояльное его отношение к нашим государственным интересам не останется неотмеченным"¹⁸¹.

Как следует из доклада драгомана русского консульства в Кашгаре Стефановича (начало 1917 г.), в интересах "православного" Самодержца при подавлении восстания использовались даже английские подданные - муллы. Стефанович пишет, что он "обратился с просьбой к одному, пользующемуся среди киргизов огромным влиянием, английскому подданному имаму, мюридами (рабами) которого считаются наши Пржевальские киргизы, помочь... в деле освобождения русских..." И имам этот предложение принял. "Он,- отмечает драгоман российского консульства, - предупредительно сделал (просимое. - Л. К.) и отправился к киргизам с моим поручением". Исход его миссии был, однако, для колонизаторов весьма плачевен. "В результате принятых мною мер - признавался Стефанович, - была найдена только одна русская женщина, которая к тому же не обнаружила даже желания расстаться со своим новым мужем - киргизом!"¹⁸²

Аналогична тогда же была и роль джадидов... "В Узбекистане, Казакстане и Киргизии в 1916 г.... джадидская организация по поручению царского наместника Куропаткина рассылала своих людей в кишлаки и аулы, где они обманывали и продавали восставшую бедноту"¹⁸³. "Джадиды... предали Джизакское восстание 1916 г."¹⁸⁴.

Помогая самодержавию расправляться с бедняками, вставшими на борьбу с насилием, муллы и ишаны способствовали совершенному истреблению сотен и тысяч ни в чем не повинных трудящихся. Даже А. Ф. Керенский, вернувшись из Туркестана, должен был признаться в Государственной думе 13 декабря 1916 г., что он, "будучи на двух фронтах, Западном и Кавказском, нигде не видел столь идеально уничтоженного города, как... город Джизак... русский город"¹⁸⁵. И таков был не один город Джизак... Генерал-губернатор Куропаткин в то время "в видах возмездия за убийство русских людей приказал, кроме той кары, которые виновные (?) понесут по суду, конфисковать те земли, где пролита русская кровь"¹⁸⁶. Смаковала тогда эту зверскую расправу вся русская печать. Так, прославлявшие "археологические находки" мулл "Туркестанские ведомости" писали 9/22 октября 1916 г.:

"Известное возмездие (!) - уже постигло, конечно, мятежников. Войсками перебито много тысяч киргиз; их стойбища уничтожаются; огромное количество их стад - уже в руках войск и администрации. Карательные отряды без устали преследуют банды бунтовщиков, нанося им новые потери и освобождают много пленных. Но это не все: главный результат комбинированных операций войск заключается в том, что все мятежники загнаны сейчас в такие горные районы, где вскоре вследствие голода и холода они в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания. Уже доходят сведения об их лишениях, о болезнях среди них и об их смущении. Но войскам приказано не давать врагу пощады..."¹⁸⁷.

И в то время, когда царские войска по приказам своего начальства производили в Средней Азии это истребление трудящихся масс, муллы пели дифирамбы "белому царю" и его, туркестанским держимордам. В сентябре 1916 г. при объезде генерал-губернатором Куропаткиным "замиренных" мест Туркестана муллы были в первых рядах тех, кто выражал верноподданничество царю, т. е. в первых рядах эксплуататорской верхушки населения.

В Коканде мусульманское духовенство было одним из инициаторов подачи Куропаткину следующего, адреса:

"Туземное население города Коканда приветствует ваше высокопревосходительство на высоком посту туркестанского генерал-губернатора. Наше приветствие искренно... Печальные факты, имевшие место в связи с набором рабочих, были вызваны только тем, что население не было ознакомлено со смыслом и целями призыва. Теперь, с вашим приездом в край, когда туземцы уверовали, что их права и интересы найдут защиту... и когда они поняли, что призыв на работы есть лишь справедливая и почетная обязанность, они тем скорее хотели бы забыть все печальное, что было в недавние дни. Не желая отнимать дорогого времени вашего высокопревосходительства изложением нужд

населения... туземцы верят, что найдут в вас справедливого защитника в своих культурных и гражданских нуждах на благо государства".

После подачи этого гнуснейшего документа "группа туземцев, - как передавал некий Ю. в "Туркестанских ведомостях" - обратилась к генерал-губернатору А. Н. Куропаткину с просьбой - оказать им честь приехать на чай а джами-мечеть..." Естественно, Куропаткин принял это приглашение его туземных коллег. "Сопровождаемый шумными овациями и восторженными кликами собравшихся", он тотчас же отправился к чалмоносным насильникам. И те не ударили лицом в грязь перед своим хозяином.

"По-праздничному, - отмечал Ю., - украсилась джами-мечеть, ожидая дорогого гостя. Главный вход был красиво убран дорогими коврами, во дворе же красиво раскинулась палатка, живописно украшенная гирляндами из живых цветов. Здесь же во дворе были выстроены ученики туземных школ, встретившие А. Н. Куропаткина особым гимном..."

Взаимно осыпая друг друга комплиментами и угощаясь, эксплуататоры в чалмах и без оных вели в палатке соборной мечети "беседы... главным образом, о происшедших печальных событиях". Язык у них был общий. "Трогательно" было и расставание.

"Оставляя джами-мечеть, - отмечалось тогда же в печати, - его высокопревосходительство сердечно простился с радушными хозяевами, поцеловав при этом А. Махмудова, что вызвало целую бурю восторгов и оваций со стороны присутствовавших туземцев.

В ответ на достархан генерал-губернатор пригласил А. Махмудова и г. Мухаммеджанова к себе на ужин"¹⁸⁸.

Во всех этих церемониях мусульманское духовенство участвовало не напрасно. Так диктовали ему его кастовые, шкурные интересы. Действительно, уже 12 июля 1916 г. в "Туркестанских ведомостях" было опубликовано, что, "привлекая к тыловым работам туземцев, местная власть озабочена поставить их в наиболее удобную и привычную для мусульман обстановку. В рабочих отрядах будут находиться муллы, свои мясники (для убоя скота по ритуалу) и переводчики. Работая в тылу армии, туземцы на каждом шагу будут чувствовать, что... все сделано для удовлетворения их религиозных нужд"¹⁸⁹.

Это объявление не могло не говорить муллам о, том, что для них призыв коренного среднеазиатского населения в тыловое ополчение - очередная крупная и весьма прибыльная операция. Правда, для известного числа мулл это говорило и о некоторых жертвах. Как отмечал самаркандский военный губернатор Лыкошин, "ишанам не хотелось отпускать в Россию своих мюридов, потому что... они лишались с их уходом даровых рабочих и отлично понимали, что из России их последователи вернутся совсем не такими послушными их слугами, какими были здесь"¹⁹⁰. Но эти настроения скоро уступили место другим...

Основные массы мулл и ишанов Средней Азии, совместно с царскими опричниками, гнали трудящихся на фронт, в тыловое ополчение. Ретивости мусульманского духовенства в этом "деле" удивлялись даже колонизаторы. Вот как писал об этом среднеазиатский борзописец Гр. Андреев (Джу-рабаев):

"Нам пришлось, - с умилением восклицал он в "Туркестанских ведомостях", - в дни курбана (праздника жертвоприношения. - Л. К.) побывать в Ст. Ташкенте. Был... день, в который туземцы-рабочие (призванные. - Л. К.) должны были собраться на свой сборный пункт в саперном лагере. По улицам города весело и непринужденно (!) шествовала нарядная толпа... Мы не верили глазам своим... Такое спокойствие... Если бы не частые напутствия, раздававшиеся со всех сторон, и благословения встречающихся по дороге стариков и духовных мусульманских особ, мы никогда не поверили бы, что по дороге идут туземцы, предназначенные для отправки..."¹⁹¹.

Муллы были тогда повсеместно заняты вербовкой, и отправкой "по назначению" верноподданнически настраиваемого ими пушечного мяса. "Каспий" еще 10 августа 1916 г. передавал сообщение "Юлдуз" из Сарапула (Вятской губернии) о мерах, принимавшихся в связи с этим мусульманским духовенством и байством.

"В день уразы-байрама, - писал "Каспий", - местный бай Наджмудинов устроил проводы 500 солдатам-мусульманам, отправляющимся на театр военных действий.

Розданы были деньги, чай и другие продукты. В день праздника, согласно распоряжению военных властей, солдаты были освобождены и совершали праздничный намаз в мечети. Имам Абубекров, поздравив воинов с байрамом, прочел молитву и произнес речь, в которой указал на долг гражданина. Затем предложена была суфра"¹⁹².

То же было в местах среднеазиатского восстания 1916 г. Муллы здесь выступали прямыми чиновниками русского самодержавия по отправке призванных на тыловые работы. Бросалось это в глаза даже из самого построения и характера газетных сообщений об отправке мобилизованных. Вот одно из них.

"17 октября, в 8 1/2 часов утра, прибыли на станцию Перовск со сборного пункта рабочие-туземцы, туда же прибыли к 9 часам утра начальник Перовского уезда полковник Никольский с помощником... участковые пристава, полицейский пристав г. Перовска, волостные управители, муллы...

По окончании посадки рабочих известный мулла из Киргиз-Узгенской волости... Ахмедов произнес на своем языке трогательную речь, закончившуюся молитвой о ниспослании белому царю здоровья и долгоденствия и о победе над врагами России с пожеланием рабочим доброго здоровья и благополучного возвращения на родину"¹⁹³.

Такую же агитационную работу мусульманское духовенство вело среди мобилизованных и на месте самих тыловых работ. Духовенство вводило в заблуждение общественное мнение о положении призванных на тыловые работы, которое в действительности было кошмарным. Член Государственной думы Джафаров огласил на заседании думы 13 декабря 1916 г. потрясающие документы. Им были зачитаны поступившие в адрес мусульманской фракции Государственной думы письма:

"Ко взятым на работах, - говорилось в первом из них, - киргизам применяется строгий тюремный режим. Не допускают к ним родственников для свидания. Разговаривать приходится через щели ворот. За передачу пищи стоящие у ворот солдаты берут деньги. Нет никакой возможности описать и передать всех деяний прапорщика Елизарова... За самые малые провинности он бьет нагайками. Побои солдат не прекращаются при отправлении рабочими своих естественных нужд. Около 23 ноября 6 рабочих, отпросившихся у старшего Бронникова, пошли домой ночевать. На другой день утром все они были наказаны розгами, и крики побиваемых были слышны на улице. Мы боимся назвать этих шесть несчастных... Двое киргизов-рабочих, не будучи в состоянии выносить далее эти побои, подкупив приставленную стражу, убежали и обратно не вернулись. Слезно молим вас: освободите нас от побоев прапорщика. Нами послано письмо к депутату Дзюбинскому".

В другом письме сообщалось следующее:

"По прибытии на место работ рабочие были разделены на две партии, по 500 человек в каждой, и во главе каждой партии поставлен начальник из прапорщиков. Рабочие находятся постоянно под присмотром конвойных, которые сопровождают их на работы и не оставляют их в часы отдыха... Санитарные условия жизни рабочих невыносимы. Рабочие сильно страдают от сырости, работать приходится стоя в воде. Непривычные к суровому климату, жители Туркестана страдают в сильной степени ревматизмом, у многих рабочих появилась грыжа. Сыро и в бараках. За недостатком медицинской помощи больные рабочие остаются в бараках в течение нескольких дней без всякого присмотра. Жалобы рабочих на болезни и усталость вызывают со стороны начальника партии брань и даже, в нередких случаях, побои. Особенно отличается своим рвением начальник 102 партии. Начальник партии без всякой видимой причины подвергает рабочих побоям, угрожая расстрелом. Одним из видов наказания является карцер, куда сажают на 2-3 суток на хлеб и на воду. Существует также система штрафов. Помимо взыскания за провинности, вычитают с рабочих за сломанный топор 13р. 50 коп., за сломанную пилу-19 р. 50 к., и в результате... из платы в 30 рублей в месяц заработок некоторых рабочих выражается в весьма мизерной сумме"¹⁹⁴.

Муллы, как и официальные русские чиновники, конечно скрывали все это от широких трудящихся масс. Они изображали дело так, что призванные на тыловые работы находятся там на положении каких-то именинников. Давая обзор различного рода фальшивок, выдававшихся за письма "военно-рабочих" узбеков, Гр. Андреев (Джурабаев), дурача своих читателей, особо подчеркивал, что "больше всего

симпатично что во многих открытках встречаются такие выражения:

"Проводим время в молитвах за великого белого царя и за вас, наших отцов и матерей". "Молимся о благоденствии и здравии царя белого и всего его государства"¹⁹⁵.

Проводили эту политику обмана трудящихся масс муллы и присные им крути и в дальнейшем, вплоть до свержения кровавого "дома Романовых". Давая обзор "1916 г. в жизни кавказских мусульман", некий Хусейн Минасазов 1 января 1917 г. в "Кавказском слове" писал, что "самым крупным явлением в жизни мусульман Кавказа за истекший (1916.- Л. К.) год, надо... считать последовавший в июне... указ о призыве их, в числе всех мусульман империи, на тыловые работы по обороне государства".

В отношении Кавказа этот указ царским сатрапам, правда, пришлось отменить. Слишком велика была здесь для царских чиновников боязнь, что указ этот для самодержавия может оказаться палкой о двух концах. Но вообще от призыва коренного населения Кавказа русское самодержавие не было намерено отказываться. В этих целях в октябре 1916 г. высшая администрация царского Кавказа обратилась к "мусульманским духовным правлениям с предложением оповестить свою паству, что от нее требуется поставка 80 000 рабочих для военных целей..." Указывалось при этом и об "особых льготах" для призываемых "согласно их шариату и особенностям их быта". Во что эти "льготы" выливались - мы уже знаем. Но мусульманское духовенство и здесь действовало так, как это угодно было царскому правительству.

"Мусульманская печать края, - писал Минасазов, - и руководящие круги мусульманского общества реагировали на предложение администрации полнейшей готовностью оказать властям всяческую поддержку в успешном проведении в жизнь нового мероприятия... Ввиду важности и, главное, новизны дела... было признано необходимым организовать на местах совещания мусульман для выработки общего плана вербовки рабочих. Такие совещания состоялись в Елисаветполе и Баку".

Была лишь одна беда. "Осязательных результатов, - как с печалью вынужден был, признаваться Минасазов, - эти совещания, - ...пока не дали"¹⁹⁶. Причина была ясна: классовое самосознание масс росло, почему мусульманскому духовенству все труднее и труднее было проводить работу по их околпачиванию. А между тем слабеющее русское самодержавие требовало все большей и большей помощи от мулл. И "слуги аллаха", в меру сил своих, эту помощь своему господину оказывали. В милитаристических интересах они не брезгали даже введением в учение ислама тех или иных новшеств. Так, например, было с вопросом о займах.

Во второй половине 1916 г. была объявлена подписка на 3-й военный заем. Синод правительственной православной церкви выпустил по этому поводу специальный пред рождественский лозунг:

"Лучший ответ русских на германские слова о мире - усиленная подписка на военный заем"¹⁹⁷.

Мусульманские религиозные организации не отставали от православного синода. Как отмечали тогда же "Туркестанские ведомости", "туземное население Туркестанского края, ознакомленное своими духовниками и более просвещенными своими сородичами (читай - их эксплуататорской головкой. - Л. К.) с целями последнего военного займа, стало охотно на него подписываться, в короткое время разобрав облигации этого займа тысяч на триста". Кроме этого, как кстати отмечала цитируемая газета, тогда же, "в первых числах декабря (1916 г. - Л. К.) был произведен сбор в пользу сирот георгиевских кавалеров. Сбор этот был произведен, между прочим, во время богослужения в мечетях старого города Ташкента и дал свыше 1 600 рублей"¹⁹⁸.

Факт распространения процентного займа мусульманским духовенством мы отмечаем особенно потому, что он лишний раз подчеркивает служебную роль ислама в отношении царизма в руках у "служителей аллаха". В течение многих столетий мусульманское духовенство учило о запретности (харам) для мусульман взимания и получения процентов (лихвы, по-арабски - "риба"). Наученные им верующие массы (даже их эксплуататорская головка) долгое время сторонились поэтому различного рода открытых процентных операций, придумывая для них десятки всевозможных обходных путей¹⁹⁹. Сказалось это (наряду с другими причинами) и на приобретении военных

займов мусульманским населением царской России.

"Неохотное участие мусульман России, - отмечало 23 февраля 1917 г. "Кавказское слово", - в государственно-общественных кредитных операциях обратило на себя внимание нашего финансового ведомства еще в прошлом (1916. - Л. К.) году. Имея в виду, что число мусульман в империи доходит до... 30 миллионов (?) и что отрицательное отношение такого числа граждан государства к денежным операциям и предприятиям казны (военные займы, сберегательные кассы и проч.) может существенно влиять на интересы страны, особенно в нынешнее время, министерство финансов командировало в населенные мусульманами части империи особого чиновника с возложением на него обязанности выяснить, действительно ли такое положение вытекает из требования магометанского вероучения и каковы взгляды на этот вопрос мусульманского духовенства, без различия толков. Командированный министерством финансов чиновник побывал в Бухаре, Сибири, в приволжских губерниях, в Туркестане, Крыму и - в ноябре прошлого (1916. - Л. К.) года - на Кавказе"...

Что же удалось выяснить этому чиновнику? Немного. Этот чиновник, прекрасно зная, что, согласно ортодоксальному учению ислама, взимание всяких процентов (лихвы - риба) запрещено, получил необходимые ему (в угоду русскому самодержавию) казуистические толкования мусульманских богословов. Согласно этим толкованиям, прежнее понимание указаний Корана насчет процентов было объявлено ошибочным!

"Устроенные им, - этим чиновником, - на местах совещания мусульманского духовенства единогласно подтвердили, что замечаемое среди мусульман недоброжелательное отношение к кредитным операциям государственно-общественного характера вытекает исключительно из ошибочного толкования ими пункта шариата, где говорится о недопустимости взимания... процентов... Так как получение процентов по облигациям военных займов, по вкладам в сберегательные кассы, по участию в кредитных обществах и товариществах и пр. является лишь одной из форм государственной или общественной взаимопомощи, причем проценты эти никогда не доходят до размеров ростовщических, то участие в этих делах мусульман с точки зрения шариата не только не недопустимо, но и желательно, потому что участием в таких делах мусульмане приобретают право считаться действительно полезной единицей и общим организмом государства... В этом смысле чиновник министерства финансов получил фетвы от высшего духовенства в Бухаре и от оренбургского и крымского муфтиев. Прибыв... в ноябре (1916 г. - Л. К.) на Кавказ, чиновник этот имел совещание с мусульманским духовенством и в Тифлисе. Совещание... имело место в канцелярии наместника. На совещании представители обоих мусульманских духовных правлений в крае - шиитского и суннитского - подтвердили изложенное в представленных чиновником министерства финансов фетвах и со своей стороны выдали ему удостоверение такого же содержания"²⁰⁰.

В ход пошли и сочинения мусульманских реформаторов, как, например, Мусы Бигеева²⁰¹, долгое время считавшиеся еретическими. И недаром: давая "разрешение" на взимание и получение процентов, эти "реформы" отвечали интересам эксплуататоров.

Однако было уже поздно. Самодержавие трещало по швам. На фронте происходили братанья. Крепла интернациональная солидарность трудящихся. Дело большевиков росло. В результате созванного в начале 1917 г. в 7-й армии съезда командующих корпусами с участием военного духовенства издан был следующий приказ по армии:

"Армия разлагается, и если этот процесс разложения не будет приостановлен в ближайшие месяцы, то война не только будет проиграна, но это разложение явится большой угрозой для нашей дорогой родины... Кто только теперь не скрывается под солдатской шинелью, нужно обратить сугубое внимание на солдат-рабочих из крупных промышленных центров и всякого замеченного в агитации за мир, дезертирство - расстреливать на месте"²⁰².

Мусульманское духовенство делало все, чтобы не допустить массы до революционного взрыва. Своими действиями накануне Февральской революции, как и во все предыдущее время, оно доказывало бесспорную правильность, указания В. И. Ленина, что "все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего

господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест - возмущение угнетенных, пол должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за "осуществимость" таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность"²⁰³.

На этот раз, однако, мусульманское духовенство оказалось бессильным дать помощь царскому правительству. Длительная борьба против насильников открыла глаза всем угнетенным народам самодержавной тюрьмы народов. В ответ на предложение муллы "раскаяться" присужденный царскими опричниками к казни через повешение участник среднеазиатского восстания 1916 г. казах Иса Байчуков ответил:

"Я перед царем не виноват, мне каяться нечего, я боролся против его несправедливости, а не проводил ночь с его дочерью. Кровь свою не прошу и народу своему завещаю месть"²⁰⁴.

И эта справедливая месть не заставила себя ждать. Она наступила в Октябре 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ВВЕДЕНИЮ

1. В. И. Ленин - Сочинения, изд. 3-е (в дальнейшем ссылки поэтому же изданию), т. XIV, стр. 68.
2. См. Л. Климович - "Содержание Корана", изд. 2-е, стр. 67 ел.
3. Мнение Г. Гримме и др. См. Л. Климович - "Маркс и Энгельс об исламе и проблема его происхождения в советском исламоведении", журн. "Революционный Восток", 1933, № 2-3, стр. 64 ел.
4. Ф. Энгельс - "К истории первоначального христианства". Цитир. по сб. "К. Маркс и Ф. Энгельс о религии и борьбе с нею", т. II, стр. 547.
5. См. А. Тумайский - "Китабе акдес" - "Священная книга современных бабидов".
6. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVI, стр. 383.
7. В. И. Ленин - Сочинения, т. XII, стр. 332.

К ГЛАВЕ I

1. Цитирую по В. В. Бартольд - "Новое мусульманское известие о русских". ЗВОИРАО, т. IX, стр. 264-265.
2. В. В. Бартольд - "История изучения Востока в Европе и Россия", стр. 169.
3. "Ане Сенаты, как написано в Сказ. Курбского". Примечание М. Рыбушкина. Сеиты, т. е., очевидно, сейиды, - люди, производящие свою родословную от пророка Мухаммеда.
4. М. Рыбушкин - "История Казани", стр. 31.
5. В. И. Ленин - Сочинения, т. VIII, стр. 419.
6. М. Н. Покровский - "Русская история с древнейших времен", т. I, стр. 125.
7. Голубинский - "История русской церкви", т. II, первая половина, стр. 33-34. Примеч. М. Н. Покровского.
8. М. Н. Покровский - "Русская история с древнейших вре-н", т. I, стр. 128-130.
9. См. Г. С. Губайдуллин - "Из прошлого татар", МИТ, вып. II, стр. 90-91.
10. В. И. Лебедев - "Булавинское восстание", стр. 5.
- * Транскрипция собственных имен и географических терминов при передаче названий цитируемой литературы как в "Примечаниях", так и в "Библиографии" всюду сохранена по подлинникам,
11. Там же, стр. 60.
12. Дм. Кантемир - "Книга Систима или состояние мухаммеданския религии", стр. 6. Повелением Петра I был переведен также и Коран. См. "АлКоран о Магомете или закон турецкий. Переведенный с французского языка на российский. Напечатан повелением царского величества. В Санктпетербургской типографии 1716 года в месяце декември".
13. "Ахукамукхама талым набы", стр. 4-5. Одновременно с подобными изданиями в России появились первые печатные издания текста Корана. Первое из них, С.-Петербургское 1787 г., в короткий срок переиздается, повидимому, пять раз (1789, 1790, 1793, 1796 и 1798 гг.). В это же время значительный шаг вперед происходит и в области перевода Корана на русский язык. О последнем - см. особенно акад. И. Ю. Крачковский - "Русский перевод Корана в рукописи XVIII века" в "Сборнике статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова", стр. 219-226.
14. См. В. В. Бартольд - "История изучения Востока в Европе и России", стр. 219.
15. А. Губайдуллин - "Участие татар в Пугачевщине (к 50-летию Пугачевщины)". "Новый Восток", 1925, № 1 (7), стр. 264-265.
16. См. А. Чудошников - "Казак-киргизские орды и пугачевщина (1773-1774)". "Новый Восток", 1929, № 25, стр. 215.
17. Подробно оно рассмотрено нами в книге "Мусульманам дают халифа", стр. 28-45.
18. Г. Касымов - "Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции", стр. 12-13.
19. ПСЗРИ, 1788 т. XII, № 16710, стр. 1107. См. также там же № 16711, стр. 1107-1108. Подчеркнуто везде мною.
20. ПСЗРИ, 1793, т. XIII, № 17. 099, стр. 399.

К ГЛАВЕ II

1. Прилож. к стат. С. Мрясова - "Историческое прошлое башкир". "Краеведческий сборник", 1928^30 гг., № 3-4; Л. Климович - "Курбан-байрам", стр. 63.
2. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 176, примеч. 2-е. Подчеркнуто мною.
3. Цитирую по В. Дзасохову - "Северная Осетия", стр. 16.
4. И. Тамбиев - "Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае". Журн. "Революция и горец", 1932, апрель, № 4 (42), стр. 101.
5. Нужно иметь в виду социальную разнородность мусульманского духовенства Восточного

Кавказа, в целом ряде случаев исключавшую единство его фронта и в событиях первой половины XIX в.

6. И. Дроздов - "Начало деятельности Шамиля (1834-1836 гг.)" "Кавказский сборник", т. XX, стр. 290-292. Подчеркнуто везде мною.

7. Н. Погодин - "Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. Замечания Д. В. Давыдова, относящиеся к периоду управления Грузией Ал. Петр. Ермолова". "Русский вестник". 1863, т. 48, стр. 363. Подчеркнуто везде мною.

8. "Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом". "Кавказский сборник", т. XXXII, ч. 1, стр. 85-86.

9. А. С. - "Очерки восстания горцев Терской области 1877 г.", А. Тахо-Годи - "К 50-летию восстания Чечни и Дагестана (1877 г.)", "Новый Восток", № 12, 1926, стр. 162.

10. Н. Погодин - Указ. "Материалы..." в "Русском вестнике", замечания Давыдова, стр. 363. Подчеркнуто везде мною.

10а. Там же. Стр. 360. Подчеркнуто везде мною.

11. См. Н. Смирнов. "Классовая база ислама в Крыму". Доклад... "Воинствующий атеизм", 1931, август-сентябрь, № 8-9, стр. 37.

12. Об этом смотри ряд данных у А. И. Маркевича - "Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму" ИАН, VII сер., 1928 г., № 4-7 и 1929 г., № 1; А. Таксера - "Апологетика колонизаторской политики царизма в Крыму", "Новый Восток", 1930, № 28; Е. И. Чернышева - "Причина эмиграции крымских татар в Турцию в 1860 году (очерк, по архивным материалам)", ТОИТ, т. I, 1930.

13. В. И. Ленин. Сочинения, т. XVIII, стр. 197.

14. Там же - Сочинения, т. XVII, стр. 12.

15. Там же - Сочинения, т. III, стр. 462.

16. К. Маркс и Ф. Энгельс - Сочинения, т. XXIII, стр. 61.

17. В. И. Ленин - Сочинения, т. III, стр. 465.

18. Там же, т. III, стр. 464.

19. Там же, т. XVIII, стр. 199. Подчеркнуто мною.

20. "Туркестанские ведомости", 11 ноября 1875 г., № 45, стр. 176 "Известия и заметки". Перепечатано в "Голосе" 1876 г., № 72. Подчеркнуто везде мною.

21. Ген.-лейт. Терентьев - "История завоевания Средней Азии". Т. I, стр. 471-472.

22. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 185.

23. В. В. Бартольд - Там же, стр. 225. Здесь же на стр. 226 см. о противоречивости сведений об этом событии у равных авторов.

24. Цитирую по подлиннику, хранящемуся в Центральном государственном музее УзССР (Самарканд, б. медресе мирзы Улуг-бека).

25. Цитирую по фото (с копии), находящемуся в Антирелигиозном отделе Центрального государственного музея УзССР (Самарканд, б. медресе Шир-дор). Русская транскрипция по турецкому тексту.

26. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 176-177 и 204; Л. Климович - "Социалистическое строительство на Востоке и религия", стр. 29-30.

27. Кауфман писал о сроках осады иначе: "Сегодня, 8 июля после семидневной осады цитадель освобождена". См. Шульце, штабс-капитан, - "Занятие города Самарканда (боевой очерк)". "Память 25-летия взятия Самарканда", стр. 24.

28. В. В. Верещагин - "Самарканд в 1868 г. (из воспоминаний художника)", "Русская старина", 1888, сентябрь, стр. 645.

29. Там же, стр. 619-620.

30. В. Зыкин - "Восстание в Ташкенте в 1892 году", стр. 37-38.

31. Ген.-лейт. Терентьев - Цитированное соч., т. III, стр. 371-372.

32. В. Зыкин-указ, соч., стр. 20. В дальнейшем, излагая события восстания 1892 г. в Ташкенте, не оговаривая, использую приведенные в этой работе архивные материалы.

33. "Осведомительный бюллетень" ТНИЭИ, № 2, ноябрь 1930, стр. 84-85.

34. Проф. Н. Н. Фирсов - "Прошлое Татарии", стр. 40-42.

35. Цитирую по М. Разумову - "Ленинская национальная политика в реконструктивный период", стр. 45. Подчеркнуто мною.

36. Ш. Типеев - "Очерки по истории Башкирии", стр. 116.

37. "Известия по Казанской епархии", № 42, 8 ноября 1905 г., стр. 1255 - 1256. См. также № 44 за 1905 г., стр. 1331 - 1332.

38. См. №№ 942 и 945 "Вакта" за 1912 г. Обзор их см. у А. Самойловича - "Печать русских мусульман", журн. "Мир ислама", 1912, т. I, стр. 466-467. В дальнейшем обзор этот не оговариваю.

39. Вл. Череванский - "Записка по делам веры мусульман-суннитов", стр. 34.

40. Цитир. по "Сборнику циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836 - 1905", № 90. Сборник этот, повидимому служил настольным руководством для мулл. В несколько измененном виде он издавался и в 1902 г.: "Сборник циркуляров... 1841-1901". Материалы обоих этих изданий использую в дальнейшем, не оговаривая. В случаях наличия грубых ошибок и неполноты в переводах сборника выправляю и дополняю их по копиям подлинников. В отдельных случаях выправляю орфографию и транскрипцию; подчеркивания часто принадлежат мне. 41. А. С. - "Курбан-хаит", "Туркестанские ведомости", 25 сентября 1916. № 209, стр. 3.
42. СЗРИ. 1857 г. Устав строительный. Разд. 3, гл. 2, отд. 3, стр. 58.
43. "О строении магометанских мечетей в России". "Журнал министерства внутр. дел", ч. 1, кн. 1, 1829, стр. 203-206. Подчеркнуто мною.

К ГЛАВЕ III

1. Д. Мамин-Сибиряк. "Аблайкино счастье". Очерк. "Помощь пострадавшим от наводнения", стр. 16.
2. Цит. по Б. Кандидову - "Религия в царской армии", стр. 76-77.
3. М. К. Корбут - "Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет", т. I, стр. 116; Л. Климович - "Арабская языковая культура в истории народов СССР (по поводу новейших публикаций акад. И. Ю. Крачковского)". "СОНАТ", 1934, № 5, стр. 77.
4. См. Г. С. Губайдуллин - "Из прошлого татар", МИТ, вып. II, стр. 103 - 104.
5. Вл. Череванский - "Записка по делам веры мусульман-суннитов", стр. 34.
6. См. полемику "Биржевых ведомостей" с "Pall-Mall gazette" в №№ 319 (28 ноября/10 декабря, стр. 2: "Виды Англии на Аравию и новое обвинение против России") и 339 (18/30 декабря, стр. 2: "Обвинение России в покровительстве исламу") за 1873 г. Предлогом к возникновению этой полемики послужила заметка "Странствующие муллы" напечатанная в "Биржевых ведомостях" 21 ноября/3 декабря 1873 г, № 312.
7. Примечание редакции "Среднеазиатского вестника", № 4, за 1896 г. к переводу статьи E. Lacordaire- "Туземная печать в английской Индии", стр. 61 - 62. Примечание подписано инициалами Е. С.
8. См. "Из архива бывшего департамента духовных дел". "Каспий", 1 декабря 1917 г., № 262, стр. 6.
9. С. Граменицкий - "Очерки развития народного образования в Туркестанском крае", стр. 58.
10. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 126.
11. Н. Рудольф - "Кавказский учебный округ. Материалы к мусульманскому съезду, созываемому по вопросу об удовлетворении образовательных нужд мусульманского населения края, 1908 - 1916", стр. 1.
- 11а. М. Вирский - "Самаркандская область по переписи 1897г.". "Справочная книжка Самаркандской области", вып. VIII (1906), стр. 344 (примеч. 1).
12. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 130, 134, 137. Подчеркнуто мною.
13. Н. И. Ильминский - "Письма", стр. 174 - 175.
14. В. И. Ленин - "Сочинения", т. XVI, стр. 389.
15. Сэв - "Заметки о туркменском духовенстве", "Туркменоведение", № 3 - 4, март-апрель 1928 г., стр. 7 и 16.
16. Бригада политсектора Уполнаркомзема - "На развалинах Мерва", стр. 11.
17. Н. И. Гродеков - "Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области". Т. I, -стр. IV.
18. Н. С. Лыкошин- "Чапуллулукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области (опыт исследования экономических и бытовых условий ее населения)". "Справочная книжка Самаркандской области", вып. VIII, 1906, стр. 157 - 159.
19. Н. М. Вирский - "Очерк Яны-Курганской волости, Джизакского уезда, Самаркандской области, по данным поземельно-податных работ". "Справочная книжка Самаркандской области", вып. X, 1912, стр. 65.
20. Н. С. Лыкошин - "Чапуллулукская волость...", "Справочная книжка Самаркандской области", вып. VIII, 1906, стр. 164 - 165.
21. Там же, стр. 159.
22. В. Наливкин и М. Наливкина - "Очерк быта туземной женщины Ферганы", стр. 59-60.
23. Там же, стр. 64.
24. См. Ф. М. Керенский- "Медресе Туркестанского края", стр. 16.
25. В. Наливкин и М. Наливкина- "Очерк быта туземной женщины Ферганы", стр. 70-71.
26. На русском языке об этом рассказе см. в "Кратком обзоре татарско-мохаммеданской

- неповременной печати за 1914 год" А. Емельянова - "Инородческое обозрение", 1915. кн. 12.
27. См. И. А. Беляев - "Мектебы Закаспийской области", стр. 18, 27 и др.
28. Цитирую по подлиннику, хранящемуся в Центральном музее Татарской Республики (г. Казань).
29. Цитирую по докладу т. Ашурова - "Национализация советского аппарата и вопросы культурного строительства в республиках Средней Азии". "Правда Востока", 26 сентября 1933 г., № 223 (3281).
30. Цитирую по статье "Оглянемся на пройденный путь" в газ. "Красная Татария", 6 ноября 1932 г., № 253.
31. Вл. Череванский - "Записка по делам веры мусульман-суннитов", стр. 64 и 59.
32. "Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области... Составлен особою комиссией, назначенной по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора С. М. Духовского военным губернатором Самаркандской области. Комиссия состояла из следующих лиц: инспектора народных училищ 3-го района В. П. Наливкина; начальника поземельно-податного отделения при Самаркандском областном правлении Г. Н. Усова, секретаря Самаркандского областного статистического комитета М. М. Вирского и переводчиков В. Л. Вяткина и Сер-Али Лапина". "Туркестанские ведомости", 1898 г., стр. 558 (№ 60). Подчеркнуто мною.
33. Н. Н. Фирсов - "Прошлое Татарии", стр. 34.
34. "Журнал... Особого совещания... по делам веры", № 6, стр. 10-11.
35. Цитир. по стилистически выправленному нами официальному переводу проф. Н.Ф. Катанова, напечатанному в "Приложениях" к кн. А. Аршаруни и Х. Габидуллина - "Очерки панисламизма и пантюркизма в России", стр. 123-124.
36. "Высочайший манифест 17 октября 1905 г.", стр. 11 русского и 11 татарского текста.
37. Цитир. по Ш. Типееву, указ, соч., стр. 114-115.
38. См. Г. Баруди - "Основы ислама".
39. "Устав мусульманского общества в Оренбурге", сир. 2 и 4 русского и 1 и 3 татарского текста.
40. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 143-144.
41. Цитирую по Г. Ибрагимову - "Татары в революции 1905 года", стр. 227.

К ГЛАВЕ IV

1. См. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 223.
2. Цитирую по переводу А. А. Семенова - "К истории бухарских мангытов", "Бюллетень I САГУ", № 6, апрель 1924 г., стр. 163.
3. См. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 78-79, 106-107, 109. Описание поднятия эмира Музаффера на белой кошке и связанных с этим торжеств дано у А. Гребенки на "Родословная Мангытокой династий". "Материалы для статистики Туркменского края", вып. III, 1874, стр. 340-341.
4. См. А. А. Семенов. "К истории бухарских мангытов", "Бюллетень САГУ" № 6, апрель 1924 г., примечание 1-е на стр. 164.
5. А. А. Семенов - "Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства", стр. 9. Отсюда же, не оговаривая, заимствуем несколько ниже приводимых документов по Бухаре. Текст в скобках без наших инициалов принадлежит переводчику.
6. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 247.
7. Б. Карп - "Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве Таджикистана". МВЗОТ, стр. 16-17.
8. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 242.
9. В. Вяткин - "О вакуфах Самаркандской области", "Справочная книжка Самаркандской области", вып. X (191,2), стр. 96.
10. Там же, стр. 96-97. Подчеркнуто везде мною. И. Там же, стр. 98 и 103.
12. "Обзор Самаркандской области за 1898 год", стр. 50.
13. См. А. Москальцев - "Исследование вакуфов в Ташкентском уезде". "Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области", т. IV, 1895, стр. 32-83.
14. А. Москальцев, цит. соч., стр. 40-45, 50-53, 58-59 69-67 70-71, 80-83.
15. "Ведомость о результатах поземельно-податных работ в Ташкентском уезде". "Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области", т. III, 1894, стр. 132-133.
16. С. Г-р (С. А. Гепнер) - "Вакуфный вопрос в Ферганской области". "Туркестанские ведомости", 1901 стр. 64 о(№ 15). Вся статья занимает стр. 64-65 (№ 15), 70-71 (№ 16), 82-83 (№ 18), 93-95 (№ 20) 100-101 (№ 21), 112-113 (№ 23) и содержит, в себе ряд предложений по установлению законодательства о вакуфах; печаталась в порядке обсуждения.
17. Там же, стр. та же.

18. С. А. Гепнер - "Материалы для статистического описание Ферганской области", вып. I, 1897, стр. 161.
19. Там же, стр. 160.
20. С. Г-р (С. А. Гепнер) - указанная статья в "Туркестанских ведомостях", стр. 65 (№ 15).
21. С. А. Гепнер - "Материалы для статистического описания Ферганской области", вып. I, 1897, стр. 161.
22. Там же, стр. 162-163 и "Приложение II. Ведомость вакуфным владениям в 18 волостях Андижанского уезда, имеющим право, на основании ст. ст. 286 и 299 Полож. об упр. Турк. края, претендовать на освобождение от уплаты государственного поземельного налога".
23. С. Г-р (С. А. Гепнер) - указанная статья в "Туркестанских ведомостях", стр. 82 (№ 18).
24. "Краткий обзор более замечательных общих мечетей (джаами) и некоторых поклонных мест в Закавказьи". "Кавказский календарь на 1885 год", стр. 83-84.
25. "Краткий обзор древних монастырей, храмов и мечетей в Закавказьи (заимствовано из Зап. Общ. Любит. Кавказской Археологии, изд. под. ред. Ад. Барже и- Дм. Бакрадзе, и др. источников)". "Кавказский календарь на 1886 год", стр. 156 и 158.
26. "Зинджерли медресе". "Тарджуман", 4 мая 1914 г., № 98, стр. 1.
27. См. М. Ф. Бунегия - "Революция и гражданская война в Крыму", стр. 45-46.
28. В. В. Бартольд. "История культурной жизни Туркестана", 4 стр. 140.
29. Там же, стр. 194, 195.
30. С. Г-р (С. А. Гепнер), указанная статья в "Туркестанских ведомостях", стр. 64 (№ 15).
31. Там же, стр. 82 (№ 18). Подчеркнуто во втором и третьем случаях мною.
32. Там же, стр. та же.
33. Подробнее об этом см. Л. Климович - "Социалистическое строительство на Востоке и религия", стр. 98-102.
34. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 195.
35. С. Г-р (С. А. Гепнер) - указанная статья в "Туркестанских ведомостях", стр. 94 и 95 (№ 20).
36. Там же, стр. 100 (№ 21).
37. Цитирую по "Дневнику печати" газ. "Московские ведомости", 25 июля 1891 г. № 203, стр. 5 (лист второй).
38. Н. Ф. Петровский-"Заметка". "Туркестанские ведомости", 1906, № 82.
39. См. В. А. Гордлевский-"Баха-уд-дин Накшбенд бухарский (к вопросу о наслоениях в исламе)". Сбор. "С.Ф. Ольденбургу", стр. 151.

К ГЛАВЕ V

1. ПСЗРИ, 1793, т. XIII, № 17099, стр. 399.
2. Цитир. по И. Тамбиеву, указ. стат. в журн. "Революция и горец", стр. 100.
3. А. Губайдуллин - "К истории рабства в мусульманских областях Закавказья". "Ученые записки Института этнических и национальных культур Востока", т. II, стр. 92.
4. И. А. Бржзицкий, полковник - "Краткая статистическая записка о Пянджикентском участке Самаркандского уезда". Журн. "Средняя Азия", кн. XI, 1911, стр. 95.
5. См. В. П. Наливкин - "Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края", "Справочная книжка Самаркандской области", вып. V, 1897, стр. 222-223.
6. См. Н. Лыкошин - "Роль дервишей в мусульманской общине ташкентских туземцев. Ишаны". "Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области", т. VII, 1889.
7. Там же, стр. 101 (примеч.), 107, 109-110, 116-119, 122, 126, 133-134.
8. Д. И. Манжара-"Революционное движение в Средней Азии", стр. 6.
9. Цитир. по А. Безыменскому - "Сулейман Стальский". Газ. "Правда", 20 августа 1934 г., № 229 (6115).
10. Журн. "Мир ислама", 1913, т. II, (вып. XII, СПб, 1914), "Приложения", стр. 916.
11. В. И. Ленин - Сочинения, т. 11:1, стр. 198, примечание 1-е.
12. "Труды статистической экспедиции, снаряженной Казанским губернским земством в 1883 г.", стр. 30.
13. "Баку", 1911, 9 февраля, № 31, стр. 4. Отд. "Мусульманская жизнь".
14. "Труды статистической экспедиции, снаряженной Казанским губернским земством в 1893 г.", "Район Сатышевский", выполнено Н. А. Бобровниковым, стр. 52-54. Подчеркнуто везде мною.
15. Там же, стр. 64-56. Подчеркнуто везде мною.
16. Там же - "Заметка об условиях частного кредита..." Е. А. Смирнова, стр. 74.
17. С копии, хранящейся в Татарском Центральном архиве. См. "Документы о положении - татар в царской России". "Центральный архив Татарстана", № 1 (22), 1933, стр. 32.

18. А. Ив. Балашов - "Из воспоминаний о голодающих местах". Указ, сборн. "Помощь пострадавшим от неурожая", стр. 131, 132, 133, 135 и 136.
19. Г. Ибрагимов - "Дочь степи", стр. 76.
20. Цитирую по А. Н. Зорину - "Революционное движение в Киргизии", стр. 1,1. Подчеркивая приблизительность этих цифр, я особенно имею в виду отсутствие сколько-нибудь твердых данных, характеризующих процентные отношения мужского и женского населения среди так называемого мусульманского населения в колониях русского самодержавия. Как совершенно верно замечал, например, Н. С. Лыкошин, на основании всех добытых при русском - царском правительстве данных, "трудно сказать что-нибудь определенное о действительном соотношении полов, несмотря на... почти везде одинаковые статистические данные". (Н. С. Лыкошин - "Чалкуллукская волость". "Справочная книжка, Самаркандской области", вып. VIII, 1906, стр. 52). Последние обычно выглядели так: "на сто мужчин приходится 79,2 женщин", или "на сто мужчин 78,6 женщин" и т. п. См. Н. М. Вирский - "Очерк Ялы-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области". "Справочная книжка Самаркандской области", вып. X, 1912, стр. 12-13; и др.
21. "Тарджуман", 31 мая 1884 г., № 20, отд. "Внутренние известия", корр. Х. Бикметова.
22. С. Агамали-оглы - "Намус в затворнических обществах исламского мира", стр. 5.
23. Цитир. по Вл. Череванскому - "Записка по делам веры мусульман-суннитов", стр. 32.

К ГЛАВЕ VI

1. В. И. Ленин - Сочинения, т. II, стр. 520.
2. И. В. Сталин - "Вопросы ленинизма", изд. 10-е, стр. 4.
3. В. И. Ленин - Сочинения, т. XV, стр. 108-109.
4. Там же - Сочинения, т. XIV, стр. 401.
5. Там же - Сочинения, т. XII, стр. 333.
6. (Н. П. Остроумов) - "Христианское миссионерство" стр. 159.
7. Там же, стр. 159-162.
8. "Труды статистической экспедиции, снаряженной Казанским губернским земством в 1883 г.", "Район Сатышевский", выполнено Н. А. Бобровниковым, стр. 51.
9. В литературе по этому вопросу имеются противоречия. Е. В. Молостова (статья "Вайсов полк божий", жур. "Мир ислама", 1912, т. 1, стр. 145) пишет, что открыл этот "дом" Вайсов "будто бы с ведома и одобрения государя Александра II, к которому он ездил представляться". М. Сагидуллин же ("К истории вайсовского движения", отд. оттиск, т. I Трудов ДТК, стр. 4) замечает, что об открытии этого "дома" Вайсов "письменно известил Александра II". Источники этих сведений оба автора не указывают.
10. В. А. Гордлевский - "Баха-уд-дин Накшбенд бухарский". Сборн. "С. Ф. Ольденбургу", стр. 164-165.
11. Е. В. Молостова, указанная статья в т. I "Мира ислама", стр. 145.
12. Это согласно опубликованного вайсовцами в 1917 г. в г. Казани сборника "История вайсовцев - героев нации, поборников ислама и их общая программа" (см. М. Сагидуллин, указанный оттиск из т. I Трудов ДТК, стр. 7). Относительно продолжительности "осады" полицией молитвенного дома вайсовцев в литературе приводятся и другие сведения. Например, Е. В. Молостова не отмечает длительности "осады" и излагает ее так, что она будто бы заняла не более одного дня. Она лишь замечает, что Бахауддин Вайсов, "его семья и единоверцы заперлись в нем (в молитвенном доме. - Л. К.) и оказали вооруженное сопротивление пытавшейся войти полиции. При начавшейся с обеих сторон перестрелке несколько человек было ранено и убито, по словам молодого Вайсова, первая жена Бахауддина". После их ареста "дом был разграблен толпой" (Молостова, указанная статья в т. I "Мира ислама", стр. 146).
13. См., напр., Н. П. Остроумов - "Христианское миссионерство", стр. 162-163, 287.
14. Цитир. по М. Сагидуллину, указ, оттиск из т. I Трудов ДТК, стр. 12.
15. Цитирую по переводу Н. Ашмарина в его "Очерке литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880-1895 гг.", стр. 49.
16. Записана мною в г. Казани в 1931 г.
17. Вл. Череванский - ст. в "Страннике", стр. 490.
18. "Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства... Самаркандской области". "Туркестанские ведомости", 1898, стр. 556 (№ 60). Полностью этот "Обзор" был помещен в "Сборнике материалов по мусульманству", изданном в 1899 г. по распоряжению туркестанского генерал-губернатора Духовского, стр. 3 - 47.
19. В. И. Ленин - Сочинения, т. XI, стр. 482.
20. "Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая", т. I, стр. 1789, 1792 - 1793.
21. Е. В. Молостова - указ. статья в т. I "Мира ислама", стр. 147. Подчеркнуто мною. Исходя

- из этого положения, согласно брошюре Кильдишева (см. ниже), Гинануддин Вайсов после 17 октября 1905 г. Старался доказать своим приверженцам бесполезность Государственной думы.
22. Цитир. по подлиннику "Святого присяжного листа". Казань, электр. типография Ах. Ях. Сайдашева, 1908, стр. 3. Стиль и транскрипция "листа" сохранены.
23. Н. Ф. Катанов - "Новые данные о мусульманской секте вайсовцев", стр. 5.
24. Цитирую по подлиннику. Имеет следующую отметку: "Дозволено цензурою. Казань, 1908. Электр. типография Ах. Ях. Сайдашева". Отпечатан на 2 стр. сложенного пополам писчего листа; другие две - чистые. Стиль и транскрипция сохранены; подчеркнуто мною.
25. Цитирую по переводу-изложению Н. Ф. Катанова, указ, соч., стр. 10 -11.
26. Там же, стр. 11-12.
27. См., напр., там же, стр. 11.
28. Е. В. Молостова, указ. статья в т. I "Мира ислама", стр. 148.
29. Цитирую по М. Сагидуллину, указ. оттиск из т. I Трудов ДТК, стр. 11. Последняя фраза подчеркнута мною.
30. Е. В. Молостова, указ, статья в т. I "Мира ислама", стр. 149.
31. Н. Ф. Катанов-указ, соч., стр. 13. Ниже, не оговаривая, используем несколько данных.
32. Е. В. Молостова, указ, статья в т. I "Мира ислама", стр. 150 - 151.
33. В. И. Ленин - Сочинения, т. XV, стр. 101.
34. См. Е. В. Молостова, указ. статья в т. I "Мира ислама", стр. 149. Также Л. Климович- "Классовая сущность ислама", журн. "Антирелигиозник", № 9, сентябрь 1927 г., стр. 23 - 24.
35. См. помимо указанных работ Остроумова и миссионерствующего проф. Катанова, напр., брошюру миссионера Я. Коблова "Граф Л. Н. Толстой и мусульманство. По поводу переписки Л. Н. Толстого с казанскими татарами". Казань, 1904.
36. См. в журн. "Annuaire tartare" vol. I, публикацию Chodia Muchammed Gajam Wiajsow'a - "Waisow, les "weisowens" et Leon Tolstoi" (р. р. 215-221), с иллюстративным приложением: "Lettre de Leon Tolstoi a Ginanuddin Waisow".
37. М. Сагидуллин - указ, оттиск из I т. Трудов ДТК, стр. 27.
38. В. И. Ленин - Сочинения, т. XII, стр. 333.
39. Цитир. по примеч. редактора (В. В. Бартольда) к стр. 148 указ, статьи Е. В. Молостовой в т. I "Мира ислама".
40. В. В. (Бартольд) - "Шейх Зайнулла Расулев. 1833-1917". Некролог. Журн. "Мусульманский мир", 1917, вып. I, стр. 73-74.
41. А. Крымский "История мусульманства", ч. III, стр. 17 и 19.
42. К. А. Елисеев - "Мусульманская секта бабизм или бахаизм в Туркестане"; стр. 11 я 14.
43. В. И. Ленин - Сочинения, т. XIX, стр. 30 (Цитата у В. И. Ленина из Бернской резолюции).

К ГЛАВЕ VII

1. Губайдуллин - "Из прошлого татар", МИТ, вып. II, стр. 109-110.
2. Цитирую по К. Казанскому - "Мистицизм в исламе", стр. 57-58.
3. "Премудрость Хазрат-Султан Арифин-Ходжа-Ахмада Яссави. (Могила его в мечети г. Туркестана)". С тюркского перевел Н. С. Лыкошин. "Сборник материалов для статистики Сыр-Дырынской области", т. IX, Ташкент, 1901, отд. II, стр. 93. . 4. "Автобиография Тимура", стр. 60.
5. См., напр... "Кодекс приличий на Востоке (Адаб-уль-салихын)". Сборник Мухаммед Садык-и-Кашкари. Перевел с тюркского Нил Лыкошин. "Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области", т. IV (1895), отд. II, стр. 161 - 240 (имеется отдельное издание: Ташкент, 1895). Также Н. Катанов - "Правила мусульманского хорошего тона". Журн. "Кавказский вестник", № 1, январь 1900 г., отд. II, стр. 91 - 94 и № 2, февраль 1900 г., отд. II, стр. 29 - 38; "Адабуль-Марзия" (правила достойных приличий), пер. с арабского соч. Джамаледдина Казикумухского... "Сборник сведений о кавказских горцах", вып. II (1869); А. К. - "Что должен делать каждый дербентский мусульманин (шиит), чтобы счастливо провести весь новый год". Известия Кавказского отделения ИРГО", № 1 (1872), стр. 20 - 23; и др.
6. См. Н. Лыкошин - "Оригинальное наставление к стрельбе". "Туркестанские ведомости", 1.3 мая 1901 г., стр. 196 -197 (№ 38).
7. Цитир. по Мих. Гаврилову - "О ремесленных цехах Средней Азии и их статутах-рисоля", журн. "Коммунистическая мысль", 1927, кн. 5, стр. 46 (примеч. 2), 49 (примеч. 3), 54 - 56. С незначительными купюрами эта работа Гаврилова опубликована также в "Известиях Средазкомстариса", вып. III, 1928, стр. 223 - 241.
8. Цитир. по "Рисоля сартовских ремесленников", собрал и перевел М. Гаврилов, стр. 57.
9. Цитир. по М. Ф. Гаврилову - "Среднеазиатский поэт и суфий Хувайдо", стр. 20, 23.
10. Медведев и др. - "Казанская большевистская организация в 1917 г.", стр. 12 - 13.
- 10а. Лаптев - "Казанская губерния". Цитир. там же, стр. 12.

11. М. Рыбушкин - цитир. соч., ч. I, стр. 125 - 126.
12. См. А. Аршаруни и Х. Габидуллин, указ, соч., стр. 10.
13. Цитир. по переводам Н. Ашмарина - "Очерки литературной деятельности казанских татар-мохаммедан", стр.13.
14. Цитир. по М. К. Корбуту - "Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет", т. I, стр. 129. Подчеркнуто мною.
15. Там же, стр. 129-130.
16. Г. Ибрагимов - "Татары в революции 1905 года", стр. 30.
17. А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указ, соч., стр. 10. Неогаворенные объяснительные слова, поставленные в скобках, принадлежат авторам цитируемой работы.
18. И. Гаспринский - "Русское мусульманство", стр. 3-4, 7.
19. Там же, стр. 9.
20. Ф. Энгельс - "Письмо к Иоанн Надежде". Журн. "Большевик", 31 июля 1934 г., № 13-14, стр. 86.
21. И. Гаспринский - "Русско-восточное соглашение", - стр. 7, 12, 15.
22. Там же, стр. 19-20.
23. В. И. Ленин - Сочинения, изд. 2-е, т. XVIII, стр. 197.
24. И. Гаспринский - "Русско-восточное соглашение" стр. 6.
25. Цитир. по "Приложениям" к книге И. Сталина - "Марксизм и национально-колониальный вопрос", стр. 209.
26. Цитир. по Г. Ибрагимову - "Татары в революции 1905 года", стр. 14.
27. Там же, стр. 15.
28. И. Сталин - "Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)", "Вопросы ленинизма", изд. 10-е. Стр. 580.
29. И. Гаспринский - "Русское мусульманство", стр. 12.
30. Там же, стр. 40-41.
31. Там же, стр. 32. Во втором случае подчеркнуто мною.
32. Цитир. по М. К. Корбут - указ, соч., т. I, стр. 144 (примеч)
33. И. Гаспринский - "Русское мусульманство", стр. 31. Подчеркнуто мною.
34. Цитир. по А. Е. Крымскому - "История Турции и ее литературы", т. I, стр. 255.
35. Цитир. по Н. Ашмарину - "Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан", стр. 55-56, 58.
36. Цитир. по главе "Народное просвещение" - сборника "10 лет социалистического строительства в Татарстане", стр. 44. Судя по 2-му примечанию к стр. 35 книги Л. Рубинштейна - "В борьбе за ленинскую национальную политику", глава эта принадлежит перу т. Атнатулова.
- 36а. Там же, стр. 48. Транскрипцию сохраняем.
37. Э. Ренан - "Ислам и наука", стр. 21, 24-25.
38. А. Баязитов - "Отношения ислама к науке и к иноверцам", стр. 3-4, 100.
39. Цитир. по указ. стат. М. Гаврилова в журн. "Коммунистическая мысль", стр. 49; то же "Известия Средазкомстариса", вып. III, 1928, стр. 230.
40. Е. Э. Бертельс - "Состояние работ по изучению истории таджикской литературы". "Записки ИВАН", т. II, 2, 1933, стр. 99.
41. А. Икрамов - "Отчет ЦК VI курултаю КП(б) Узбекистана". "Правда Востока", 16 января 1934 г., № 14 (3373), стр. 5.
42. Ф. Ходжаев - "К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии", изд. 2-е, стр. 21.
43. К сожалению, он остается до сих пор неизвестным для некоторых востоковедов. Так, проф. В. А. Гордлевский в 1934 г. пишет о самаркандском издании "Рассказов индийского путешественника" Фитрата, как о произведении Абд-ар-Рауфа, "индийского путешественника XX в.". См. его цитир. статью в сб. "С. Ф. Ольденбургу", стр. 151.
44. К. Маркс и Ф. Энгельс - Сочинения, т. XII, часть I, стр. 196.
45. Абд-ур-Рауф (Фитрат) - "Рассказы индийского путешественника". стр. 10-14. За исключением "изречения пророка", всюду подчеркнуто нами.
46. Фитрат - "Спор бухарского мударриса с европейцем в Индии о новометодных школах", стр. 22 - 25. (В дальнейшем это сочинение именуем: "Спор...").
47. "В мире мусульманства", № 8, 10 июня 1911 г., стр. 1.
48. Абд-ур-Рауф (Фитрат) - "Рассказы индийского путешественника", стр. 14 - Г6.
49. Там же, стр. 16. Подчеркнуто мною.
50. Там же, стр. 54, 57. Подчеркнуто мною.
51. Там же, стр. 12 - 29. В последнем абзаце подчеркнуто мною.
52. См. Д. ж. Байбулатов - "Чагатаизм - пантюркизм...", стр. 34.
53. Абд-ур-Рауф (Фитрат) - "Рассказы индийского путешественника", стр. 29. Подчеркнуто

мною.

54. "Сайха", стр. 10 - 13. Байбулатов, указ, соч., стр. 6 - 7.

55. Абд-ур-Рауф (Фитрат) - "Рассказы индийского путешественника", стр. 4. Подчеркнуто мною.

56. Там же, стр. 2.

57. Фитрет - "Спор...", стр. 45 - 46.

58. Цитирую по сборнику: К. Маркс - "Избранные сочинения в двух томах", т. I, стр. 311.

59. Фитрет - "Спор...", стр. 19, 50.

60. См, указ, работу Ф. Ходжаева, а также И. И. Умнякова - истории новометодной школы в Бухаре", "Бюллетень САГУ", вып. 16, 1957, стр. 81-98.

61. "Тарджуман", 12 октября 1883 г., № 19, стр. 1.

62. И. И. Умняков - указ, соч., в 16 вып. "Бюллетеня САГУ", 92, примеч.

63. Фитрет - "Спор...", стр. 52-56.

64. Цитир. по И. И. Умнякову, указ. соч. в 16 вып. "Бюллетеня САГУ", стр. 93 - 94. Подчеркнуто мною.

65. С. Айни - "Дохунда", стр. 142-143.

К ГЛАВЕ VIII

1. И. Сталин - "Марксизм и национально-колониальный вопрос". Подготовил к печати. И. Товстуха. Примечания, стр. 218.

2. В. И. Ленин-Собр. соч., изд. I, т. XIX, стр. 269 ("Тезисы по национальному и колониальному вопросам, принятые II конгрессом III Коммунистического интернационала"). Подчеркнуто мною. См. также Ленин - "Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. Для второго съезда Коммунистического Интернационала". Сочинения, изд. 3-е, т. XXV, стр. 289.

3. Е. М. - "Панисламизм". "Туркестанские ведомости", 1904, стр. 168 (№ 33).

4. В. И. Ленин - Сочинения, т. XII, стр. 357.

5. "Из черновых бумаг К. П. Победоносцева", "Красный архив", т. 5 (18), 1926, стр. 204-205. Раскрытые сокращения нами не отмечены.

6. В. И. Ленин - Сочинения, т. XIX, стр. 354.

7. Там же, стр. 356.

8. Фитрет - "Спор...", стр. 48.

9. Там же, стр. 48-50.

10. Кн. Хамыш-Хаджемокор - "Бакинские Дела и делишки (Путевые впечатления)", "В мире мусульманства", № 20, 2 (15) сентября 1911 г., стр. 3.

11. Н. Остроумов -- "К. П. фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края", стр. 12. Также его же "Христианское миссионерство", стр. 299-300.

12. "Московские ведомости", 1867 г., № 101.

13. Ш. Ибрагимов-"О муллах в киргизской степи", МСТК, вып. III, 1874, стр. 353.

14. См. "Московские ведомости", № 34, 3 февраля 1891 г., статью "Татары в Туркестане".

15. В. В. Бартольд - "История культурной жизни Туркестана", стр. 136, 137 (примеч. 3).

16. "Тарджуман", 23 июля 1893 г., № 24.

17. Вл. Череванский - "Записка по делам веры мусульман-суннитов", стр. 30. Подчеркнуто мною.

18. "Журеал... Особого совещания по делам веры", № 6, стр. 6-9.

19. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVII, стр. 428.

20. "Всеобщая газета", № 150, 1910 г.

21. Цитирую по предисловию И. Шпицберга к собр. докум. "Церковь и русификация бурято-монгол при царизме". "Красный архив", т. IV (53), 1932, стр. 102.

22. Дело Турк. охранного отд. по фонду № 12, № 468-1913 г., лист 174. Опубликовано: 1) П. Г. Галузо - "Туркестан-колония", стр. 149; 2) А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указанное соч., стр. 3.

23. Газ. "Баку", 24 апреля 1913 г., № 90, стр. 7. Подчеркнуто мною.

24. Цитир. по прилож. к указ. соч. А. Аршаруни и Х. Габидуллин а, стр. 125, 128-129. Транскрипция собств. имен и спец. терминов, по возможности, выправлена мною. Подчеркнуто мною.

25. Цитир. там же, стр. 106, 112.

26. Слова В. П. Наливкина, вышедшего в отставку по должности помощника военного губернатора Ферганской области и избранного в 1907 г. в члены I Государственной думы, об издававшейся в 1906 г. в Ташкенте джадидской газете "Таракки", закрытой русскими властями "по настоянию баев, казиев и представителей туземной администрации". См. А. Резцов-"Октябрь в Туркестане", стр. 26. О Наливкине см. также Контин - "Представительство от

- Туркестана в Государственной думе", газ. "Закаспийское обозрение", 2 января 1912 г., стр. 4.
27. См. С. Рыбаков - "Новометодисты и старометодисты в русском мусульманстве", журн. "Мир ислама", т. II, стр. 371-372 (выл. XII, 1914 г.).
28. Р. Катанян - "Против Касымова - против касымовщины", стр. 107.
29. Р. Катанян - "Бадретдиновщина", стр. 117.
30. И. Сталин - "Марксизм и национально-колониальный вопрос", сб., стр. 13-14.
31. В. Боровский - "Революция и контрреволюция", Сочинения, т. III, стр. 106-107. Первоначально опубликовано в № 19 газ. "Пролетарий" от 3 окт. (20 сент.) 1905 г.; входило в 1-е изд. собр. соч. Ленина, т. VI, стр. 481-486.
32. Цитир. по А. Бочков - "Октябрь - освободитель угнетенных национальностей (Выставка Центр. архива к XVII годовщине Октябрьской революции)". "Борьба классов", № 11, ноябрь 1934 г., стр. 95.
33. Цитир. по "Иностранные дипломаты о революции 1905 г." (подготовила к печати Э. Тененбаум). "Красный архив", т. IV (53), 1932, стр. 153-154.
34. О последнем см. В. В. Воровского - "В мире мерзости запустения. Русская белогвардейская лига убийц в Стокгольме". Сочинения, т. III, стр. 393-419 (есть отд. изд., ЛИЗ, Г919); его же - "Жертвы стокгольмских бандитов" - там же, т. III, стр. 388-392 (первонач. опублик. в газ. "Правда", 4 сентября 1919 г., № 195). Также см. Н. Мещерякова - "В. В. Боровский. Биографический очерк", там же, I т. I, стр. XXV-XLIX. Художественное изображение деятельности возглавлявшейся Мухаммедбеком хаджи Лаше-Скагауше (Хаджетлаше) Лиги убийц в Стокгольме дано Алексеем Толстым - "Черное золото. Зарисовки девятнадцатого года".
35. Маг. Айшин - "Константинополь". "Сын отечества", 14 (27) октября 1905 г., № 209, стр. 1.
36. Цитир. по Б. Бибинеишвили - "Ахча-Куймская трагедия", стр. 40-42. Подчеркнуто мною.
37. См. Эм - Эс - "Панисламизм как источник народных бедствий в связи с волнением среди мусульман". Журн. "Московский еженедельник", 1907 г., № 34 (1 сентября), стр. 13-24, № 41 (20 октября), стр. 15-29, № 42 (27 октября), стр. 22-37 и, № 51-52 (24 декабря), стр. 126-39. Здесь же, в № 38, 29 сентября 1907 г. (стр. 46-54), Хаджетлаше, за подписью М. С-ше, был опубликован рассказ "Званный вечер", к которому редакция "Московского еженедельника" делала такое примечание: "Автор "Картинки из жизни турецких вельмож" - мусульманин по происхождению и, по видимому, лично знаком с настроениями и взглядами, царящими в настоящее время на берегах Босфора, и с этой точки зрения передаваемые им разговоры представляются нам весьма любопытными" (стр. 46).
38. См. М. Tatarine - "Панисламизм (как грозное движение в мусульманском мире)". Журн. "Офицерская жизнь", 1908., № 118, 5 (18) мая, стр. 262-263, № 122, 2 (15) июня, стр. 317-318 и № 123, 9 (22) июня, стр. 333-335.
39. Э м - Эс. - указ. стат. в "Московском еженедельнике", 1907 г., № 34, стр. 13-14.
40. Там же, стр. 21-22. Подчеркнуто мною.
41. Там же, стр. 14, 16, 17, 19, 20. Подчеркнуто мною.
42. Там же, стр. 41, стр. 21, 26, 28.
43. Там же, № 34, стр. 21.
44. Там же, № 51-52, стр. 27.
45. Там же, стр. 28, 35, 34.
46. Там же, № 34, стр. 18. Подчеркнуто мною.
47. Там же, № 41, стр. 18.
48. Там же, № 34, стр. 23.
49. Там же, № 51-52, стр. 35.
50. Там же, № 41, стр. 29.
51. Там же, № 42, стр. 34.
52. "Государственная дума (по телеграфу)", газ. "Кубанский край", 14 марта 1912 г., стр. Г. Подчеркнуто мною.
53. Цитир. по прилож. к указ, сочинению А. Аршаруни и Х. Габидуллина, стр. 101, 110, 111. Полный текст секретного циркуляра департамента полиции от 18 декабря 1910 г. за № 119645 опубликован проф. Г. Губайдуллиным в статье "Крах панисламизма во время империалистической войны". Журн. "Культура и письменность Востока", кн. IV, 1929, стр. 107-109.
54. См., напр., газ. "Новая Русь", № 49, 19 февраля (4 марта) 1910 г.
55. См. "Мусульманин". 1911 г., № 14-17; "В мире мусульманства", 1911, №№ 1 (3 апреля), 2 (22 апреля) и 3 (29 апреля).
56. "Офицерская жизнь" 1908, № 123, стр. 334 и 335; "В мире мусульманства", 1911, № 3, стр. 3 (то же в указ, номере журн. "Мусульманин").
57. Эм-Эс, указ, стат., "Московский еженедельник", 1907, № 42,

стр. 27, примеч.

58. И. Сталин - "Марксизм и национально-колониальный вопрос", сб., стр. 3. Подчеркнуто везде мною.
59. В. И. Ленин - "Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам". Декабрь 1910 г., "Известия", № 21 (4588), 21 января 1932 г., стр. 2.
60. А. Г. Датиев - передовая "В мире мусульманства", 20 апреля (3 мая) 1912 г., № 8, стр. 1.
61. М.-б. Хаджетлаше - "(Мусульмане и Россия", там же, 12 (25) августа 1911 г., № 17, стр. 1-2.
62. Дм. Я-в. - "Лекция о панисламизме". "Туркестанские ведомости", 21 ноября 1912 г., № 263, стр. 2.
63. М.-б. Хаджетлаше - "Отношения русских мусульман к событиям в Триполи". Передовая "В мире мусульманства". № 29, 4 (17) ноября 1911 г., стр. 1. Подчеркнуто мною.
64. Асхаб Аль-Гумуки - "Нам нужна не война, а мир (по поводу статьи г. Хитрово в "СПБ вед.)". Там же, стр. 2.
65. М.-б. Х. - "Россия и мусульмане (еще несколько слов по поводу несправедливых обвинений)". Там же, № 30, 11 (24) ноября 1911 г., стр. 1. Подчеркнуто везде мною.
66. Г. Бамматов - "Панисламизм и русское мусульманство". Там же, № 19, 26 августа (8 сент.) 1911 г., стр. 2. Подчеркнуто везде мною.
67. См. Саид-Габиев-Кумухский - "Наша интеллигенция", там же, № 20, 2 (15) сентября 1911 г., стр. 2.
68. А. Аршаруни и Х. Габидуллин-указ, соч., стр. 21.
69. Слова С. Шаумяна; цитир. по указ. соч. Б. Бибинеишвили, стр. 37.
70. Слова татарской газеты "Урал" (1907 г.).
71. Передовая "В мире мусульманства", № 21, 24 сентября 1911 г.
72. М. Татарине - указ. статья в журн. "Офицерская жизнь", № 118, стр. 262, столб. 1-2.
73. А. К. - "Праздник и бедствие", "В мире мусульманства", № 18, 19 августа (1 сентября) 1911 г., стр. 2. Транскрипция арабских слов выправлена мною.
74. В. И. Ленин - Сочинения, т. XV, стр. 283.
75. А. Г. Датиев - "Два течения в мусульманской (интеллигенции)", "В мире мусульманства", № 30, 11 (24) ноября 1911 г., стр. 2. Подчеркнуто везде мною.
76. К. Маркс и Ф. Энгельс - Сочинения, т. III (Ф. Энгельс - "Положение рабочего класса в Англии") стр. 415.
77. А. Г. Датиев-указ, статья "Два течения в мусульманской интеллигенции" в "В мире мусульманства". Подчеркнуто везде автором.
78. См. С. Т. Аркомед - "Рабочее движение и социал-демократия на- Кавказе", изд. 2-е, стр. 37, 41 и др.
79. Цитир. по Г. Ибрагимову - "Татары в революции 1905 г.", стр. 96-97, 99. Подчеркнуто везде мною.
80. Ем. Ярославский - "1905 год в Закавказье", "Известия", 22 января 1935 г., № 19 (5572).
81. Джим-Алиф - "Мусульманин-рабочий". "В мире мусульманства", № 10, 24 (7) июня 1911 г., стр. 2. Подчеркнуто мною.
82. А. Г. Датиев - "Два течения в русской интеллигенции" в "В мире мусульманства", стр. 3. За исключением последней фразы всюду подчеркнуто Датиевым.
83. "К предстоящим выборам". "В мире мусульманства" № 3, 20 января 1912 г., стр. 1.
84. "Частушки". Там же, № 2, 13 (26) января 1912 г., стр. 3.
85. "К истории выборов в последнюю Государственную думу по Казанской губернии" (по копиям докум., хранящ. в Центр. архиве АТССР). Бюллет. "Центральный архив Татарстана", № 1 (22), 1933, стр. 63-65.
86. А. Г. Датиев - Передовая газ. "В мире мусульманства", № 8, 20 апреля (3 мая) 1912 г., стр. 1.
87. Там же, № 20, 2 (15) сентября 1911 г.
88. Там же, К. - "Судебная хроника" в № 4, 27 января 1912 г., стр. 3 и статья М. - "Депутат на суде", № 5, 10 февраля 1912 г.
89. См. Ага - "Лучше молчать", там же, 1911, № 15, 29 июля (11 авг.), стр. 1; там же, № 28, 28 октября 1911 г. - Датиев - "По поводу письма чл. Гос. думы М.-б. Гайдарова в газете "Каспий"; и др.
90. См. напр., "Дело Хаджи Тагиева", газ. "Кубанский край", 1912, № 57, стр. 3.
91. Цитирую по "Каспию", № 84, 14 апреля 1912 г., стр. 4.
92. Газ. "Баку", 13 января 1913 г., № 11, стр. 6.
93. См. "Письмо в редакцию", газ. "Речь", 24 декабря 1911 г. (6 января 1912 г.), № 353, стр. 6-7; "Хаджетлаше и панисламизм", "Каспий", 1912 г., № 6 (8 января), стр. 4 и № 8 (11 января), стр. 3. В последнем приведено и выше цитированное письмо Хаджетлаше к анонимному члену

К ГЛАВЕ IX

1. Помимо изложенного нами в главе VI, в этом отношении очень интересна деятельность мусульманской секты "пророка" - крупного торговца мануфактурой - Мянгалледдина (Мир-Алла-ад-дина?) Аминовича Курамшина, изложенная в статье А. П. - "Всемирный духовный собор" "Русское слово", 14/27 октября 1909 г., № 235, стр. 2 под заголовком "Новые течения в мусульманстве" с небольшими изменениями перепечатано в газ. "Баку", 20 октября 1909 г., № 234, стр. 2). Стремясь объединить все человечество в одной религии и уничтожить обрядность, Курамшин обращался с просьбой о созыве для этой цели "всемирного духовного собора" к "германскому императору, турецкому султану... саратовскому губернатору Энгельгарту, министру В. К. Плеве, великому князю Сергею Александровичу и... во вторую Государственную думу". По его мнению, карой за невнимательность к учению его секты явились для России "неудачная война с Японией, кровавая революция (1905 г.-Л. К.), голодовки". Изложено все это было им в специальных брошюрах, содержание которых А. П. сравнивал с толстовщиной и считал во многом "новым и удивительным".
2. И. Сталин - "Марксизм и национально-колониальный вопрос", сб., стр. 55.
3. Некоторые материалы по этим вопросам содержатся в кн. М. Бигеева - "Ислахат эсаслары" ("Основы реформ"), а также в периодической татарской печати; см. особенно газ. "Урал" за 1907 г. Неоднократно их касалась и пореволюционная советская литература; например, хронологически: Г. Ибрагимов - "Татары в революции 1905 г."; Ш. Типеев - "Очерки по истории Башкирии"; Г. Касымов - "Исторические корни султангалиевщины" (пер. на русск. яз.: "Пантюристская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина"); А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указ, соч.; и др. В дальнейшем в этом разделе, не оговаривая, используем некоторые данные из этих работ.
4. Ф. Туктаров - "Мусульманские депутаты в государственных думах", стр. 57.
5. Ш. Ахметжанов - "Подробности юбилея муфтия (от нашего спец. корр.)". "В мире мусульманства" 10 июня 1911 г., № 8, стр. 1-8.
6. "Из жизни и прессы мусульман". "Каспий", 6 января 1912 г., № 5, стр. 5.
7. И. Сталин - "Марксизм и национально-колониальный вопрос", сб., стр. 80.
8. М. Д. Гусейнов - "Партия "Мусават" в прошлом и настоящем", вып. 1-й, прилож. 1, стр. 71.
9. Там же-е, стр. 10. Приведенный текст Корана не точен.
10. Там же, стр. 73.
11. Там же, стр. 77-78. Подчеркнуто мною.
12. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVII, стр. 13.
13. Труды ДТК, т. I, ,
14. Цитир. по Гр. Андреев (Джурабаев) - "Новые течения в Бухаре", "Туркестанские ведомости", 20 октября (2 ноября) 1916 г., № 227, стр. 1. Вся статья напечатана в №№ 221 (13 окт, стр. 2), 223-(15 окт., стр. 2) и 227.
15. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVI, стр. 175.
16. "Куда мы ведем Бухару?", "Тарджуман", 30 июня 1909 г., № 27, стр. 4.
17. Сводку этих "доблестей мусульманского воинства" см. в "Мир ислама", т. II, вып. I, январь-март 1913 г., стр. 43-52.
18. "Баку", 23 февр. 1913 г., № 44, стр. 6.
19. Цитир. по сбор.: Е. Медведев и др. - "Казанская большевистская организация в 1917 г.", стр. 13.
20. Д. Дагестани (Джейхун-бек Гаджибеков) - "Заметки мусульманина. О нуждах духовенства". "Каспий". 7 декабря 1915 г., № 274, стр. 4. Вся статья напечат. в №№ 267 (29 ноября, стр. 6.), 270 (3 декабря, стр. 5) и 274. Подчеркнуто мною.
21. Передовая - "Перед ужасной войной". "Тарджуман". 16 июля 1914 г., № 165, стр. 1. Подчеркнуто везде мною.
22. Донесение казанского губернатора от 19 ноября 1914 г. Цитир. по А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указ, соч., стр. 52.
23. Асхаб Аль-Гумуки- указ. стат. в "В мире мусульманства", 4 (17) ноября 1911 г., № 29, стр. 2. О неисторичности высказанного здесь взгляда на халифа как "духовного главу всех мусульман" см. Л. Климович - "Мусульманам дают халифа", стр. 9-45.
24. Примеч. редакции к письму в редакцию С. Г. Алкина - "Как относятся русские мусульмане к войне с Турцией". - "Казанский телеграф", 22 октября 1914 г., № 6417, стр. 2.
25. "Кояш", 27 октября 1914 г., № 541, стр. 1.
26. Текст этого обращения муфтия М. Султанова был опубликован в газ. "Кояш" 23 ноября

- 1914 г., № 561, стр. 1. Русский перевод его наряду с другими материалами, характеризующими лояльное отношение мусульманского духовенства к защите русского самодержавия в годы империалистической войны 1914-18 гг., публиковался и в органах православных попов-миссионеров. См., например, "Инородческое обозрение" (приложение к журналу "Православный собеседник"; орган Казанской духовной академии), начиная с книги 8-й (за сентябрь 1914 г.) I тома и печатали 4-5 (за сентябрь-декабрь 1916 г.) тома II включительно (последние напечатаны в приложениях журнала "Православный собеседник" за октябрь-декабрь 1917 г.). Текст обращения оренбургского муфтия от 11 ноября 1914 г. помещен здесь в кн. 9 (прилож. к журн. "Православный собеседник" за декабрь 1914 г.), стр. 608-610.
27. Цитир. по А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указ, соч., стр. 49.
28. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVIII, стр. 198.
29. С. Г. Алкин, указ. письмо в редакц. газ. "Казанский телеграф", 22 окт. 1914 г., № 6417, стр. 2.
30. См. проф. Г. Губайдуллин - "Крах панисламизма во время империалистической войны". "Культура и письменность Востока", Кн. IV, 1929, стр. 103-118.
31. "Декларация британских мусульман", "Каспий", 18 янв. 1915 г., № 14, стр. 5-6. Перевод 114 суры Корана выправлен мною по подлиннику. Стиль перевода декларации также исправлен.
32. См. L. Hubert - "L'Islam et la guerre"; Б. Кандидов - "Церковный фронт в годы мировой войны"; R. Hartmann - "Die Welt des Islam einst und heute" и ряд других работ. Сводного труда по этой интересной теме пока, насколько нам известно, нет. Указанная брошюра французского сенатора Губерта, очень невелика (48 стр.) и тенденциозна. Маловажны по своему значению и почти все статьи зарубежной и советской прессы, посвященные в той или иной степени этому вопросу.
33. См. "Международные отношения в эпоху империализма", серия III, т. VI, ч. I.
34. "Каспий", 15 февраля 1916 г., № 36, стр. 5. "Мусульмане и война". Подчеркнуто мною.
35. С. А. Алкин - указ, письмо в ред. газ. "Казанский телеграф", 22 октября 1914 г., № 6417, стр. 2. Подчеркнуто везде мною.
36. "Мусульмане во 2-й отечественной войне". "Туркестанские ведомости", 21 апр. 1915 г., № 86, стр. 3; также: "Русские мусульмане и война", "Каспий", 9 апреля 1915 г., № 77, стр. 4 (перепеч. стат. Инсарова из "Биржевых ведомостей").
37. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1914 году". "Каспий", 1 янв. 1915 г., № 1, стр. 6. Вся статья напеч. в №№ 1 и 2 (3 янв., стр. 5).
38. "Мусульмане во 2-й отечественной войне". "Туркестанские ведомости", 21 апреля 1915 г. № 86, стр. та же.
39. Цитир. по А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указ, соч., стр. 50-51.
40. "Каспий", 18 июня 1915 г., № 134, стр. 4.
41. Д. Дагестани - "Во временном мусульманском комитете (письмо из Петрограда)". "Каспий". 19 сент. 1915 г., № 208, стр. 4. Подчеркнуто мною.
42. "Каспий", 1 января 1915 г., № 1, стр. 5.
43. Там же, 3 января 1916 г., № 2, стр. 4-5.
44. Там же, 4 января 1915 г., № 3, стр. 5.
45. Там же, 6 января 1915 г., № 4, стр. 5.
46. Там же, 8 января 1915 г., № 5, стр. 5.
47. Там же, 11 января 1916 г., № 8, стр. 5.
48. Там же, 13 января 1915 г., № 9, стр. 5.
49. Там же, 25 января 1915 г., № 20, стр. 6.
50. См. там же, 29 января 1915 г., № 23, стр. 4.
51. Там же, 6 февраля 1915 г., № 28, стр. 4.
52. Там же, 10 февраля 1915 г., № 31, стр. 6.
53. Там же, 15 января 1915 г., № 11, стр. 4. По сообщению газеты "Турмыш".
54. Там же, 27 мая 1915 г., № 115, стр. 4.
55. Там же, 9 мая 1915 г., № 102, стр. 5.
56. Н. Остроумов - "К 50-летию Ташкента (15 июня 1865 г.- 15 июня 1915 г.). Ташкентские сарты под русским управлением". Читано в туркестанском отд. Географич. об-ва в пользу семейств убитых воинов русской армии. "Туркестанские ведомости", 1915 г., № 125, стр. 3. Вся стат. помещ. в №№ 108 (сир. 3), 110 (стр. 3), 112 (стр. 3), 115 (стр. 3), 117 (стр. 2), 119 (стр. 3), 121 (стр. 3), 122 (стр. 3), 123 (стр. 3), 124 (стр. 3), 125. 127 (стр. 3) и 128 (стр. 3).
57. "Каспий", 26 мая 1915 г., стр. 6. "Из жизни и прессы мусульман".
58. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1915 г.", "Каспий", 9 января 1916 г., № 6, стр. 5. Вся статья помещена в №№ 1 (1 янв., стр. 5-6), 2 (3 янв., стр. 5-6), 4 (6 янв., стр. 5), 5 (8 янв., стр. 6), 6 (стр. 4-5), 9 (13 янв., стр. 4-5), 11 (15 янв., стр. 4), 17 (22 янв., стр. 4).
59. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1914 г.", "Каспий", 3 янв. 1915 г., № 2, стр. 5. Вся

- статья помещ. в №№ 1 (1 янв., стр. 6) и 2. Подчеркнуто мною.
60. "Каспий", 9 января 1915 г., № 6, стр. 4.
61. Там же, 15 января 1915 г., № 11, стр. 4. Подчеркнуто мною.
62. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVIII, стр. 169.
63. Там же, т. XVIII, стр. 65. Подчеркнуто мною.
64. См. Е. Медведев - "Казанский пролетариат в годы войны", "История пролетариата СССР", Сб. 7, 1931, стр. 138-140; "Царская армия в период мировой войны и февральской революции (материалы...)", стр. 178-180; Е. Медведев и др. - "Казанская большевистская организация в 1917 г.", стр. 23, 28.
65. "Кояш", 23 ноября 1914 г., № 561, стр. 1.
66. А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указ, соч., стр. 52.
67. Медведев и др. - "Казанская большевистская организация в 1917 г.", стр. 16.
68. "Каспий", 31 января 1915 г., № 31, стр. 6. "Мусульманская жизнь". Там же, 5 февраля 1915 г., № 27, стр. 4.
69. Там же, 2 февраля 1915 г., № 26, стр. 4.
70. Там же, 21 апреля 1915 г., № 87.
71. Там же, 13 января 1915 г., № 9, стр. 5. "Мусульмане и война".
72. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1915 г.", там же, 3 января 1916 г., № 2, стр. 5.
73. Там же, 28 авг. 1915 г., № 192, стр. 4. "Мусульмане и война".
74. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1914 г.", там же, 1 января 1915 г., № 1, стр. 6.
75. Д. Ллойд-Джордж - "Военные мемуары", т.т. I-II, стр. 306, 307, 309, 311.
76. "Каспий", 3 июля 1915 г., № 145, стр. 3. "Мусульмане и война".
77. См. там же, 18 июля 1915 г., № 159, стр. 3-4.
78. Там же, 4 августа 1915 г., № 173, стр. 3. "Из жизни и прессы мусульман".
79. Там же, стр. 5. "Мусульмане и война".
80. "Туркестанские ведомости", 8 августа 1915 г., № 174, стр. 4. "Мусульманские праздники в Ашхабаде (Краевая хроника)". Подчеркнуто мною.
81. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1914 г.", "Каспий", 1 января 1915 г., № 1, стр. 5.
82. "Каспий", 4 августа 1915 г., № 163, стр. 5. "Мусульмане и война".
83. Там же, 13 марта 1915 г., № 58, стр. 4. "Из жизни и прессы мусульман".
84. Там же, 14 марта 1915 г., № 59, стр. 4.
85. Там же, 19 марта 1915 г., № 63, стр. 4. "Мусульмане и война".
86. См. Б. Кандидов - "Церковный фронт в годы мировой войны", стр. 30-31.
87. "Каспий", 18 марта 1915 г., № 62, стр. 4. "Мусульмане и война".
88. Там же, 1 апреля 1915 г., № 70, стр. 5.
89. Там же, 27 марта 1915 г., № 66, стр. 6.
90. "Туркестанские ведомости", 12 марта 1915 г., № 56. "Торжественное молебствие и парад (местная хроника)".
91. "Каспий", 9 января 1915 г., № 6, стр. 4. "Мусульмане и война".
92. Там же, 24 января 1915 г., № 19, стр. 4-5.
93. Там же, 27 сентября 1915 г., № 215, стр. 4. "Из жизни и прессы мусульман".
94. Там же, 24 сентября 1915 г., № 212, стр. 3. "Прибытие великого князя в Тифлис (по телефону от нашего корреспондента)".
95. Там же, 25 сентября 1915 г., № 213, стр. 3. "К встрече великого князя (по телефону из Тифлиса)".
96. Там же, 24 сентября 1915 г., № 212, стр. 3-4. "Встреча великого князя Николая Николаевича".
97. Там же, 7 октября 1915 г., № 221, стр. 4. "Мусульмане и война".
98. Цитиров. по М. Д. Гусейнову - "Партия "Мусават" в прошлом и настоящем", вып. Г-и, стр. 36-37.
99. Там же, стр. 42. Относительно этой германофильской "депутации" см. также А. Аршаруни и Х. Габидуллин - указ. соч., стр. 55-57.
100. Цитировано по "Каспию" от 7 июля 1915 г., № 149, стр. 5, "Мусульмане и война".
101. Цитировано по М. Д. Гусейнову - "Партия "Мусават" в прошлом и настоящем", вып. 1-й, стр. 60, 62. Подчеркнуто мною.
102. После Октябрьской революции Карсская область отошла к Турции. Переход ее был оформлен в московском и карсском договорах от 16 марта и 13 октября 1921 г.; по аналогии с ними был заключен и анкарский договор 21 января 1922 г. Теперь Карсская область - вилайет Турецкой республики. Текст указанных договоров см. в примечании 44 к III т. Мустафы Кемаля - "Путь новой Турции", стр. 320 - 323.
103. Цитировано по М. Д. Гусейнову - "Партия "Мусават" в прошлом и настоящем", вып. 1-й, стр. 62. Подчеркнуто мною.

104. Цитировано по Гр. Андрееву (Джурабаев) - "Самаркандский журнал "Ойна" и его редактор-издатель Махмуд-ходжи Бегбуди". "Туркестанские ведомости", 18 сентября 1915 г., № 206, стр. 2. Вся статья в №№ 205 (17 Сентября, стр. 2) и 206.
105. Г. Губайдуллин - "Крах панисламизма во время империалистической войны", "Культура и письменность Востока" кн. IV, 1929, стр. 110.
106. Цитировано по "Каспию", 20 января 1915 г., № 15, стр. 4. "Мусульмане и война".
107. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVIII, стр. 182.
108. Подлинник хранится в 1-м отделе Татцентрархива (Казань). Материалы - "Царская армия в период мировой войны и февральской революции", стр. 187. Ниже используемые отсюда материалы не оговариваю. Допускаю лишь небольшие поправки в транскрипции иноязычных слов. Подчеркнуто везде мною.
109. "Каспий", 2 мая 1915 г., № 96, стр. 6. "Мусульмане и война".
110. Цитировано там же, 18 марта 1915 г., № 62, стр. 4.
111. В. И. Ленин - Сочинения, т. XVIII, стр. 197.
112. Н. Зинченко - "Петроградские тисья. О туркестанской туземной газете". "Туркестанские ведомости", 8 декабря 1915 г., № 273, стр. 2. Подчеркнуто мною.
113. "Каспий", 19 декабря 1915 г., № 284, стр. 4. "Из жизни и прессы мусульман".
114. Там же, 11 января 1915 г., № 8, стр. 5. "Мусульмане и война".
115. Там же, 14 апреля 1915 г., № 81.
116. Там же, 1 января 1915 г., № 1, стр. 5.
117. Там же, 11 января 1915 г., № 8, стр. 5. Подчеркнуто мною.
118. Там же, 1915 г., №№ 85, 86 и др.
119. В. И. Ленин - Сочинения, т. VIII, стр. 395.
120. Опубликов. в "Красном архиве", М. Н. Покровский - "Империалистская война", сб., стр. 298.
121. "Вакт", 16 сентября 1914 г., № 1585.
122. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1914 г.", "Каспий", 3 января 1915 г., № 2, стр. 6.
123. А. Самойлович - "Песни крымских татар про вторую отечественную войну (Памяти Исмаил-мирзы Гаспринского)", отд. оттиск, стр. 3, 5, 6, 7 (перевод и русская фонетическая транскрипция).
124. "Европа сугыш баяти", стр. 11.
125. (М.-х. А. А. Курамшев) - "Европа сугыш халляри", изд. 2-е, стр. 1-15.
126. Г. М. Абдулмянев - "Сугыш жирлары" изд. 2-е, стр. 6 - 8, 10 - 21.
127. См. Д. Дагестани - "Не чужие" "Каспий", 18 сентября 1915 г., № 207, стр. 4.
128. См. "Каспий", 5 марта 1915 г., № 51, стр. 5.
129. Там же, 1 июня 1916 г., № 120, стр. 4. "Из жизни и прессы мусульман".
130. Гр. Андреев (Джурабаев) - "Мусульманский журнал "Ислах". "Туркестанские ведомости", 29 марта 1916 г., № 70, стр. 4. "Библиография".
131. Г. Р. Андреев (Джурабаев) - "Новометодные мактабы в Туркестане (очерк)". "Туркестанские ведомости", 1915 г., 25 сентября, № 212, стр. 2, 21 октября, № 233, стр. 2-3, 23 октября, № 235, стр. 2, 28 октября, № 239, стр. 2-3, 14 ноября, № 254, стр. 2, 2 декабря, № 268, стр. 2, 11 декабря, № 276, стр. 2-3, 16 декабря, № 280, стр. 2-3, 17 декабря, № 281, стр. 2 и 19 декабря, № 283, стр. 2. Цитир. №№ 268, 276 и 250.
132. См. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1915 г.", "Каспий", 8 января 1916 г., № 5, стр. 4. Там же, 19 августа 1915 г., № 184, стр. 3 - "Из жизни и прессы мусульман".
133. М. Ю. Джафаров, член Государственной думы - "Прогрессивный блок и мусульманская фракция", "Каспий", 9 декабря 1915 г., № 275, стр. 5.
134. "Ачыг соз", 13 ноября 1915 г., № 34. Цитируем по М. Д. Гусейнову - "Партия "Мусават" в прошлом и настоящем", стр. 56.
135. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1915 г.", "Каспий", 1 января 1916 г., № 1, стр. 6.
136. С.-м. "Каспий", 1916 г., 4 января, № 10, стр. 4; 8 января, № 5, стр. 6 и др.
137. Там же, 12 января 1916 г., № 8, стр. 4. "Из жизни и прессы мусульман". Подчеркнуто мною.
138. Там же, 6 февраля 1916 г., № 29, стр. 4. "Мусульмане и война".
139. Там же, 10 февраля 1916 г., № 32, стр. 4-5.
140. См., например, там же, 18 февраля 1916 г., № 39, стр. 5.
141. Там же, 13 февраля 1916 г., № 35, стр. 4.
142. "Кадеты в дни Галицинского разгрома 1915 г.", "Красный архив", 1933, т. 4 (59), стр. 127-129. Подчеркнуто везде мною.
143. "Каспий", 23 июля 1916 г., № 164, стр. 3. "Война я мусульмане".
144. Там же, 1 июня 1916 г., № 1-20, стр. 4. "Из жизни и прессы Мусульман".

145. Там же, 17 июня 1916 г., № 134, стр. 3. "Война и мусульмане".
146. Там же, 26 мая 1916 г., № 116, стр. 5.
147. "Вакт", 27 февраля 1916 г., № 1990.
148. Там же, 16 июня 1916 г., № 133, стр. 4, "Из жизни и прессы мусульман".
149. См., например, сводки Д. Дагестани (он же - "Д.") - "Офицеры-мусульмане". "Каспий", 1916 г., 16 февраля, № 37, стр. 4. 26 февраля № 45, стр. 4, 27 февраля, № 46, стр. 4-5, 4 марта, № 51, стр. 4-5, 6 марта, № 53, стр. 5-6, 15 марта, № 60, стр. 5-6, 25 марта, № 69, стр. 5-6, 30 марта, № 72, стр. 4, 1 апреля, № 74, стр. 4, 19 апреля, № 86, стр. 5-6, 22 апреля, № 89, стр. 4, 28 апреля, № 96, стр. 5, 17 мая, № 109, стр. 4, 16 июня, № 133, стр. 4 и др.
150. "Восстание 1916 г. в Средней Азии". Сб. документов, стр. 158.
151. Цитировано по П. Алексеенкову - "Хивинское восстание 1916 года", стр. 34.
152. "Каспий", 22 апреля 1916 г., № 89, стр. 4. "Из жизни и прессы мусульман".
153. Там же, 4 августа 1916 г., № 174, стр. 3. "Война и мусульмане".
- 154 и 154а. И. Сталин - "Марксизм и национально-колониальный вопрос". Сб., стр. 75. Подчеркнуто везде мною.
155. Цитирую по ст. Н. - "Росли и крепили в борьбе". "Красная звезда", орг. РВС САВО, 30 сентября 1933 г., № 226/3815, стр. 2.
156. Цит. по ст. П. Галузо - "Историческая подготовка восстания 1916 года в Средней Азии". Сб. ст. П. Галузо и Ф. Божко - "Восстание 1916 г. в Средней Азии", стр. 20-21.
157. Помеченный 22 февраля 1917 г., этот рапорт вряд ли успел дойти по назначению. Цитирую по Л. Резцов - "Октябрь в Туркестане", стр. 17.
158. Е. Федоров - "Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии", стр. 51.
159. См. Гр. Андреев (Джурабаев) - "Самаркандский журнал "Ойна" и его редактор-издатель Махмуд-ходжа-Бегбуди". "Туркестанские ведомости", 17 сентября 1915 г., № 205, стр. 2. Подчеркнуто мною.
160. Д. Дагестани - "Мусульманская жизнь в 1915 г.". "Каспий", 1 января 1916 г., № 1, стр. 6. Подчеркнуто мною.
161. Резолюция Николая II: на докладе военного министерства от 26 июля 1916 г. (ст. стиль). См. П. Галузо, указ ст. в сб. П. Галузо и Ф. Божко - "Восстание 1916 г. в Средней Азии", стр. 23.
162. "Каспий", 21 июля 1916 г., № 162, стр. 3. "Война и мусульмане". Подчеркнуто мною.
163. "Восстание 1916 г. в Средней Азии", Сб. док., стр. 131. Подчеркнуто мною.
164. Там же, стр. 20.
165. "Джизакское восстание 1916 г." (с предисловием А. Шестакова). "Красный архив", т. 5 (60), 1933, стр. 71, 72, 73. Подчеркнуто везде мною.
166. Военно-исторический архив ФГУГШ, д. № 42, ч. I, л. 126. Подчеркнуто мною. Цитирую по приложениям к кн. С. Брайнина и Ш. Шафиро - "Очерки по истории Алаш-Орды", стр. 104. Подчеркнуто мною. В дальнейшем цитируемое по "Приложениям" этого издания не оговариваю.
167. "Каспий", 2 августа 1916 г., № 172, стр. 4. "Война и мусульмане". Подчеркнуто везде мною.
168. "Восстание 1916 г. в Средней Азии", Сб. док., стр. 55. Подчеркнуто мною.
169. См. предисловие С. Волина к сб. документов "Восстание 1916 г. в Средней Азии", стр. 8. Как сообщается здесь, экземпляр цитир. брошюры "двух видных джаидов" находится в библиотеке ЦАУ УзССР.
170. Передовая газеты "Казак", 8 июля 1916 г., № 188.
171. Гали-хан. Ахмед и Мерьякуп - "К гражданам Алаш"; они же - "К казакскому народу". "Казак", 11 августа 1916 г., № 192.
172. С. М. Абрамзон - "Манапство и религия". "Советская этнография", 1932 г., № 2, стр. 88.
173. Балтабай - "Общие картины 1916 г. в Уральской губернии." "Труды о-ва изучения Казакстана (Киргизского края)", т. VIII, вып. II. стр. 14-15. (Отд. оттиск, стр. 4-5). Подчеркнуто везде мною.
174. Каз. Ц. А. Ф. канцелярии тургайского губернатора, д. № С. л. 4-7.
175. "Восстание 1916 г. в Средней Азии", сб. документов, стр. 21, 22-23.
176. См. напр. "Джизакское восстание 1916 г.", "Красный архив" т. 5 (60), стр. 85.
177. Самаркандец - "Археологическая находка в Самарканде". "Туркестанские ведомости", 28 августа 1916 г., № 188, стр. 4. Подчеркнуто везде мною.
178. А. Кирснер - "Коран Османа. Историческая справка". "Туркестанский курьер", 23 февраля 1910 г., № 43, стр. 3. Подчеркнуто мною. История этого приписывавшегося халифу Осману (644- 656 гг.) списка Корана в период после завоевания Туркестана царской Россией заслуживает специального рассмотрения. В печати о нем давались самые разнообразные сведения: ср., например, статью А. Кирснера со ст. А. Я. Куна - "Коран Османа". МСТК, вып. III, 1874, стр. 401-404; А. Шебунина - "Куфический Коран". ЗВОИРАО, т. VI, стр. 69-133;

"Редкая рукопись Корана", "В мире мусульманства", 13 мая 1911 г., № 5, стр. 3; и др. Изданные С. И. Писаревым копии этого списка имеются, помимо Ленинграда, в Центральном музее АТССР (Казань) и других местах. Не менее интересна и пореволюционная история этого списка Корана.

179. Цит. по А. Бочков у - указ, статья: "Борьба классов", № 11, ноябрь 1934 г., стр. 94.

180. См. Д. Сажиров - "Ходжент в революцию (воспоминания)" - "Коммунистическая мысль", мн. 5, 1927, стр. 137-138.

181. Цитирую по А. В. Шестакову- "Восстание в Средней Азии в 1916 г.". "Историк-марксист", т. II, 1926 г., стр. 93; Л. Климович - "Социалистическое строительство на Востоке и религия", стр 192-193.

182. "Восстание 1916 г. в Средней Азии". Сб. документов, стр. 102.

183. Я. Петерс - "Некоторые выводы из чистки среднеазиатской парторганизации". "Большевик", 15 февраля 1935 г., № 3, стр. 29.

184. К. В. Гей - "Предварительные итоги чистки КП(б)Уз", Доклад на, пленуме ЦК КП(б)Уз. "Правда Востока", 17 января 1935 г., № 16, стр. 3.

185. "Восстание 1916 г. в Средней Азии". Сб. документов, стр. 120.

186. Там же, стр. 137. Выступление Джафарова в Государственной думе 13 декабря 1916 г. Подробно см. об этом в ряде выше цитированных работ по среднеазиатскому восстанию 1916 г.

187. "Туркестанские ведомости", 9/22 октября 1916 г., № 218, стр. 3. "Вести из Семиречья".

188. Ю. - "Поездка главного начальника края". "Туркестанские ведомости", 14 сентября 1916 г., № 200, стр. 2.

189. "Набор рабочих для тыла в Туркестане". Там же, 12 июля 1916 г., № 151, стр. 2. Подчеркнуто везде мною.

190. Доклад губернатора Лыкошина от декабря 1916 г. "Восстание 1916 г. в Средней Азии", сб. док., стр. 28.

191. Гр. Андреев (Джурабаев) - "В туземном городе". "Туркестанские ведомости", 29 сентября 1916 г., № 211, стр. 2. Подчеркнуто везде мною.

192. "Каспий", 10 августа 1916 г., № 178, стр. 3. "Война и мусульмане".

193. О. М-в - "Отправление туземных рабочих из Перовска (отчет нашего корреспондента)". "Туркестанские ведомости", 1916 г., 23 октября, № 229, стр. 4. Подчеркнуто везде мною.

194. "Восстание 1916 г. в Средней Азии", сб. документов, стр. 141.

195. Гр. Андреев (Джурабаев)-"Письма сартов военно-рабочих", "Туркестанские ведомости", 28 октября 1916 г., № 233.

196. Г. Минасазов -"1916 год в жизни кавказских мусульман". "Кавказское слово", 1 января 1917 г., № 1, стр. 4-5. Подчеркнуто мною.

197. Цитирую по Б. Кандидову - "Церковный фронт в годы мировой войны", "стр. 37.

198. Цитирую по "Каспию", 14 января 1917 г., № 11, стр. 3-4. "Война и мусульмане". Подчеркнуто везде мною.

199. См. об этом, например, Л. Климович - "Социалистическое строительство на Востоке и религия", стр. 46, 101 - 102; и др.

200 "Каспий", 23 февраля 1917 г., № 43, стр. 4.

201. См. например, М.Бигеев - "О банковских процентах"

202. Цитирую по А. Перейко - "На фронте империалистической войны (воспоминания большевика)", стр. 65 - 66.

203. В.И. Ленин - Сочинения, т. XVIII, стр 259. Подчеркнуто мною.

204. Балтабай - "Общие картины...", "Труды общества изучения Казахстана (Киргизского края)", т.VIII вып. II, стр. 16 (отд. Оттиск, стр. 6).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. НЕ ПЕРИОДИКА

1. Г. М. Абдулмянев-"Сугыш жирлары", изд. 2-е. Изд. "Шарк матбагасы", Уфа, 1915.

2. Абд-ур-Рауф - "Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть)". Перевод с персидского А. Н. Кондратьева. Изд. Махмуд-ходжа Бекбуди. Самарканд, 1913.

3. "Автобиография Тимура и богатырские сказания о Чингас-хане и Аксак-Темире". Перевод с тюркского и джагатайского языков. Вступительная статья и комментарий В. А. Панова. Изд. "Academia", 1934.

4. С. Агамали-оглы - "Намус в затворнических обществах исламского мира". АзГМЗ, -Баку, 1930.

5. С. Айни - "Дохунда". Просмотренный автором перевод с таджикского О. Орестова, под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями М. Гафиза, О. Орестова и М.

Шевердина. САОГИЗ, М.- Ташкент, 1933.

6. А. Алексеенков - "Хивинское восстание 1916 года". УзГИЗ, Ташкент, 1930.

7. "АлКоран о Магомете или закон турецкий. Переведенный с французского языка на русский. Напечатан повелением царского величества. В Санктпетербургской типографии 1716 года в месяце декември".

8. С. Т. Аркомед - "Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе (с 80-х годов по 1903 г.)". С предисловием к первому изданию Г. В. Плеханова. ГИЗ, М. - Петроград, 1923.

9. А. Аршаруни и Х. Габидуллин - "Очерки панисламизма и пантюркизма в России". Изд. "Безбожник", М., 1931.

10. "Ахукамукхам а талым набы, или книга богословии Мапометовой". Во увеселение меланхоликов. Переведена с французского языка Федором Коржалиным. Изданием Н. Новикова и Компании. В Москве... 1783 года.

11. Н. Ашмарин - "Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880-1895 гг." Под редакцией А. Е. Крымского, М., 1901. (ТВ ЛИВяз, вып. IV).

12. Дж. Байбулатов - "Чагатаизм-пантюркизм в узбекской литературе". САОГИЗ, М.-Ташкент, 1932.

13. Балтабай - "Общие картины 1916 г. в Уральской губернии". Отд. оттиск из т. VIII, вып. II "Трудов Общества изучения Казакстана (Киргизского края)". Изд. Об-ва изучения Казакстана. Кзыл-Орда, 1926.

14. В. В. Бартольд - "История изучения Востока в Европе и России". Лекции... Изд. 2-е, Л., 1925.

15. В. В. Бартольд-"История культурной жизни Туркестана". Изд. АН, Л., 1927.

16. Г. Баруди, казанский мулла, - "Основы ислама". Перевел И. Н. Изд. "И. С. Идрисов и К°", Казань, 1906.

17. А. Баязитов (СПБ мухаммеданский ахун-имам мударрис) - "Отношения ислама к науке я к иноверцам". СПб, 1887.

18. И. А. Беляев - "Мектебы Закаспийской области. Статистический очерк туркменских низших школ (мектеб) по данным анкеты 1915-1916 гг". Асхабад, 1916 (Прилож. к "Обзору Закаспийской области за 1912-1914 гг.").

19. Б. Бибинейшвили-"Ахча-Куймская трагедия (Вожди Бакинской коммуны)". Изд. Заккняга, 1931.

20. М. Бигеев - "Узун гюнлэрдэ рузэ". Казань, 1912.

21. М. Бигеев - "Ислахат эсааслары". Петроград 1915.

22. М. Бигеев - "О банковских процентах". -Казань, изд. "Маа-риф", 1915.

23. С. Брайнин, Ш. Шафиро - "Очерки по истории Алаш-Орды". Приложения. Под редакцией Н. И. Ванага. Приложения. Казакское краевое издательство. Алма-Ата - М., 1935.

24. Бригада политсектора Уполнаркомзема - "На развалинах Марва. Политотдел Байрам-Алийской МТС - организатор колхозных побед". САОГИЗ, М. - Ташкент, 1934.

25. М. Ф. Бунегин - "Революция и гражданская война в Крыму (1917-1920)". Крымгосиздат, 1927.

25a. G. Weil-"Historisch-kritische Einleitung in den Koran", 1844 (2-te Aufl. 1878).

26. "Восстание 1916 года в Средней Азии". Сборник документов. Подготовил к печати Ф. Божко и С. Волия. Под редакцией П. Г. Галузо. ("Красный архив Средней Азии", орган Саниира и Центро-архива УзССР, вып. (I). УзГИЗ, Ташкент, 1932.

27. В. В. Воровский - "Сочинения", под редакц. Я. С. Ганецкого, Н. Л. Мешерякова и М. А. Савельева, тт. I и III. М., 1933.

28. "Высочайший манифест 17 октября 1905 г. и Положения комитета министров 17 апреля 1905 г., относящиеся к иноверцам и мусульманам с разъяснениями". Казань, 1907.

29. М. Ф. Гаврилов - "Среднеазиатский поэт и суфий Хувайдо". Изд. Общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами, Ташкент, 1927.

29a. Ч. Г. Гайнуллин - "Яхъя суфий". Изд. тип. "Миллят". Казань, 1914.

30. П. Г. Галузо - "Туркестан-колония". Изд. КУТВ, М., 1929.

31. П. Галузо и Ф. Божко-"Восстание 1916 г. в Средней Азии". Сборник статей. САОГИЗ. М.-Ташкент, 1932.

32. И.-б. Гаспринский - "Русское мусульманство", Мысли, заметки и наблюдения мусульманина (извлеч. из №№ 43, 44, 45, 46 и 47 "Тавриды" 1881 г. с дополнениями)". Симферополь, 1881.

33. И. Гаспринский- "Русеко-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания". Бахчисарай, 1896.

34. С. А. Гепнер (составитель - и. д. начальника вр. Поземельно-податного отделения при Ферганском областном правлении) - "Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. I. Андижанский уезд", г. Нов. Маргелан, 1897.

35. "Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая", т. I, СПб, 1907.
36. С. Граменицкий - "Очерки развития народного образования в Туркестанском крае". Ташкент, 1896.
37. Н. И. Гродеков-"Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области". Том I. Юридический быт. Ташкент, 1889.
38. М. Д. Гусейнов - "Партия "Мусават" в прошлом и настоящем". Вып. I. Программа и тактика. Изд. Заккнига, 1927.
39. "10 лет социалистического строительства в Татарстане (1920 - 1930). -Сборник. Татиздат, Казань, 1930.
40. В. Дзасохов - "Северная Осетия (социально-политический очерк)". Изд. "Власть Советов", М., 1931.
41. "Европа сугыш бйайти". Изд. "Шарк - матбагасы", Уфа, 1915.
42. Е. Елисеев - "Мусульманская секта бабизм или бахаизм в Туркестане. (О борьбе с пропагандой этой секты)". Ташкент. (Год изд. не указан; очевидно, отд. оттиск из повременного издания).
43. "Журнал высочайше учрежденного особого совещания для согласования действующих узаконений с именным высочайшим указом 17 апреля 1905 г. по делам веры". № 6, 1906.
- 43а. "Записки генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Чернова". Со статьей С. Н. Севастьянова из "Оренбургской газеты" от 20 февраля 1903 г. Год издания на имеющемся у меня экземпляре не указан.
44. А. Н. Зорин - "Революционное движение в Киргизии (Северная часть)". Киргосиздат. Фрунзе, 1931.
45. В. Зыхим - "Восстание в Ташкенте в 1892 году". - САОГИЗ, М. -Ташкент, 1932.
46. Г. Ибрагимов-"Татары в революции 1905 года.". Перевод с татарского Г. Мухамедовой, под редакц. Г. Ф. Линсцера. Казань, 1926.
47. Г. Ибрагимов - "Дочь степи". Роман. Перевод с татарского и комментарии Гайши Шариповой. ГИХЛ, М., 1934.
48. Н. И. Ильминский. - "Письма". Казань, 1895.
49. К. Казанский - "Мистицизм в исламе". Самарканд, 1906.
50. Б. Кандидов - "Церковный фронт в годы мировой войны.". Изд. "Атеист", М., 1927.
51. Б. Кандидов - "Религия в царской армии". 2-е изд. Под редакцией т. Родионом. Изд. "Безбожник", М., 1929.
52. Д. Кантемир - "Книга система или состояние мухаммеданския религии. Напечатана повелением его величества Петра Великого... В типографии царствующего Санкт-Питербурха. Лета 1722, декабря в 22 день".
53. Г. Касымов -"Пантюркистская контрреволюция и ее агентура султан-галиевщина". Татиздат, Казань, 1931.
54. Г. Касымов - "Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции". Татиздат, Казань, 1932.
55. Н. Ф. Катанов - "Новые данные о мусульманской секте ваисовцев". Казань, 1909. (Отдельный оттиск из журн. "Православный собеседник" за 1909 г.).
56. Р. Катанян - "Против Касымова - против касымовщины. (Речь государственного обвинителя по делу судебных работников Узбекистана)". УзГИЗ. Ташкент, 1931.
57. Р. Катанян - "Бадретдиновщина (Речь государственного обвинителя по делу прокурорско-следственных работников Узбекистана)". ГИЗ УзССР. Ташкент - Самарканд, 1932.
58. М. Кемаль-"Путь новой Турции". Том III, Соцэкгиз, 1934.
59. Ф. М. Керенский - "Медресе Туркестанского края". СПб, 1892. (Отд. оттиск из "Журнала мин. нар. просвещения" за ноябрь 1892 г.).
60. Л. Климович - "Содержание Корана". Под редакцией и с предисловием проф. В. Т. Дитякина. Изд. 2-е., М., 1930.
61. Л. Климович - "Социалистическое строительство на Востоке и религия". Изд. "Московский рабочий". М., 1929.
62. Л. Климович- "Мусульманам дают халифа. К панмусульманскому конгрессу в г. Иерусалиме в декабре 1931 г.". ОГИЗ - ГАИЗ, 1932.
63. Л. Климович - "Курбан-байрам. Праздник жертвоприношения и паломничество мусульман в Мекку". ОГИЗ - ГАИЗ, 1933.
- 63а. "Коран". Арабский текст и перевод на русский яз. Г. С. Саблукова. 3-е изд. Казань, 1907.
64. Я. Коблов - "Граф Л. Н. Толстой и мусульманство. По поводу переписки Л. Н. Толстого с казанскими татарами". Казань, 1904.
65. М. К. Корбут - "Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/5 - 1929/30)". Том I. Изд. Казанского университета. Казань, 1930.
66. А. Крымский- "История мусульманства". Ч. III, М., 1912. (ТВ ЛИВяз., вып. XII, ч. 3-я).

67. А. Е. Крымский - "История Турции и ее литературы". Т. I. М., 1916. (ТВ ЛИВяз., вып. 28-й, А).
68. М.-х. А. А. Курамшев - "Европа сугыш халляри". Изд. 2-е, бр. Каримовых. Казань, 1916.
69. Лаптев - "Казанская губерния". СПб, 1861.
70. В. И. Лебедев - "Булавинское восстание. 1707-1708". ОГИЗ- Соцэкгиз, М.-Л., 1934.
71. В. И. Ленин - Сочинения, изд. 3-е. ИМЭЛ. Томы III, VIII, XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX.
72. В. И. Ленин-Собрание сочинений, там XIX. ГИЗ, М., 1924. Приложения.
73. Д. Ллойд-Джордж - "Военные мемуары". Томы I-II. Перевод с английского И. Завича. С предисловием Ф. А. Ротштейна. Соцэкгиз, М., 1934.
74. Н. Лыкошин - "Адаб-уль-салихын". Кодекс приличий на Востоке. Перевод с тюркского. Трактат Мухамед Садыка Кашгарского. Ташкент, 1895.
75. К. Маркс - "Избранные сочинения в двух томах". Под редакцией В. В. Адоратского. Том I. Партиздат, 1933.
76. К. Маркс и Ф. Энгельс - Сочинения. ИМЭЛ. Томы III, XII (часть I), XXIII.
77. К. Маркс и Ф. Энгельс - "О религии и борьбе с нею". Под редакцией и с предисловием А. Т. Лукачевского. Том II. ТАИЗГ 1933.
78. Д. И. Манжара - "Революционное движение в Средней Азии. 1905-1920 гг. (Воспоминания)". Средазпартиздат, Ташкент, 1934.
79. МВЗОТ. Под ред. Б. Б. Карп. Ср.-Аз. Госплан. ТаджГИЗ. Ташкент - Сталинабад, 1930.
80. Е. Медведев и др. - "Казанская большевистская организация в 1917 г.". Под редакц. тт. М. Вольфовича, С. Гафурова, В. Жи-линского и Г. Ризванова. Татгосиздат. Казань, 1933.
81. "Международные отношения в эпоху империализма". Серия III, т. VI. ч. I. ОЛИЗ-Соцэкгиз, 1935.
82. В. Наливкин и М. Наливкина - "Очерк быта туземной женщины Ферганы". Казань, 1886.
83. "На память 25-летия взятия Самарканда". Сборник. Самарканд. 1893 (приложение к газете "Окраина").
84. "Обзор Самаркандской области. За 1898 год. (Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора)". Самарканд, 1900.
85. "С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882-1932". Сборник статей. Изд. АН. Л., 1934.
86. (Н. П. Остроумов) - "Христианское миссионерство". Казань, 1894. "Миссионерский противомусульманский сборник. Труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии". Вып. XX. (Гл. II печаталась в журн. "Странник" за 1888 г. и вышла затем отд. изд.: Н. П. Остроумов - "Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством", СПб, 1888).
87. Н. Остроумов - "К. П. фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. К истории народного образования в Туркестанском крае. Личные воспоминания (1877-1881 гг.)". Ташкент, 1899.
88. А. Пирейко - "На фронте империалистической войны. (Воспоминания большевика)". Изд. "Старый большевик". М., 1935.
89. М. Н. Покровский - "Русская история с древнейших времен". Том I. ОГИЗ-Соцэкгиз, 1933.
90. М. Н. Покровский - "Империалистская война". Сборник статей. Соцэкгиз, 1934.
91. "Помощь пострадавшим от неурожая". Литерат.-художеств. сборник. Изд. 2-е, М., 1900.
92. ПСЗРИ, тт. XII (1788), XIII (1793).
93. М. Разумов - "Ленинская национальная политика в реконструктивный период". Татпартиздат, Казань, 1933.
94. Л. Резцов - "Октябрь в Туркестане". Изд. Средазкнига. Ташкент, 1927.
95. Э. Ренан - "Ислам и наука". Речь, произнесенная в собрании "Научной французской ассоциации" (основанной в 1861 г. Леверье), бывшем 29 марта в большом Сорбонском амфитеатре. СПб, 1883.
- 95а. "Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов". Собрал и перевел М. Гаврилов. Ташкент, 1912.
96. Л. Рубинштейн - "В борьбе за ленинскую национальную политику". Татиздат, Казань, 1930.
97. Н. Рудольф (попечитель Кавказского учебного округа) - "Кавказский учебный округ. Материалы к мусульманскому съезду, созываемому по вопросу об удовлетворении образовательных нужд мусульманского населения края. 1908-1916 гг."
98. М. Рыбушкин - "История Казани от основания сего города до 1774 года". Часть I, стр. 31. Года издания и автора в имеющемся в моей библиотеке неполном экземпляре этой "Истории Казани" не обозначено; автора устанавливаю по 2-му (Казань, 1848 г.) изд. "Истории Казани" М. Рыбушкина, имеющемуся в доступных мне библиотеках г. Москвы. Из предисловия к нему видно, что первое издание было выпущено в Казани в 1834 г.
99. А. Самойлович - "Песни крымских татар про вторую отечественную войну (Памяти Исмаил-

- мирзы Гаспринского)". Изд. ИРГО (цикл "Живой старины"). Отд. оттиск, 1916.
100. "Сборник материалов по мусульманству". Составлен по распоряжению и указаниям туркестанского генерал-губернатора, генерала от инфантерии С. М. Духовского, под редакцией поручика В. И. Ярового-Равского. СПб, 1899.
101. "Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова". Л., изд. АН, 1934.
102. "Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841- 1901 г. Издано с разрешения министра внутренних дел Оренбургским магометанским духовным собранием. 1901 года". Уфа, 1902. На русском и татарском языках.
103. "Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу "Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836 - 1905". Издано Оренбургским магометанским духовным собранием. Уфа. Губернская типография. 1905. На русском и татарском языках.
104. "Святое сведение и заявление" "члена Ваисовокого божьего полка". Изд. "...О-ва мусульман ваисовского божьего полка". Казань, 1908.
105. "Святой присяжный лист". Изд. "...О-ва мусульман ваисовского божьего полка". Казань, 1908.
106. СЗРИ. Издание 1857 года. Том 12-й. Часть I. СПб, 1857.
107. А. А. Семенов - "Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства" ("Труды" САГУ. Серия II. Orientalia вып. 1. Ташкент, 1929.
108. И. В. Сталин - "Вопросы ленинизма", изд. 10-е. Партиздат. М. -Л., 1935.
109. И. Сталин - "Марксизм и национально-колониальный вопрос". Сборник избранных статей и речей. Подготовка к печати И. Тов-стуха. ИМЭЛ, Партиздат, М., 1934.
110. Ген.-лейт. М. А. Терентьев - "История завоевания Средней Азии". С картами и планами. СПб. Томы 1-3.
111. Ш. Типеев - "Очерки по истории Башкирии". Башгиз, Уфа, 1930.
112. А. Толстой - "Черное золото. Зарисовки девятнадцатого года". ГИХЛ, М.-Л., 1932.
113. "Труды статистической экспедиции, снаряженной Казанским губернским земством в 1883 г.", Казань, 1884.
114. А. Тумайский - "Китабе акдес - "Священная книга" современных бабидов". Текст, перевод, введение и приложения. СПб, 1899. (Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению, т. III, № 6 и последний).
115. Ф. Туктаров - "Мусульманские депутаты в государственных думах".
116. "Устав мусульманского общества в Оренбурге". Оренбург, 1906. На русском и татарском языках.
117. Е. Федоров - "Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии". Ташкент, УзГИЗ, 1925.
118. Проф. Н. Н. Фирсов - "Прошлые Татарии". Казань, 1926.
- 118а. Фитрат - "Сайха". Константинополь, 1910.
119. Фитрет бухарец - "Спор бухарского мударриса с европейцем в Индии о новометодных школах ("Истинный результат обмена мыслей"). Первое издание. Напечатано в Стамбуле в мусульманской типографии". С персидского перевел полковник Ягелло. Не подлежит оглашению. Ташкент, 1911.
120. М. Б. Хаджетлаше-"Шрутель-ислам".
121. Ф. Ходжаев - "К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии". Изд. 2-е. ГИЗ УзОСР Ташкент, 1932.
122. R. Hartmann - "Die Welt des Islam aimst und heute" (Beihefte zum "Alten Orient", Heft 11) Leipzig, 1927.
123. L. Hubert, senateur - "L'Islam et la guero". Paris, 1918.
124. Вл. Череванский - "Мир ислама и его пробуждение" Части 1 и 2. СПб, 1901.
125. Вл. Череванский, член особого совещания по делам веры - "Записка по делам веры мусульман-суннитов". 1906.
126. "Царская армия в период мировой войны и февральской революции". (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Вступительная статья М. Вольфович. Составили: А. Максимов, Е. Медведев и Ш. Юсупов. Под редакцией А. Максимова. Партиздат, Казань, 1932.
127. А. Шателье - "Ислам в XX веке". Пер. А. А. Колмаковой. Изд. А. Л. Кирснера, Ташкент, 1900.

2. ПОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. "Annuaire tartare". Vol. I. Vilno 1932.
- 1а. "Большевик", журнал, 1934, № 13-14; 1935, № 3.

2. "Борьба классов", журнал. М., 1934, №11.
3. "Бюллетень 1-го САГУ". Ташкент, 1924, № 6.
4. "Бюллетень САГУ", вып., 16. Ташкент, 1927.
5. "Воинствующий атеизм", журнал. М., 1931, № 8-9.
6. "Дин ва ма'йшат", журнал. Оренбург, 1906.
7. "Журнал министерства внутренних дел", СПб, 1829 (ч. I, кн. I).
8. "Записки ИВАН" Л., II, 2, 1933.
9. ЗВОИРАО, СПб, т. IX (1895), т. VI.
10. ПАН, VII сер., Л., 1928, № 4-7 и 1929. № 1.
11. "Известия Кавказского отделения ИРГО". Тифлис, том 1 (1872- 73), № 1, 1872.
12. "Известия по Казанской епархии". Изд. Казанской духовной академии, 1905 г., №№ 42, 44, 48. Казань.
13. "Известия Средазкомстариса", вып. III. Ташкент, 1928.
14. "Историк-марксист", журнал. 1926. Москва, том II.
15. "История пролетариата СССР". Сб. 7, 1931, М.
16. "Инородческое обозрение" (приложение к журналу "Православный собеседник"), Казань, тт. I и II (1913-1917 гг.).
17. "Кавказский вестник", журнал. Тифлис. 1900.
18. "Кавказский календарь на 1885 год". Изд. по распоряжению главноначальствующего Гражданскою частью на Кавказе. XL год. Тифлис, 1884.
19. "Кавказский календарь на 1886 год". Изд. по распоряж. главно-начальств. Граж. частью на Кавказе при Кавказск. Статистич. Комитете. Под ред. Е. Кондратенко. XLI год. Тифлис, 1885.
20. "Кавказский сборник", Тифлис, тт. XX (1899), XXXII (1912).
21. "Коммунистическая мысль", журнал, кн. 5. Ташкент, 1927.
22. "Красный архив", 1926, т. 5 (18), 1932, т. 4 (53) 1933, т. 4 (59), 1933, т. 5 (60).
23. "Краеведческий сборник", Уфа, 1928-1930, № 3-4.
24. "Культура и письменность Востока", журнал, Баку. 1929, кн. IV.
25. "Мир ислама", журнал. Петроград, тт. I и II (1912 и 1913 гг.).
26. МИТ, Казань; вып. II (1925).
27. "Московский еженедельник", М., 1907.
28. МСТК. Ежегодник под редакцией П. А. Маева. СПб. Вып. III, 1874.
29. "Мулла Наср-эд-дин" журнал. Тифлис, 1909 и 1913 гг.
30. "Мусульманин". Париж, 1911.
31. "Мусульманский мир", журнал, 1917, вып. I, изд. Российской Академии наук, Петроград, 1917.
32. "Новый Восток", журн. М, 1925, № 1 (7). 1929, № 25. 1926, № 12, 1930, № 28.
33. "Осведомительный бюллетень" ТНИЭИ, Казань, 1930, № 2.
34. "Офицерская жизнь", журн. Варшава, 1908.
35. "Ойна", журнал. Самарканд, 1915.
36. "Революционный Восток", журнал. М., 1933, № 2-3.
37. "Революция и горец", журнал. Ростов:-на-Дону, 1932, № 4 (42).
38. "Русский вестник", М., 1863, т. 48.
39. "Русская старина", журнал. СПб, 1888.
40. "Сборник сведений о кавк. горцах". Вып. II, Тифлис, 1869.
41. "Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области". Ташкент. Тома I - III (1894), IV (1895), VII (1899) и IX (1901).
42. "Справочная книжка Самаркандской области". Самарканд, выпуски V (1897), VIII (1906), X (1912).
43. СОНАТ, журнал. Ташкент, 1934, № 5.
44. "Советская этнография", журнал. Л., 1932, № 2.
45. "Странник", журнал, Петроград.
46. "Средняя Азия", журнал. Ташкент, кн. XI (1911).
47. "Средне-Азиатский вестник", журнал. Ташкент, 1896, № 4.
48. ТОИТ, т. II. Казань, 1930.
49. "Труды ДТК", т. I, Казань, 1930.
50. "Туркменоведение", журнал. Ашхабад, 1928, № 3-4.
51. "Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Бостона". Изд. РАНИОН, М., 1930, том II.
52. "Центральный архив Татарстана", бюллетень. Казань, 1933, № 1 (22).
53. "Ялт-Юлт", журнал. Казань, 1913.

3. ГАЗЕТЫ

1. "Баку", Баку, 1911, 1913, 1909.
2. "Биржевые ведомости", С.-Петербург. 1873, 1915.
3. Бяну-л-хакк", Казань, 1812. -
4. "Вакт", Оренбург, 1912, 1913, 1914, 1916.
5. "В мире мусульманства", Петроград, 1911, 1912.
6. "Всеобщая газета", С.-Петербург. 1910.
7. "Голос", С.-Петербург, 1876.
8. "Закаспийское обозрение", Ашхабад, 1912.
9. "Идель", Астрахань 1911.
10. "Известия", Москва, 1932. 1935.
11. "Кавказское слово", Тифлис, 1917.
12. "Казак", Верный, 1916.
13. "Казан мухбире", Казань, 1906.
14. "Казанский телеграф", Казань, 1914.
15. "Каспий", Баку, 1912, 1915, 1916, 1917.
16. "Кояш", Казань, 1914.
17. "Красная звезда", Ташкент, 1933.
18. "Красная Татария". Казань, 1931, 1932.
19. "Кубанский край", Екатеринодар, 1912.
20. "Московские ведомости", Москва, 1867, 1891.
21. "Новая Русь", Петербург, 1910.
22. "Новое время", С.-Петербург.
23. "Оренбургский листок". Оренбург, 1889.
24. "Правда", М., 1919, 1934.
25. "Правда Востока", Ташкент, 1933, 1934, 1935.
26. "Речь", Петербург, 1911.
27. "Русское слово", Москва, 1908, 1909.
28. "С.-Петербургские ведомости", С.-Петербург, 1883, 1884.
29. "Сын отечества", 1905.
30. "Тарджуман", Бахчисарай, 1883, 1884, 1893, 1909, 1914.
31. "Туркестанская туземная газета", Ташкент, 1901, 1902, 1903.
32. "Туркестанские ведомости" Ташкент, 1875, 1892, 1898, 1901, 1904, 1906, 1912, 1915, 1916.
33. "Туркестанский курьер", Ташкент, 1910.
34. "Урал", Оренбург, 1907.

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЙ

1. АН - Академия наук СССР.
2. Бюллетень 1-го САГУ - Бюллетень 1-го Среднеазиатского государственного университета.
3. Бюллетень САГУ-Бюллетень Среднеазиатского государственного университета.
4. ЗВОИРАО - Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества.
5. ИАН - Известия Академии наук СССР.
6. ИВАН - Институт Востоковедения Академии наук СССР.
7. ИМЭЛ - Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).
8. ИРГО - Императорское русское географическое общество.
9. КУТВ-Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина.
10. МВЗОТ - Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане.
11. МИТ - Материалы по изучению Татарстана.
12. МСТК - Материалы для статистики Туркестанского края.
13. ПСЗРИ - Полное собрание законов Российской империи с 1649 года.
14. РАНИОН-Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
15. ОРИ - Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая первого составленный.
16. СОНАТ - Социалистическая наука и техника. Журнал.
17. Средазкомстарис - Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
18. ТВ ЛИВяз - Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков.

19. ТНИЭИ - Татарский научно-исследовательский экономический институт.
20. ТОИТ - Труды общества изучения Татарстана.
21. Труды ДТК-Труды Дома татарской культуры.
22. Труды САГУ - Труды Среднеазиатского государственного университета.